Маска и душа

Федор Иванович Шаляпин

SHOUT
SHARE
IT

- Ф.И.ШАЛЯПИНЪ
  -
  - Предисловіе
  - Часть первая
  - II. У лукоморья дубъ зеленый…
  - III. Вдохновеніе и трудъ
  - 35
  - IV. Русск іе люди
  - Часть вторая
  - II. Подъ большевиками
  -
  - III. «Любовь народная»
  - IV. Горькій
  - V. На чужбинѣ
- notes
  - 1

Ф.И.ШАЛЯПИНЪ
МАСКА И ДУША
МОИ СОРОК ЛѢТЪ НА ТЕАТРАХЪ

Моим дѣтям.

Ф.И.ШАЛЯПИНЪ
(Рисунок Бориса Шаляпина.)

Предисловіе

Выпуская въ свѣтъ мою настоящую книгу, я считаю необходимымъ объяснить, что побудило меня, пѣвца, никогда литературой не занимавшагося, посвятить мои короткіе досуги нелегкому для меня труду — писать. Принято, правда, что люди, достигшіе значительной извѣстности на какомъ нибудь жизненномъ поприщѣ, въ автобіографіи или мемуарахъ разсказываютъ своимъ современникамъ, въ какомъ году они увидѣли свѣтъ, кто родилъ ихъ, въ какой школѣ они учились или лѣнились учиться, какъ звали дѣвушку, внушившую имъ первое чувство любви, и какъ они вышли въ люди. Одну книгу добровольцамъ литературы обыкновенно прощаютъ. Но мой случай сложнѣе. Этотъ узаконенный первый грѣхъ я уже совершилъ много лѣтъ тому назадъ. И это меня немного пугаетъ. Въ дѣтствѣ я любилъ красть яблоки съ деревьев сосѣдняго сада. Первое воровство садовникъ мнѣ охотно простилъ, но когда онъ поймалъ меня за этимъ дѣломъ второй разъ, то больно отодралъ. И вотъ боюсь, какъ бы мои доброжелатели не сказали:

— Чего это Шаляпинъ опять вздумалъ книгу писать? Лучше бы ужъ онъ пѣлъ…

Можетъ быть, оно такъ и есть. Но новую мою книгу я задумалъ подъ сильнымъ вліяніемъ одного внѣшняго обстоятельства, которому противостоять было трудно. Недавно исполнилось сорокъ лѣтъ со дня моего перваго выступленія на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ профессіональнаго пѣвца. Въ это знаменательное для меня юбилейное утро я сдѣлался немного сентименталенъ, сталъ передъ зеркаломъ и обратился къ собственному изображенію съ приблизительно такой, слегка выспренней рѣчью:

Высокочтимый, маститый Федоръ Ивановичъ! Хотя Вы за кулисами и большой скадалистъ, хотя Вы и отравляете существованіе дирижерамъ, а все-таки, какъ ни какъ, сорокъ лѣтъ Вы вѣрой и правдой прошли… Сорокъ лѣтъ пѣсни! Сорокъ лѣтъ безпрерывнаго труда, который богамъ, Васъ возлюбившимъ, бывало угодно нерѣдко осѣнять вдохновеніемъ. Сорокъ лѣтъ постоянного горѣнія, ибо внѣ горѣнія Вы не мыслили и не мыслите искусства. Сорокъ лѣтъ сомнѣній, и тревогъ, и восторговъ, и недовольства собою, и тріумфовъ — цѣлая жизнь… Какихъ только путей Вы, Федоръ Ивановичъ, не исходили за эти годы! И родныя Вамъ проселочныя дороги, обсаженныя милыми березами, истоптанныя лаптями любезныхъ Вашему сердцу

мужиковъ, такъ чудесно поющихъ Ваши любимыя народныя пѣсни; и пыльныя улицы провинціальныхъ городовъ родины, гдѣ мѣщане заводятъ свои трогательныя шарманки и пиликаютъ на нѣмецкихъ гармоникахъ; и блѣстящіе проспекты императорскихъ столицъ, на которыхъ гремѣла музыка боевая; и столбовыя дороги міра, по которымъ, подъ мелодію стальныхъ колесъ, мчатся синіе и голубые экспрессы. Какихъ только пѣсенъ Вы не наслушались. Какія только пѣсни не пѣли Вы сами!..

Какъ въ такихъ случаяхъ полагается, ораторъ поднесъ мнѣ пріятный юбилейный подарокъ — золотое автоматическое перо, и такъ я всѣмъ этимъ былъ растроганъ, что далъ себѣ слово вспомнить и передумать опытъ этихъ сорока лѣтъ и разсказать о немъ, кому охота слушать, а прежде всего самому себѣ и моимъ дѣтямъ…

Долженъ сказать, что не легко дался мнѣ тотъ путь, о которомъ я упоминалъ въ моей юбилейной рѣчи, и не всегда съ неба, какъ чудотворная манна, падало мое искусство. Долгими и упорными усиліями достигалъ я совершенства въ моей работѣ, бережными заботами укрѣплялъ я дарованныя мнѣ силы. И я искренне думаю, что мой артистическій опытъ, разсказанный правдиво, можетъ оказаться полезнымъ для тѣхъ изъ моихъ молодыхъ товарищей по сценѣ, которые готовы серьезно надъ собою работать и не любятъ обольщаться дешевыми успѣхами. Особенно теперь, когда театральное искусство, какъ мнѣ кажется, находится въ печальномъ упадкѣ, когда надъ театромъ столько мудрятъ и фокусничаютъ. Я смѣю надѣяться, что мои театральныя впечатлѣнія, думы и наблюденія представятъ нѣкоторый интересъ и для болѣе широкаго круга читателей.

Не менѣе театра сильно волновала меня въ послѣдніе годы другая тема — Россія, моя родина. Не скрою, что чувство тоски по Россіи, которымъ болѣютъ (или здоровы) многіе русскіе люди заграницей, мнѣ вообще не свойственно. Оттого ли, что я привыкъ скитаться по всему земному шару, или по какой нибудь другой причинѣ, а по родинѣ я обыкновенно не тоскую. Но странствуя по свѣту и всматриваясь мелькомъ въ нравы различныхъ народовъ, въ жизнь различныхъ странъ, я всегда вспоминаю мой собственный народъ, мою собственную страну. Вспоминаю прошлое, хорошее и дурное, личное и вообще человѣческое. А какъ только вспомню — взгрустну. И тогда я чувствую, глубокую потребность привести въ порядокъ мои мысли о моемъ народѣ и о родной сторонѣ. Мысли разнообразныя и безпорядочныя, въ разные цвѣта окрашенныя. Отъ иныхъ плохо спится, отъ иныхъ гордостью зажигаются глаза, и радостно бьется сердце. А есть и такія, отъ которыхъ хочется

пѣть и плакать въ одно и то же время. Бѣшеная, несуразная, но чудная родина моя! Я въ разрывѣ съ нею, я оставилъ ее для чужихъ краевъ. На чужбинѣ, оторванныя отъ Россіи, живутъ и мои дѣти. Я увезъ ихъ съ собою въ раннемъ возрастѣ, когда для нихъ выборъ былъ еще невозможенъ. Почему я такъ поступилъ? Какъ это случилось? На этотъ вопросъ я чувствую себя обязаннымъ отвѣтить. Вотъ почему я въ этой книгѣ удѣлю немало мѣста воспоминаніямъ о послѣднихъ годахъ моей жизни въ Россіи, которая въ эти годы называлась уже не просто Россія, а Соціалистической и Совѣтской…

Магическій кристаллъ, черезъ который я Россіию видѣлъ — былъ театръ. Все, что я буду вспоминать и разсказывать, будетъ такъ или иначе связано съ моей театральной жизнью. О людяхъ и явленіяхъ жизни я собираюсь судить не какъ политикъ или соціологъ, а какъ актеръ, съ актерской точки зрѣнія. Какъ актеру, мнѣ прежде всего интересны человѣческіе типы — ихъ душа, ихъ гримъ, ихъ жесты. Это заставитъ меня иногда разсказывать подробно незначительные какъ будто эпизоды. Въ деталяхъ и орнаментахъ для меня заключается иногда больше красокъ, характера и жизни, чѣмъ въ самомъ фасадѣ зданія. Этотъ милый кіевскій полицейскій приставъ, дающій мнѣ дѣловую аудіенцію въ ванной, по горло погруженный въ воду, и въ этомъ своемъ безыскусственномъ положеніи угощающій меня въ не совсѣмъ урочный часъ водкой; этотъ чудной скверный комиссаръ, который въ два часа ночи будитъ меня телефоннымъ звонкомъ, чтобы сказать мнѣ, что онъ хочетъ непременно и безотлагательно со мною чокнуться и закусить семгой — какъ не удѣлитъ имъ минуты внимания? Они не менѣе мнѣ интересны, чѣмъ великій князь на спектаклѣ Эрмитажнаго театра, чѣмъ первый министръ въ дворцовомъ кабинетѣ, чѣмъ главнокомандующій арміей въ своемъ подвижномъ салонъ-вагонѣ. Это такіе же россійскіе люди, такіе же актеры на русской сценѣ, хотя и въ различныхъ роляхъ.

Выше я упоминалъ о моей первой книгѣ. Хочу въ нѣсколькихъ словахъ пояснить, чѣмъ моя настоящая книга, отличается отъ той. Въ «Страницахъ жизни», написанныхъ много лѣтъ назадъ въ Россіи, я далъ полный очеркъ моего дѣтства, но лишь чрезвычайно бѣгло и неполно освѣтилъ мою артистическую карьеру и мое художественное развитіе. Событія, о которыхъ я разсказываю въ первой книгѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ періоду, предшествующему 1905 г. Въ настоящей книгѣ я пытаюсь дать полный очеркъ моей жизни до настоящаго дня. Я тщательно избѣгаю повтореній и упоминаю объ иныхъ внѣшнихъ событіяхъ, разсказанныхъ въ первой книгѣ, только мимоходомъ и лишь постольку, поскольку это необходимо для послѣдовательнаго

анализа моей художественной эволюціи. Первая книга является, такимъ образомъ, внѣшней и неполной біографіей моей жизни, тогда какъ эта стремится быть аналитической біографіей моей души и моего искусства.

Если автору умѣстно говоришь о качествѣ своего труда, то я позволю себѣ указать только на то, что въ моей работѣ я стремился прежде всего къ полной правдивости. Я выступаю передъ читателемъ безъ грима…

Часть первая
I. Моя родина

1

Въ былые годы, когда я былъ моложе, я имѣлъ нѣкоторое пристраспе къ рыбной ловлѣ. Я оставлялъ мой городской домъ, запасался удочками и червяками и уходилъ въ деревню на рѣку. Цѣлые дни до поздняго вечера я проводилъ на водѣ, а спать заходилъ куда попало, къ крестьянамъ. Въ одинъ изъ такихъ отлетовъ и устроился въ избѣ мельника. Однажды, придя къ мельнику ночевать, я въ углу избы замѣтилъ какого-то человѣка въ потасканной сѣрой одеждѣ и въ дырявыхъ валеныхъ сапогахъ, хотя было это лѣтомъ. Онъ лежалъ на полу съ котомкой подъ головой и съ длиннымъ посохомъ подмышкой. Такъ онъ и спалъ. Я лег противъ двери на разостланномъ для меня сѣнѣ. Не спалось. Волновала будущая заря. Хотѣлось зари. Утромъ рыба хорошо клюетъ. Но въ лѣтнюю пору зари долго ждать не приходится. Скоро начало свѣтать. И съ первымъ свѣтомъ сѣрый комокъ въ валенкахъ зашевелился, какѣто крякнулъ, потянулся, сѣлъ, зѣвнулъ, перекрестился, всталъ и пошелъ прямо въ дверь. На крыльцѣ онъ подошелъ къ рукомойнику — къ незатейливой посудинѣ съ двумя отверстіями, висѣвшей на веревочкѣ на краю крыльца. Съ моего ложа я съ любопытствомъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ онъ полилъ воды на руки, какъ онъ смочилъ ею свою сѣдую бороду, растеръ ее, вытерся рукавомъ своей хламиды, взялъ въ руки посохъ, перекрестился, поклонился на три стороны и пошелъ.

Я было собирался со старикомъ заговорить, да не успѣлъ — ушелъ. Очень пожалѣлъ я объ этомъ и захотѣлось мнѣ хотя бы взглянуть на него еще одинъ разъ. Чѣмъ то старикъ меня къ себѣ привлекъ. Я привсталъ на колѣни, облокотился на подоконникъ и открылъ окошко. Старикъ уходилъ вдаль. Долго смотрѣлъ я ему вслѣдъ. Фигура его, по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся, дѣлалась меньше, меньше, и, наконецъ, исчезла вся. Но въ глазахъ и въ мозгу моемъ она осталась навсегда, живая.

Это былъ странникъ. Въ Россіи испоконъ вѣковъ были такіе люди, которые куда-то шли. У нихъ не было ни дома, ни крова, ни семьи, ни дѣла. Но они всегда чѣмъ то озабочены. Не будучи цыганами, вели цыганскій образъ жизни. Ходили по просторной русской землѣ съ мѣста на мѣсто, изъ края въ край. Блуждали по

подворьямъ, заходили въ монастыри, заглядывали въ кабаки, тянулись на ярмарки. Отдыхали и спали гдѣ попало. Цѣль ихъ странствованій угадать было невозможно. Я убѣжденъ, что если каждаго изъ нихъ въ отдѣльности спросить, куда и зачѣмъ онъ идетъ — онъ не отвѣтитъ. Не знаетъ. Онъ надъ этимъ не думалъ. Казалось, что они чего-то ищутъ. Казалось, что въ ихъ душахъ жило смутное представленіе о невѣдомомъ какомъто краѣ, гдѣ жизнь праведнѣе и лучше. Можетъ быть, они отъ чего-нибудь бѣгутъ. Но если бѣгутъ, то, конечно, отъ тоски — этой совсѣмъ особенной, непонятной, невыразимой, иногда безпричинной русской тоски.

Въ «Борисѣ Годуновѣ» Мусоргскимъ съ потрясающей силой нарисованъ своеобразный представитель этой бродяжной Россіи — Варлаамъ. На русской сценѣ я не видѣлъ ни удовлетворительнаго Варлаама, и самъ я не въ совершенствѣ воплощал этотъ образъ, но настроене я чувствую сильно и объяснить его я могу. Мусоргскій съ несравненным искусствомъ и густотой передал бездонную тоску этого бродяги — не то монаха-разстриги, не то просто какого-то бывшаго служителя. Тоска въ Варлаамѣ такая, что хоть удавись, а если удавиться не хочется, то надо смѣяться, выдумать что нибудь разгульно-пьяное, будто-бы смѣшное. Удивительно изображен Мусоргскимъ горькій юморъ — юморъ, въ которомъ чувствуется глубокая драма. Кргда Варлаам предлагаетъ Гришки Отрепьеву съ нимъ выпить и повеселиться, и онъ на это получаетъ он на это получает от мальчишки грубое: «пей, да про себя разумѣй»! — какая глубокая горѣчь звучитъ въ его репликѣ: «Про себя! Да что мнѣ про себя разумѣть? Э-эхъ»!.. Грузно привалившись къ столу, он запѣвает веселыя слова — въ минорѣ:

Какъ ѣдетъ ёнъ, да погоняет ёнъ,
шапка на ёмъ торчитъ, какъ рожонъ…
Это не пѣсня а тайное рыданіе.

Русские актеры обыкновенно изображают Варлаама какимъ-то отвратительнымъ адкоголикомъ, жрущимъ водку, Въ его страхѣ передъ полицейскимъ приставомъ актерамъ обыкновенно мерещится преступность Варлаама: темное за ним, дескать, дѣло — онъ боится, какъ бы его не арестовали. Едва ли это такъ. Боится ареста? Да онъ уже арестованъ, всей своей жизнью арестованъ. Можетъ быть, он въ самомъ дѣлѣ уголовный. Зарѣзалъ. Плутъ-то он во всяком случаѣ. Но не въ этомъ суть Варлаама. «Что мнѣ про себя разумѣть? — значитъ, что я и кто я такой? Отлично про себя разумѣю, что я мразь. Душа Варлаама

изранена сознаніемъ своего ничтожества. Куда бы ни ступилъ онъ, непремѣнно провалится — въ сугробъ или въ лужу.

Литва-ли, Русь-ли,
Что гудокъ, что гусли…

Куда бы онъ ни пошелъ, онъ идетъ съ готовымъ сознаніемъ, что никому онъ не нуженъ. Кому нужна мразь?.. Вотъ и ходитъ Варлаамъ изъ монастыря въ монастырь, занимается ловлей рыбы, можетъ быть, въ соловецкой обители, шатается изъ города въ городъ, въ прискокъ за чудотворной иконой по церковнымъ городскимъ приходамъ. Въ горсточкѣ дѣржитъ свечку восковую, чтобы ее не задуло, и оретъ сиплымъ басомъ, подражая протодіаконамъ: «сокрушите змія лютаго со дванадесятью крылами хоботы». Отъ него пахнетъ потомъ, и постнымъ масломъ, и ладаномъ. У него спутана и всклокочена сѣдая борода, на концѣ расходящаяся двумя штопорами. Одутловатый, малокровный, однако, съ сизо-краснымъ носомъ, онъ непремѣнный посѣтитель толкучаго рынка. Это онъ ходитъ тамъ темно-сѣрый, весь поношенный и помятый, въ своей стеганой на ватѣ шапкѣ, схожей съ камилавкой. Это онъ зимою «жретъ» въ обжорномъ ряду толчка, если есть на что жрать, требуху изъ корчаги, на которой обыкновенно сидитъ толстая, одѣтая въ нѣсколько кофт, юбокъ и штановъ торговка: бережетъ тепло требухи. Это онъ разсказываетъ своимъ трактирнымъ надоѣдателямъ, какъ и за что выгнали его изъ послѣдняго монастыря:

— Заіокалъ, заіокалъ, заіокалъ и заплясалъ въ корридоре Обители Божьей. Прыгалъ пьяный, въ голомъ видѣ, на одной ногѣ… А Архіерей по этому корридору къ заутрени!

Выгнали…

Когда Варлаам крестится, онъ креститъ въ сердцѣ своемъ пятно тоски. Но ничѣмъ не стирается оно: ни пляской, ни іоканьем, ни пѣсней… И всего только у него утѣшенія, что читать или пѣть «Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ успокою вы». Онъ знаетъ, что онъ не труждающійся, но онъ искренно думаетъ, что обремененный… Да еще подкрепляет онъ опіумомъ собственнаго изобрѣтенія: есть, дескать, какой-то пупъ земли, гдѣ живутъ праведники и откуда его, горемычнаго, не прогонятъ…

Не знаю, конечно, нужны ли такіе люди, надо ли устроить такъ, чтобы они стали иными, или не надо. Не знаю. Одно только я скажу: эти люди — одна изъ замѣчательнѣйшихъ, хотя, можетъ быть, и печальныхъ, красокъ русской жизни. Если бы не было такихъ монаховъ, было бы труднѣе жить Мусоргскому, а вмѣстѣ

съ нимъ — и намъ всѣмъ…

Бездонна русская тоска. Но вдумываясь въ образы, которые мнѣ приходилось создавать на русской сценѣ, я вижу безмерность русскаго чувства вообще, — какое бы оно ни было. Вотъ въ «Хованщинѣ» я вижу религіозный фанатизмъ. Какой же этотъ фанатизмъ сильный и глубокій! Холодному уму непостижимо то каменное спокойствіе, съ какимъ люди идуть на смерть во имя своей вѣры. Стоять у стѣнки такимъ образомъ, что и не думаютъ, повернуть ли имъ назадъ. Они головой прошибуть стѣну и не замѣтять, что имъ больно… Въ «Псковитянкѣ» Римскаго-Корсакова я изображаю Ивана Грознаго. Какое безпредѣльное чувство владычества надъ другими людьми и какая невообразимая увѣренность въ своей правотѣ. Нисколько не стесняется Царь Иванъ Васильевичъ, если рѣка потечетъ не водой, а кровью человѣческой…

«И яко да злодѣянія бѣсовсеия да испразднишн. И ученикомъ своимъ власть давай, еже наступити на змія и скорпія, и на всю силу вражію».

И наступалъ…

Великая сила въ Борисѣ Годуновѣ, этой наиболѣе симпатичной мнѣ личности во всемъ моемъ репертуарѣ. Но этотъ бѣдняга, хоть и властный Царь, какъ огромный слонъ, окруженный дикими шакалами и гіенами, низкая сила которыхъ его въ концѣ концовъ одолѣетъ. Инстинктивно чувствуя слоновую силу Бориса и боясь этой силы, бояре ходятъ вокруг да около съ поджатыми хвостами, щелкая зубами. Но они смирны только до поры до времени. Въ удобную минуту трусливая, но хитрая, анархическая и хищная свора растерзаетъ слона. И опять-таки съ необузданной широтой развернется русскій нравъ въ крамольномъ своеволіи боярства, какъ и въ деспотіи Грознаго.

Размахнется онъ за всѣ предѣлы и въ разгульномъ бражничествѣ Галицкаго въ великолѣпномъ произведеніи Бородина «Князь Игорь». Распутство Галицкаго будетъ такимъ же безпросвѣтно крайнимъ, какъ и его цинизмъ. Не знаетъ какъ будто никакой середины русскій темпераментъ.

2

Игра въ разбойники привлекательна, вѣроятно, для всѣх дѣтей повсюду, во всемъ мірѣ. Въ ней много романтическаго — врагъ, опасность, приключенія. Но особенно любима эта игра россійскими дѣтьми. Едва ли гдѣ-нибудь въ другой странѣ разбойники занимаютъ такое большое мѣсто въ воображеніи и

играхъ дѣтей, какъ у насъ. Можетъ быть, это потому такъ, что въ Россіи всегда было много разбойниковъ, и что въ народной фантазіи они срослись съ величественной декораціей дремучихъ лѣсовъ Россіи и великихъ россійских рѣкъ. Съ образомъ разбойника у русскаго мальчишки связанно представленіе о малиновомъ кушакѣ на красной рубахѣ, о вольной пѣснѣ, о вольной, широкой размашистой жизни. Быть можетъ, это еще такъ и потому, что въ старыя времена, когда народъ чувствовалъ себя угнетеннымъ барами и чиновниками, онъ часто видѣлъ въ разбойникѣ-бунтарѣ своего защитника противъ господскаго засилья. Кто же изъ разбойниковъ особенно полюбился Россіи? Царь-разбойникъ, Стенька Разинъ. Великодушный и жестокій, бурный и властный, Стенька возсталъ противъ властей и звалъ подъ свой бунтарскій стягъ недовольныхъ и обиженныхъ. И вотъ замѣчательно, что больше всего въ Разинѣ легенда облюбовала его дикій романтическій порывъ, когда онъ, «веселый и хмѣльной», поднялъ надъ бортомъ челна любимую персидскую княжну и бросилъ ее въ Волгу-рѣку — «подарокъ отъ донскаго казака», какъ поется о немъ въ пѣснѣ. Вырвалъ, несомненно, изъ груди кусокъ горячаго сердца и бросилъ за бортъ, въ волны… Вотъ, какой онъ, этотъ популярный русскій разбойникъ! Я, конечно, далекъ отъ мысли видѣть въ Степанѣ Тимофеевичѣ Разинѣ символическій образъ Россіи. Но правда и то, что думать о характерѣ русскаго человѣка, о судьбахъ Россіи и не вспомнить о Разинѣ — просто невозможно. Пусть онъ и не воплощаетъ Россіи, но не случайный онъ въ ней человѣкъ, очень сродни онъ русской Волгѣ… Находитъ иногда на русскаго человѣка разинская стихія, и чудныя онъ тогда творитъ дѣла! Такъ это для меня достоверно, что часто мнѣ кажется, что мы всѣ — и красные, и белые, и зеленые, и синіе — въ одно изъ такихъ стенькиныхъ навожденій взяли да и сыграли въ разбойники, и еще какъ сыграли — до самозабвенія! Подняли надъ бортомъ великаго русскаго корабля прекрасную княжну, размахнулись по Разински и бросили въ волны… Но не персидскую княжну, на этотъ разъ, а нашу родную мать — Россію… «Подарокъ отъ донского казака».

Развелись теперь люди, которые готовы любоваться этимъ необыкновенно-романтическимъ жестомъ, находя его трагически-прекраснымъ. Трагическую красоту я вообще чувствую и люблю, но что-то не очень радуется душа моя русскому спектаклю. Не одну романтику вижу я въ нашей игрѣ въ разбойники. Вижу я въ ней многое другое, отъ романтизма очень далекое. Рядомъ съ поэзіей и красотой въ русской душе живутъ тяжкіе, удручающіе грѣхи. Грѣхи-то, положимъ, общечеловѣческіе — нетерпимость, зависть, злоба, жестокость — но такова уже наша странная

русская натура, что въ ней все, дурное и хорошее, принимаетъ безмѣрныя формы, сгущается до густоты необычной. Не только наши страсти и наши порывы напоминаютъ русскую мятель, когда человѣка закружитъ до темноты; не только тоска наша особенная — вязкая и непролазная; но и апатія русская — какая то, я бы сказалъ, пронзительная. Сквозная пустота въ нашей апатіи, ни на какой европейскій сплинъ не похожая. Къ ночи отъ такой пустоты, пожалуй, страшно дѣлается.

Не знаетъ, какъ будто, середины русскій темпераментъ. До крайности интенсивны его душевныя состоянія, его чувствованія. Оттого русская жизнь кажется такой противорѣчивой, полной рѣзкихъ контрастовъ. Противорѣчія есть во всякой человѣческой душѣ. Это ея естественная свѣтотѣнь. Во всякой душѣ живутъ несходныя чувства, но въ серединныхъ своихъ состояніяхъ они мирно уживаются рядомъ въ отличномъ сосѣдствѣ. Малые, мягкіе холмы не нарушаютъ гармоніи пейзажа. Они придаютъ ему только больше жизни. Не то цѣль высокихъ и острыхъ горъ — онѣ образуютъ промежуточныя бездны. Бездны эти, положимъ, только кажущіяся — это, вѣдь, просто уровень почвы, подошвы горъ, но впечатлѣніе все таки такое, что тутъ земля подверглась конвульсіямъ.

Быть можетъ, это отъ нѣкоторой примитивности русскаго народа, оттого, что онъ еще «молодъ», но въ русскомъ характерѣ и въ русскомъ быту противорѣчія, дѣйствительно, выступаютъ съ большей, чѣмъ у другихъ, рѣзкостью и остротой. Широка русская натура, спору нѣтъ, а сколько же въ русскомъ быту мелочной, придирчивой, сварливой узости. Предѣльной нѣжностью, предѣльной жалостью одарено русское сердце, а сколько въ то же время въ русской жизни грубой жестокости, мучительнаго озорства, иногда просто безцѣльнаго, какъ бы совершенно безкорыстнаго. Утонченъ удивительно русскій духъ, а сколько порою въ русскихъ взаимоотношеніхъ топорной нечуткости, и оскорбительной подозрительности, и хамства… Да, дѣйствительно, ни въ чемъ, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ, не знаетъ середины русскій человѣкъ.

Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ…

И когда, волнуясь, стоишь на сцѣне передъ публикой, освещенный рампой, и изображаешь это самъ, или видишь что вокругъ себя, то болѣзненно чувствуешь каждое малѣйшее такое прикосновеніе къ своей кожѣ, какъ лошадь чувствуетъ муху,

сѣвшую на животъ.

3

И все таки звенитъ звѣзднымъ звономъ въ вѣкахъ удивительный, глубокій русскій геній. Я терпѣть не могу національнаго бахвальства. Всякій разъ, когда я восхищаюсь чѣмъ нибудь русскимъ, мнѣ кажется, что я похожъ на того самаго генерала отъ инфантеріи, который по всякому поводу и безъ всякаго повода говоритъ:

— Если я дамъ туркѣ съѣсть горшокъ гречневой каши съ масломъ, то черезъ три часа этотъ турка, на тротуарѣ, на глазахъ у публики, погибнетъ въ страшныхъ судорогахъ.

— А Вы, Ваше Превосходительсгво, хорошо переносите гречневую кашу?

— Я?!. Съ семилѣтняго возраста, милостивый государь, перевариваю гвозди!..

Не люблю бахвальства. Но есть моменты, когда ничего другого сказать нельзя, и вообразить ничѣмъ инымъ нельзя, какъ именно звѣзднымъ звономъ, дрожащимъ въ небесахъ, этотъ глубокій широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ легчайшій русскій геній…

Только подумайте, какъ выражены свѣтъ и тѣнь у россійскаго генія, Александра Сергеевича Пушкина. Въ «Каменномъ Гостѣ» мадридская красавица говоритъ:

«Приди! Открой балконъ. Какъ небо тихо,
Недвижимъ теплый воздухъ, ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ, яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!..
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ,
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ»…

Далекоѣ на сѣверѣ — въ Парижѣ. А написано это въ Россіи, въ Михайловскомъ, Новогородской губерніи, въ морозный, можетъ быть, день, среди сугробовъ снѣга. Оттуда Пушкинъ, вообразивъ себя въ Мадридѣ, почувствовалъ Парижъ далекимъ, севернымъ!..

Не знаю, игралъ ли Александръ Сергѣевичъ на какомъ нибудь инструментѣ. Думаю, что нѣтъ. Ни въ его лирикѣ, ни въ его перепискѣ нѣтъ на это, кажется, никакихъ указаній. Значитъ, музыкантомъ онъ не былъ, а какъ глубоко онъ почувствовалъ

самую душу музыки. Все, что онъ въ «Моцартъ и Сальери» говоритъ о музыкѣ, въ высочайшей степени совершенно. Какъ глубоко онъ почувствовалъ Моцарта — не только въ его конструкціи музыкальной, не только въ его контрапунктахъ или отдѣльныхъ мелодіяхъ и гармоническихъ модуляціяхъ. Нѣтъ, онъ почувствовалъ Моцарта во всей его глубокой сущности, въ его субстанціи. Вспомните слова Моцарта къ Сальери:

> «Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
> Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
> И міръ существовать, никто бъ не сталъ
> Заботиться о нуждахъ низкой жизни».

Такъ именно, а не иначе могъ говорить Моцартъ. Пушкинъ не сказалъ: «силу мелодіи», это было бы для Моцарта мелко. Онъ сказалъ: «силу гармоніи». Потому, что какъ ни поютъ звѣзды въ небесахъ, какія бы отъ нихъ ни текли мелодіи, суть этихъ мелодій, пѣсенъ и самыхъ звѣздъ — гармонія.

Всѣ противорѣчия русской жизни, русскаго быта и русскаго характера, образцы которыхъ читатель не разъ встрѣтитъ въ моихъ разсказахъ, находятъ, въ концѣ концовъ, высшее примиреніе въ русскомъ художественномъ творчествѣ, въ гармоническихъ и глубокихъ созданіяхъ русскаго генія.

II. У лукоморья дубъ зеленый…

4

Я иногда спрашиваю себя, почему театръ не только приковалъ къ себѣ мое вниманіе, но заполнилъ цѣликомъ все мое существо? Объясненіе этому простое. Дѣйствительность, меня окружавшая, заключала въ себѣ очень мало положительнаго. Въ реальности моей жизни я видѣлъ грубые поступки, слышалъ грубыя слова. Все это натурально смѣшано съ жизнью всякаго человѣка, но среда казанской Суконной Слободы, въ которой судьбѣ было угодно помѣстить меня, была особенно грубой. Я, можетъ быть, и не понималъ этого умомъ, не отдавалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, но несомнѣнно какъ-то это чувствовалъ всѣмъ сердцемъ. Глубоко въ моей душѣ что-то необъяснимое говорило мнѣ, что та жизнь, которую я вижу кругомъ, чего-то лишена. Мое первое посѣщеніе театра ударило по всему моему существу именно потому, что очевиднымъ образомъ подтвердило мое смутное предчувствіе, что жизнь можетъ быть иною — болѣе прекрасной, болѣе благородной.

Я не зналъ, кто были эти люди, которые разыгрывали на сценѣ «Медею» или «Русскую Свадьбу», но это были для меня существа высшаго порядка. Они были такъ прекрасно одѣты! (Одѣты они были, вѣроятно, очень плохо). Въ какихъ-то замѣчательныхъ кафтанахъ старинныхъ русскихъ бояръ, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, въ атласныхъ изумруднаго цвѣта сарафанахъ. Но въ особенности прельстили меня слова, которыя они произносили. И не самыя слова — въ отдѣльности я всѣ ихъ зналъ, это были тѣ обыкновенныя слова, которыя я слышалъ въ жизни; прельщали меня волнующія, необыкновенныя фразы, которыя эти люди изъ словъ слагали. Во фразахъ отражалась какая-то человѣческая мысль, удиви-тельныя въ нихъ звучали ноты новыхъ человѣческихъ чувствъ. То, главнымъ образомъ, было чудесно, что знакомыя слова издавали незнакомый ароматъ.

Я съ нѣкоторой настойчивостью отмѣчаю эту черту моего ранняго очарования театромъ потому, что мои позднѣйшія услады искусствомъ и жизнью ничѣмъ въ сущности не отличались отъ этого перваго моего и неопытнаго восторга. Мѣнялись годы, города, страны, климаты, условія и формы — сущность оставалась та же. Всегда это было умиленіемъ передъ той волшебной новизной, которую искусство придаетъ самымъ простымъ словамъ, самымъ будничнымъ вещамъ, самымъ

привычнымъ чувствамъ.

Помню, какъ я былъ глубоко взволнованъ, когда однажды, уже будучи артистомъ Маріинскаго театра, услышалъ это самое сужденіе, въ простой, но яркой формѣ выраженное одной необразованной женщиной. Мнѣ приходитъ на память одинъ изъ прекрасныхъ грѣховъ моей молодости. Красивая, великолепная Елизавета! Жизнь ея была скучна и сѣра, какъ только можетъ быть сѣра и скучна жизнь въ доме какого нибудь младшаго помощника старшаго начальника запасной станціи желѣзной дороги въ русской провинціи. Она была прекрасна, какъ Венера, и какъ Венера же безграмотна. Но главнымъ достоинствомъ Елизаветы было то, что это была добрая, простая и хорошая русская женщина. Полевой цвѣтокъ.

Когда я, въ часы нашихъ свиданій, при керосиновой лампѣ, вмѣсто абажура закрытой оберткомъ газеты, читалъ ей:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана, —

то она слушала меня съ расширенными зрачками и, горя восторгомъ, говорила:

— Какіе вы удивительные люди, вы — ученые, актеры, циркачи! Вы говорите слова, которыя я каждый день могу услышать, но никто ихъ мнѣ такъ никогда не составлялъ. Тучка — утесъ — грудь — великанъ, а что, кажется, проще, чѣм «ночевала», а вотъ — какъ это вмѣстѣ красиво! Просто плакать хочется. Какъ вы хорошо выдумываете!..

Это были мои собственныя мысли въ устахъ Елизаветы, Такъ именно я чувствовалъ и думалъ маленъкимъ мальчикомъ. Живу я въ моей Суконной Слободѣ, слышу слова, сказанныя такъ или иначе, но никакъ на нихъ не откликается душа. А въ театрѣ, кѣм-то собранныя, они пріобрѣтаютъ величественность, красоту и смыслъ…

А тутъ еще свѣтъ, декораціи, таинственный занавѣсъ и священная ограда, отдѣляющая насъ, суконныхъ слобожанъ, отъ «нихъ», героевъ, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ… Это превосходило все, что можно было мнѣ вообразить. Это не только удивляло. Откровенно скажу — это подавляло.

Я не зналъ, не могъ опредѣлить, дѣйствительность ли это или обманъ. Я, вѣроятно, и не задавался этимъ вопросомъ, но если бы это былъ самый злокачественный обманъ, душа моя все равно повѣрила бы обману свято. Не могла бы не повѣрить, потому что на занавѣсѣ было нарисовано:

У лукоморья дубъ зеленый.
Златая цѣпь на дубѣ томъ…

Вотъ съ этого момента, хотя я былъ еще очень молодъ, я въ глубинѣ души, безъ словъ и рѣшеній, рѣшилъ разъ навсегда — принять именно это причастіе…

И часто мнѣ съ тѣхъ поръ казалось, что не только слова обыденныя могутъ быть преображены въ поэзію, но и поступки наши, необходимые, повседневные, реальные поступки нашей Суконной Слободы, могутъ быть претворены въ прекрасныя дѣйствія. Но для этого въ жизни, какъ въ искусствѣ, нужны творческая фантазія и художественная воля. Надо умѣть видѣть сны.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растетъ…

5

«Медея» и «Русская Свадьба», впрочемъ, не самое первое мое театральное впечатлѣніе. Можетъ быть, и не самое рѣшающее въ моей судьбѣ. Первые театральные ожоги я получилъ въ крѣпкіе рождественскіе морозы, когда мнѣ было лѣтъ восемь. Въ рождественскомъ балаганѣ я въ первый разъ увидѣлъ тогда ярмарочнаго актера Якова Ивановича Мамонова — извѣстнаго въ то время на Волгѣ подъ именемъ Яшки, какъ ярмарочный куплетистъ и клоунъ.

Яшка имѣлъ замѣчательную внѣшность, идеально гармонировавшую съ его амплуа. Онъ былъ хотя и не старъ, но по стариковски мѣшковатъ и толстъ, — это ему и придавало внушительность. Густые черные усы, жесткіе какъ стальная дратва, и до смѣшного сердитые глаза дополняли образъ, созданный для того, чтобы внушать малышамъ суевѣрную жуть. Но страхъ передъ Яшкой былъ особенный — сладкій. Яшка пугалъ, но и привлекалъ къ себѣ неотразимо. все въ немъ было чудно: громоподобный грубый, хриплый голосъ, лихой жестъ и веселая развязность его насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ разинувшей рты публикой.

— Эй, вы сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустыя головы, пожалте сюды! — кричалъ онъ толпѣ съ досчатаго

балкона его тоже досчатаго и крытаго холстомъ балагана.

Публикѣ очень приходились по вкусу эти его клоунады, дурачества и тяжелыя шутки. Каждый выпадъ Яшки вызывалъ громкій, раскатистый смѣхъ. Казались Яшкины экспромты и смѣлыми.

Подталкивая впередъ къ публике, на показъ, своихъ актеровъ — жену, сына и товарищей — Яшка подымалъ въ воздухъ смѣшное чучело и оралъ:

— Эй, сторонись назёмъ – Губернатора везёмъ…

Цѣлыми часами безъ устали, на морозе, Яшка смѣшилъ нетребовательную толпу и оживлялъ площадь взрывами хохота. Я, какъ завороженный, слѣдилъ за Яшкинымъ лицедѣйствомъ. Часами простаивалъ я передъ балаганомъ, до костей дрожалъ отъ холода, но не могъ оторваться отъ упоительнаго зрелища. На морозѣ отъ Яшки порою валилъ паръ, и тогда онъ казался мнѣ существомъ совсѣмъ уже чудеснымъ, кудесникомъ и колдуномъ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ и жаждой ждалъ я каждое утро открытая балагана! Съ какимъ обожаніемъ смотрѣлъ я на моего кумира. Но какъ же я и удивлялся, когда, послѣ всѣхъ его затѣйливыхъ выходокъ, я видалъ его въ трактирѣ «Палермо» серьеэнымъ, очень серьезнымъ и даже грустнымъ за парою пива и за солеными сухарями изъ чернаго хлѣба. Странно было видѣть печальнымъ этого неистощимаго весельчака и балагура. Не зналъ я еще тогда, что скрывается иногда за сценическимъ весельемъ…

Яшка первый въ моей жизни поразилъ меня удивительнымъ присутствіемъ духа. Онъ не стѣснялся кривляться передъ толпой, ломать дурака, наряжаясь въ колпакъ.

Я думалъ:

— Какъ это можно безъ всякаго затрудненія, не запинаясь, говорить такъ складно, какъ будто стихами?

Я былъ увѣренъ къ тому же, что Яшку всѣ очень боятся — даже полицейскіе! Вѣдь, вотъ, самого губернатора продергиваетъ.

И я вмѣстѣ съ нимъ мерзъ на площади, и мнѣ становилось грустно, когда день клонился къ концу и представленіе кончалось.

Уходя домой, я думалъ:

— Вотъ это человѣкъ!.. Вотъ бы мнѣ этакъ-то.

Но сейчасъ же у меня замирало сердце:

— Куда это мнѣ? Запнусь на первомъ словѣ. И выкинутъ меня къ чертямъ.

И все же я мечталъ быть такимъ, какъ Яшка. И все же я съ моими сверстниками, мальчишками нашей улицы, на дворѣ или палисадникѣ самъ старался устроить балаганъ или нѣчто въ этомъ родѣ. Мнѣ казалось, что выходило болѣе или менѣе

хорошо. Но какъ только къ нашему палисаднику подходилъ серьезный человѣкъ съ улицы или какая нибудь баба посторонняя и начинали интересоваться представленіемъ, то при видѣ этихъ внѣабонементныхъ зрителей я быстро начиналъ теряться, и вдохновеніе покидало меня моментально. Я сразу проваливался, къ удивленно моихъ товарищей.

Подъ вліяніемъ Яшки въ меня настойчиво вселилась мысль: хорошо вдругъ на нѣкоторое время не быть самимъ собою!.. И вотъ, въ школѣ, когда учитель спрашиваетъ, а я не знаю — я дѣлаю идіотскую рожу… Дома является у меня желаніе стащить у матери юбку, напялить ее на себя, устроить изъ этого какъ будто костюмъ клоуна, сдѣлать бумажный колпакъ и немного разрисовать рожу свою жженной пробкой и сажей. Либретто всегда бывало мною заимствовано изъ разныхъ видѣнныхъ мною представленій — отъ Яшки, и казалось мнѣ, что это уже все, что можетъ быть достигнуто человѣческимъ геніемъ. Ничего другого уже существовать не можетъ. Я игралъ Яшку и чувствовалъ на минуту, что я — не я. И это было сладко.

Яшкино искусство мнѣ казалось предѣломъ. Теперь, черезъ полвѣка, я уже думаю нѣсколько иначе. Самое понятіе о предѣлѣ въ искусствѣ мнѣ кажется абсурднымъ. Въ минуты величайшаго торжества въ такой даже роли, какъ «Борисъ Годуновъ», я чувствую себя только на порогѣ какихъ то таинственныхъ и недостижимыхъ покоевъ. Какой длинный, какой долгій путь! Этапы этого пройденнаго пути я хочу теперь намѣтить. Можетъ быть, мой разсказъ о нихъ окажется для кого нибудь поучительнымъ и полезнымъ.

6

Я считаю знаменательнымъ и для русской жизни въ высокой степени типичнымъ, что къ пѣнію меня поощряли простые мастеровые русскіе люди, и что первое мое пріобщеніе къ пѣснѣ произошло въ русской церкви, въ церковномъ хорѣ. Между этими двумя фактами есть глубокая внутренняя связь. Вѣдь, вотъ, руссіе люди поютъ пѣсню съ самаго рожденія. Отъ колыбели, отъ пеленокъ. Поютъ всегда. По крайней мѣрѣ, такъ это было въ дни моего отрочества. Народъ, который страдалъ въ темныхъ глубинахъ жизни, пѣлъ страдальческія и до отчаянія веселыя пѣсни. Что случилось съ нимъ, что онъ пѣсни эти забылъ и запѣлъ частушку, эту удручающую, эту невыносимую и бездарную пошлость? Стало ли ему лучше жить на бѣломъ свѣтѣ или же, наоборотъ, онъ потерялъ всякую надежду на лучшее и застрялъ въ

промежуткѣ между надеждой и отчаяніемъ на этомъ проклятомъ чортовомъ мосту? Ужъ не фабрика ли тутъ виновата, не резиновыя ли блестящія калоши, не шерстяной ли шарфъ, ни съ того ни съ сего окутывающій шею въ яркій лѣтній день, когда такъ хорошо поютъ птицы? Не корсетъ ли, надѣваемый поверхъ платья сельскими модницами? Или это проклятая нѣмецкая гармоника, которую съ такою любовью держитъ подмышкой человѣкъ какого нибудь цеха въ день отдыха? Этого объяснить не берусь. Знаю только, что эта частушка — не пѣсня, а сорока, и даже не натуральная, а похабно озорникомъ раскрашенная. А какъ хорошо пѣли! Пѣли въ полѣ, пѣли на сѣновалахъ, на рѣчкахъ, у ручьевъ, въ лѣсахъ и за лучиной. Одержимъ былъ пѣсней русскій народъ, и великая въ немъ бродила пѣсенная хмѣль…

Сидятъ сапожнички какіе нибудь и дуютъ водку. Сквернословятъ, лаются. И вдругъ вотъ заходятъ, заходятъ сапожнички мои, забудутъ брань и драку, забудутъ тяжесть лютой жизни, къ которой они пришиты, какъ дратвой… Перекидывая съ плеча на плечо фуляровый платокъ, за отсутствіемъ въ зимнюю пору цвѣтовъ замѣняющій вьюнъ-вѣнокъ, заходятъ и поютъ:

Со вьюномъ я хожу,
Съ золотымъ я хожу,
Положу я вьюнъ на правое плечо,
А со праваго на лѣвое плечо.
Черезъ вьюнъ взгляну зазнобушкѣ въ лицо.
Приходи-ка ты, зазноба, на крыльцо,
На крылечушко тесовенькое,
Для тебя строено новенькое…

И поется это съ такимъ сердцемъ и душей, что и не замѣчается, что зазнобушка-то нечаянно — горбатенькая… Горбатаго могила исправитъ; а я скажу — и пѣсня…

А кто не помнитъ, какъ въ простой народной школѣ мы всѣ, мальчишки, незатейливо затягивали хоромъ какимъ нибудь учителемъ на пѣсню переведенныя, чудесныя слова Пушкина:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она…

Безмолвными кажутся наши дорогія печальныя поляны,

особенно въ зимнюю пору, но неслышно поютъ эти поляны и подпеваетъ имъ печальная луна. Чѣмъ же согрѣться человѣку въ волнистыхъ туманахъ печальныхъ полянъ въ зимнюю пору? Вотъ тутъ, кажется мнѣ, и родилась народная пѣсня, которая согрѣвала и сердце, и душу. А развѣ тусклая даль этихъ равнинъ не будила воображенія, безъ котораго никакая пѣсня и не родится, не плела легендъ и не обвивала ими русскую пѣсню?

На ельничке да на березничкѣ
Да на частомъ горькомъ осинничкѣ
Ходить воронъ-конь,
Три дня не поенный,
А какъ на травушкѣ да на муравушкѣ
Лежитъ молодецъ сквозь прострѣленный…

Но не все грустно на безконечныхъ россійскихъ полянахъ. Много тамъ и птицъ прилетаетъ, и ярче, кажется мнѣ, свѣтитъ солнышко весною, когда растаяли снѣга, и сильнѣе чувствуется радость весны, чѣмъ въ самыхъ теплыхъ странахъ. А если это такъ, то какъ же не зарядиться на тройкѣ и не запѣть:

Эхъ, вдоль по Питерской!..

И какъ же не улыбнуться до ушей надъ кумомъ, который кумѣ своей отъ сердца притащитъ судака:

Чтобы юшка была,
А чтобъ съ юшечкой
И петрушечка,
А съ петрушечкой
Цѣловала чтобъ покрѣпче,
Мила душечка.

Отъ природы, отъ быта русская пѣсня, и отъ любви. Вѣдь, любовь — пѣсня. У Пушкина:

…Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь — мелодія.

Русская любовь поетъ и на зарѣ, и въ темныя пасмурныя ночи. И въ эти пасмурныя ночи, вечера и дни, когда стоить

туманъ, и окна, крыши, тумбочки и деревья покрыты инеемъ, вдругъ огромнымъ, нескладнымъ голосомъ рявкнетъ въ отвѣтъ пѣснѣ большой колоколъ. Дрогнетъ сумракъ, и прольется къ сердцу дѣйствительно какой-то благовѣстъ.

Конечно, многіе люди, вѣроятно, несметно умные, говорятъ, что религія — опіумъ для народа, и что церковь развращаетъ человѣка. Судить объ этомъ я не хочу и не берусь потому, что на это я смотрю, не какъ политикъ или философъ, а какъ актеръ. Кажется мнѣ, однако, что если и есть въ церкви опіумъ, то это именно — пѣсня. Священная пѣсня, а можетъ быть и не священная, потому что она, церковная пѣсня, живетъ неразрывно и нераздѣльно съ той простой равнинной пѣсней, которая, подобно колоколу, также сотрясаетъ сумракъ жизни, но лично я, хотя и не человѣкъ религіозный въ томъ смыслѣ, какъ принято это понимать, всегда, приходя въ церковь и слыша «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ», чувствую, какъ я вознесенъ. Я хочу сказать, что короткое время я не чувствую земли, стою какъ бы въ воздухѣ…

А единственная въ мірѣ русская панихида съ ея возвышенной, одухотворенной скорбью?

«Благословенъ еси Господи»…

А это удивительное «Со духи праведныхъ скончавшихся…»

А «Вѣчная память»!

Я не знаю и не интересовался никогда, чѣмъ занимаются архіереи въ синодахъ, о какихъ уставахъ они спорятъ. Не знаю, гдѣ и кто рѣшаетъ, у кого Христосъ красивѣе и лучше — у православныхъ, у католиковъ или у протестантовъ. Не знаю я также, насколько эти споры необходимы. Все это, можетъ быть, и нужно. Знаю только, что «Надгробное рыданіе» выплакало и выстрадало человѣчество двадцати столѣтій. Такъ это наше «Надгробное рыданіе», а то «Надгробное рыданіе», что подготовило наше — не десятки ли тысячъ лѣтъ выстрадало и выплакало его человѣчество?.. Какіе причудливые сталактиты могли бы быть представлены, какъ говорятъ нынче — въ планетарномъ масштабѣ, если бы были собраны всѣ слезы горестей и слезы радости, пролитыя въ церкви! Не хватаетъ человѣческихъ словъ, чтобы выразить, какъ таинственно соединены въ русскомъ церковномъ пѣніи эти два полюса радости и печали, и гдѣ между ними черта, и какъ одно переходитъ въ другое, неуловимо. Много горькаго и свѣтлаго въ жизни человѣка, но искреннее воскресеніе — пѣсня, истинное вознесеніе — пѣснопѣніе. Вотъ почему я такъ гордъ за мой пѣвческій, можетъ быть, и несуразный, но пѣвческій русскій народъ…

Такъ вотъ, къ пѣснѣ поощрялъ меня и молодой кузнецъ, жившій рядомъ съ нами на татарскомъ дворѣ, говорившій мнѣ:

— Пой, Федя, пой! Будешь веселѣе отъ пѣсни, Пѣсня, какъ птица — выпусти ее, она и улетитъ.

Поощрялъ къ пѣснѣ и каретный мастеръ-сосѣдъ, въ бричкахъ и коляскахъ котораго, такъ сладко пахнущихъ кожей и скипидаромъ, я не разъ проводилъ лѣтнія ночи, засыпая съ пѣсней.

Поощрялъ меня къ пѣснѣ и другой сосѣдъ — скорнякъ, вознаграждая меня пятакомъ за усердную мою возню съ его ласковыми и мягкими шкурками:

— Пой, Федя, пой!

Да меня, правду сказать, и просить то особенно не надо было. Пѣлось какъ-то само собою. Пѣвалъ я часто съ матушкой моей, она была очень милой домашней пѣсельницей. Голосъ былъ простой, деревенскій, но пріятный. И мы часто голосили съ ней разныя русскія пѣсни, подлаживая голоса. Пелось мнѣ, говорю, само собою, и все, что пѣло, меня привлекало и радовало.

Катался я какъ-то зимой на деревянномъ конькѣ на площади въ Казани. Стояла тамъ великолѣпная старинная церковь св. Варлаама. Смерзъ. Хотѣлось согрѣться, и съ этимъ мірскимъ намѣреніемъ я вошелъ въ церковь. Шла вечерня или всенощная. И тутъ услышалъ я, какъ поетъ хоръ. Въ первый разъ въ жизни я услышалъ стройный напѣвъ, составленный изъ разныхъ голосовъ. И пѣли они не просто въ унисонъ, или въ терцію, какъ я пѣлъ съ моей матерью, а звуки были скомбинированы въ отличномъ гармоническомъ порядкѣ. (Я бы, конечно, не могъ тогда такъ это понять и объяснить словами, но такое у меня получилось безсловесное впечатлѣніе). Это было для меня изумительно и чудесно. Когда я подошелъ поближе къ клиросу, то я, къ моему удивленію, увидѣлъ впереди стоящихъ мальчиковъ, такого же приблизительно возраста, какъ я самъ. Мальчики эти держали передъ собою какую-то загадочно разграфленную бумагу и, заглядывая въ нее, выводили голосами пріятнѣйшіе звуки. Я разинулъ отъ удивленія ротъ. Послушалъ, послушалъ и задумчивый пошелъ домой.

Поютъ ровесники, такіе же малыши, какъ я. Почему бы и мнѣ не пѣть въ хору? Можетъ быть, и я бы могъ голосомъ выводить стройные звуки. Надоѣлъ я дома этими моими звуками до смерти всѣмъ, а главнымъ образомъ, матери. У меня былъ дискантъ!

Скоро случай, дѣйствительно, помогъ мнѣ вступить въ духовный хоръ. Какое было острое наслажденіе узнать, что есть

на свѣте ноты, и что эти ноты пишутся особыми, до тѣхъ поръ мнѣ неведомыми знаками. И я ихъ одолѣлъ! И я могъ, заглядывая въ чудно разграфленную бумагу, выводить пріятные звуки! Не разъ, милый Яшка, въ эти минуты измѣнялъ я душею и тебѣ, и твоему волшебному балагану, такъ соблазнительно разрисованному далекими пристанями и замысловатыми звѣрями… Можетъ быть, я бы долго еще наслаждался радостями хорового пѣнія, но на бѣду мою я въ хорѣ узналъ, что не всегда мальчики поютъ вмѣсте, что бываетъ иногда въ серединѣ пѣсни одинъ какой-нибудь голосъ поетъ соло. И я сталъ стремиться къ тому, чтобы получить это соло — какъ-нибудь, въ какой-нибудь пьесѣ, будь то херувимская или какое-нибудь пѣснопѣніе Бортнянскаго — лишь бы спѣть одному, когда всѣ молчатъ. Но овладеть этимъ пріятнымъ мастерствомъ мнѣ никакъ не удавалось. Соло-то я получилъ, но каждый разъ, когда наступалъ моментъ пѣть, сердце какъ-то обрывалось и опускалось ниже своего мѣста отъ неодолимаго страха. Страхъ отнималъ у меня голосъ и заставлялъ меня иногда дѣлать ошибки, хотя у меня былъ слухъ, и музыку я постигалъ быстро. Въ такія минуты я съ ужасомъ замѣчалъ оскаленные на меня зубы регента, и въ слѣдующій разъ у меня соло отнимали…

— Осрамился опять! — думалъ я. И отъ этого посрамленія я все больше и больше пріобрѣталь страхъ, долго меня не покидавшій. Уже будучи 14-ти или 15-ти лѣтнимъ юношей, когда я всѣми правдами и неправдами пролѣзалъ за кулисы городского театра, я какъ то получилъ чрезвычайно отвѣтственную роль въ одно слово: на вопросъ, что у тебя въ рукахъ? — я долженъ былъ отвѣтить: «веревочка». Веревочку я говорилъ, но такимъ тишайшимъ отъ страха голосомъ, что не только публика, но и актеръ, интересовавшійся тѣмъ, что у меня въ рукахъ, услышать меня никакъ не могъ. Дирекція моя рѣшила, что способностямъ моимъ есть досадный лимитъ. Въ этомъ она убѣдилась окончательно весьма скоро. Мнѣ поручили другую роль — роль жандарма въ какой-то французской детективной веселой комедіи съ жуликомъ. Отъ моего страха я такъ растерялся, что, будучи вытолкнутъ на сцену, я не произнесъ ни одного слова. На меня нашелъ столбнякъ. Помню только, что если на сцену меня вытолкнули сравнительно деликатно, то со сцены меня вытолкнули уже безъ всякой деликатности. Все это, однако, не охлаждало моего театральнаго пыла. Моихъ завѣтныхъ мечтаній не убивало. Не отрезвляло моего безумія. Въ глубинѣ души я все-таки на что-то еще надѣялся, хотя самъ видѣлъ, что человѣкъ я къ этому дѣлу неспособный.

Скоро я сдѣлалъ новое театральное открытіе. Узналъ новый

жанръ искусства, который долго держалъ меня въ плѣну. Это была оперетка.

8

Въ закрытомъ театрѣ гремела музыка, пѣли хоры и въ перемежку актеры то пѣли какія-то мелодіи и вальсы, го говорили между собою прозу. Тутъ уже я окончательно дался диву. Вотъ это, думалъ я, вѣщь! И поютъ, черти проклятые, и говорятъ, и не боятся, и не запинаются, и не врутъ, хотя поютъ въ одиночку, и вдвоемъ, и даже сразу нѣсколько человѣкъ, и каждый разный слова. Какіе ловкачи! Куда лучше, чѣмъ Яшка. Были новы для меня и особеннымъ блескомъ поражали костюмы. Не просто кафтаны и щегольскіе сапоги, а богатство сказочное: зеленые и малиновые камзолы, серебряный чешуи, золотыя блестки, шпаги, ослѣпительныя перья. Вообще, это было въ высшей степени благородно. Надо ли говорить о томъ, какъ радовался я этому новому постиженію сценической красоты. Однако, въ ближайшее время меня ждалъ еще болѣе оглушительный сюрпризъ. Въ томъ же самомъ казанскомъ театрѣ, гдѣ у меня такъ удачно не выходило слово «веревочка», водворилась опера, привезенная знаменитымъ Петромъ Михаиловичемъ Медвѣдевымъ, великолѣпнымъ россійскимъ драматическимъ актеромъ, режиссеромъ и антрепренеромъ. Была объявлена опера Мейербера «Пророкъ», при чѣмъ на афишѣ было напечатано, что на сценѣ будетъ настоящій катокъ. Разумѣется, это была сенсаціонная приманка для казанской публики, и въ томъ числѣ для меня. Дѣйствительность вполне оправдала обещанія афиши. Представьте себѣ необыкновенность контраста между африканской температурой зрительнаго зала и рождественскимъ каткомъ на сценѣ. Я на моей галерке обливаюсь отъ жары потомъ, а на подмосткахъ какіе-то персонажи скользятъ по ледяному кругу (вероятно, просто катались на роликахъ). Но долженъ признаться, что первый оперный спектакль, мною услышанный, потрясъ меня не музыкальнымъ великолепіемъ, не величіемъ темы, не даже сенсаціоннымъ каткомъ, — вообще, не качествами, обращенными къ моему художественному безкорыстію, а однимъ побочнымъ обстоятельствомъ весьма низменнаго эгоистическаго свойства. На представленіи «Пророка» я сделалъ открытіе, ошеломившее меня своей неожиданностью. На сценѣ я увидалъ моихъ товарищей по церковному хору! Ихъ было одиннадцать мальчиковъ съ избранными голосами. Такъ же, какъ старшіе пѣвцы, они вдругъ становились въ рядъ на авансценѣ и вмѣстѣ съ

оркестромъ, сопровождаемые палочкой дирижера, которую онъ держалъ въ рукѣ, облаченной въ бѣлую перчатку — пѣли:

— Вотъ идетъ пророкъ вѣнчанный…

Насилу дождался я конца спектакля, чтобы выяснить эту поразительную исторію.

— Когда это вы успѣли? — спросилъ я товарищей. — Какъ ловко вы научились пѣть въ театрѣ. Отчего же вы это мнѣ не сказали и не взяли съ собою?

— Ты опять будешь врать, — ответѣтилъ мнѣ невозмутимо старшей изъ пріятелей. — Ну, а если хочешь, мы возьмемъ и тебя. Учи.

Онъ далъ мнѣ ноты. Пѣнія было всего нѣсколько тактовъ. Я, какъ могъ, постарался выучить. Пріятель провелъ меня вскорѣ за кулисы, готовый посвятить меня въ хористы, но, къ глубокому моему огорченію, для меня не оказалось лишняго костюма. Такъ я и остался за кулисами, а все-таки подтягивалъ хору изъ-за кулисъ, чтобы по крайней мѣрѣ запомнить какъ можно лучше эту несложную мелодію. Не хорошо радоваться чужой бѣдѣ, но не скрою, что когда въ одно изъ представленій мнѣ сказали, что одинъ изъ хористовъ заболѣлъ, и что я могу облачиться въ его костюмъ и выйти вмѣстѣ съ хоромъ на сцену, я соболѣзновалъ болящему весьма умѣренно.

Я подумалъ: услышалъ Господь мою молитву!

Подумалъ я это потому, что, работая въ церковномъ хорѣ, я не разъ, глядя на ликъ Христа или какого нибудь святого, шепталъ:

— Господи, помоги мнѣ когда нибудь пѣть въ театрѣ…

Я былъ счастливь всякій разъ, когда мнѣ удавалось увидѣть какой нибудь новый жанръ сценическаго представленія. Послѣ оперы я однажды узналъ, что такое симфоническій концертъ. Я немало удивился зрѣлищу, не похожему ни на драму, ни оперетку, ни на оперу. Человѣкъ сорокъ музыкантовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя сорочки съ черными галстухами, сидели на сценѣ и играли. Вѣроятно, Бетховена, Генделя, Гайдна. Но, слушая ихъ съ волненіемъ любопытства, я все же думалъ: можетъ быть, это и хорошо, а оперетка лучше… Лучше не только симфоническаго оркестра, но даже оперы. Въ опереткѣ все было весело. Актеры показывали смѣшныя положенія. Музыка была пріятная и понятная. Было забавно и то, что актеры поютъ, поютъ и вдругъ заговорятъ. А въ оперѣ было досадно, что поютъ такіе хорошіе пѣвцы, а оркестръ мѣшаетъ мнѣ ихъ слушать…

Первая опера, одержавшая побѣду надъ моимъ вкусомъ, была «Фаустъ» Гуно. Въ ней была благороднѣйшая любовь Фауста, была наивная и чистая любовь Зибеля. Эта любовь, конечно,

разнилась отъ той любви, которую я видѣлъ въ Суконной Слободѣ, но не смотря на все благородство этихъ чувствъ, не они меня поразили и подкупили. Въ «Фаустѣ» происходило что-то сверхъестественное — и вотъ это меня захватило. Вдругъ, можете себѣ представить, изъ-подъ полу начали вырываться клубы огня.

— Батюшки, пожаръ! — подумалъ я и ужъ приготовился бѣжать, какъ въ эту минуту въ испугавшемъ меня клубкѣ огня отчетливо выросла красная фигура. Обозначился кто-то страшный, похожій на человѣка, съ двумя перьями на шляпѣ, съ остроконечной бородкой, съ поднятыми кверху усами и со страшными бровями, которыя концами своими подымались кверху выше ушей!

Я оцѣпенѣлъ и отъ страха не могъ сдвинуться съ мѣста. Но я совершенно былъ уничтоженъ, когда изъ-подъ этихъ бровей мелькнулъ красный огонь. Всякій разъ, когда этотъ человѣкъ мигалъ, изъ глазъ его сыпались огненныя искры.

— Господи Іисусе Христе, — чортъ! — подумалъ я и въ душѣ перекрестился. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ потрясающій эффектъ достигается тѣмъ, что на верхнія вѣки наклеивается кусокъ фольги. Но въ то время тайна фольги была мнѣ недоступна, и во мнѣ зародилась особая театральная мистика.

— Вотъ этого, — думалъ я съ огорченіемъ, — мнѣ уже не достигнуть никогда. Надо родиться такимъ спеціальнымъ существомъ.

Явленіе это меня чрезвычайно волновало, и въ театральномъ буфетѣ, видя этого самаго человѣка выпивающимъ рюмку водки и закусывающимъ брусникой, я заглядывалъ ему въ глаза и все старался обнаружить въ нихъ залежи огненныхъ искръ. Но какъ ни протиралъ я себѣ глазъ, эти искры заметить я не могъ.

— И то сказать, — разсуждалъ я, — онъ же въ буфетѣ въ темномъ пиджакѣ, даже галстукъ у него не красный. Вѣроятно, онъ какъ-то особенно заряжаеть себя искрами, когда выходитъ на сцену…

Мнѣ уже было тогда лѣтъ 15, отъ природы я былъ не очень глупъ, и я, вѣроятно, могъ бы уже и тогда понять, въ чѣмъ дѣло. Но я былъ застѣнчивъ: приблизиться къ этимъ богамъ, творящимъ на сценѣ чудеса, мнѣ было жутковато, и никакъ не могъ я рискнуть зайти въ уборную какого нибудь перваго актера взглянуть, какъ онъ гримируется. Это было страшно. А просто спросить парикмахера, который объяснилъ бы мнѣ, какъ это дѣлается, я не догадался. Да и не хотѣлось мнѣ, откровенно говоря, слишкомъ вдумываться: я былъ очарованъ — чего же больше? Удивительный трюкъ поглотилъ весь мой энтузіазмъ. Я уже не вникалъ въ то, хорошая ли это музыка, хорошій ли это

актеръ, и даже сюжетъ «Фауста» менѣе меня интересовалъ, а вотъ искры въ глазахъ казались самымъ великимъ, что можетъ быть въ искусствѣ.

Въ это приблизительно время я впервые поставилъ себѣ вопросъ о томъ, что такое театръ, и долженъ признаться, что мысль о томъ, что театръ нѣчто серьезное, нѣчто высокое въ духовномъ смыслѣ, мнѣ не приходила въ голову. Я обобщилъ всѣ мои театральныя впечатлѣнія въ одинъ неоспоримый для меня выводъ. Театръ — развлеченіе — болѣе сложная забава, чѣмъ Яшкинъ балаганъ, но все же только забава. И опера? И опера. И симфоническій концертъ? И симфоническій концертъ. Какая же между ними разница? А та, что оперетка развлеченіе болѣе легкое и болѣе приятное.

Съ этимъ чувствомъ я лѣтъ 17-ти отъ роду впервые поступилъ профессіональнымъ хористомъ, по контракту и съ жалованьемъ, въ уфимскую оперетку. Жилъ я у прачки, въ маленькой и грязной подвальной комнаткѣ, окно которой выходило прямо на тротуаръ. На моемъ горизонтѣ мелькали ноги прохожихъ и разгуливали озабоченныя куры. Кровать мнѣ замѣняли деревянныя козлы, на которыхъ былъ постланъ старый жидкій матрацъ, набитый не то соломой, не то сѣномъ. Бѣлья постельнаго что-то не припомню, но одѣяло, изъ пестрыхъ лоскутковъ сшитое, точно было. Въ углу комнаты на стѣнкѣ висѣло кривое зеркальце, и все оно было засижено мухами. На мои 20 рублей жалованья въ мѣсяцъ это была жизнь достаточно роскошная. И хотя я думалъ, что театръ только развлеченіе, было у меня гордое и радостное чувство какого-то благороднаго служенія — служенія искусству. Я очень всерьезъ принималъ мою сценическую работу, поочередно одѣваясь и гримируясь то подъ испанца, то подъ пейзана…

Эти двѣ разновидности человѣческой породы исчерпывали въ то время всю гамму моего репертуара. Но, по-видимому, и въ скромномъ амплуа хориста я успѣлъ выказать мою природную музыкальность и недурныя голосовыя средства. Когда однажды одинъ изъ баритоновъ группы внезапно, наканунѣ спектакля, почему то отказался отъ роли стольника въ опере Монюшко «Галька», а замѣнить его въ труппѣ было некемъ, то антрепренеръ Семеновъ-Самарскій обратился ко мнѣ — не соглашусь ли я спѣть эту партію. Несмотря на мою крайнюю застѣнчивость, я согласился. Это было слишкомъ соблазнительно: первая въ жизни серьезная роль. Я быстро разучилъ партію и выступилъ.

Несмотря на печальный инцидентъ въ этомъ спектаклѣ (я сѣлъ на сценѣ мимо стула), Семеновъ-Самарскій все же былъ растроганъ и моимъ пѣніемъ, и добросовѣстнымъ желаніемъ изобразить нѣчто, похожее на польскаго магната. Онъ прибавилъ

мнѣ къ жалованью пять рублей и сталъ также поручать мнѣ другія роли. Я до сихъ поръ суевѣрно думаю: хорошій признакъ новичку въ первомъ спектаклѣ на сценѣ при публикѣ сѣсть мимо стула. Всю послѣдующую карьеру я, однако, зорко слѣдилъ за кресломъ и опасался не только сѣсть мимо, но и садиться въ кресло другого…

Въ этотъ первый мой сезонъ я спѣлъ еще Фернандо въ «Трубадурѣ» и Неизвѣстнаго въ «Аскольдовой Могилѣ».

Успѣхъ окончательно укрѣпилъ мое рѣшеніе посвятить себя театру. Я сталъ подумывать, какъ мнѣ перебраться въ Москву. Но когда сезонъ, въ «художественномъ» отношеніи протекавшій столь благопріятно, закончился, то деньжонокъ въ карманѣ на путеніествіе у меня оказалось маловато. Въ Москву я не попалъ. Да и мѣстная интеллигенція, апплодировавшая мнѣ въ течение сезона, заинтересовалась моими способностями, вѣроятно, потому, что я былъ крайне молодъ, и уговаривала меня остаться въ Уфѣ. Обѣщали послать меня въ Москву учиться въ консерваторіи, а пока что дали мѣсто въ земской управѣ. Но каково съ возвышенными чувствами сидѣть за бухгалтерскимъ столомъ, переписывать безконечныя цифры недоимокъ мѣстнаго населенія! И однажды ночью, какъ Аркашка Островскій въ «Лѣсѣ», я тайно убѣжалъ изъ Уфы.

Для меня начались трудныя мытарства, метаніе отъ одной распадавшейся труппы къ другой, отъ малороссійскихъ комедій и водевилей къ французской опереткѣ. Съ концертнымъ репертуаромъ, состоявшимъ изъ трехъ номеровъ: «О, поле, поле!», «Чуютъ правду» и романса Козлова «Когда-бъ я зналъ» — концертировать и думать нельзя было. Наконецъ, я попалъ въ крайнюю бѣдность и въ то бродяжничество по Кавказу, о которомъ я разсказывалъ подробно въ первой моей книгѣ. Случай привелъ меня въ Тифлисъ — городъ, оказавшійся для меня чудодѣственнымъ.

9

Лѣтом 1892 года я служилъ писцомъ въ бухгалтерскомъ отдѣленіи Закавказской желѣзной дороги. Эту работу, спасшую меня отъ бездомности и голода, я получилъ съ большимъ трудомъ и ею такъ дорожилъ, что мои мечты о театрѣ временно какъ будто обезкровились. Только люди, подобно мнѣ испытавшіе крайнюю степень нищеты, поймутъ, какъ это могло случиться. Театръ былъ моей глубочайшей страстью съ самаго дѣтства, единственной красивой мечтой дней моего отрочества; въ Уфѣ я

уже вдохнулъ пыль кулисъ, уже узналъ завлекающій гулъ зала передъ поднятіемъ занавеса и, главное, свѣтъ рампы, хотя въ то время она состояла всего изъ 12 керосиновыхъ лампъ (лампы — молнія). Въ томъ, что у меня хороишій голосъ и музыкальныя способности, я сомнѣваться не могъ — однако, когда изголодавшійся во мнѣ молодой звѣрь дорвался до пищи, до простыхъ щей и хлѣба, до конуры, въ которой можно было укрыться отъ холода и дождя, — то мнѣ уже было боязно двинуться, и я, всѣми зубами крѣпко уцѣпившись за временное мизерное мое «благополучіе», сидѣлъ смирно. Не знаю, долго ли выдержалъ бы я это «буржуазное» подвижничество: можетъ быть, оно все равно мнѣ надоѣло бы, моя бурлацкая натура вновь запросилась бы на волю, какъ это уже случилось со мною въ Уфѣ, и опять побѣжалъ бы я, куда глаза глядятъ — гнаться за театральными призраками… Но на этотъ разъ толчокъ, выведшій меня изъ апатіи и снова бросившій меня на артистическій путь, пришелъ не изнутри, а извнѣ. Сослуживцы по закавказской бухгалтеріи, услышавъ мой голосъ, настойчиво стали меня уговаривать пойти дать себя послушать нѣкоему Усатову, профессору пѣнія въ Тифлисе. Отнекивался долго, колебался и — пошелъ.

Дмитрій Андреевичъ Усатовъ былъ теноромъ Московскаго Большого театра и въ то время съ болышіимъ успѣхомъ, будучи отличнымъ пѣвцомъ и музыкантомъ, преподавалъ въ Тифлисе пѣніе. Онъ меня выслушалъ и съ порывомъ настоящаго артиста, любящаго свое дѣло, сразу меня горячо поощрилъ. Онъ не только даромъ сталъ учить, но еще и поддерживалъ меня матеріально. Этотъ превосходный человѣкъ и учитель сыгралъ въ моей артистической судьбѣ огромную роль. Съ этой встрѣчи съ Усатовымъ начинается моя сознательная художественная жизнь. Въ то время, правда, я еще не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что было положительнаго въ преподаваніи Усатова, но его вліянія все же дѣйствовали на меня уже тогда. Онъ пробудилъ во мнѣ первыя серьезныя мысли о театрѣ, научилъ чувствовать характеръ различныхъ музыкальныхъ произведеній, утончилъ мой вкусъ и — что я въ теченіе всей моей карьеры считалъ и до сихъ поръ считаю самымъ драгоцѣннымъ — наглядно обучилъ музыкальному воспріятію и музыкальному выраженію исполняемыхъ пьесъ.

Конечно, Усатовъ училъ и тому, чему вообще учатъ профессора пѣнія. Онъ говорилъ намъ эти знаменитыя въ классахъ пѣнія мистическая слова: «опирайте на грудь», «не дѣлайте ключичнаго дыханія», «упирайте въ зубы», «голосъ давайте въ маску». То есть, училъ техническому господству надъ

голосовымъ инструментомъ. Звукъ долженъ умѣло и компактно опираться на дыханіе, какъ смычокъ долженъ умѣло и компактно прикасаться къ струне, скажемъ, віолончели, и по ней свободно двигаться. Точно такъ же, какъ смычокъ, задѣвая струну, не всегда порождаетъ только одинъ протяжный звукъ, а благодаря необыкновенной своей подвижности на всѣхъ четырехъ струнахъ инструмента вызываетъ и подвижные звуки, — точно такъ же и голосъ, соприкасаясь съ умѣлымъ дыханіемъ, долженъ умѣть рождать разнообразные звуки въ легкомъ движеніи. Нота, выходящая изъ подъ смычка или изъ подъ пальца музыканта, будетъ ли она протяжной или подвижной, должна быть каждая слышна въ одинаковой степени. И это же непремѣнно обязательно для нотъ человѣческаго голоса. Такъ что, умѣть «опирать на грудь», «держать голосъ въ маскѣ» и т. п. значитъ уметь правильно водить смычкомъ по струнѣ — дыханіемъ по голосовымъ связкамъ, и это, конечно, необходимо. Но не одной только техникѣ кантиленнаго пѣнія училъ Усатовъ, и этимъ именно онъ такъ выгодно отличался отъ большинства тогдашнихъ да и нынѣшнихъ учителей пѣнія.

Вѣдь, все это очень хорошо — «держать голосъ въ маскѣ», «упирать въ зубы» и т. п., но какъ овладѣть этимъ груднымъ, ключичнымъ или животнымъ дыханіемъ — діафрагмой, чтобы умѣть звукомъ изобразить ту или другую музыкальную ситуацію, настроеніе того или другого персонажа, дать правдивую для даннаго чувства интонацію? Я разумѣю интонацію не музыкальную, т. е., держаніе такой то ноты, а окраску голоса, который, вѣдь, даже въ простыхъ разговорахъ пріобрѣтаетъ различные цвѣта. Человѣкъ не можетъ сказать одинаково окрашеннымъ голосомъ: «я тебя люблю» и «я тебя ненавижу». Будетъ непремѣнно особая въ каждомъ случаѣ интонація, т. е. та краска, о которой я говорю. Значитъ, техника, школа кантиленнаго пѣнія и само это кантиленное пѣніе еще не все, что настоящему пѣвцу-артисту нужно. Усатовъ наглядно объяснялъ это на примѣрахъ.

Собравъ насъ, своихъ учениковъ, Усатовъ садился за фортепіано и, разыгрывая разныя пьесы, объяснялъ разницу между какой нибудь оперой итальянской школы и какой нибудь типичной русской оперой. Онъ, вѣроятно, не отрицалъ положительныхъ сторонъ итальянской музыки, но говорилъ, что въ ней преобладаетъ легкая, общедоступная мелодичность. Это — говорилъ онъ — какъ будто написано для музыкально одаренной массы, которая, прослушавъ оперу и усвоивъ ее, будетъ въ веселый или грустный часъ жизни напѣвать ея пріятныя мелодіи. Другое дѣло — музыка русская, напримѣръ, Мусоргскаго. Она

тоже не лишена мелодіи, но мелодія эта совсѣмъ иного стиля. Она характеризуетъ бытъ, выражаетъ драму, говоритъ о любви и ненависти гораздо болѣе вдумчиво и глубоко. Возьмите — говорилъ онъ — Риголетто. Прекрасная музыка, легкая, мелодичная и въ то же время какъ будто характеризующая персонажи. Но характеристики все же остаются поверхностными, исключительно лирическими. (И онъ игралъ и пѣлъ намъ Риголетто). — А теперь, господа, послушайте Мусоргскаго. Этотъ композиторъ музыкальными средствами психологически изображаетъ каждаго изъ своихъ персонажей. Вотъ у Мусоргскаго въ «БорисѢ ГодуновѢ» два голоса въ хорѢ, двѣ коротенькихъ, какъ будто незначительныхъ, музы-кальныхъ фразы. Одинъ голосъ:

— Митюхъ, а Митюхъ, чаво оремъ?

Митюхъ отвѣчаетъ:

— Вона — почемъ я знаю?

И въ музыкальномъ изображеніи вы ясно и опредѣленно видите физіономію этихъ двухъ парней. Вы видите: одинъ изъ нихъ резонеръ съ краснымъ носомъ, любящій выпить и имѣющій сипловатый голосъ, а въ другомъ вы чувствуете простака.

Усатовъ пѣлъ эти два голоса и затѣмъ говорилъ:

— Обратите вниманіе, какъ музыка можетъ дѣйствовать на ваше воображеніе. Вы видите, какъ краснорѣчиво и характерно можетъ быть молчаніе, пауза.

Къ сожалѣнію, не всѣ ученики, слушавшіе Усатова, понимали и чувствовали то, о чѣмъ Усатовъ говоритъ. Ни сами авторы, которыхъ намъ представляли въ характерныхъ образцахъ, ни ихъ замѣчательный толкователь не могли двинуть воображеніе тифлисскихъ учениковъ. Я думаю, что классъ оставался равнодушенъ къ показательнымъ лекціямъ Усатова. Вѣроятно, и я, по молодости летъ и недостатку образованія, не много усваивалъ тогда изъ того, что съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ говорилъ учитель. Но его ученіе западало мнѣ глубоко въ душу. Я, прежде всего, сталъ понимать, что мое увлечете уфимскимъ искусствомъ, какъ и то счастье, которое оно мнѣ давало, были весьма легковѣсны. Я началъ чувствовать, что настоящее искусство вѣщь очень трудная. И я вдругъ сильно пріунылъ:

— Куда же мнѣ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ, — думалъ я. — Гдѣ же мнѣ? Чѣмъ это я такой артистъ? И кто сказалъ, что я артистъ? Это все я самъ вы думалъ.

Но въ тоже время я все больше и больше сталъ интересоваться Мусоргскимъ. Что это за странный человѣкъ? То, что игралъ и пѣлъ Усатовъ изъ Мусоргскаго, ударяло меня по душѣ со странной силой. Чувствовалъ я въ этомъ что-то необыкновенно близкое мнѣ, родное. Помимо всякихъ теорій

Усатова, Мусоргскій билъ мнѣ въ носъ густой настойкой изъ пахучихъ родныхъ травъ. Чувствовалъ я, что вотъ это, дѣствительно, русское. Я это понималъ.

А мои сверстники и соученики — басы, тенора, сопрано — между тѣмъ говорили мнѣ:

— Не слушай. Хорошо, конечно, поетъ нашъ Дмитрій Андреевичъ Усатовъ, можетъ быть, все это и правда, а все таки La donna e mobile — это какъ разъ для пѣвцов; а Мусоргскій со своими Варлаамами да Митюхами есть ни что иное, какъ смертельный ядъ для голоса и пѣнія.

Меня какъ бы разрубили пополамъ, и мнѣ трудно было уяснить себѣ, въ какой половинѣ моего разрубленнаго **я** больше вѣсу. Сомнѣніе меня часто мучило до безсонницы.

— La donna e mobile?

или

— Какъ во городѣ во Казани?

Но что то во мнѣ, помимо сознанія, тянулось къ Мусоргскому. Когда вскорѣ мнѣ удалось поступить въ тифлисскую казенную оперу, пріобрѣсти въ городѣ извѣстную популярность и сдѣлаться желаннымъ участникомъ благотворительныхъ и иныхъ концертовъ, — я все чаще и чаще сталъ исполнять на эстрадѣ вещи Мусоргскаго. Публика ихъ не любила, но, видимо прощала ихъ мнѣ за мой голосъ. Я занялъ въ театрѣ извѣстное положеніе, хотя мнѣ было всего двадцать лѣтъ; я уже пѣлъ Мельника въ «Русалкѣ», Мефистофеля въ «Фаустѣ», Тоніо въ «Паяцахъ» и весь басовый репертуаръ труппы. Уроки Усатова даромъ для меня не прошли. Я смутно стремился къ чему то новому, но къ чему именно, я еще самъ не зналъ. Болѣе того, я еще всецѣло жиль опернымъ шаблономъ и былъ еще очень далекъ отъ роли опернаго «революціонера». Я еще сильно увлекался бутафорскими эффектами. Мой первый Мефистофель въ Тифлисской оперѣ (1893) еще не брезгалъ фольгой и металъ изъ глазъ огненныя искры.

10

Успешный сезонъ въ Тифлисской оперѣ меня весьма окрылилъ. Обо мнѣ заговорили, какъ о пѣвцѣ, подающемъ надежды. Теперь мечта о поѣздкѣ въ столицу пріобрѣтала опредѣленный практическій смыслъ. Я имѣлъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что смогу тамъ устроиться. За сезонъ я успѣлъ скопить небольшую сумму денегъ, достаточную на то, чтобы добраться до Москвы. Въ Москвѣ я съ удовольствіемъ

убѣдился, что моя работа въ Тифлисѣ не прошла незамѣченной для театральныхъ профессіоналовъ столицы. Приглашеніе меня извѣстнымъ въ то время антрепренеромъ Лентовскимъ въ его труппу для лѣтняго сезона оперы въ Петербургской «Аркадіи» сулило мнѣ какъ будто удачное начало столичной карьеры. Но эта надежда не оправдалась. И въ художественномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ антрепризы Лентовскаго не дала мнѣ ничего, кромѣ досадныхъ разочарованій. мнѣ суждено было обратить на себя вниманіе петербургской публики зимой этого же года въ частной оперѣ, пріютившейся въ удивительно неуютномъ, но хорошо посѣщаемомъ публикой Панаевскомъ театрѣ на Адмиралтейской набережной. Въ этомъ оперномъ товариществѣ господствовалъ весь тотъ репертуаръ, который давался для публики мелодически настроенной, а главное, что привлекало — Мейерберъ. Мнѣ выпало пѣть Бертрама въ «Робертѣ-Дьяволѣ». При всемъ моемъ уваженіи къ эффектному и блестящему мастерству Мейербера, не могу, однако, не замѣтить, что персонажи этой его оперы чрезвычайно условны. Матеріала для живого актерскаго творчества они даютъ мало. Тѣмъ не менѣе, именно въ роли Бертрама мнѣ удалось чѣмъ то сильно привлечь къ себѣ публику. Не только молодой голосъ мой ей очень полюбился — цѣнители пѣнія находили въ немъ какія то особые, непривычные тембры — но и въ игрѣ моей публикѣ почудилось нѣчто оригинальное, а между тѣмъ я драматизировалъ Бертрама, кажется, шаблонно, хотя этой странной фигурѣ я будто бы придавалъ не совсѣмъ оперную убѣдительность. Въ обществе обо мнѣ заговорили, какъ о пѣвцѣ, котораго надо послушать. Это граничило уже съ зарождающейся славой. Признакомъ большого успѣха явилось то, что меня стали приглашать въ кое-какіе свѣтскіе салоны. Мое первое появленіе въ одномъ изъ такихъ салоновъ, кстати сказать, возбудило во мнѣ сомнѣніе въ подлинной воспитанности такъ называемыхъ людей свѣта.

Фракъ, не на меня сшитый, сидѣлъ на мнѣ, вѣроятно, не совсѣмъ безукоризненно, манеры у меня были застѣнчиво-угловатыя, и за спиной я въ салонѣ слышалъ по своему адресу смѣшки людей, понимавшихъ, очевидно, толкъ въ портновскомъ дѣлѣ и въ хорошихъ манерахъ…

Въ Петербургѣ жилъ тогда замѣчательный. человѣкъ, Тертій Ивановичъ Филипповъ. Занимая министерскій постъ Государственная Контролера, онъ свои досуги страстно посвящалъ музыкѣ и хоровому русскому пѣнію. Его домашніе вечера въ столицѣ славились — пѣвцы считали честью участвовать въ нихъ. И эта честь, совершенно неожиданно, выпала на мою долю почти въ самомъ началѣ моего петербургскаго

сезона, благодаря моимъ друзьямъ бар. Стюартамъ. 4 января 1895 года у Т.И.Филиппова состоялся большой вечеръ. Пѣли на немъ все большія знаменитости. Игралъ на рояли маленькій мальчикъ, только что пріѣхавшій въ столицу. Это былъ Іосифъ Гофманъ, будущая великая знаменитость. Выступала и изумительная сказительница народныхъ русскихъ былинъ крестьянка Федосова. И вотъ между замѣчательнымъ вундеркиндомъ и не менѣе замѣчательной старухой выступилъ и я, юный новичок-пѣвецъ. Я спѣлъ арію Сусанина изъ «Жизни за Царя». Въ публикѣ присутствовала сестра Глинки, г-жа Л.И.Шестакова, оказавшая мнѣ послѣ моего выступленія самое лестное вниманіе. Этотъ вечеръ сыгралъ большую роль въ моей судьбѣ. Т.И.Филипповъ имѣлъ большой вѣсъ въ столицѣ не только, какъ сановникъ, но и какъ серьезный цѣнитель пѣнія. Выступленіе мое въ его домѣ произвело извѣстное впечатлѣніе, и слухъ о моихъ успѣхахъ проникъ въ Императорскій театръ. Дирекція предложила мнѣ закрытый дебютъ, который скоро состоялся, а 1-го февраля Дирекція уже подписала со мной контрактъ. Мои первыя выступленія назначены были весною. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ пріѣзда въ Петербургъ я, такимъ образомъ, достигъ предельной мечты всякаго пѣвца. Я сделался артистомъ Императорскихъ театровъ. Мнѣ былъ 21 годъ.

11

Императорскіе театры, о которыхъ мнѣ придется сказать не мало отрицательнаго, несомнѣнно имѣли своеобразное величіе. Россія могла не безъ основанія ими гордиться. Оно и не мудрено, потому что антрепренеромь этихъ театровъ былъ никто иной, какъ Россійскій Императоръ. И это, конечно, не то, что американскій милліонеръ-меценатъ, англійскій сюбскрайберъ или французскій командитеръ. Величіе Россійскаго Императора — хотя онъ, можетъ быть, и не думалъ никогда о театрахъ — даже черезъ бюрократію отражалось на всемъ веденіи дѣла.

Прежде всего, актеры и, вообще, всѣ работники и слуги Императорскихъ театровъ были хорошо обезпечены. Актеръ получалъ широкую возможность спокойно жить, думать и работать. Постановки оперъ и балета были грандіозны. Тамъ не считали грошей, тратили широко. Костюмы и декораціи были дѣлаемы такъ великолѣпно — особенно въ Маріинскомъ театрѣ — что частному предпринимателю это и присниться не могло.

Можетъ быть, Императорская опера и не могла похвастаться плеядами исключительныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ одну и ту же

пору, но все же наши россійскіе пѣвцы и пѣвицы насчитывали въ своихъ рядахъ первоклассныхъ представителей вокальнаго искусства. На особенной высотѣ въ смыслѣ артистическихъ силъ стояли Императорскіе драматическіе театры, дѣйствительно блиставшіе плеядой изумительныхъ актеровъ, жившихъ въ одно и то же время. На очень большой высотѣ стоялъ и Императорскій балетъ.

Наряду съ театрами существовали славныя Императорскія Консерваторіи въ Петербургѣ и Москвѣ съ многочисленными отдѣленіями въ провинціи, питавшія оперную русскую сцену хорошо подготовленными артистами, и, въ особенности, музыкантами. Существовали и Импера-тороая Драматическія школы. Но исключительно богато была поставлена Императорская балетная школа. Мальчики и дѣвочки, въ нѣжномъ возрастѣ принимаемые въ спеціальныя балетныя школы, жили въ нихъ всѣ интернами, и, помимо спеціальнаго балетнаго курса, проходили въ самихъ стѣнахъ этихъ школъ еще и общеобразовательный курсъ по полной гимназической программѣ.

Въ какой другой странѣ на свѣтѣ существуютъ столь великолепно поставленныя учрежденія? Въ Россіи же они учреждены болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Неудивительно, что никакія другія страны не могутъ конкурировать съ Россіей въ области художественнаго воспитанія актера.

Бывали и у насъ, конечно, плохіе спектакли — плохо пѣли или плохо играли, — но безъ этого не проживешь. То артистическое убожество, которое приходится иногда видѣть въ серьезныхъ первоклассныхъ европейскихъ и американскихъ театрахъ, на Императорской сценѣ просто было немыслимо. Оно, впрочемъ, рѣдко встрѣчалось даже въ среднемъ провинціальномъ русскомъ театрѣ… Вотъ почему, когда въ Европѣ слышишь первокласснаго скрипача, піаниста или пѣвца, видишь замѣчательнаго актера, танцора или танцовщицу, то это очень часто артисты русскаго воспитанія.

Мнѣ непріятно, что только что сказанное звучитъ какъ бы бахвальствомъ. Эта непривлекательная черта присуща, къ сожалѣнію, русскому человѣку — любитъ онъ не въ мѣру похвастаться своимъ. Но у меня къ этому нѣтъ склонности. Я просто утверждаю факты, какъ они есть.

Понятно, съ какимъ энтузіазмомъ, съ какой вѣрой я вступилъ въ этотъ заветный рай, какимъ мнѣ представлялся Маріинскій театръ. Здѣсь — мечталось мнѣ — я разовью и укреплю дарованныя мнѣ Богомъ силы. Здѣсь я найду спокойную свободу и подлинное искусство. Передо мною, во истину, разстилался въ

мечтахъ млечный путь театра.

12

Маріинскій театръ въ новомъ басѣ не нуждался. Въ труппѣ было, кажется, цѣлыхъ десять басовъ. Такъ что приглашеніе меня въ труппу нельзя было считать техническимъ. Оно могло быть оправдано только художественной заботой о развитіи молодого таланта, какимъ меня, очевидно, признавали. Я думаю, что оно по существу такъ и было. Не нуженъ былъ труппѣ басъ, но былъ желателенъ новый свѣжій артистъ, котораго желали поощрить въ интересахъ искусства вообще, и Маріинскаго театра въ частности. Естественно, что я имѣлъ основаніе и право надѣяться, что на знаменитой сценѣ Маріинскаго театра я найду и серьезное вниманіе къ моей артистической индивидуальности, и разумное художественное руководство, и, наконецъ, просто интересную работу. Къ глубокому моему отчаянію, я очень скоро убѣдился, что въ этомъ мнимомъ раю больше змій, чѣмъ яблокъ. Я столкнулся съ явленіемъ, которое заглушало всякое оригинальное стремленіе, мертвило все живое, — съ бюрократической рутиной. Господству этого чиновничьяго шаблона, а не чьей нибудь злой волѣ, я приписываю рѣшительный неуспѣхъ моей первой попытки работать на Императорской сценѣ.

Что мнѣ прежде всего бросилось въ глаза на первыхъ же порахъ моего вступленія въ Маріинскій театръ, это то, что управителями труппы являются вовсе не наиболѣе талантливые артисты, какъ я себѣ наивно это представлялъ а какіе то странные люди съ бородами и безъ бородъ, въ вицъ-мундирахъ съ золотыми пуговицами и съ синими бархатными воротниками. Чиновники. А тѣ боги, въ среду которыхъ я благоговѣйно и съ чувствомъ счастья вступалъ, были въ своемъ большинствѣ людьми, которые пѣли на всѣ голоса одно и то же слово: «слушаюсь!» Я долго не могъ сообразить, въ чѣмъ тутъ дѣло. Я не зналъ, какъ мнѣ быть. Почувствовать ли обиду или согласиться съ положеніемъ вещей, войти въ кругъ и быть, какъ всѣ. Можетъ быть, думалъ я, этотъ порядокъ какъ разъ и необходимъ для того, чтобы открывшійся мнѣ рай могъ существовать. Актеры — люди, служащіе по контракту: надо же, чтобы они слушались своихъ хозяевъ. А хозяева то ужъ, навѣрное, заботятся о правильномъ уходѣ за древомъ познанія и древомъ жизни нашего рая. Но одинъ странный случай скоро далъ мнѣ понять, что чиновные хозяева представляютъ въ театрѣ исключительно принципъ власти, которому подчиняютъ всѣ другія соображенія, въ томъ числѣ и

художественныя.

Въ театрѣ разучивали новую оперу Н.А.Римскаго-Корсакова «Ночь подъ Рождество» — по Гоголю. Мнѣ была въ этой оперѣ поручена маленькая роль Панаса. Тутъ я въ первый разъ встретился съ Римскимъ-Корсаковымъ. Этотъ музыкальный волшебникъ произвелъ на меня впечатлѣніе очень скромнаго и застѣнчиваго человѣка. Онъ имѣлъ старомодный видъ. Темная борода росла, какъ хотѣла, прикрывая небрежный черный галстучекъ. Онъ былъ одѣтъ въ черный сюртукъ стариннаго покроя, и карманы брюкъ были по старинному расположены горизонтально.

На носу онъ носилъ двѣ пары очковъ — одну надъ другой. Глубокая складка между бровей казалась скорбной. Былъ онъ чрезвычайно молчаливъ. Приходилъ, какъ мы всѣ, въ партеръ и то садился ближе къ дирижеру Направнику, то отходилъ въ сторонку и садился на скамеечку, молча и внимательно наблюдая за репетиціей.

Почти на каждой репетиціи Направникъ обращался къ композитору съ какимъ нибудь замѣчаніемъ и говорилъ:

— Я думаю, Николай Андреевичъ, что этотъ актъ имѣетъ много длинноть, и я вамъ рекомендую его сократить.

Смущенный Римскій-Корсаковъ вставалъ, озабоченно подходилъ къ дирижерскому пюпитру и дребезжащимъ баскомъ въ носъ виновато говорилъ:

— По совѣсти говоря, не нахожу въ этомъ актѣ длинноть.

И робко пояснялъ:

— Конструкция всей пьесы требуетъ, чтобы именно тутъ было выражено музыкально то, что служить основаніемъ дальнѣйшаго дѣйствія…

Методическій холодный голосъ Направника отвѣчалъ ему съ педантическимъ чешскимъ акцентомъ:

— Можетъ быть, вы и правы, но это ваша личная любовь къ собственному произведенію. Но нужно же думать и о публикѣ. Изъ моего длиннаго опыта я замѣчаю, что тщательная разработка композиторами ихъ произведеній затягиваетъ спектакль и утомляетъ публику.

Я это говорю потому, что имѣю къ вамъ настоящую симпатію. Надо сократить.

Все это, можетъ быть, и такъ, но послѣднимъ и рѣшающимъ аргументомъ въ этихъ спорахъ неизмѣнно являлась ссылка на то, что:

— Директоръ Всеволожскій рѣшительно возстаетъ противъ длинноть русскихъ композиторовъ.

И туть я уже понималъ, что какъ бы ни симпатизировалъ

Направникъ Римскому-Корсакову съ одной стороны, какъ бы ни былъ художественно правъ композиторъ, съ другой, — рѣшаетъ вопросъ не симпатия и не авторитетъ генія, а личный вкусъ Директора — самаго большого изъ чиновниковъ, который не выноситъ «длинноть русскихъ композиторовъ».

Но не только русскихъ «длинноть» не выносилъ И.А.Всеволожскій — онъ не выносилъ русской музыки вообще. Объ этомъ я узналъ изъ самаго авторитетнаго источника, когда въ первый разъ на Маріинской сценѣ игралъ роль Сусанина въ «Жизни за Царя». Костюмъ этого крѣпкаго сѣвернаго русскаго мужика, принесенный мнѣ завѣдующимъ гардеробомъ, представлялъ собою нѣчто похожее ни sortie de bal. Вмѣсто лаптей принесли красные сафьянные сапоги.

Когда я сказалъ гардеробщику:

— Не полагалось бы, батюшка мой, Сусанина играть въ такомъ костюмѣ; это, вѣдь, неправда, — завѣдующдй гардеробомъ посмотрѣлъ на меня, какъ на человѣка, упавшаго съ луны, и заявилъ:

— Нашъ директоръ терпѣть не можетъ всѣ эти русскія представленія. О лаптяхъ и не помышляйте. Нашъ директоръ говоритъ, что когда представляютъ русскую оперу, то на сценѣ отвратительно пахнетъ щами и гречневой кашей. Какъ только начинаютъ играть русскую увѣртюру, самый воздухъ въ театрѣ пропитывается перегаромъ водки…

Щи, гречневая каша и перегаръ водки — ничего, кромѣ этого, бюрократическая рутина не чувствовала въ той новой русской музыкѣ, которой суждено было вскорѣ завоевать весь міръ. Рутина эта, прежде всего, мѣшала обновленію репертуара, торжеству тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ композиторовъ, съ твореніями которыхъ тайной связью была связана, повидимому, вся моя художественная судьба и артистическая будущность. Хотя я еще не былъ твердъ въ моихъ взглядахъ на искусство, и раздвоеніе между La donna e mobile и Мусоргскимъ еще давало мнѣ себя чувствовать — инстинктъ все же опредѣленно толкалъ меня въ сторону Мусоргскаго. И къ большому моему смущенію замѣчалъ я, что и столицы относятся къ этому композитору не лучше Тифлиса. Очень хорошо помню, какъ однажды, за ужиномъ послѣ концерта, на которомъ я пѣлъ музыкальную сатиру Мусоргскаго «Раешникъ», одинъ очень видный музыкантъ, профессоръ московской консерваторіи, сказалъ мнѣ не безъ язвительности:

— Скажите мнѣ, Шаляпинъ, отчего это вамъ нравится пѣть въ концертахъ какіе то третьестепенные фельетоны изъ «Московскаго Листка?»

Этого же мнѣнія держались и влиятельные музыкальные критики. Мнѣ вспоминались совѣты: «опирайте на грудь», «держите голосъ въ маскѣ», «не дѣлайте ключичного дыханія», и я думалъ — такъ неужели же въ этомъ вся суть искусства?

13

Бюрократическая рутина сказалась и на моей личной судьбѣ въ театра. Возлагая на меня надежды, Дирекція добросовестно желала дать мнѣ возможность показать себя. Но при этомъ совершенно не соображала художественной стороны дѣла. Надо дать Шаляпину отвѣтственную роль. Какую? Большую. Роль, которая по графику значится за номеромъ первымъ. Подходитъ ли она пѣвцу, по силамъ ли она ему, не окажется ли она для него коварнымъ даромъ, объ этомъ, конечно, не думали.

И вотъ что произошло.

Самымъ знаменитымъ исполнителемъ роли «Руслана» въ геніальной оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила» считался на Маріинской сценѣ басъ Мельниковъ. Съ его уходомъ изъ театра на пенсію незадолго до моего поступленія въ труппу, эта роль осталась, такъ сказать, вакантной. Мельникова никто изъ басовъ Маріинской сцены не могъ замѣнить. Пробовали всѣ, и всѣ проваливались. Исключительно трудная роль оказывалась имъ не подъ силу. Послѣ Мельникова всѣ исполнители «Руслана» казались тѣнями.

Когда меня надо было впервые представить публикѣ Маріинскаго театра, главный режиссеръ, Геннадій Петровичъ Кондратьевъ, позвалъ меня и спросилъ:

— Руслана роль знаешь? (онъ всѣмъговорилъ «ты»).

Кое что я зналъ изъ этой оперы, но все же я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, роли я не знаю.

Подумалъ Кондратьевъ и сказалъ:

— Есть двѣ недѣли сроку, если хочешь эту роль сыграть въ свой первый спектакль. Можешь въ двѣ недѣли одолѣть?

Въ русскихъ провинціальныхъ операхъ пѣвцамъ приходится сплошь и рядомъ выучивать роль буквально въ два часа. Это ужъ такой правильный образъ веденія дѣла — «спасать положеніе». Приходилось дѣлать это и мнѣ въ Тифлисѣ. Я болѣе или менѣе успѣшно выучивалъ механически роль, выработавъ особые пріемы запоминанія, и затрудненій, отъ которыхъ опускались бы руки, при этомъ не встрѣчалъ. Я вспомнилъ Тифлисъ и отвѣтилъ:

— Въ двѣ недѣли? Еще бы! Какъ же нѣть? Конечно.

Я принялся заучивать роль, какъ заучивалъ роли въ Тифлисѣ

— для «спасенія положенія». Но какъ только начались репетиціи, я понялъ, что двѣ недели срокъ слишкомъ малый для того, чтобы дѣйствительно сыграть роль Руслана. Отказаться было поздно — неловко, даже стыдно. Я старался, какъ могъ, подготовиться, хотя бы только формально, т. е., не врать въ самой линіи музыки.

Насталъ вечеръ спектакля. Я оделся, загримировался по старому трафарету и на ватныхъ отъ страха ногахъ вышелъ на сцену, на которой недавно еще звучалъ въ роли Руслана голосъ Мельникова. Я до сихъ поръ волнуюсь на сценѣ, даже когда пою роль въ сотый разъ, а тутъ къ обычному волненію прибавилось еще волненіе отъ сомнѣнія, смогу ли, по крайней мѣрѣ, не наврать. Конечно, поглощенный одной мыслью «не наврать»! — я игралъ и спѣлъ Руслана такъ, какъ если бы мнѣ на святкахъ пришлось нарядиться въ какой нибудь никогда не надеванный и мудреный маскарадный костюмъ.

Спектакль я пропѣлъ, но впечатлѣніе отъ меня у публики получилось скверное. Мнѣ нѣсколько дней послѣ спектакля было просто совестно ходить по улицамъ и приходить въ театръ.

Но нѣть худа безъ добра. У начинающего артиста, въ какой бы области онъ ни работалъ, есть очень опасные враги — домашніе поклонники, которые настойчивыми голосами говорятъ ему объ его необыкновенномъ талантѣ. Внѣшній блескъ первыхъ успѣховъ, пріятныя слова друзей, пришедшихъ за кулисы поздравить, цвѣты и восторженныя барышни тушатъ настоящее гореніе и при этомъ еще мѣшаютъ чувствовать чадъ головеніекъ и копоть. Молодой человѣкъ теряетъ линію собственой оценки и начинаетъ радоваться тому, что онъ представляетъ собою въ искусствѣ нѣчто замѣчательное. Если въ глубинѣ души, оставшись ночью наединѣ съ собою и со своей совѣстью, онъ и усомнится въ своей исключительной цѣнности, то на другой же день какой нибудь другой чудный доброжелатель вольетъ ему въ душу новый бокалъ шампанскаго. Молодой артистъ снова опьяненъ и забылъ то, что ему думалось прошлой ночью.

Сдѣлала изъ моего неуспѣха выводы и Дирекція, но опять таки весьма рутинно. Разъ я не справился съ труднѣйшей ролью Руслана, то я перѣчисляюсь въ рядовые члены труппы, и въ отношеніи меня начинаютъ автоматически дѣйствовать неумолимые законы канцеляріи. А люди съ почтенными бородами и въ вицъ-мундирахъ привыкли въ своихъ канцеляріяхъ составлять табели о рангахъ по возрастному признаку. Такой то прослужилъ пятнадцать лѣт — ему одинъ почетъ, другой прослужилъ двадцать пять лѣтъ — ему почетъ другой. «Выслуга летъ». Мнѣ же было всего 21 годъ, и при распредѣленіи ролей объ этомъ твердо помнили. Было очевидно, что певецъ, которому

сорокъ лѣтъ, имѣетъ больше «права» на ту или другую роль, чѣмъ безусый молодой парень. Основная моя работа въ театрѣ свелась, поэтому, главнымъ образомъ, къ исполненію ролей: Судьи въ «Вертере», кн. Верейскаго въ «Дубровскомъ», Панаса въ «Ночи подъ рождество», лейтенанта Цуниги въ «Карменъ». Не долженъ артистъ пренебрегать маленькими ролями, если онѣ художественно интересны. Но молодая сила, буйно во мнѣ бродившая, томила и мучила меня въ этомъ фактическомъ бездѣйствіи. Дирекція же привыкла къ мысли, что я артистъ на малыя роли. Можетъ быть, это было бы еще не такъ вредно для меня, если бы время отъ времени дирекція вдругъ не вспоминала, что на меня возлагали надежды, и что надо какъ нибудь Шаляпину дать возможность снова попробовать свои силы. И вотъ эти именно порывы вниманія чуть-чуть окончательно меня не погубили, какъ артиста — и въ глазахъ публики, и въ собственныхъ моихъ глазахъ. Мнѣ, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время поручили другую большую роль, но она не только не дала мнѣ разумной возможности проявить мои способности и выдвинуться, но рѣшительно отбросила меня въ ряды молодыхъ пѣвцовъ, созданныхъ для того, чтобы пѣть въ «Карменъ» лейтенанта Цунигу. Мнѣ дали сыграть роль графа Робинзона въ оперѣ «Тайный Бракъ» итальянца Чимарозы. Какъ я теперь понимаю, опера эта прелестная. Въ музыкѣ Чимарозы отражены тонкое изящество и жеманная грація конца XVII века. «Тайный Бракъ» никакъ нельзя было давать парадно, большимъ спектаклемъ, со всей пышностью, на которую была способна Императорская сцѣна. Она требовала интимной стильной постановки и столь же особеннаго стильнаго исполненія. Роль графа Робинзона не соотвѣтствовала ни слабому въ то время музыкальному моему развитію, ни природнымъ моимъ тяготѣніямъ. Не имѣли успѣха ни опера, ни я.

Я благодарю Бога за эти первые неуспѣхи. Они отрезвили меня одинъ разъ на всю жизнь. Они вышибли изъ меня самоувѣренность, которую во мнѣ усердно поддерживали домашніе поклонники. Урокъ, который я извлекъ изъ этого неуспѣха, практически сводился къ тому, что я окончательно понялъ недостаточность механической выучки той или другой роли. Какъ пуганная ворона боится куста, такъ и я сталъ бояться въ моей работѣ беззаботной торопливости и легкомысленной поспѣшности. Много разъ впослѣдствіи мнѣ очень хотѣлось спѣть Руслана. Нѣсколько разъ у себя дома, бывало, уже принимался за роль, но когда приходило къ серьезному моменту: «я играю», то я каждый разъ находилъ сотни причинъ уклониться отъ нея. Я чувствовалъ, что въ этой роди что то мнѣ не дается. Не могу до

сихъ поръ объяснить, что именно. Я понялъ навсегда, что для того, чтобы роль уродилась здоровой, надо долго, долго проносить ее подъ сердцемъ (если не въ самомъ сердцѣ) — до тѣхъ поръ, пока она не заживетъ полной жизнью.

14

Послѣ «Секретной свадьбы» мои шансы въ Маріинскомъ театрѣ сильно упали. Мнѣ кажется, что начальство уже готовилось ставить крестъ на мнѣ. Ничего, дескать, изъ Шаляпина не выйдетъ. Ну, да — хорошій голосъ, но въ серьезныхъ роляхъ или проваливается, какъ въ Русланѣ и Робинзонѣ, или же что-то ужъ больно кривляется. Такъ именно говорили: «кривляюсь».

Изъ чувства справедливости долженъ сказать, что, пожалуй, доля правоты въ этомъ упрекѣ была. Конечно, я не кривлялся. Если бы то, что они принимали за кривлянье, было имъ въ дѣйствительности, изъ меня едва ли что нибудь вышло бы. Такъ бы и остался я на всю жизнь «кривлякой», то есть, актеромъ фальшивымъ, никуда негоднымъ горбуномъ, котораго одна могила исправитъ. А было, вѣроятно, вотъ что. Уже въ то время я чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ оперному шаблону. Такъ какъ самъ выступалъ я не очень часто, то у меня было много свободныхъ вечеровъ. Я приходилъ въ партеръ, садился, смотрѣлъ и слушалъ наши спектакли. И все мнѣ дѣлалось замѣтнѣе, что во всей постановкѣ опернаго дѣла есть какая то глубокая фальшь. Богато, пышно обставленъ спектакль — шелкъ и бархатъ настоящіе, и позолоты много, а странное дѣло: чувствуется лакированное убожество. Эффектно жестикулируютъ и хорошими, звучными голосами поютъ пѣвцы и пѣвицы, безукоризненно держа «голосъ въ маскѣ» и увѣренно «опираясь на грудь», а все какъ то мертво или игрушечно-приторно. И вотъ, когда мнѣ случалось изрѣдка — два-три раза за весь сезонъ — исполнять роли, которыя впослѣдствіи стали моими «коронными» ролями, какъ напримѣръ, Мефистофеля въ «Фаустѣ» и кн. Галицкаго въ «Князѣ Игорѣ», то, стремясь уйти отъ тошнаго шаблона, но не умѣя дѣлать по настоящему хорошо, я безсознательно впадалъ въ нѣкоторый гротескъ. Я, что называется, «искалъ» мою линію, и не легко, конечно, это мнѣ давалось. Избѣгая шаблонный жестъ я, можетъ быть, дѣлалъ жестъ странный, угловатый.

Приблизительно точно такъ же обстояло у меня дѣло съ Мусоргскимъ, которому я упорно не измѣнялъ, исполняя его вещи на всѣхъ концертахъ, въ которыхъ я выступалъ. Я пѣлъ его

романсы и пѣсни по всѣмъ правиламъ кантиленнаго искусства — давалъ реберное дыханіе, держалъ голосъ въ маскѣ и, вообще, велъ себя, какъ вполнѣ порядочный пѣвецъ, а Мусоргскій выходилъ у меня тускло. Въ особенности огорчало меня неумѣніе справиться съ «Блохой» — не выходила она у меня до такой степени, что я еще долгое время не рѣшался пѣть ее публично.

Сезонъ мой въ Маріинскомъ театрѣ приходилъ къ концу, а я ничего еще не «свершилъ». Съ печалью я глядѣлъ на близкій закатъ безплоднаго сезона. Я былъ близокъ къ малодушной потерѣ вѣры въ мое дарованіе. Какъ вдругъ, въ самый послѣдній день сезона, товарищъ по сценѣ — истинный товарищъ, какихъ въ жизни встрѣчаешь, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко — доставилъ мнѣ случай блеснуть первымъ большимъ успѣхомъ. Въ то время довольно часто ставили «Русалку». Хотя Дирекція была освѣдомлена, что роль мельника я знаю хорошо и много разъ съ успѣхомъ пѣлъ ее въ Тифлисѣ, но роли этой мнѣ ни разу, ни въ одномъ спектаклѣ не предложили. Басъ Карякинъ былъ назначенъ пѣть мельника и въ этотъ послѣдній спектакль сезона. Зная, какъ горячо я мечтаю о роли мельника, милый Карякинъ въ послѣднюю минуту притворился больнымъ. Дублера у него не случилось. Дирекція, скрепя сердце, выпустила на сцену меня. «Послѣдній спектакль — Богъ съ нимъ, сойдетъ какъ нибудь».

Ужъ не знаю, какъ это произошло, но этотъ захудалый, съ третьестепенными силами, обрѣченный Дирекціей на жертву, послѣдній спектакль взвинтилъ публику до того, что она превратила его въ праздничный для меня бенефисъ. Не было конца апплодисментамъ и вызовамъ. Одинъ извѣстный критикъ впослѣдствіи писалъ, что въ этотъ вечеръ, можетъ быть, впервые полностью открылось публикѣ въ чудесномъ произведеніи Даргомыжскаго, въ трагической глубинѣ его мельника, какимъ талантомъ обладаетъ артистъ, пѣвшій мельника, и что русской сценѣ готовится нѣчто новое и большое.

Естественно, что послѣ этого нечаяннаго успѣха взглянула на меня нѣсколько болѣе благосклонно и Дирекція.

15

Успѣхъ не помѣшалъ мнѣ, однако, почувствовать, что въ первой сценѣ «Русалки» мой мельникъ вышелъ тусклымъ, и что на первый актъ публика реагировала поверхностно — не такъ, какъ на третій, напримѣръ, въ которомъ я игралъ, по моему мнѣнію, удачнѣе. Мнѣ не чужда мнительность, и я подумалъ, что роль мельника всетаки не совсѣмъ въ моемъ характерѣ, не мое

«амплуа». Я пошелъ подѣлиться моимъ горемъ къ одному очень извѣстному и талантливому драматическому актеру, Мамонту-Дальскому, — русскому Кину по таланту и безпутству. Дальскій меня выслушалъ и сказалъ:

— У васъ, оперныхъ артистовъ, всегда такъ. Какъ только роль требуетъ проявленія какого нибудь характера, она начинаетъ вамъ не подходить. Тебѣ не подходитъ роль мельника, а я думаю, что ты не подходишь, какъ слѣдуетъ, къ роли. Прочти-ка, — приказалъ онъ мнѣ.

— Какъ прочти? — Прочесть «Русалку» Пушкина?

— Нѣтъ, прочти текстъ роли, какъ ее у васъ поютъ. Вотъ хотя бы эту первую арію твою, на которую ты жалуешься.

Я прочелъ все правильно. Съ точками, съ запятыми, — и не только съ грамматическими, но и съ логическими передыханіями.

Дальскій прослушалъ и сказалъ:

— Интонація твоего персонажа фальшивая, — вотъ въ чемъ секреть. Наставленія и укоры, которые мельникъ дѣлаетъ своей дочери, ты говоришь тономъ мелкаго лавочника, а мельникъ — степенный мужикъ, собственникъ мельницы и угодьевъ.

Какъ иголкой, насквозь прокололо меня замѣчаніе Дальскаго. Я сразу понялъ всю фальшь моей интонаціи, покраснѣлъ отъ стыда, но въ то же время обрадовался тому, что Дальскій сказалъ слово, созвучное моему смутному настроенію. Интонація, окраска слова, — вотъ оно что! Значитъ, я правъ, что недоволенъ своей «Блохой», и значить въ правильности интонаціи, въ окраскѣ слова и фразы — вся сила пѣнія.

Одно bel canto не даромъ, значить, большей частью наводитъ на меня скуку. Вѣдь вотъ, знаю пѣвцовъ съ прекрасными голосами, управляютъ они своими голосами блестяще, т. е., могутъ въ любой моментъ сдѣлать и громко, и тихо, piano и forte, но почти всѣ они поютъ только ноты, приставляя къ этимъ нотамъ слога или слова. Такъ что зачастую слушатель не понимаетъ, о чемъ, бишь, эта они поютъ? Поеть такой пѣвецъ красиво, беретъ высокое do грудью, и чисто, не срывается и даже, какъ будто, вовсе не жилится, но если этому очаровательному пѣвцу нужно въ одинъ вечеръ спѣть нѣсколько пѣсенъ, то почти никогда одна не отличается отъ другой. О чѣмъ бы онъ ни пѣлъ, о любви или ненависти. Не знаю, какъ реагируетъ на это рядовой слушатель, но лично мнѣ послѣ второй пѣсни дѣлается скучно сидѣть въ концертѣ. Надо быть такимъ исключительнымъ красавцемъ по голосу, какъ Мазини, Гайяре или Карузо, чтобы удержать вниманіе музыкальнаго человѣка и вызвать въ публикѣ энтузіазмъ исключительно органомъ… Интонація!.. Не потому ли, думалъ я, такъ много въ оперѣ хорошихъ пѣвцовъ и такъ мало

хорошихъ актеровъ? Вѣдь, кто же умѣетъ въ оперѣ просто, правдиво и внятно разсказать, какъ страдаетъ мать, потерявшая сына на войнѣ, и какъ плачетъ девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимаго человѣка?.. А вотъ, на драматической русской сценѣ хорошихъ актеровъ очень, очень много.

Послѣ разговора съ Дальскимъ я еще съ большей страстью занялся изученіемъ милой «Блохи» и рѣшил отнынѣ учиться сценической правдѣ у русскихъ драматическихъ актеровъ.

Въ мои свободные вечера я уже ходилъ не въ оперу, а въ драму. Началось это въ Петербургѣ и продолжалось въ Москвѣ. Я съ жадностью высматривалъ, какъ ведутъ свои роли наши превосходные артисты и артистки. Савина, Ермолова, Федотова, Стрѣльская, Лешковская, Жулева, Варламовъ, Давыдовъ, Ленскій, Рыбаковъ, Макшеевъ, Дальскій, Горевъ и, въ особенности, архигеніальнѣйшая Ольга Осиповна Садовская. Если Элеонора Дузэ на сценѣ почти никогда не была актрисой, а тѣмъ именно лицомъ, которое она изображала, то Ольга Садовская, кажется мнѣ, въ этомъ смыслѣ была еще значительнѣе. Всѣ большіе актеры императорской сцены были одинъ передъ другимъ на плюсъ, но Садовская раздавила меня одинъ разъ на всю жизнь. Надо было видѣть, что это была за сваха, что это была за ключница, что это за офицерская была вдова.

— И какъ это вы, Ольга Осиповна, — робко спросилъ я ее разъ — можете такъ играть?

— А я не играю, милый мой Федоръ.

— Да какъ же не играете?

— Да такъ. Вотъ я выхожу да и говорю. Такъ же я и дома разговариваю. Какая я тамъ, батюшка, актриса! Я со всѣми, такъ разговариваю.

— Да, но ведь, Ольга Осиповна, все же это же сваха.

— Да, батюшка, сваха!

— Да теперь и свахъ то такихъ нѣтъ. Вы играете старое время. Какъ это вы можете!

— Да ведь, батюшка мой, жизнь то наша она завсегда одинаковая. Ну, нѣтъ теперь такихъ свахъ, такъ другія есть. Такъ и другая будетъ разговаривать, какъ она должна разговаривать. Ведь языкъ то нашъ русскій богатый. Вѣдь на немъ всякая сваха хорошо умѣетъ говорить. А какая сваха — это ужъ, батюшка, какъ хочетъ авторъ. Автора надо уважать и изображать того ужъ, кого онъ захочетъ.

Садовская не держала голоса въ маскѣ, не опиралась на грудь, но каждое слово и каждую фразу окрашивала въ такую краску, которая какъ разъ, именно, была нужна. Выходила Садовская на сцену, и сейчасъ же всѣ чувствовали, что то, что она

даетъ, есть квинтъ-эссенція свахи, всѣмъ свахамъ сваха, что убѣдительнѣе, правдивѣе и ярче этого сдѣлать уже невозможно.

Русская драма производила на меня такое сильное впечатлѣніе, что не разъ мнѣ казалось, что я готовъ бросить оперу и попытать свои силы на драматической сценѣ. Говорю — казалось, потому, что это чувство было, конечно, обманное. Къ оперѣ меня крѣпко привязывали всѣ тяготѣнія моей души, которая, по пушкинскому выражение, была уже «уязвлена» музыкою навсегда…

Дирекція, между тѣм, готовила репертуаръ будущаго сезона. Позвалъ меня опять главный режиссеръ Кондратьевъ.

— Вотъ тебѣ, Шаляпинъ, клавиръ «Юдифи». Попробуй за лѣто приготовить Олоферна.

Роль Олоферна въ «Юдифи» Серова — роль необыкновенной силы, трудная и интересная — какая соблазнительная приманка!

Я снова ожилъ душей, и все, что я думалъ плохого объ Императорской сценѣ, показалось мнѣ несправедливыми

Съ радостью захватилъ я съ собой клавиръ «Юдифи» и веселый направился къ себѣ домой, въ мой богемный «Палэ-Рояль» на Пушкинской улицѣ, съ намѣреніемъ посвятить лѣто изученію роли Олоферна. Но судьба готовила мнѣ, повидимому, иной путь. Я уже собирался на лѣтнюю квартиру въ одинъ изъ пригородовъ Петербурга, какъ неожиданно получилъ приглашение поѣхать въ Нижній-Новгородъ пѣть въ оперномъ театрѣ знаменитой Нижегородской ярмарки. Всякій актеръ любить путешествовать. Приверженъ этой слабости и я. Забывъ ассирійскаго военачальника и клавиръ «Юдифи», я съ величайшей охотой направился въ Нижній-Новгородъ — милый, пріятный, какой-то родной русскій городъ со стариннымъ Кремлемъ, стоящимъ на горѣ при сліяніи двухъ прекраснѣйшихъ русскихъ рѣкъ — Волги и Оки.

16

Необыкновенное количество мачтъ, пароходовъ, баржъ запрудили подступы къ городу, а ярмарка гудѣла всевозможнейшими звуками, какіе только могъ представить себѣ человѣкъ до изобретенія радіо. На ярмарке яркія краски Россіи смѣшались съ пестрыми красками мусульманскаго востока. Просторно, весело, разгульно текла жизнь великаго торжища. Мнѣ все это сильно понравилось.

Театръ оказался хорошимъ, пріятнымъ. Новый, только-что отстроенный. Директрисой оперы являлась г-жа Винтеръ, но за

нею, какъ я скоро же узналъ, стоялъ извѣстный московскій строитель желѣзныхъ дорогъ Савва Ивановичъ Мамонтовъ. Мнѣ было всего 23 года, жизнь я зналъ мало, и когда меня представили Мамонтову, сказавъ, что это извѣстный меценатъ, я не сразу понялъ, что это такое — меценатъ?

Мнѣ объяснили: этотъ милліонеръ сильно любить искусство, музыку и живопись, артистовъ и художниковъ. Самъ въ свободное время сочиняетъ все, что угодно, и тратитъ большія деньги на поощреніе искусства, въ которомъ знаетъ толкъ. Хотя оффиціальной хозяйкой оперы считается какъ будто г-жа Винтеръ, — настоящій хозяинъ предпріятія С.И.Мамонтовъ: его деньги, его энергія, его вкусъ.

Я еще не подозрѣвалъ въ ту минуту, какую великую роль сыграетъ въ моей жизни этотъ замѣчательный человѣкъ. Но на первыхъ же репетиціяхъ я сразу почувствовалъ разницу между роскошнымъ кладбищемъ моего Императорскаго театра съ его пышными саркофагами и этимъ ласковымъ зеленымъ полемъ съ простыми душистыми цвѣтами. Работа за кулисами шла дружно, незатейливо и весело. Не приходили никакіе чиновники на сцену, не тыкали пальцами, не морщили бровей. Пріятно поразили меня сердечныя товарищескія отношенія между актерами. Всякій дружески совѣтовалъ другому все, что могъ со знаніемъ дѣла посовѣтовать, сообща обсуждали, какъ лучше вести ту или другую сцену — работа горѣла.

Сезонъ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ для меня вполнѣ счастливымъ. Смущало, правда, то, что болѣе старые и опытные артисты иногда говорили мнѣ:

— Хорошо играешь, Федоръ. Но въ оперѣ надо пѣть — это главное.

А я развѣ не пою? — спрашивалъ я себя и не совсѣмъ понималъ, что собственно они разумѣютъ. Другіе говорили еще, что интересный молодой человѣкъ Шаляпинъ, а вотъ только имѣетъ наклонность къ «шпагоглотательству». Это, вѣроятно, было синонимомъ петербургскаго «кривлянья». Правду сказать, съ «фольгой» я къ тому времени уже окончательно порвалъ. Въ бутафорію и въ ея чудеса я уже окончательно не вѣрилъ. Я все настойчивѣе и тревожнѣе искалъ формы болѣе искренняго выраженія чувства на сценѣ. Художественная правда безповоротно уже сдѣлалась моимъ идеаломъ въ искусствѣ. Вотъ это и было «шпагоглотательство», надъ которымъ иные изъ моихъ товарищей посмеивались.

Мнѣ казалось, что первый понялъ мои чувства и тяготѣнія нашъ плѣнительный меценатъ. Замѣчу кстати, что Мамонтовъ готовился самъ быть пѣвцомъ, продѣлалъ въ Италіи очень

солидную музыкальную подготовку и, кажется, собирался уже подписать контрактъ съ импрессаріо, когда телеграмма изъ Москвы внезапно изменила весь его жизненный планъ: онъ долженъ былъ заняться дѣлами дома Мамонтовыхъ. Былъ онъ и очень неплохимъ скульпторомъ. Вообще, это былъ человѣкъ очень хорошаго и тонкаго вкуса. Сочувствіе такого человѣка имѣло для меня очень большую ценность. Впрочемъ, о сочувственномъ отношеніи къ моей работѣ Мамонтова я догадывался инстинктомъ. Онъ прямо не выражалъ мнѣ ни одобренія, ни порицанія, но часто держалъ меня въ своей компаніи, приглашалъ обѣдать, водилъ на художественную выставку. Во время этихъ посѣщеній выставки онъ проявлялъ заметную заботу о развитіи моего художественнаго вкуса. И эта мелочь говорила мнѣ больше всего остального, что Мамонтовъ интересуется мною, какъ художникъ интересуется матеріаломъ, который ему кажется цѣннымъ.

Вкусъ, долженъ я признаться, былъ у меня въ то время крайне примитивный.

— Не останавливайтесь, Феденька, у этихъ картинъ — говоритъ бывало Мамонтовъ. — Это всѣ плохія.

Я недоуменно пялилъ на него глаза.

— Какъ же плохія, Савва Ивановичъ. Такой, вѣдь, пейзажъ, что и на фотографіи такъ не выйдетъ.

— Вотъ это и плохо, Феденька, — добродушно улыбаясь, отвтѣчалъ Савва Ивановичъ. — Фотографій не надо. Скучная машинка.

И онъ велъ меня въ отдѣльный баракъ, выстроенный имъ самимъ для произведеній Врубеля.

— Вотъ, Феденька, — указывалъ онъ на «Принцессу Грезу», — вотъ эта вѣщь замѣчательная. Это искусство хорошаго порядка.

А я смотрѣлъ и думалъ:

— Чудакъ нашъ меценатъ. Чего тутъ хорошаго? Наляпано, намазано, непріятно смотрѣ ть. То ли дѣло пейзажикъ, который мнѣ утромъ понравился въ главномъ залѣ выставки. Яблоки, какъ живыя — укусить хочется; яблоня такая красивая — вся въ цвѣту. На скамейке барышня сидитъ съ кавалеромъ, и кавалеръ такъ чудесно одѣтъ (какія брюки! непременно куплю себѣ такія). Я, откровенно говоря, немного въ этихъ сужденіяхъ Мамонтова сомневался. И вотъ однажды въ минуту откровенности я спросилъ его:

— Какъ же это такъ, Савва Ивановичъ? Почему вы говорите, что «Принцесса Греза» Врубеля хорошая картина, а пейзажъ — плохая? А мнѣ кажется, что пейзажъ хорошій, а «Принцесса Греза» — плохая.

— Вы еще молоды, Феденька, — отвѣтилъ мнѣ мой просвѣтитель, — Мало вы видали. Чувство въ картине Врубеля большое.

Объясненіе это не очень меня удовлетворило, но очень взволновало.

— Почему это — все время твердилъ я себе, — я чувствую такъ, а человѣкъ, видимо, образованный и понимающій, глубокій любитель искусства, чувствуетъ иначе?

Этого вопроса я въ Нижнемъ-Новгородѣ такъ и не разрѣшилъ. Судьба была милостива ко мнѣ. Она скоро привела меня въ Москву, где я рѣшилъ и этотъ, и многіе другіе важнѣйшіе для моей жизни вопросы.

17

Мамонтовъ содержалъ оперу въ Москве и позвалъ меня къ себѣ въ свою труппу. У меня же на слѣдующій сезонь былъ контрактъ съ Маріинскимъ театромъ — контрактъ съ крупной неустойкой. Мнѣ предложена была тамъ отвѣтственная роль Олоферна. Успѣхъ мой въ концѣ сезона наметился ярко. Было трудно все это бросить. Съ другой стороны, были серьезные художественные и интимные мотивы, побуждавшіе меня принять предложеніе Мамонтова. Я колебался. Я не въ состояніи честно опредѣлить удѣльный вѣсъ различныхъ вліяній, заставившихъ меня заплатить неустойку и порвать съ Императорской сценой, но не могу обойти молчаніемъ одно изъ нихъ, сыгравшее, во всякомъ случай, далеко не послѣднюю роль въ моемъ решеніи. Я говорю о моральной атмосферѣ Маріинскаго театра въ то время.

— Директоръ идетъ! — кричалъ приставленный къ двери сцены стражъ.

И всѣ мгновенно застывали на своихъ мѣстахъ. И, дѣйствительно, входилъ И.А.Всеволожскій. Почтенный человѣкъ въ множествѣ орденовъ. Сконфуженно, какъ добродушный помѣщикъ своимъ крестьянамъ, говорилъ: «здасте… здасте…» и совалъ въ руку два пальца. Эти два пальца получалъ, между прочимъ, и я. А въ антрактахъ приходили другіе люди въ вицъ-мундирахъ, становились посреди сцены, зачастую мѣшая работать, и что то глубокомысленно между собою обсуждали, тыкая пальцами въ воздухъ. Послѣ этихъ пальцевъ въ воздухѣ режиссеръ, какъ оглашенный, кричалъ:

— Григорій! Прибавь свѣту на лѣвой кулисѣ. Въ 4-й дай софитъ (продольная рампа).

— Степанъ! Поправь крыло у ангела.

Рабочіе бѣжали туда и сюда, лазили наверхъ, поправляли ангеловъ.

Въ корридорахъ я слышалъ, какъ Григорій, Степанъ и прочіе нелестно говорили про эти вицъ-мундиры:

— Дармоѣды, дураки, толстопузые!

Такъ непочтительно выражались рабочіе, а актеры другъ передъ другомъ въ это самое время похваливали вслухъ то одного, то другого «дармоѣда». Чувствовалось, что похвала эта неискренняя. Спрашивали и меня иногда, — знаешь ли такого то начальника ремонтировочной части?

— Да, такъ, знаю, — говорю — немножко; встрѣчаю на сценѣ.

— Правда, симпатичный, милый человѣкъ?

— Да, хорошій человѣкъ, — осторожно соглашаюсь я. Не думаю, однако, что по моей интонаціи «хорошій» выпытыватель повѣрилъ мнѣ…

Не нравилось мнѣ, что актеры молчали и всегда соглашались со всѣмъ, что и какъ имъ скажетъ чиновникъ по тому или другому, въ сущности, актерскому, а не чиновничьему дѣлу. Конечно, чиновники, слава Богу, не показывали, какъ надо пѣть и играть, но выражали свое мнѣніе вѣско, иногда по лицепріятію, т. е., о хорошемъ говорили плохо, а о дурномъ хорошо. Случалось мнѣ замѣчать, что и въ драматическихъ Императорскихъ театрахъ начальники монтировочныхъ частей распоряжались на сценѣ своевольно, какъ и въ оперѣ.

— Скажите, — говорю я артисту-товарищу, — отчего же здѣсь такъ мало идутъ русскія оперы?

— Довольно съ тебя. Идетъ «Русалка», идетъ «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Рогнѣда».

— Но есть же другія оперы?

— Въ свое время пойдутъ и эти. А теперь и этого довольно.

И отказывали въ постановкѣ «Псковитянки» Римскаго-Корсакова! Неужели и отъ Грознаго пахло щами и перегаромъ водки?

Играя Мефистофеля и желая отойти отъ «фольги», я попросилъ завѣдующаго гардеробомъ и режиссера сшить новый костюмъ — такой, въ которомъ, казалось мнѣ, я могъ бы нѣсколько иначе изобразить Мефистофеля. Оба, какъ бы сговорившись, посмотрѣли на меня тускло-оловянными глазами, даже не разсердились, а сказали:

— Малый, будь скроменъ и не веди себя раздражающе. Эту роль у насъ Стравинскій играетъ и доволенъ тѣмъ, что даютъ ему надѣть, а ты кто такой? Перестань чудить и служи скромно. Чѣмъ скромнѣе будешь служить, тѣмъ до большаго дослужишься…

Какъ удушливый газъ отягчали мою грудь всѣ эти

впечатлѣнія. Запротестовала моя бурная натура. Запросилась душа на широкій просторъ, Взялъ я паспорта, подушное отдалъ, и пошелъ въ бурлаки, — какъ говорится въ стихотвореніи Никитина.

Махнулъ я рукою на ассирійскаго царя Олоферна, забралъ всѣ мое движимое имущество и укатилъ въ Москву къ Мамонтову.

Только ли къ Мамонтову? Я былъ въ томъ періодѣ человѣческаго бытія, когда человѣкъ не можетъ не влюбляться. Я былъ влюбленъ — въ Москвѣ…

18

Въ Москвѣ мнѣ предстояло, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, рѣшить споръ между аппетитной яблоней въ цвѣту, нравившейся мнѣ, и неудобоваримой «Принцессой Грезой», нравившейся С.И.Мамонтову. Я хочу исчерпать эту тему теперь же, прежде, чѣмъ я перейду къ дальнѣйшему разсказу объ эволюціи моего сценическаго творчества. Дѣло въ томъ, что этотъ московскій періодъ, въ теченіе котораго я нашелъ, наконецъ, свой настоящій путь въ искусствѣ и окончательно оформилъ мои прежнія безсознательныя тяготѣнія, отмѣченъ благотворными вліяніемъ замѣчательныхъ русскихъ художниковъ. Послѣ великой и правдивой русской драмы, вліянія живописи занимаютъ въ моей артистической біографіи первое мѣсто. Я думаю, что съ моимъ наивнымъ и примитивнымъ вкусомъ въ живописи, который въ Нижнемъ-Новгородѣ такъ забавлялъ во мнѣ Мамонтова, я не сумѣлъ бы создать те сценическіе образы, которые дали мнѣ славу. Для полнаго осуществленія сценической правды и сценической красоты, къ которымъ я стремился, мнѣ было необходимо постигнуть правду и поэзію подлинной живописи.

Въ окруженіи Мамонтова я нашелъ исключительно талантливыхъ людей, которые въ то время обновляли русскую живопись, и у которыхъ мнѣ выпало счастье многому научиться.

Это были: Сѣровъ, Левитанъ, братья Васнецовы, Коровинъ, Полѣновъ, Остроуховъ, Нестеровъ и тотъ самый Врубель, чья «Принцесса Грезъ» мнѣ казалась такой плохой.

Почти съ каждымъ изъ этихъ художниковъ была впослѣдствіи связана та или другая изъ моихъ московскихъ постановокъ.

Нашъ знаменитый пейзажистъ Исаакъ Ильичъ Левитанъ не имѣлъ прямого отношенія къ моей театральной работѣ, но именно онъ заставилъ меня почувствовать ничтожность банальной яблони въ цвѣту и великолѣныхъ брюкъ молодого человѣка на скамейкѣ.

Чѣмъ больше я видался и говорилъ съ удивительно-душевнымъ, простыгмъ, задумчиво-добрымъ Левитаномъ, чѣмъ больше смотрѣлъ на его глубоко-поэтическіе пейзажи, тѣмъ больше я сталъ понимать и цѣнить то большое чувство и поэзію въ искусствѣ, о которыхъ мнѣ толковалъ Мамонтовъ.

— Протокольная правда — говорилъ Левитанъ — никому не нужна. Важна ваша пѣсня, въ которой вы поете лесную или садовую тропинку.

Я вспоминалъ о «фотографіи», которую Мамонтовъ называлъ «скучной машинкой», и сразу понялъ, въ чемъ суть. Фотографія не можетъ мнѣ спѣть ни о какой тропинкѣ, ни о лѣсной, ни о садовой. Это только протоколъ. Я понялъ, что не нужно копировать предметы и усердно ихъ раскрашивать, чтобы они казались возможно болѣе эффектными — это не искусство. Понялъ я, что во всякомъ искусствѣ важнѣе всего чувство и духъ — тотъ глаголъ, которымъ пророку было повелѣно жечь сердца людей. Что этотъ глаголъ можетъ звучать и въ краскѣ, и въ линіи, и въ жестѣ — какъ въ рѣчи. Я сдѣлалъ изъ этихъ новыхъ для меня впечатлѣній надлежащіе выводы для моей собственной работы въ оперѣ.

Первое мое выступленіе въ театрѣ Мамонтова состоялось въ «Фаустѣ» Гуно. Роль Мефистофеля какъ будто считается одной изъ моихъ лучшихъ ролей. Я пѣлъ ее сорокъ лѣтъ подрядъ во всѣхъ театрахъ міра. Она, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ освящена традиціей въ томъ видѣ, въ какомъ я ее представляю. Я долженъ сдѣлать признаніе, что Мефистофель — одна изъ самыхъ горькихъ неудовлетворенностей всей моей артистической карьеры. Въ своей душѣ я ношу образъ Мефистофеля, который мнѣ такъ и не удалось воплотить. Въ сравненіи съ этимъ мечтаемымъ образомъ — тотъ, который я создаю, для меня не больше, чѣмъ зубная боль. Мнѣ кажется, что въ изображеніи этой фигуры, не связанной ни съ какимъ бытомъ, ни съ какой реальной средой или обстановкой, фигуры вполнѣ абстрактной, математической — единственно подходящимъ средствомъ выраженія является скульптура.

Никакія краски костюма, никакая пятна грима въ отдѣльности не могутъ въ данномъ случаѣ заменить остроты и таинственнаго холода голой скульптурной линіи. Элементъ скульптуры вообще присущъ театру — онъ есть во всякомъ жестѣ — но въ роли Мефистофеля скульптура въ чистомъ виде прямая необходимость и первооснова. Мефистофеля я вижу безъ бутафоріи и безъ костюма. Это острыя кости въ безпрестанномъ скульптурномъ дѣйствіи.

Я пробовалъ осуществить этотъ мой образъ Мефистофеля на

сцене, но удовлетворенія отъ этого не получилъ. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ этихъ попыткахъ я практически могъ только приблизиться къ моему замыслу, не осуществляя его вполне. А искусство, какъ известно, приблизительнаго не терпитъ. Мнѣ нужно вполне нагое скульптурное существо, конечно, условное, какъ все на сцене, но и эта условная нагота оказалась неосуществимой: изъ за соседства со щепетильнымъ «nu» мнѣ приходилось быть просто раздѣтымъ въ предѣлахъ салоннаго приличія… Встрѣтилъ я къ тому же и нѣкоторыя объективныя техническія затрудненія. Какъ бы то ни было, Мефистофеля я игралъ по узаконенному чекану, выработанному раньше многими талантливыми художниками и поэтами. Чеканъ этотъ несомненно производитъ на публику впечатлѣніе, и онъ имѣетъ, слѣдовательно, свои права.

Однако, мой первый московскій Мефистофель отъ сценической традиціи кое въ чемъ уклонялся. Прежде всего, я надѣлъ новый костюмъ, который совсѣмъ не походилъ на привычный костюмъ лже-ландскнехта. Мефистофелю полагается по чину два пера — я одно убралъ, надѣлъ только одно. Пересталъ я также наклеивать усы, закрученные кверху усатиномъ. Мнѣ казалось, что отъ этихъ маленькихъ перемѣнъ фигура Мефистофеля внѣшне выигрываетъ. Одно перо больше подходитъ къ лицу, съ котораго убрали усы; безъ усовъ же лицо выглядитъ болѣе костлявымъ, т. е., болѣе скульптурнымъ и, слѣдовательно, болѣе соотвѣтствуетъ стилю персонажа.

Мой Мефистофель имѣлъ большой успѣх. Я былъ очень юнъ, эластиченъ, скульптуренъ, полонъ энергіи и голоса. Я понравился публикѣ. Критика заметила также внѣшнюю новизну образа и объ этомъ не умолчала. Она весьма любезно приписала мнѣ какую то заслугу. Но что было воистину превосходно, что для меня было главное, я понравился Мамонтову и моимъ новымъ друзьямъ и воспитателямъ — художникамъ-живописцамъ. Мамонтовъ послѣ этого спектакля великодушно предоставилъ мнѣ carte blanche — разрѣшилъ мнѣ заказывать для моихъ ролей новые костюмы по моему вкусу и, вообще, имѣть сужденіе о постановкѣ пьесъ, въ которыхъ я участвую.

Въ художественномъ отношеніи это было весьма существенное преимущество. Обыкновенно, въ частныхъ театрахъ съ костюмами дѣло обстояло весьма печально. Въ складахъ, наполненныхъ всякой ветошью, всегда были наготовѣ костюмы опредѣленныхъ «стилей» — испанскій, пейзанскій и т. п. Когда надо было играть Мефистофеля, помощникъ режиссера кричалъ:

— Эй, Григорій, тащи нѣмецкій!.. № 16.

У такого мецената, какъ Мамонтовъ, этого, конечно, быть не

могло. Однако-же, право шить новые костюмы для каждой роли было шшрокимъ жестомъ даже въ его антрепризѣ. Къ этому надо добавить еще то, что самъ Мамонтовъ заботливо давалъ мнѣ совѣты, помогалъ выбирать цвѣта матерій для того, чтобы мои костюмы были въ гармоніи съ декорацѣями, которыя съ любовью работали ему лучшіе художники Москвы.

19

До сихъ поръ я съ радостью воспоминаю этотъ чудесный московскій періодъ моей работы. Въ атмосферѣ довѣрія, признанія и дружбы мои силы какъ бы удесятерились. Я работалъ съ энтузіазмомъ и какъ губка впитывалъ въ себя лучшія вѣянія времени, которое во всѣхъ областяхъ искусства было отмѣчено борьбою за обновление духа и формы твореній. Мамонтовъ открылъ двери своего театра для великихъ русскихъ композиторовъ, которыми пренебрегала Императорская сцена. Въ короткое время онъ поставилъ четыре оперы Римскаго-Корсакова и воскресилъ къ славѣ Мусоргскаго свежей постановкой «Бориса Годунова» и «Хованщины».

У Мамонтова я получилъ тотъ репертуаръ, который далъ мнѣ возможность разработать всѣ особенныя черты моей артистической натуры, моего темперамента. Достаточно сказать, что изъ 19-ти ролей, созданныхъ мною въ Москвѣ, 15 были роли русскаго репертуара, къ которому я тяготѣлъ душою. Но самымъ большимъ благодѣяніемъ для меня было, конечно, то, что у Мамонтова я могъ позволить себѣ смелые художественные опыты, отъ которыхъ мои чиновные вицъ-мундиры въ Петербургѣ перепадали бы всѣ въ обморокъ.

Я готовилъ къ одному изъ сезоновъ роль Олоферна въ «Юдифи» Сѣрова. Художественно-декоративную часть этой постановки велъ мой несравненный другъ и знаменитый нашъ художникъ Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, сынъ композитора. Мы съ нимъ часто вели бесѣды о предстоящей работѣ. Сѣровъ съ увлеченіемъ разсказывалъ мнѣ о духѣ и жизни древней Ассиріи. А меня волновалъ вопросъ, какъ представить мнѣ Олоферна на сценѣ? Обыкновенно его у насъ изображали какимъ-то волосатымъ размашистымъ чудовищемъ. Ассирійская бутафорія плохо скрывала пустое безличіе персонажа, въ которомъ не чувствовалось ни малѣйшаго дыханія древности. Это бывалъ просто страшный манекенъ, напившійся пьянымъ. А я желалъ дать не только живой, но и характерный образъ древняго ассирійскаго сатрапа. Разумѣется, это легче желать, чѣмъ

осуществить. Какъ поймать эту давно погасшую жизнь, какъ уловить ея неуловимый трепетъ? И вотъ однажды въ студіи Сѣрова, разсматривая фотографіи памятниковъ стариннаго искусства Египта, Ассиріи, Индіи, я наткнулся на альбомъ, въ которомъ я увидѣлъ снимки барельефовъ, каменныя изображенія царей и полководцевъ, то сидящихъ на тронѣ, то скачущихъ на колесницахъ, въ одиночку, вдвоемъ, втроемъ. Меня поразило у всѣхъ этихъ людей профильное движеніе рукъ и ногъ, — всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Ломанная линія рукъ съ двумя углами въ локтевомъ сгибѣ и у кисти, наступательно заострены впередъ. Ни одного въ сторону раскинутаго движенія!

Въ этихъ каменныхъ позахъ чувствовалось великое спокойствіе, царственная медлительность и въ то же время сильная динамичность. Не дурно было бы — подумалъ я — изобразить Олоферна вотъ такимъ, въ этихъ типическихъ движеніяхъ, каменнымъ и страшнымъ. Конечно, не такъ, вѣроятно, жили люди той эпохи въ дѣйствительности; едва-ли они такъ ходили по своимъ дворцамъ и въ лагеряхъ; это, очевидно, пріемъ стилизаціи. Но, вѣдь, стилизація, это не сплошная выдумка, есть же въ ней что нибудь отъ дѣйствительности, — разсуждалъ я дальше. Мысль эта меня увлекала, и я спросилъ Сѣрова, что подумалъ бы онъ о моей странной фантазіи?

Сѣровъ какъ-то радостно встрепенулся, подумалъ и сказалъ:

— Ахъ, это бы было очень хорошо. Очень хорошо!.. Однако, поберегись. Какъ бы не вышло смешно…

Мысль эта не давала мнѣ покою. Я носился съ нею съ утра до вечера. Идя по улицѣ, я дѣлалъ профильныя движенія взадъ и впередъ руками, и убѣждалъ себя, что я правъ. Но легко ли будетъ, возможно ли будетъ мнѣ, при такой структурѣ фигуры Олоферна, заключать Юдифь въ объятія?.. Я попробовалъ — шедшая мнѣ навстрѣчу по тротуару барышня испуганно отшатнулась и громко сказала:

— «Какай нахалъ»!..

Я очнулся, разсмѣялся и радостно подумалъ:

— Можно…

И въ 1897 году на Москва-рѣкѣ въ театрѣ Солодовникова я игралъ Олоферна суровымъ каменнымъ барельефомъ, одухотвореннымъ силой, страстью и грознымъ величіемъ. Успѣхъ Олофернъ превзошелъ всѣ ожиданія. Воспоминая эту первую мою попытку и мой успѣхъ, я теперь ясно отдаю себѣ отчетъ, какъ я былъ тогда еще несовершененъ. Я смѣю думать, однако, что я первый на сценѣ попробовалъ осуществить такое вольное новшество.

Много разъ впослѣдствіи я имѣлъ удовлетворение видѣть, какъ талантливѣйшіе русскіе хореографы съ успѣхомъ применяли этотъ новый пріемъ, въ болѣе совершенномъ видѣ, въ танцахъ и балетныхъ спектакляхъ…

Многозначительный эпизодъ Олоферна показалъ мнѣ, что жестъ и движеніе на сценѣ, какъ бы они ни были архаичны, условны и необычны, будутъ все таки казаться живыми и естественными, если артистъ глубоко въ душѣ ихъ прочувствуетъ.

20

Въ этотъ плодотворный московскій періодъ работа надъ каждой ролью приносила мнѣ какое нибуь неожиданное поученіе, какой нибудь новый урокъ или же укрѣпляла меня въ какомъ нибудь уже ранѣе сложившемся убѣжденіи, полезномъ для моего искусства. Значеніе и важность правильной интонаціи роли я сознавалъ уже давно — пожалуй, еще со времени моихъ занятій съ Усатовымъ, а въ особенности, послѣ разговора съ Дальскимъ о роли мельника.

Но вотъ, при постановкѣ «Псковитянки» Римскаго-Корсакова, мнѣ пришлось выстрадать это сознаніе въ прямо таки драматической формѣ.

Я игралъ въ «Псковитянкѣ» роль Ивана Грознаго. Съ великимъ волненіемъ готовился я къ ней. Мнѣ предстояло изобразить трагическую фигуру Грознаго Царя одну изъ самыхъ сложныхъ и страшныхъ фигуръ русской исторіи.

Я не спалъ ночей. Читалъ книги, смотрѣлъ въ галлереяхъ и частныхъ коллекціяхъ портреты Царя Ивана, смотрѣлъ картины на темы, связанныя съ его жизнью. Я выучилъ роль на зубокъ и началъ репетировать. Репетирую старательно, усердно — увы, ничего не выходитъ. Скучно. Какъ ни кручу — толку никакого.

Сначала я нервничалъ, злился, грубо отвѣчалъ режиссеру и товарищамъ на вопросы, относившіеся къ роли, и кончилъ тѣмъ, что разорвалъ клавиръ въ куски, ушелъ въ уборную и буквально зарыдалъ.

Пришелъ ко мнѣ въ уборную Мамонтовъ и, увидѣвъ мое распухшее отъ слезъ лицо, спросилъ въ чѣмъ дѣло? Я ему попечалился. Не выходитъ роль — отъ самой первой фразы до послѣдней.

— А ну-ка, — сказалъ Мамонтовъ, — начните-ка еще разъ сначала.

Я вышелъ на сцену. Мамонтовъ сѣлъ въ партеръ и слушаетъ.

Иванъ Грозный, разоривъ и прѣдавъ огню вольный

Новгородъ, пришелъ въ Псковъ сокрушить и въ немъ духъ вольности.

Моя первая сцена представляетъ появленіе Грознаго на порогѣ дома псковского намѣстника, боярина Токмакова.

— Войти аль нѣт? — первая моя фраза.

Для роли Грознаго этотъ вопросъ имѣетъ такое же значеніе, какъ для роли Гамлета вопросъ: «быть или не быть?» Въ ней надо сразу показать характеръ царя, дать почувствовать его жуткое нутро. Надо сдѣлать яснымъ зрителю, не читавшему исторіи, а тѣмъ болѣе — читавшему ее, почему трепещетъ бояринъ Токмаковъ отъ одного вида Ивана.

Произношу фразу — «войти аль нѣтъ?» — тяжелой гуттаперкой валится она у моихъ ногъ, дальше не идетъ. И такъ весь актъ — скучно и тускло.

Подходитъ Мамонтовъ и совсѣмъ просто, какъ бы даже мимоходомъ, замѣчаетъ:

— Хитряга и ханжа у васъ въ Иванѣ есть, а вотъ Грознаго нѣтъ.

Какъ молніей, освѣтилъ мнѣ Мамонтовъ однимъ этимъ замѣчаніемъ положеніе. — Интонація фальшивая! — сразу почувствовалъ я. Первая фраза — «войти, аль нѣтъ?» — звучитъ у меня ехидно, ханжески, саркастически, зло. Это рисуетъ Царя слабыми нехарактерными штрихами. Это только морщинки, только оттѣнки его лица, но не самое его лицо. Я понялъ, что въ первой фразѣ Царя Ивана должна вылиться вся его натура въ ея главной сути.

Я повторилъ сцену:

— Войти, аль нѣтъ?

Могучимъ, грознымъ, жестоко-издѣвательскимъ голосомъ, какъ ударъ желѣзнымъ посохомъ, бросилъ я мой вопросъ, свирепо озирая комнату.

И сразу все кругомъ задрожало и ожило. Весь актъ прошелъ ярко и произвелъ огромное впечатлѣніе. Интонація одной фразы, правильно взятая, превратила ехидную змѣю (первоначальный оттѣнокъ моей интонаціи) въ свирѣпаго тигра…

Интонація поставила поѣздъ на надлежащая рельсы, и поѣздъ засвистѣлъ, понесся стрѣлой.

Вѣдь, вотъ же: въ формальномъ отношеніи я пѣлъ Грознаго безукоризненно правильно, съ математической точностью выполняя всѣ музыкальныя интонаціи, т. е пѣлъ увеличенную кварту, пѣлъ секунду, терцію, большую, малую, какъ указано. Тѣмъ не менѣе, если бы я даже обладалъ самымъ замѣчательнымъ голосомъ въ мірѣ, то этого все таки было бы недостаточно для того, чтобы произвести то художественное

впечатлѣніе, которое требовала данная сценическая фигура въ данномъ положеніи. Значить — понялъ я разъ навсегда и безповоротно — математическая вѣрность музыкѣ и самый лучшій голосъ мертвенны до тѣхъ поръ, пока математика и звукъ не одухотворены чувствомъ и воображеніемъ. Значитъ, искусство пѣнія нѣчто большее, чѣмъ блескъ bel canto… Я уже сказалъ, что каждая новая постановка сближала меня съ какимъ нибудь замѣчательнымъ русскимъ художникомъ. «Псковитянка» сблизила меня съ Викторомъ Васнецовымъ, вообще питавшимъ ко мнѣ сердечное расположеніе.

Этотъ замѣчательный оригинальный русскій художникъ родился въ Вятской губерніи, родинѣ моего отца.

Поразительно, какихъ людей рождаютъ на сухомъ пескѣ ростущіе еловые лѣса Вятки! Выходятъ изъ вятскихъ лѣсовъ и появляются на удивленіе изнеженныхъ столицъ люди, какъ бы изъ самой этой древней скифской почвы выдранные. Массивные духомъ, крѣпкіе тѣломъ богатыри. Такими именно были братья Васнецовы. Не мнѣ, конечно, судить, кто изъ братьевъ, Викторъ или Аполлинарій, первенствовалъ въ живописи. Лично мнѣ былъ ближе Викторъ. Когда я глядѣлъ на его Божью Матерь съ младенцемъ, съ прозрачными херувимами и серафимами, я чувствовалъ, какъ духовно прозраченъ, при всей своей творческой массивности, самъ авторъ. Его витязи и богатыри, воскресающіе самую атмосферу древней Руси, вселяли въ меня ощущеніе великой мощи и дикости — физической и духовной. Отъ творчества Виктора Васнецова вѣяло «Словомъ о Полку Игоревѣ». Незабываемы на могучихъ коняхъ эти суровые, нахмуренные витязи, смотрящіе изъ подъ рукавицъ вдаль — на перекресткахъ дорогъ… Вотъ эта сухая сила древней закваски жила въ обоихъ Васнецовыхъ.

Замѣчательный былъ у Виктора Васнецова домъ, самимъ имъ выстроенный на одной изъ Мѣщанскихъ улицъ Москвы. Нѣчто среднее между современной крестьянской избой и древнимъ княжескимъ теремомъ. Не изъ камней сложенъ — домъ былъ срубленъ изъ дерева. Внутри не было ни мягкихъ креселъ, ни кушетокъ, ни бержеровъ. Вдоль стѣнъ сурово стояли дубовыя, простыя скамьи, въ серединѣ стоялъ дубовый, крѣпко слаженный простой столъ безъ скатерти, а кое-гдѣ разставлены были коренастые табуреты.

Освещалась квартира скудно, такъ какъ окна были небольшія, но за то наверху, въ мастерской, къ которой вела узенькая деревянная лестница, было много солнца и свѣта.

Пріятно было мнѣ въ такой обстановкѣ исключающей всякую словесную фальшь, услышать отъ Васнецова горячія похвалы

созданому мною образу Ивана Грознаго.

Я ему отвѣтилъ, что не могу принять хвалу цѣликомъ, такъ какъ въ нѣкоторой степени образъ этотъ заимствованъ мною отъ него самого. Дѣйствительно, въ домѣ одного знакомаго я видѣлъ сильно меня взволновавшій портретъ — эскизъ Царя Ивана съ черными глазами, строго глядящими въ сторону, — работы Васнецова. И несказанно я былъ польщенъ тѣмъ, что мой театральный Грозный вдохновилъ Виктора Васнецова на новаго Грознаго, котораго онъ написалъ сходящимъ съ лѣстницы въ рукавичкахъ и съ посохомъ. Комплиментъ такого авторитетнаго цѣнителя, какъ Васнецовъ, былъ мнѣ очень дорогъ. Я вспомнилъ о немъ, когда позже одинъ петербургскій музыкальный критикъ писалъ въ «Новомъ Времени» о моемъ Грозномъ:

— «Какой же это русскій Царь? Это — Людовикъ XI».

Какъ курьезно не совпадаютъ сужденія и вкусы!

21

Успѣхъ мой въ театрѣ Мамонтова, повидимому, не былъ искусствѣннымъ, какой нибудь прихотью Москвы, иногда великодержавно позволявшей себѣ кое-какіе капризы въ пику вечному ея сопернику — Петербургу.

Когда я черезъ два съ лишнимъ года, послѣ случайнаго успѣха въ «Русалкѣ» на Марфинской сценѣ, съ труппой Мамонтова пріѣхалъ въ Петербургъ, сѣверная столица приняла меня съ энтузіазмомъ. «Шаляпинъ неузнаваемъ — говорила публика и критика. — Какъ онъ за эти годы свой талантъ отшлифовалъ!»

Мнѣ быль въ этой фразѣ особенно пріятенъ глаголъ: въ немъ заключалось признаніе сдѣланнаго мною трудового усилія…

Словомъ, вслѣдъ за Москвой, и Петербургъ принялъ мою сценическую новизну, какъ живую театральную правду. Я искренно торжествовалъ. Но не только за себя. Вмѣстѣ со мною торжествовала на концертныхъ эстрадахъ моя любимая «Блоха»…

Мусоргскаго я уже одолѣлъ, его пѣсни и романсы не звучали уже у меня тускло, — я нашелъ ихъ единственную интонацію. Правда, противники новой русской музыки еще не сложили оружія; безподобному старику В.В.Стасову еще много лѣтъ надо было бить въ свой благородный «барабанъ», защищая Мусоргскаго, а нерѣдко и меня отъ «верблюдовъ съ кисточками», какъ онъ называлъ тупоумныхъ критиковъ-рутинеровъ; еще привержена была наша фешенебельная публика къ La donna e mobile — но главная линія была прорвана стремительно

наступавшей геніальной плеядой творцовъ русской музыки.

Когда меня скоро опять позвали на Императорскую сцену, при чуткомъ къ духу времени А.В.Теляковскомъ, вмѣстѣ съ моимъ репертуаромъ вступила въ Императорскіе театры, торжествуя, и русская музыка. О щахъ, гречневой кашѣ и перегарѣ водки рѣчи уже не было.

Символическимъ выраженіемъ происшедшей за нисколько лѣтъ перемены въ общей атмосферѣ театра и въ моемъ личномъ положеніи можетъ служить слѣдующій пикантный случай.

Читатель помнитъ, можетъ быть, какъ робко возразилъ я въ 1895 году противъ пейзанскаго костюма Сусанина въ «Жизни за Царя». Вскорѣ, послѣ моего вторичнаго вступленія на Императорскую сцену, я снова игралъ Сусанина. Тотъ же гардеробщикъ принесъ мнѣ, вѣроятно, тотъ же самый для Сусанина костюмъ: «sortie de bal», красные сафьяновые сапоги. Увидѣвъ сіе великолѣпіе, я бросилъ костюмъ на землю и притопталь его ногами.

— Сейчасъ же подать мнѣ мужицкій армякъ и лапти!

Гардеробщикъ не ожидалъ, конечно, такой рѣшительности и испугался. Я думаю, что это былъ первый случай въ исторіи Императорскихъ театровъ, когда чиновникъ испугался актера… До сихъ поръ актеры пугались чиновниковъ.

Гардеробщикъ, вѣроятно, доложилъ; вѣроятно, собирался совѣтъ — тяжелый случай нарушенія субординаціи и порча казеннаго имущества. Костюма я дожидался долго, но дождался: мнѣ принесли темно-желтый армякъ, лапти и онучи.

Революція свершилась. На самой высокой баррикадѣ стоялъ костромской мужикъ Сусанинъ въ настоящихъ лаптяхъ.

22

Само собою разумѣется, что успѣхъ, достигнутый мною въ Москвѣ и въ Петербургѣ, я не могъ считать совершеннымъ, хотя многіе мои соотечественники, и вслѣдъ за ними и иностранцы, уже тогда говорили и писали обо мнѣ въ тонѣ nec plus ultra. Конечно, это было крайнее преувеличеніе моихъ достиженій. Вѣрно только то, что въ Москвѣ я твердой ногой сталъ на правильный путь, удачно избралъ направленіе, но отъ цѣли — совершенства я былъ очень далекъ. Къ цѣли я не переставалъ двигаться всю жизнь и очень искренно думаю, что она также далека отъ меня теперь, какъ была далека тогда. Пути совершенства, какъ пути къ звѣздамъ — они измѣряются далями, человѣческому уму непостижимыми. До Сиріуса всегда будетъ

далеко, даже тогда, когда человѣкъ подымется въ стратосферу не на 16, а на 160 километровъ.

И если я что нибудь ставлю себѣ въ заслугу и позволю себѣ считать примѣромъ, достойнымъ подражанія, то это — самое движеніе мое, неутомимое, безпрерывное. Никогда, ни послѣ самыхъ блестящихъ успѣховъ, я не говорилъ себе: «Теперь, брать, поспи-ка ты на этомъ лавровомъ вѣнкѣ съ пышными лентами и несравненными надписями»… Я помнилъ, что меня ждетъ у крыльца моя русская тройка съ валдайскимъ колокольчикомъ, что мнѣ спать некогда — надо мнѣ въ дальнѣйшій путь!..

Несмотря на легкомыслие молодости, на любовь къ удовольствіямъ, на негу лѣни послѣ беззаботной пирушки съ друзьями, когда бывало выпито немало водки и немало шампанскаго, — несмотря на все это, когда дѣло доходило до работы, я мгновенно преисполнялся честной тревогой и отдавалъ роли всѣ мои силы. Я рѣшительно и сурово изгналъ изъ моего рабочаго обихода тлетворное русское «авось» и полагался только на сознательное творческое усиліе.

Я, вообще, не вѣрю въ одну спасительную силу таланта, безъ упорной работы. Выдохнется безъ нея самый большой талантъ, какъ заглохнетъ въ пустынѣ родникъ, не пробивая себѣ дороги черезъ пески. Не помню, кто сказалъ: «геній — это прилежаніе». Явная гипербола, конечно. Куда какъ прилеженъ былъ Сальери, вѣдь, вотъ, даже музыку онъ разъялъ, какъ трупъ, а Реквіемъ все таки написалъ не онъ, а Моцартъ. Но въ этой гиперболе есть большая правда. Я увѣренъ, что Моцартъ, казавшійся Сальери «гулякой празднымъ», въ дѣйствительности былъ чрезвычайно прилеженъ въ музыкѣ и надъ своимъ геніальнымъ даромъ много работалъ. Вѣдь, что такое работа? Въ Москвѣ, правда, думаютъ и говорятъ, что работа это сталелитейное усердіе, и что поэтому Глинка, напримѣръ, былъ помѣщикъ и дармоѣдъ… Работа Моцарта, конечно, другого порядка. Это — вѣчная пытливость къ звуку, неустанная тревога гармоніи, безпрерывная проверка своего внутренняго камертона… Педантъ Сальери негодуетъ, что Моцартъ, будто бы забавляясь, слушаетъ, какъ слепой скрипачъ въ трактирѣ играетъ моцартовское твореніе. Маляръ негодный ему пачкаетъ Мадонну Рафаэля. Фигляръ пародіей безчеститъ Алигьери… А генію Моцарту это было «забавно» — потому, что слушая убогаго музыканта, онъ работалъ. Ужъ наверное онъ чему нибудь научится, даже на пачкотнѣ маляра, даже на пародіи фигляра…

Слѣдуя хорошимъ образцамъ, я и послѣ успѣховъ, достаточныхъ для того, чтобы вскружить голову самому устойчивому молодому человѣку, продолжалъ учиться, у кого

только могъ, и работалъ.

Помню, какъ однажды Мамонтовъ, пригласившій меня съ собою въ Парижъ, при посѣщеніи Лувра, когда я изъ любопытства залюбовался коронными драгоцѣнностями, — какъ всегда добродушно улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— Кукишки, кукишки это, Федя. Не обращайте вниманія на кукишки, а посмотрите, какъ величественъ, какъ простъ и какъ ярокъ Поль Веронезъ!

Никакая работа не можетъ быть плодотворной, если въ ея основѣ не лежитъ какой нибудь идеальный принципъ. Въ основу моей работы надъ собою я положилъ борьбу съ этими мамонтовскими «кукишками» — съ пустымъ блескомъ, замѣняющимъ внутреннюю яркость, съ надуманной сложностью, убивающей прекрасную простоту, съ ходульной эффектностью, уродующей величіе.

Можно по разному понимать, что такое красота. Каждый можетъ имѣть на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. Но о томъ, что такое правда чувства, спорить нельзя. Она очевидна и осязаема. Двухъ правдъ чувства не бываетъ. Единственно правильнымъ путемъ къ красотѣ я поэтому призналъ для себя — правду.

Nel vero e il bello…

III. Вдохновеніе и трудъ

23

Есть въ искусствѣ такія вещи, о которыхъ словами сказать нельзя. Я думаю, что есть такія же вещи и въ религіи. Вотъ почему и объ искусствѣ и о религіи можно говорить много, но договорить до конца невозможно. Доходишь до какой-то черты, — я предпочитаю сказать: до какого-то забора, и хотя знаешь, что за этимъ заборомъ лежать еще необъятныя пространства, что есть на этихъ пространствахъ, объяснить нѣтъ возможности. Не хватаетъ человѣческихъ словъ. Это переходитъ въ область невыразимаго чувства. Есть буквы въ алфавитѣ, и есть знаки въ музыкѣ. Все вы можете написать этими буквами, начертать этими знаками. Всѣ слова, всѣ ноты. Но… Есть интонація вздоха — какъ написать или начертить эту интонацію? Такихъ буквъ нѣть.

Какъ у актера возникаетъ и формируется сценическій образъ, можно сказать только приблизительно. Это будетъ, вѣроятно, какая нибудь половина сложнаго процесса — то, что лежитъ по эту сторону забора. Скажу, однако, что сознательная часть работы актера имѣетъ чрезвычайно большое, можетъ быть, даже рѣшающее значеніе — она возбуждаетъ и питаетъ интуицію, оплодотворяетъ ее.

Для того, чтобы полетѣть на аэропланѣ въ невѣдомыя высоты стратосферы, необходимо оттолкнуться отъ куска плотной земли, разумно для этой цѣли выбраннаго и известнымъ образомъ прислособленнаго. Какія тамъ осѣнятъ актера вдохновенія при дальнѣйшей разработка роли — это дѣло позднейшее. Этого онъ и знать не можетъ и думать объ этомъ не долженъ, — придетъ это какъ-то помимо его сознанія; никакимъ усердіемъ, никакой волей онъ этого предопредѣлить не можетъ. Но вотъ, отъ чего ему оттолкнуться въ его творческомъ порыве, это онъ долженъ знать твердо. Именно, знать. То-есть, сознательнымъ усиліемъ ума и воли онъ обязанъ выработать себѣ взглядъ на то дѣло, за которое онъ берется. Всѣ послѣдующія замѣчанія о моей манере работать относятся исключительно къ сознательной и волевой стороне творческаго процесса. Тайны же его мнѣ неизвестны, а если иногда въ высочайшія минуты духовнаго подъема я ихъ смутно и ощущаю, — выразить ихъ я все-таки не могъ бы…

Мнѣ приносятъ партитуру оперы, въ которой я долженъ пѣть известную роль. Ясно, что мнѣ надо познакомиться съ лицомъ, которое мнѣ придется изображать на сцене. Я читаю партитуру и

спрашиваю себя: что это за человѣкъ? Хорошій или дурной, добрый или злой, умный, глупый, честный, хитрюга? Или сложная смесь всего этого? Если произведеніе написано съ талантомъ, то оно мнѣ отвѣтитъ на мои вопросы съ полной ясностью. Есть слова, звуки, дѣйствіе, и если слова характерныя, если звуки выразительные, если дѣйствіе осмысленное, то образъ интересующего меня лица уже нарисованъ. Онъ стоитъ въ произведеніи готовый, — мнѣ только надо правильно его прочитать. Для этого я долженъ выучить не только свою роль, — всѣ роли до единой. Не только роли главнаго партнера и крупныхъ персонажей — все. Реплику хориста, и ту надо выучить. Это, какъ будто, меня не касается? Нѣтъ, касается. Въ пьесѣ надо чувствовать себя, какъ дома. Больше, чѣмъ «какъ дома». Не бѣда, если я дома не увѣренъ въ какомъ-нибудь стулѣ, — въ театрѣ я долженъ быть увѣренъ. Чтобы не было никакихъ сюрпризовъ, чтобы я чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ. Прежде всего, не зная произведения отъ первой его ноты до послѣдней, я не могу вполнѣ почувствовать стиль, въ которомъ оно задумало и исполнено, — слѣдовательно, не могу почувствовать вполнѣ и стиль того персонажа, который меня интересуетъ непосредственно. Затѣмъ, полное представленіе о персонажѣ я могу получить только тогда, когда внимательно изучилъ обстановку, въ какой онъ дѣйствуетъ, и атмосферу, которая его окружаетъ. Окажется иногда, что малозначительная какъ будто фраза маленькаго персонажа — какого-нибудь «второго стража» у дворцовыхъ воротъ — неожиданно освѣтитъ важное дѣйствіе, развивающееся въ парадной залѣ или въ интимной опочивальнѣ дворца.

Нѣтъ такой мелочи, которая была бы мнѣ безразлична, если только она не сделана авторомъ безъ смысла, безъ надобности — зря.

Усвоивъ хорошо всѣ слова произведенія, всѣ звуки, продумавъ всѣ дѣствія персонажей, большихъ и малыхъ, ихъ взаимоотношения, почувствовавъ атмосферу времени и среды, я уже достаточно знакомъ съ характеромъ лица, которое я призванъ воплотить на сценѣ. У него басъ, онъ уменъ и страстенъ, въ его реакціяхъ на событія и впечатлѣнія чувствуется нетерпѣливая порывистость или же, наоборотъ, разсчетливая обдуманность. Онъ прямодушенъ и наивенъ или же себѣ на умѣ и тонокъ. Чиста ли у него совѣсть? Да, потому что съ нечистой совестью персонажъ чувствовалъ бы и говорилъ какъ-то иначе… Словомъ, я его знаю такъ же хорошо, какъ знаю школьнаго товарища или постояинаго партнера въ бриджъ.

Если персонажъ вымышленный, твореніе фантазіи

художника, я знаю о немъ все, что мнѣ нужно и возможно знать изъ партитуры, — онъ весь въ этомъ произведеніи. Побочнаго свѣта на его личность я не найду. И не ищу. Иное дѣло, если персонажъ — лицо историческое. Въ этомъ случай я обязанъ обратиться еще къ исторіи. Я долженъ изучить, какія дѣйствительныя событія происходили вокругъ него и черезъ него, чѣмъ онъ былъ отличенъ отъ другихъ людей его времени и его окруженія, какимъ онъ представлялся современникамъ и какимъ его рисуютъ историки. Это для чего нужно? Ведь, играть я долженъ не исторіи, а лицо, изображенное въ данномъ художественномъ произведеніи, какъ бы оно ни противорѣчило исторической истинѣ. Нужно это вотъ для чего. Если художникъ съ исторіей въ полномъ согласіи, исторія мнѣ поможетъ глубже и всестороннѣе прочитать его замыселъ; если же художникъ отъ исторіи уклонился, вошелъ съ ней въ сознательное противорѣчие, то знать историческіе факты мнѣ въ этомъ случаѣ еще гораздо важнѣе, чѣмъ въ первомъ. Тутъ, какъ разъ на уклоненіяхъ художника отъ исторической правды, можно уловить самую интимную суть его замысла. Исторія колеблется, не знаетъ — виновенъ ли Царь Борисъ въ убіеніи царевича Дмитрия въ Угличѣ или невиновенъ. Пушкинъ дѣлаетъ его виновнымъ, Мусоргскій вслѣдъ за Пушкинымъ надѣляетъ Бориса совестью, въ которой, какъ въ клетке зверь, мятется преступная мука. Я, конечно, много больше узнаю о произведеніи Пушкина и толкованіи Мусоргскимъ образа Бориса, если я знаю, что это не безспорный историческій фактъ, а субъективное истолкованіе исторіи. Я вѣренъ, не могу не быть вѣрнымъ замыслу Пушкина и осуществленію Мусоргскаго, — я играю преступнаго Царя Бориса, но изъ знанія истории я все-таки извлекаю кое-какіе оттенки игры, которые иначе отсутствовали бы. Не могу сказать достоверно, но возможно, что это знаніе помогаетъ мнѣ дѣлать Бориса болѣе трагически-симпатичнымъ… Вотъ почему, готовясь къ роли Бориса, я обратился къ нашему знаменитому историку В.О.Ключевскому за указаніями и совѣтомъ. Съ радостной благодарностью помню, какъ чудесно говорилъ мнѣ о Борисе, его эпохѣ и средѣ незабвенный Василій Осиповичъ. Тонкій художникъ слова, надѣленный огромнымъ историческимъ воображеніемъ, онъ оказался и замѣчательнымъ актеромъ. Гулялъ я съ нимъ во Владимірской губерніи по лесу, когда онъ мнѣ разсказывалъ о характере князя Василія Шуйскаго. Какой-же это былъ изумительный разсказъ! Остановится, отступитъ шага на два, протянетъ вкрадчиво ко мнѣ — Царю Борису — руку и такъ разсудительно, сладко говоритъ:

Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
изменчива, мятежна, суевѣрна,
легко пустой надежде предана,
мгновенному веленію послушна,
для истины глуха и равнодушна,
а баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага:
такъ если сей невѣдомый бродяга
литовскую границу перейдетъ…

Говорить, а самъ хитрыми глазами мнѣ въ глаза смотритъ, какъ бы прощупываетъ меня, какое впечатлѣніе на меня производятъ его слова — испуганъ ли я, встревоженъ ли? Ему это очень важно знать для своей политической игры. Какъ живой, вставалъ предо мною Шуйскій въ воплощеніи Ключевскаго. И я понималъ, что когда говоритъ такой тонкій хитрецъ, какъ Шуйскій, я, Борисъ, и слушать долженъ его, какъ слушаютъ ловкаго интригана, а не просто безхитростнаго докладчика-царедворца.

Такимъ образомъ, первоначальный ключъ къ постиженію характера изображаемаго лица даетъ мнѣ внимательное изученіе роли и источниковъ, т. е. усиліе чисто интеллектуальнаго порядка. Я просто усваиваю урокъ, какъ ученикъ проходитъ свой курсъ по учебнику. Но это, очевидно, только начало.

24

Какъ бы ни былъ хорошо нарисованъ авторомъ персонажъ, онъ всегда останется зрительно-смутнымъ. Въ книгѣ или партитурѣ нѣтъ картинокъ, нѣтъ красокъ, нѣтъ измѣреній носа въ милиметрахъ. Самый искусный художникъ слова не можетъ пластически объективно нарисовать лицо, передать звукъ голоса, описать фигуру или походку человѣка. На что величайшій художникъ Левъ Толстой, но пусть десять талантливыхъ художниковъ попробуютъ нарисовать карандашомъ или писать кистью портретъ Анны Карениной по замѣткамъ Толстого, — выйдетъ десять портретовъ, другъ на друга совершенно непохожихъ, хотя каждый изъ нихъ въ какомъ-нибудь отношении будетъ близокъ къ синтетическому образу Карениной. Очевидно, что объективной правды въ этомъ случай быть не можетъ, да не очень ужъ и интересна эта протокольная правда.

Но если актриса берется играть Анну Каренину, — да

простить ей это Господь! — необходимо, чтобы внѣшній сценическій образъ Анны ничѣмъ не противорѣчилъ тому общему впечатлѣнію, которое мы получили объ ней въ романе Толстого. Это — минимальнейшее требование, которое актриса должна себѣ предъявить. Но этого, конечно, мало. Надо, чтобы внѣшній образъ не только не противорѣчилъ роману Толстого, но и гармонировалъ съ возможно большимъ количествомъ чертъ характера Анны Карениной, эти черты дѣлалъ для зрителя болѣе замѣтными и убѣдительными. чѣмъ полнее внѣшній образъ актрисы сольется съ духовнымъ образомъ, нарисованнымъ въ романе, тѣмъ онъ будетъ совершеннее. Само собою разумѣется, что подъ внѣшностью я разумею не только гримъ лица, цвеѣ волосъ и тому подобное, но манеру персонажа быть: ходить, слушать, говорить, смеяться, плакать.

Какъ осуществить это? Очевидно, что одного интеллектуальнаго усилія тутъ недостаточно. Въ этой стадіи созиданія сценическаго образа вступаетъ въ дѣйствіе воображеніе — одно изъ самыхъ главныхъ орудій художественнаго творчества.

Вообразить, это значитъ — вдругъ увидѣть. Увидѣть хорошо, ловко, правдиво. Внѣшній образъ въ цѣломъ, а затемъ въ характерныхъ деталяхъ. Выраженіе лица, позу, жестъ. Для того-же, чтобы правильно вообразить, надо хорошо, доподлинно знать натуру персонажа, ея главныя свойства. Если хорошо вообразить нутро человѣка, можно правильно угадать и его внѣшній обликъ. При первомъ же появленіи «героя» на сцене, зритель непременно почувствуетъ его характеръ, если глубоко прочувствовалъ и правильно вообразилъ его самъ актеръ. Воображение лктера должно соприкоснуться съ воображеніемъ автора и уловить существенную ноту пластическаго бытія персонажа. Сценическій образъ правдивъ и хорошъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ убѣждаетъ публику. Слѣдовательно, при созданіи внѣшней оболочки образа нужно подумать объ ея убѣдительности, — какое она произведетъ впечатлѣніе?

Борись Годуновъ. Есть монета съ его портретомъ. На монетѣ онъ безъ бороды. Въ однихъ усахъ. Волосы, кажется, стриженные. Это, вѣроятно, настоящая историческая правда, но подумавъ, я пришелъ къ заключению, что эта протокольная истина никому неинтересна. Ну, былъ Борись безъ бороды. Слѣдуетъ ли изъ этого, что я долженъ выйти на сцену бритымъ? Изобразилъ ли бы я Бориса блондиномъ? Конечно, нѣтъ. Я этимъ ослабилъ бы впечатлѣніе отъ его личности. Онъ монгольскаго происхожденія. Отъ него ждутъ черной бороды. И я пожаловалъ Борису черную бороду. Тѣ, которые меня видели въ роли Бориса, могутъ судить, въ какой степени эта внѣшняя деталь оказалась важной для силы

и красоты образа.

Донъ-Кихотъ. Я совсѣмъ не знаю, какой онъ изъ себя. Правда, внимательно прочитавъ Сервантеса, закрывъ затѣмъ глаза и задумавшись, я могу получить общее впечатлѣніе отъ Донъ-Кихота, такое-же приблизительное, какое десять художниковъ, о которыхъ я говорилъ выше, получили отъ Анны Карениной. Я, напримѣръ, могу понять, что этотъ сосредоточенный въ себѣ мечтатель долженъ быть медлительнымъ въ движеніяхъ, не быть суетливымъ. Я понимаю, что глаза у него должны быть не трезвые, не сухіе. Я понимаю много различныхъ и важныхъ отдѣльныхъ чертъ. Но, вѣдь, этого мало, — какой онъ въ цѣломъ — синтетически? Что нужно мнѣ сдѣлать для того, чтобы публика при первомъ взглядѣ на Донъ-Кихота довѣрчиво и съ симпатіей ему улыбнулась: да, это ты, старый знакомецъ нашъ и другъ. Ясно, что въ его внѣшности должна быть отражена и фантазія, и беспомощность, и замашки вояки, и слабость ребенка, и гордость кастильскаго рыцаря, и доброта святого. Нужна яркая смѣсь комическаго и трогательнаго. Исходя изъ нутра Донъ-Кихота, я увидѣлъ его внѣшность. Вообразилъ ее себѣ и, черта за чертою, упорно лѣпилъ его фигуру, издали эффектную, вблизи смѣшную и трогательную. Я далъ ему остроконечную бородку, на лбу я взвихрилъ фантастическій хохолокъ, удлинилъ его фигуру и поставилъ ее на слабыя, тонкія, длинныя ноги. И далъ ему усъ, — смешной положимъ, но явно претендующій украсить лицо именно испанскаго рыцаря… И шлему рыцарскому и латамъ противопоставилъ доброе, наивное, дѣтское лицо, на которомъ и улыбка, и слеза, и судорога страданія выходятъ почему-то особенно трогательными.

Отъ нутра исходилъ я и при разработкѣ внѣшней фигуры Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ Цырюльникѣ». Этотъ персонажъ говоритъ: «вы только деньги дайте мнѣ, а я уже сдѣлаю все». Въ этой фразѣ весь Донъ-Базиліо. Надо, чтобы зритель при первомъ взглядѣ на него почувствовалъ, что это за птица, на что этотъ человѣкъ способенъ. По одной его позѣ, прежде, чѣмъ онъ сказалъ слово. Воображение мнѣ подсказывало, что въ Донъ-Базиліо зритель повѣритъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ будетъ протокольно реалистиченъ, и исполняя эту роль, я отъ реализма рѣзко отхожу въ сторону гротеска. Мой Донъ-Базиліо, какъ будто, складной, если хотите — растяжимый, какъ его совесть. Когда онъ показывается въ дверяхъ, онъ малъ, какъ карликъ, и сейчасъ же на глазахъ у публики разматывается и вырастаетъ жирафомъ. Изъ жирафа онъ опять сожмется въ карлика, когда это нужно. Онъ все можетъ, — вы ему только дайте денегъ. Вотъ отчего онъ сразу и смѣшонъ, и жутокъ. Зрителя уже ничто въ немъ не удивляетъ.

Его дифирамбъ полезной клеветѣ — уже въ его фигурѣ.

Конечно, и воображеніе должно питаться жизнью, наблюденіями. Дать образъ испанскаго гармониста, — надо съездить въ Испанію.

Въ то время, когда сочинялъ Донъ-Базиліо, я въ Испаніи не бывалъ еще. Но бывалъ на границѣ Испаніи, во Франціи. Видалъ я всякихъ клерковъ, поповъ — тонкихъ и толстыхъ. Старинные органисты въ большинства случаевъ походили на аббатовъ. Какъ то разъ ѣхалъ я изъ Дижона въ какое то шато. Корматенъ, кажется. А во Франціи, вѣдь, съ поездами знаете какъ. На главныхъ магистраляхъ идутъ чудные поезда — голубые, синіе, а въ провинціи такіе, что не знаешь, гдѣ, сколько и зачѣмъ постоятъ, когда и куда прибудутъ. Остановились мы на какой-то станціи, ждемъ. Пришелъ въ вагонъ попъ. Ничего не сказалъ, посмотрѣлъ на пассажировъ и на меня, сѣлъ согбенно къ окошку, сложилъ руки, ладонь къ ладони, и неподвижно глядитъ въ окно. Смотрю — профиль, платочекъ фуляровый на шеѣ, шляпа. Я не зналъ, что это за человѣкъ, — можетъ быть, честный, а я подумалъ: вотъ Донъ-Базиліо. Взялъ я его внѣшность.

25

Мнѣ часто приписываютъ какія-то новшества въ гримѣ. Не думаю, что я изобрѣлъ въ этой области нѣчто новое. Гримироваться я самъ учился у замѣчательныхъ россійскихъ драматическихъ актеровъ. Я только старался быть аккуратнымъ въ примѣненіи полученныхъ мною отъ нихъ знаній. Вѣдь, у насъ въ оперѣ часто можно было видѣть актеровъ, которые гримировали только лицо. Пока онъ стоитъ en face, онъ съ грѣхомъ пополамъ еще напоминаетъ типъ изображаемаго персонажа, но стоитъ только ему повернуться, какъ зритель замѣчаетъ, что сзади парикъ не покрываетъ его собственныхъ волосъ, и при лицѣ индуса онъ видитъ бѣлую, чистенькую шею прохожаго любовника. То же бываетъ съ руками, Актеръ играетъ старика, привѣсилъ бороду, надѣлъ сѣдой парикъ, а руки молодыя, бѣлыя, да еще съ перстнемъ на пальцѣ. Я, конечно, старался не оставлять шаляпинской шеи и шаляпинскихъ рукъ трудовому крестьянину Сусанину — онѣ ему не нужны. Сусанинъ цѣлый день работаетъ, согбенный, на солнцѣ, и я даю его шеѣ густой загаръ и даю ему грубыя мужицкія руки.

Гримъ очень важная вѣщь, но я всегда помнилъ мудрое правило, что лишнихъ деталей надо избегать въ гримѣ такъ же, какъ и въ самой игрѣ. Слишкомъ много деталей вредно. Онѣ

запроможда́ютъ образъ. Надо, какъ можно проще, взять быка за рога. Идти къ сердцу, къ ядру вещи. Дать синтезъ. Иногда одна яркая деталь рисуетъ цѣлую фигуру. Въ тысячной толпѣ можно иногда узнать человѣка только по одному тому, какъ у него сидитъ на затылкѣ шляпа, и какъ онъ стоитъ. Это — Иванъ Григорьевичъ! У васъ нѣтъ никакихъ въ этомъ сомнѣній. Одна деталь выделила его изъ тысячи людей… Я убѣжденъ, что если бы сто человѣкъ для опыта просовывали въ дверь руку, то одна какая-нибудь рука была бы сразу узнана всѣми, и наблюдатели воскликнули бы хоромъ:

— Николай Петровичъ, Николай Петровичъ! Его рука.

Я никогда ни на одну минуту не забывалъ, что гримъ это только помощникъ актера, облегчающій внѣшнюю характеристику типа, и что роль его, въ концѣ концовъ, только второстепенная. Какъ одежда на тѣлѣ не должна мѣшать движеніямъ тѣла, такъ гримъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы не мѣшать движеніямъ лица. Гримъ нуженъ прежде всего для того, чтобы скрыть индивидуальныя черты актера. Мое лицо такъ же будетъ мѣшать Царю Борису, какъ мѣшалъ бы ему мой пиджакъ. И точно такъ же, какъ костюмъ Бориса прежде всего имѣетъ задачей устранить мой пиджакъ, — гримъ Бориса долженъ прежде всего замаскировать мое лицо. Вотъ, между прочимъ, почему слишкомъ резкая физическая индивидуальность идетъ во вредъ лицедѣйству. Представьте себѣ актера съ суровыми медвежьими бровями, отпущены онѣ ему Господомъ Богомъ на дюжину людей, — или съ носомъ Сирано де Бержеракъ. Ему будетъ очень трудно гримироваться, и не много ролей онъ съ такой индивидуальностью легко сыграетъ. Отсюда, кажется мне, возникновеніе «амплуа». Я могу изобразить Санхо-Панго, я могу его играть, но мое физическое существо мнѣ помѣшаетъ сдѣлать это вполне какъ слѣдуетъ. Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ, при всей своей геніальности, не можетъ играть Донъ-Кихота изъ-за своей физической природы.

Индивидуальность — вѣщь чрезвычайно цѣнная, но только въ духѣ, а не въ плоти. Я скажу больше, никакой гримъ не поможетъ актеру создать живой индивидуальный образъ, если изъ души его не просачиваются наружу этому лицу присущая духовныя краски — гримъ психологическій. Душевное движеніе съ гримомъ не слито, живетъ внѣ зависимости отъ него. Грима можетъ не быть, а соотвѣтствующее ему душевное движеніе все-таки будетъ при художественномъ, а не механическомъ исполненіи роли… Примѣромъ можетъ служить одинъ такого рода случай.

Когда (кажется, въ 1908 году) Дягилевъ организовалъ въ Грандъ-Опера первый русскій сезонъ оперы и балета, въ первый

разъ въ Париже былъ поставленъ Борисъ Годуновъ. Обставлено было представленіе во всѣхъ смыслахъ пышно. Были замѣчательныя декораціи нашихъ чудесныхъ художниковъ Головина и Коровина, костюмы — изъ Императорскихъ театровъ, пріѣхали хоры, набранные изъ московскихъ и петербургскихъ труппъ. И такъ какъ это было необыкновенное театральное событіе для Парижа той эпохи, то на генеральную репетицію были приглашены всѣ замѣчательные люди французской столицы. И вся пресса. Но въ театральномъ дѣлѣ всегда какіе-нибудь сюрпризы. Оказалось, что на генеральной репетиціи не могли быть поставлены нѣкоторый декораціи; вѣроятно, не были готовы. Не могли быть надѣты нѣкоторые костюмы: можетъ быть, не были распакованы. Не отмѣнить же репетиціи!.. Я, какъ всегда, волновался. Обозлившись, я сказалъ:

— Разъ у васъ не готовы декораціи и костюмы, то не готовъ и я. Не загримируюсь, не надѣну костюма, а буду репетировать въ пиджакѣ.

Такъ и сдѣлалъ. Совсѣмъ, какъ на спектаклѣ, я выходилъ и пѣлъ:

— «Дитя мое, голубка моя, иди въ свой теремъ, отдохни, бедняжка»…

И совсѣмъ, какъ на спектаклѣ, я говорилъ сыну:

— «Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,

Тебѣ все это царство
Достанется… Учись дитя».

Я и не обратилъ бы вниманія на то, насколько мои обращенія къ дѣтямъ и мой монологъ были естественны, если бы не то, что въ моментъ, когда я всталъ со стула, устремилъ взоръ въ уголъ и сказалъ:

— «Что это?… Тамъ!.. Въ углу!.. Колышется!!.»

И я услышалъ въ залѣ поразившій меня странный шумъ. Я косо повернулъ глаза, чтобъ узнать, въ чѣмъ дѣло, и вотъ что я увидѣлъ: публика поднялась съ мѣстъ, иные стали на стулья, и глядятъ въ уголъ — посмотрѣть что я въ углу увидѣлъ. Они подумали, что я дѣйствительно что-то увидѣлъ… Я пѣлъ по-русски, языка они не понимали, но по взору моему почувствовали, что я чего то сильно испугался.

Что-же, гримъ усилилъ бы это впечатлѣніе? Едва ли. А если бы усилилъ, то только съ декоративной точки зрѣнія.

Жестъ, конечно, самая душа сценическаго творчества. Настаивать на этомъ, значитъ ломиться въ открытую дверь. Малѣйшее движеніе лица, бровей, глазъ — что называютъ мимикой — есть, въ сущности, жестъ. Правда жеста и его выразительность — первооснова актерской игры. Къ сожалѣнію, у большинства молодыхъ людей, готовящихся къ сценѣ, и у очень многихъ актеровъ со словомъ «жестъ» сейчасъ же связывается представление о рукахъ, о ногахъ, о шагахъ. Они начинаютъ размахивать руками, то прижимая ихъ къ сердцу, то заламывая и выворачивая ихъ книзу, то плавая ими поочередно — правой, лѣвой, правой — въ воздухѣ. И они убѣждаютъ себя, что играютъ роль хорошо, потому что жесты ихъ «театральны». Театральность-же, въ ихъ представленіи, заключается въ томъ, что они слова роли иллюстрируютъ подходящими будто-бы движеніями, и, такимъ образомъ, дѣлаютъ ихъ болѣе выразительными.

Правда, въ сколько нибудь хорошихъ русскихъ школахъ уже давно твердятъ воспитанникамъ, что иллюстрировать слово жестомъ — нехорошо, что это фальшиво, что это пріемъ очень плохой. Но молодые люди этому почему то не вѣрятъ. Какъ это такъ — не иллюстрировать слова жестомъ? А что же дѣлаютъ всѣ большіе актеры? Нѣтъ, что-то не такъ, это надо провѣрить.

Пришелъ однажды въ Москвѣ провѣрять своихъ учителей молодой человѣкъ ко мнѣ. Изложилъ мнѣ свое недоумѣніе и спросилъ мое мнѣніе:

— Учитель вашъ совершенно правъ, — отвѣтилъ я ему. — Вы должны принять къ сведѣнію его указание.

Тутъ-то я и попался. Молодой человѣкъ побѣдоносно откинулся на спинку кресла и сказалъ:

— А какъ-же, г. Шаляпинъ, въ прошлый разъ, когда вы въ Артистическомъ Обществѣ декламировали молодежи стихотвореніе, въ которомъ была фраза:

> «И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
> съ карнизу до полу сплошныя зеркала»…

— то при словахъ «съ карнизу до полу» вы рукою провели въ воздухѣ линіи?!.

— Да? Вѣроятно, это было такъ, — сказалъ я моему гостю. — Но, проводя рукой линіи по воздуху, я глазами моими отмѣрилъ разстояніе, такъ что жесть мой вовсе не говорилъ вамъ о карнизѣ и полѣ, — онъ былъ согрѣтъ чѣмъ-то другимъ. Вѣроятно, я этого жеста и не виделъ, не замѣчалъ его, какъ не замѣчают жестовъ, которые я дѣлаю, разговаривая съ вами… Кстати, скажите мнѣ, пожалуйста, что собственно вы подразумѣваете подъ жестомъ?

Что такое вообще жесть?

Молодой человѣкъ нѣсколько замялся и объяснилъ мне, что жестъ — это движеніе руки, ноги, плечъ и т. п.

— А по-моему, — заметилъ я, — жестъ есть не движеніе тела, а движеніе души. Если я, не производя никакихъ движеній просто сложилъ мои губы въ улыбку, — это уже есть жесть. А разве вамъ запретили въ школе улыбнуться послѣ слова, если эта улыбка идетъ отъ души, согрѣта чувствомъ персонажа? Вамъ запретили механическія движенія, приставленныя къ слову съ нарочитостью. Другое дѣло — жестъ, возникающей независимо отъ слова, выражающій ваше чувствованіе параллельно слову. Этотъ жестъ полезенъ, онъ что-то рисуетъ живое, рожденное воображеніемъ.

Я надѣюсь, что мой собесѣдникъ, будущій актеръ, понялъ меня и не будетъ иллюстрировать слова бездушными движеніями рукъ, ногъ, плечъ и т. п.

Образцомъ великаго художника, который движеніемъ лица и глазъ умѣлъ рисовать великолѣпныя картины, можетъ служить нашъ извѣстный разсказчикъ И.Ф.Горбуновъ. Въ чтеніи разсказы его бѣдноваты. Но стоило только послушать, какъ онъ ихъ разсказываетъ самъ, и посмотреть, какъ при этомъ живетъ, жестикулируя, каждая черта его лица, каждый волосокъ его бровей, чтобы почувствовать, какая въ его разсказахъ глубочайшая правда, какіе это перлы актерскаго искусства. Если бы вы видели, какъ Горбуновъ представляетъ пѣвчаго, регента, мужика, лежащаго въ телѣгѣ и мурлыкающаго пѣсню; если бы видели, какъ этотъ мужикъ реагируетъ на неожиданный ударъ кнута, которымъ его пожаловалъ кучеръ, везущій барина, то вы поняли бы, что такое художественный жестъ, независимо отъ слова возникающій. Безъ такихъ жестовъ жить нельзя и творить нельзя. Потому, что никакими словами и никакими буквами ихъ не заменить. Есть двери, которыя открываются при посредствѣ кирпича, подвѣшеннаго на веревкѣ, — примитивный блокъ. Вы эти двери знаете, видали ихъ. Но какъ скрипитъ такая дверь, какъ хлопаетъ, какъ черезъ нее валятъ клубы пара на улицу, — это можетъ быть разсказано только тѣми прочувствованными и рисующими жестами, на которые былъ великій мастеръ И.Ф.Горбуновъ. Нельзя жестомъ иллюстрировать слова. Это будутъ те жесты, про которые Гамлетъ сказалъ актерамъ: «вы будете размахивать руками, какъ вѣтреная мельница»… Но жестомъ при словѣ можно рисовать цѣлыя картины.

Вопросъ о правдивому сценическомъ жестѣ мнѣ представляется столь важнымъ, что меня волнуетъ мысль, можетъ быть, кто-нибудь изъ моихъ молодыхъ читателей — будущій актеръ — еще не совсѣмъ меня понялъ. Рискуя показаться

излишне настойчивымъ, я позволю себѣ привести еще два примѣра (одинъ — воображаемый, другой — реальный) недопустимой иллюстраціи жестомъ слова.

Поется дуэтъ, слѣдовательно, — ведется какой-то діалогъ. Одинъ актеръ говоритъ другому: не совѣтую тебѣ жениться на Лизетте; возьми-ка лучше обними Каролину. Актеръ, къ которому обращенъ совѣтъ, съ нимъ не согласенъ; его партнеръ еще не закончилъ варіацій фразы, а онъ уже начинаетъ жестами иллюстрировать свои возраженія. Онъ трясетъ пальцемъ по воздуху — нѣтъ!.. Онъ любитъ Лизетту — прижимаетъ къ сердцу руки. Когда же дѣло доходитъ до Каролины, онъ подскакиваетъ къ рампе, обращаетъ лицо къ публике и, подмигивая ей, насмешливо большимъ пальцемъ черезъ плечо указываетъ на увещевателя, какъ бы говоря: «съ Каролиной меня не надуешь!..».

Къ крайнему моему огорченію, долженъ признаться, что мой примѣръ не совсемъ выдуманный. Я слушалъ оперу «Отелло». Въ спектаклѣ пелъ Таманьо, замѣчательнейшій изъ всѣхъ Отелло, которыхъ я виделъ на оперной сценѣ. Яго-же изображалъ актеръ, считающійся однимъ изъ первоклассныхъ итальянскихъ певцовъ, и не безъ основанія. Послѣ того, какъ онъ очень краснорѣчиво разсказалъ Отелло исторію съ платкомъ, когда разъяренный Таманьо пальцами жевалъ скатерть на столѣ, удовлетворенный Яго отошелъ нѣсколько назадъ, посмотрѣлъ на волнующуюся черную стихію и публикѣ большимъ пальцемъ показалъ на Отелло, сдѣлавъ послѣ этого еще специфическій итальянскій жестъ — поболталъ всей кистью руки около живота, — какъ бы говоря:

— Видали, господа, какъ я его объегорилъ?

Такіе жесты и такихъ актеровъ упаси Богъ имѣть въ театрѣ.

27

Движеніе души, которое должно быть за жестомъ для того, чтобы онъ получился живымъ и художественно-цѣннымъ, должно быть и за словомъ, за каждой музыкальной фразой. Иначе и слова и звуки будутъ мертвыми. И въ этомъ случаѣ, какъ при созданіи внѣшняго облика персонажа, актеру должно служить его воображеніе. Надо вообразить душевное состояніе персонажа въ каждый данный моментъ дѣйствія. Пѣвца, у котораго нѣт воображенія, ничто не спасетъ отъ творческаго безплодія — ни хорошій голосъ, ни сценическая практика, ни эффектная фигура. Воображеніе даетъ роли самую жизнь и содержаніе.

Я только тогда могу хорошо спѣть исторію молодой

крестьянки, которая всю свою жизнь умиленно помнитъ, какъ когда-то, давно, въ молодости красивый уланъ, проѣзжая деревней, ее поцѣловалъ, и слезами обливается, когда, уже старухой, встрѣчаетъ его старикомъ (я говорю о «Молодешенька въ дѣвицахъ я была» — только тогда могу я это хорошо спѣть, когда воображу, что это за деревня была, и не только одна эта деревня, — что была вообще за Россія, что была за жизнь въ этихъ деревняхъ, какое сердце бьется въ этой пѣснѣ… Вѣдь, вообразить надо, какъ жила эта дѣвушка, если райское умиленіе до старости далъ ей случайный поцѣлуй офицера въ руку. Надо все это почувствовать, чтобы пѣвцу стало больно. И непременно станетъ ему больно, если онъ вообразить, какъ въ деревнѣ жили, какъ работали, какъ вставали до зари въ 4 часа утра, въ какой сухой и суровой обстановкѣ пробуждалось юное сердце. Вотъ тогда я, дѣйствительно, «надъ вымысломъ слезами обольюсь».

Вообразить, чувствовать, сочувствовать, жить съ горемъ безумнаго мельника изъ «Русалки», когда къ нему возвращается разумъ, и онъ поетъ:

— «Да, старъ и шаловливъ я сталъ!»

Тутъ мельникъ плачетъ. Конечно, за мельникомъ грѣхи, а все же страдаетъ онъ мучительно, — эту муку надо почувствовать и вообразить, надо пожалеть… И Донъ-Кихота полюбить надо и пожалѣть, чтобы быть на сценѣ трогательнымъ старымъ гидальго.

Иной разъ пѣвцу приходится пѣть слова, которыя вовсе не отражаютъ настоящей глубины его настроенія въ данную минуту. Онъ поетъ одно, а думаетъ о другомъ. Эти слова — какъ бы только внѣшняя оболочка другого чувства, которое бродитъ глубже и въ нихъ прямо не сказывается. Какъ бы это объяснить точнее? Ну, вотъ, человѣкъ перебираетъ четки, — подарокъ любимой женщины, и хотя пальцы его заняты четками, и смотритъ онъ на нихъ, будто всецѣло ими поглощенный, думаетъ онъ дѣйствительно не о нихъ, а о той, которая ему ихъ подарила, которая его любила и умерла…

Марфа въ «Хованщинѣ» Мусоргскаго сидитъ на бревне у окна кн. Хованскаго, который когда-то поигралъ ея любовью. Она поетъ какъ будто простую пѣсню, въ которой вспоминаетъ о своей любви къ нему:

«Исходила младешенька
Всѣ луга и болота,
А и всѣ сѣнные покосы;
Истоптала младешенька,
Исколола я ноженьки,
За милыимъ рыскаючи,

Да и лихъ его не имаючи».

Въ этихъ словахъ пѣсни звучать ноты грустнаго безразличия. А между тѣмъ Марфа пришла сюда вовсе не безразличной овечкой. Она сидитъ на бревнѣ, въ задумчивыхъ словахъ перебираетъ, какъ четки, старыя воспоминая, но думаетъ она не о томъ, что было, а о томъ, что будетъ. Ея душа полна чувствомъ жертвенной муки, къ которой она готовится. Вмѣстѣ съ нимъ, любимымъ Хованскимъ, она скоро войдетъ на костерь — вмѣстѣ гореть будутъ во имя святой своей вѣры и любви.

«Словно свѣчи Божіи,
Мы съ тобою затеплимся,
Окрестъ братья во пламени,
И въ дыму, и въ огнѣ души носятся»…

Вотъ какимъ страстнымъ, фанатическимъ аккордомъ, свѣтлымъ и неистовымъ въ одно и то же время, заканчивается ея пѣсня!..

Значить, пѣсню Марфы надо пѣть такъ, чтобы публика съ самаго начала почувствовала тайную подкладку пѣсни. Чтобы она почувствовала не «четки», а то движеніе души, которое кроется за задумчивыми движеніями пальцевъ… «Что-то такое произойдетъ», — должна догадаться публика. Если певица сумѣетъ это сдѣлать, образъ Марфы будетъ созданъ. И будетъ пѣвицѣ великая слава, такъ какъ Марфа — одна изъ тѣх изумительныхъ по сложной глубинѣ натуръ, который способна рожать, кажется, одна только Россія, и для выражения которыхъ нуженъ былъ геній Мусоргскаго. Въ душѣ Марфы неистовствуютъ земная любовь, страсть, горячій грѣхъ, жгучая ревность, религіозный фанатизмъ, экстазъ и свѣтлая умиленность вѣры — и какимъ-то жуткимъ полукругомъ всѣ эти противоположности сходятся надъ пламенемъ костра. «Аллилуя, аллилуя!»…

Если же внутреннія чувства Марфы черезъ ея пѣсню не просочатся, то никакой Марфы не получится. Будетъ просто болѣе или менѣе полная дама, болѣе или менѣе хорошо или плохо поющая какія-то никому ненужныя слова…

Выше я сказалъ, что душевное состояние изображаемаго лица надо пѣвцу чувствовать въ каждый моментъ дѣйствія. Долженъ сказать, что бываютъ случаи, когда артисту мѣшает быть правдивымъ какое-нибудь упущеніе автора музыки. Вкрадывается въ партитуру маленькая фальшь, а если фальшь — актеру трудно. Вотъ примѣръ. Я пою Ивана Грознаго въ «Псковитянкѣ» и

чувствую, что мнѣ трудно въ началѣ послѣдней картины оперы. Не могу сдѣлать, какъ надо. Въ чѣмъ дѣло? А вотъ въ чемъ. Сначала Грозный предается размышленіямъ. Вспоминаетъ молодость, какъ онъ встрѣтиль когда-то въ орѣшнике Вѣру, мать Ольги, какъ дрогнуло его сердце, какъ онъ отдался мгновенному порыву страсти. «Дрогнуло ретивое, не стерпѣлъ, теперь плоды вотъ пожинаемъ». Хорошо. Но сію же минуту, вслѣдъ за этимъ, дальнѣйшія его размышленія уже иного толка.

«То только царство сильно, крѣпко и велико,
Гдѣ вѣдаетъ народъ, что у него одинъ владыка,
Какъ во единомъ стадѣ — единый пастырь».

Мечтатель-любовникъ прежнихъ лѣтъ преображается въ зрѣлаго государственнаго мыслителя, утверждающего силу централизованной власти, воспѣвающаго благо самодержавія. Тутъ переходъ изъ одного душевнаго состоянія въ другой — нужна, значитъ, или пауза, или же, вообще, какая-нибудь музыкальная перепряжка, а этого у автора нѣтъ. Мнѣ приходится просить дирижера, чтобы онъ задержалъ послѣднюю ноту въ оркестрѣ, сдѣлалъ на ней остановку, чтобы дать мнѣ время и возможность сдѣлать лицо, переменить обликъ. Говорю объ этомъ автору — Римскому-Корсакову. Поклонялся я ему безгранично, но надо сказать правду, не любилъ Николай Андреевичъ слушать объ ошибкахъ… Не особенно охотно выслушалъ онъ и меня. Хмуро сказалъ: «посмотрю, обдумаю»… Спустя нѣкоторое время, онъ приносить мнѣ новую арію для этой сцены «Псковитянки». Посвятилъ арію мнѣ — рукопись ея храню до сихъ поръ, — а спѣлъ я ее только одинъ разъ — на репетиціи. Прежній рѣчитативъ, хоть съ ошибкой, былъ превосходный, а арія, которою онъ хотѣлъ его замѣнить, оказалась неподходящей. Не хотѣлось мнѣ «аріи» въ устахъ Грознаго. Я почувствовалъ, что арія мѣшаетъ простому ходу моего дѣйствія.

Если бы я не культивировалъ въ себѣ привычки каждую минуту отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлаю, я бы, вѣроятно, и не замѣтилъ пробѣла въ музыкѣ, и мой образъ Грознаго отъ этого несомненно пострадалъ бы.

28

Въ предыдущей главѣ я старался опредѣлить роль воображенія въ созданіи убѣдительныхъ сценическихъ образовъ. Важность воображенія я полагалъ в томъ, что оно помогаетъ

преодолевать въ работѣ все механическое и протокольное. Этими замѣчаніями я извѣстнымъ образомъ утверждалъ начало свободы въ театральномъ творчествѣ. Но свобода въ искусствѣ, какъ и въ жизни, только тогда благо, когда она ограждена и укреплена внутренней дисциплиной.

Объ этой дисциплине въ сценическомъ творчествѣ я хочу теперь сдѣлать нѣсколько необходимыхъ замѣчаній.

«Сценическій образъ правдивъ и хорошъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ убѣждаетъ публику». Я сказалъ, что негръ съ бѣлой шеей, старикъ съ нѣжными руками не покажутся публикѣ убѣдительными. Я высказалъ предположеніе, что белокурый Борисъ Годуновъ не будетъ принять безъ сопротивленія, и выразилъ увѣренность, что пѣсня безъ внутренней жизни никого не взволнуетъ. Убѣдить публику, значитъ, въ сущности, хорошо ее обмануть, — вѣрнѣе, создать въ ней такое настроеніе, при которомъ она сама охотно поддается обману, сживается съ вымысломъ и переживаетъ его, какъ нѣкую высшую правду. Зритель отлично знаетъ, что актеръ, умирающій на сценѣ, будетъ, можетъ быть, черезъ четверть часа въ трактире пить пиво, и тѣмъ не мѣнѣе отъ жалости его глаза увлажняются настоящими слезами.

Такъ убѣдить, такъ обмануть можно только тогда, когда строго соблюдено чувство художественной мѣры.

Конечно, актеру надо прежде всего самому быть убѣжденнымъ въ томъ, что онъ хочетъ внушить публике. Онъ долженъ вѣрить въ создаваемый имъ образъ твердо и настаивать на томъ, что вотъ это, и только это настоящая правда. Такъ именно жилъ персонажъ и такъ именно онъ умеръ, какъ я показываю. Если у актера не будетъ этого внутренняго убѣжденія, онъ никогда и никого ни въ чѣмъ не убѣдитъ; но не убѣдитъ онъ и тогда, если при музыкальномъ, пластическомъ и драматическомъ разсказе не распредѣлитъ правильно, устойчиво и гармонично всѣхъ тяжестей сюжета. Чувство должно быть выражено, интонаціи и жесты сделаны точь-въ-точь по строжайшей мерке, соотвѣтствующей данному персонажу и данной ситуаціи. Если герой на сценѣ, напримѣръ, плачетъ, то актеръ-пѣвецъ свою впечатлительность, свою собственную слезу долженъ спрятать, — онѣ персонажу, можетъ быть, вовсе не подойдутъ. Чувствительность и слезу надо заимствовать у самого персонажа, — онѣ-то будутъ правдивыми.

Для иллюстраціи моей мысли приведу примѣръ изъ практики. Когда-то въ юности, во время моихъ гастролей на юге Россіи, я очутился однажды въ Кишиневе и въ свободный вечеръ пошелъ послушать въ мѣстномъ театрѣ оперу Леонковалло

«Паяцы». Опера шла не шатко, не валко, въ залѣ было скучновато. Но вотъ теноръ запелъ знаменитую арію Паяца и залъ странно оживился: теноръ сталъ драматически плакать на сценѣ, а въ публике начался смѣшокъ. чѣмъ больше теноръ разыгрывалъ драму, чѣмъ болѣе онъ плакалъ надъ словами «Смейся, паяцъ, надъ разбитой любовью!», тѣмъ больше публика хохотала. Было очень смешно и мне. Я кусалъ губы, сдерживался, что было силы, но всѣмъ моимъ нутромъ трясся отъ смѣха. Я бы, вѣроятно, остался при мненіи, что это бездарный человѣкъ, не умеетъ, смешно жестикулируетъ — и намъ смешно… Но вотъ, кончился актъ, публика отправилась хохотать въ фойэ, а я пошелъ за кулисы. Тенора я зналъ мало, но былъ съ нимъ знакомъ. Проходя мимоѣ его уборной, я рѣшилъ зайти поздороваться. И что я увиделъ? Всхлипывая еще отъ пережитаго имъ на сценѣ, онъ со слезами, текущими по щекамъ, насилу произнесъ:

— Здр… здравствуйте.

— Что съ вами, — испугался я. — Вы нездоровы?

— Нѣтъ… я здо… ровъ.

— А что же вы плачете?

— Да вотъ не могу удержать слезъ. Всякій разъ, когда я переживаю на сценѣ сильное драматическое положеніе, я не могу удержаться отъ слезъ, я пла-ачу… Такъ мнѣ жалко бѣднаго паяца.

Мнѣ стало ясно, въ чѣмъ дѣло. Этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ ужъ бездарный пѣвецъ губилъ свою роль просто тѣмъ, что плакалъ надъ разбитой любовью не слезами паяца, а собственными своими слезами черезчуръ чувствительнаго человѣка… Это выходило смешно, потому что слезы тенора никому неинтересны…

Примѣръ этотъ рѣзкій, но онъ поучителенъ. Крайнее нарушение художественной мѣры вызвало въ театрѣ крайнюю реакцію — смѣхъ. Менѣе резкое нарушеніе мѣры вызвало бы, вѣроятно, меньшую реакцію — улыбки. Уклоненіе отъ мѣры въ обратномъ направленіи, — вызвало бы обратную-же реакцію. Если бы теноръ былъ человѣкомъ черствымъ, паяца совсѣмъ не жалѣлъ бы, и эту личную свою черту равнодушія рѣзко проявилъ бы въ исполненіи аріи «Смѣйся, паяцъ…», публика, очень возможно, закидала бы его гнилыми яблоками…

Идеальное соотвѣтствіе средствъ выражения художественной цѣли — единственное условіе, при которомъ можетъ быть созданъ гармонически-устойчивый образъ, живущій своей собственной жизнью, — правда, черезъ актера, но независимо отъ него. Черезъ актера-творца, независимо отъ актера-человѣка.

Дисциплина чувства снова возвращаетъ насъ въ сферу сознанія, къ усилію чисто интеллектуальнаго порядка. Соблюденіе чувства художественной мѣры предполагаетъ контроль надъ собою. Полагаться на одну только реакцію публики я не рекомендовалъ бы. «Публика хорошо реагируетъ, значить это хорошо», — очень опасное сужденіе. Легко обольститься полу-правдой. Успѣхъ у публики, т. е., видимая убѣдительность для нея образа, не долженъ быть артистомъ принятъ, какъ безусловное доказательство подлинности образа и его полной гармоничности. Бываетъ, что публика ошибается. Есть, конечно, въ публике знатоки, которые рѣдко заблуждаются, но свѣжій народъ, широкая публика судитъ о вещахъ правильно только по сравненію. Приходится слышать иногда въ публике про актера: «какъ хорошо играетъ!», а играетъ этотъ актеръ отвратительно. Публика пойметъ это только тогда, когда увидитъ лучшее, болѣе правдивое и подлинное. «Вотъ какъ это надо играть!» — сообразитъ она тогда… Показываютъ вамъ мебель Людовика XV. Все, какъ слѣдуетъ: форма, рѣзьба, золото, подъ старое. Это можетъ обманывать только до той минуты, пока вамъ не покажутъ настоящія произведенія эпохи, съ ея необъяснимымъ отпечаткомъ, съ ея неподдельной красотой. Только строгій контроль надъ собою помогаетъ актеру быть честнымъ и безошибочно убѣдительнымъ.

Тутъ актеръ стоитъ передъ очень трудной задачей — задачей раздвоенія на сценѣ. Когда я пою, воплощаемый образъ предо мною всегда на смотру. Онъ передъ моими глазами каждый мигъ. Я пою и слушаю, дѣйствую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сценѣ одинъ. На сценѣ два Шаляпина. Одинъ играетъ, другой контролируетъ. «Слишкомѣ много слезъ, братъ, — говоритъ корректоръ актеру. — Помни, что плачешь не ты, а плачетъ персонажъ. Убавь слезу». Или же: «Мало, суховато. Прибавь». Бываетъ, конечно, что не овладеешь собственными нервами. Помню, какъ, однажды, въ «Жизни за Царя», въ моментъ, когда Сусанинъ говоритъ: «Велятъ идти, повиноваться надо», и, обнимая дочь свою Антонину, поетъ:

«Ты не кручинься, дитятко мое,
Не плачь, мое возлюбленное чадо»,

— я почувствовалъ, какъ по лицу моему потекли слезы. Въ первую минуту я не обратилъ на это внимания, — думалъ, что это плачетъ Сусанинъ, — но вдругъ замѣтилъ, что вмѣсто пріятнаго тембра голоса изъ горла начинаетъ выходить какой-то жалобный клекотъ… Я испугался и сразу сообразилъ, что плачу я,

растроганный Шаляпинъ, слишкомъ интенсивно почувсгвовавъ горе Сусанина, т. е. слезами лишними, ненужными, — и я мгновенно сдержалъ себя, охладилъ. «Нѣтъ, брать, — сказалъ контролеръ, — не сентиментальничай. Богъ съ нимъ, съ Сусанинымъ. Ты ужъ лучше пой и играй правильно…»

Я ни на минуту не разстаюсь съ моимъ сознаніемъ на сценѣ. Ни на секунду не теряю способности и привычки контролировать гармонію дѣйствія. Правильно ли стоить нога? Въ гармоніи ли положеніе тѣла съ тѣмъ переживаніемъ, которое я долженъ изображать? Я вижу каждый трепеть, я слышу каждый шорохъ вокругъ себя. У неряшливаго хориста скрипнулъ сапогъ, — меня это ужъ кольнуло. «Бездѣльникъ, — думаю, — скрипятъ сапоги», а въ это время пою: «Я умира-аю»…

Безсознательность творчества, о которой любятъ говорить иные актеры, не очень меня восхищаетъ. Говорятъ: актеръ въ пылу вдохновенія такъ вошелъ въ роль, что, выхвативъ кинжалъ, ранилъ имъ своего партнера. По моему мнѣнію, за такую безсознательность творчества слѣдуетъ отвести въ участокъ… Когда даешь на сценѣ пощечину, надо, конечно, чтобы публика ахнула, но партнеру не должно быть больно. А если въ самомъ дѣлѣ шибко ударить, партнеръ упадетъ, и дирекціи придется на четверть часа опустить занавѣсъ. Выслать распорядителя и извиниться:

— Простите, господа. Мы вынуждены прекратить спектакль, — актеръ вошелъ въ роль…

30

Актеръ усердно изучилъ свою партитуру, свободно и плодотворно поработало его воображеніе, онъ глубоко почувствовалъ всю гамму душевныхъ переживаній персонажа; онъ тщательно разработалъ на репетиціяхъ интонации и жесты; строгимъ контролемъ надъ своими органами выраженія достигъ удовлетворительной гармоніи. Образъ, который онъ въ періодъ первыхъ вдохновеній увидѣлъ, какъ идеальную цѣль, — отшлифованъ.

На первомъ представленіи оперы онъ побѣдоносно перешелъ за рампу и покорилъ публику. Готовъ ли образъ окончательно?

Нѣтъ, образъ еще не готовъ. Онъ долго еще дозрѣваетъ, отъ спектакля къ спектаклю, годами, годами. Дѣло въ томъ, что есть трудъ и наука, есть въ природѣ талантъ, но самая, можетъ быть, замѣчательная вѣщь въ природѣ — практика. Если воображеніе — мать, дающая роли жизнь, практика — кормилица, дающая ей

здоровый ростъ.

Я думаю, ни одинъ сапожникъ, — а я въ юности имѣлъ честь быть сапожникомъ и говорю en connaissance de cause, — какъ бы онъ ни былъ талантливъ, не можетъ сразу научиться хорошо тачать сапоги, хотя бы онъ учился этому пять лѣтъ. Конечно, онъ ихъ прекрасно сдѣлаетъ, если онъ сапожникъ хорошій, но узнать по вашему лицу, какія у васъ ноги и какія особенности нужны вашимъ сапогамъ, — для этого нужна практика и только практика. Убѣдить! Но есть такое множество пустяковъ, которые стоятъ между вами и публикой. Есть вещи неуловимыя, до сихъ поръ не могу понять, въ чемъ дѣло, но чувствую: это почему-то публикѣ мѣшаетъ меня понять, мнѣ повѣрить. Свѣтъ въ театрѣ, если онъ въ какой-то таинственно-необходимой степени не соотвѣтствуетъ освѣщенію сцены, мѣшаетъ проявиться какимъ-то скрытымъ чувствамъ зрителя, подавляетъ и отвращаетъ его эмоцію. Что нибудь въ костюмѣ, что-нибудь въ декораціи или въ обстановкѣ. Такъ что актеръ въ твореніи образа зависитъ много отъ окружающей его обстановки, отъ мелочей, помогающихъ ему, и отъ мелочей, ему мѣшающихъ. И только практика помогаетъ актеру замѣчать, чувствовать, догадываться, что именно, какая деталь, какая соринка помѣшала впечатлѣнію. Это дошло, это не доходитъ, это падаетъ криво. Зрительный залъ и идущія изъ него на подмостки струи чувства шлифуютъ образъ неустанно, постоянно. Играть же свободно и радостно можно только тогда, когда чувствуешь, что публика за тобою идетъ. А чтобы держать публику — одного таланта мало: нуженъ опытъ, нужна практика, которые даются долгими годами работы.

И вотъ, когда-нибудь наступаетъ моментъ, когда чувствуешь, что образъ готовъ. Чѣмъ это все-таки, въ концѣ концовъ, достигнуто? Я въ предыдущихъ главахъ объ этомъ немало говорилъ, но договорить до конца не могу. Это тамъ — за заборомъ. Выучкой не достигнешь и словами не объяснишь. Актеръ такъ вмѣстилъ всего человѣка въ себѣ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, въ жестѣ, интонаціи, окраскѣ звука, — точно и правдиво до послѣдней степени. Ни на іоту больше, ни на іоту меньше. Актера этого я сравнилъ бы со стрѣлкомъ въ «Тирѣ», которому такъ удалось попасть въ цѣль, что колокольчикъ дрогнулъ и зазвонилъ. Если выстрѣлъ уклонился бы на одинъ милиметръ, выстрѣлъ это будетъ хорошій, но колокольчикъ не зазвонитъ…

Такъ со всякой ролью. Это не такъ просто, чтобы зазвонилъ колокольчикъ. Часто, довольно часто блуждаешь около цѣли, близко, одинъ милиметръ разстоянія, но только около. Странное чувство. Одинъ моментъ я чувствую, чувствую, что колокольчикъ звонитъ, а сто моментовъ его не слышу. Но не это важно — важна

самая способность чувствовать, звонить или молчить колокольчикъ… Точно также, если у слушателя моего, какъ мнѣ иногда говорятъ, прошли мурашки по кожѣ, — повѣрьте, что я ихъ чувствую на его кожѣ. Я знаю, что онѣ прошли. Какъ я это знаю? Вотъ этого я объяснить не могу. Это по ту сторону забора…

31

Что сценическая красота можетъ быть даже въ изображеніи уродства, — не пустая фраза. Это такая же простая и несомнѣнная истина, какъ то, что могуть быть живописны отрепья нищаго. Тѣмъ болѣе прекрасно должно быть на сценѣ изображеніе красоты, и тѣмъ благороднѣе должно быть благородство. Для того-же, чтобы быть способнымъ эту красоту свободно воплотить, актеръ долженъ чрезвычайно заботливо развивать пластическія качества своего тела. Непринужденность, свобода, ловкость и естественность физическихъ движеній такое же необходимое условіе гармоническаго творчества, какъ звучность, свобода, полнота и естественность голоса. Отъ того, что это не всегда сознается, получаются печальный и курьезныя явленія. Молодой человѣкъ окончилъ консерваторію или прошелъ курсъ у частнаго профессора пѣнія и сценическаго искусства, онъ поставилъ правильно тѣ или другія ноты своего голоса, выучилъ роль и совершенно добросовестно полагаетъ, что онъ уже можетъ играть Рауля въ «Гугенотахъ» или царя Грознаго. Но скоро онъ убѣждается, что ему неловко въ томъ костюме, который на него надѣлъ портной-одѣвальщикъ.

Милый, образованный молодой человѣкъ, знающій отлично исторію гугенотовъ и кто такой Рауль де Нанжи, представъ передъ публикой за освещенной рампой, бываетъ скорѣе похожъ на парикмахера, переряженнаго въ святочный костюмъ. Онъ просто не умѣетъ ходить на сценѣ при публике, не владѣя свободно своимъ тѣломъ. Получается разладъ между рыцаремъ, котораго онъ изображаетъ, и имъ самимъ.

Пришелъ однажды ко мнѣ въ Петербурѣ молодой человѣкъ съ письмомъ отъ одного моего друга-писателя. Писатель рекомендавалъ мнѣ юношу, какъ человѣка даровитаго, даже поэта, но безъ всякихъ средствъ, — онъ хочетъ учиться пенію. Нельзя ли послушать его и помочь ему?

Молодой человѣкъ былъ одетъ въ черную блузу, шнуркомъ подпоясанную подъ животомъ. Я заметилъ, что онъ ходитъ въ развалку, какъ ходили у насъ люди изъ народа съ идеями, мечтающіе помочь угнетеннымъ. Я замѣтилъ также, что онъ

обладаетъ великолепной физической силой, — я больно почувствовалъ его рукопожатіе. Я его послушалъ. Сравнительно недурнымъ голосомъ — басомъ — онъ спѣлъ какую-то оперную арію. Спѣлъ скучно, что я ему и сказалъ. Онъ согласился съ этимъ, объяснивъ, что еще ни у кого не учился. На ученіе ему нужно 40 рублей въ мѣсяцъ. Я ему ихъ обѣщалъ, выдалъ авансъ и разрѣшилъ время отъ времени приходить мнѣ попеть. Онъ поступилъ въ школу. Видалъ я его рѣдко, — въ сроки взноса денегъ. Но этакъ черезъ полгода онъ пришелъ показать мнѣ свои успѣхи. Въ той-же черной блузѣ, съ тѣмъ же поясомъ подъ животомъ. Слишкомъ крѣпко, какъ всегда, пожалъ мнѣ руку, въ развалку подошелъ къ фортепіано и запѣлъ.

Никакой особенной разницы между первымъ разомъ и теперешнимъ я въ его пѣніи не замѣтилъ. Онъ только дѣлалъ какія-то новыя задержанія, едва ли нужныя, и пояснялъ мнѣ, почему они логически необходимы. Я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія по поводу его пѣнія и, между прочимъ, спросилъ его, что онъ думаетъ по поводу своей блузы: такъ ли онъ къ ней привыкъ, что съ ней не разстается, или, можетъ быть, у него не хватаетъ денегъ на другую одежду?…

Вопросъ мой, повидимому, смутилъ молодого человѣка; однако, улыбнувшись, онъ сказалъ мнѣ, что голосъ звучитъ одинаково и въ блузѣ, и во фракѣ. Противъ этой истины я ничего не возразилъ. Дѣйствительно, подумалъ я, — голосъ звучитъ одинаково…

Въ то время я игралъ короля Филиппа II въ «Донъ-Карлосѣ». Молодой человѣкъ часто приходилъ просить билеты на эти мои спектакли: хочетъ изучить мою игру въ «Донъ-Карлосѣ», такъ какъ къ роли Филиппа II имѣетъ особое тяготѣніе и надеется, что это будетъ лучшая изъ его ролей, когда онъ начнетъ свою карьеру. Я ему охотно давалъ контрамарки. Онъ приходилъ затѣмъ благодарить меня и говорилъ, что моя игра переполняетъ его душу восторгомъ.

— Вотъ и чудно, — сказалъ я ему. — Я радъ, что такимъ образомъ вы получите нѣсколько наглядныхъ уроковъ игры.

Прошелъ еще одинъ учебный годъ. Снова пришелъ ко мнѣ молодой пѣвецъ. Въ черной блузѣ, съ пояскомъ подъ животомъ, снова до боли крѣпко пожалъ мнѣ руку.

На этотъ разъ я поступилъ съ нимъ строго. Я ему сказалъ:

— Молодой человѣкъ. Вотъ уже 2 года, какъ вы учитесь. Вы ходили въ театръ смотрѣть меня въ разныхъ роляхъ и очень увлекаетесь королемъ Филиппомъ II Испанскимъ. А ходите вы все на кривыхъ ногахъ въ развалку, носите блузу и такъ отъ души жмете руки, что потомъ онѣ болятъ. Вашъ профессоръ, очевидно,

вамъ не объяснилъ, что помимо тѣхъ нотъ, которыя надо задерживать, какъ вы въ прошлый разъ это мнѣ логически объяснили, надо еще учиться, какъ ходить не только на сценѣ, но и на улицѣ. Удивляюсь, что вы не сообразили этого сами. Голосъ, конечно, звучитъ одинаково во всякомъ костюмѣ, но короля Филиппа II, котораго вы собираетесь играть, вы никогда не сыграете. Я считаю двухлѣтній опытъ вполнѣ достаточнымъ…

Молодой человѣкъ, вѣроятно, жаловался друзьямъ, что вотъ болыше актеры затираютъ молодыхъ и не даютъ имъ дороги… Онъ этого не говорилъ бы, если бы понималъ, что большими актерами дѣлаются, обыкновенно, люди, съ одинаковой строгостью культивирующіе и свой духъ и его внѣшнія пластичекія отраженія.

Высочайшимъ образцомъ актера, въ совершенствѣ владѣвшаго благородной пластикой своего «амплуа», является для меня Иванъ Платоновичъ Киселевскій. Этотъ знаменитый актеръ гремѣлъ въ концѣ прошлаго вѣка въ роляхъ «благородныхъ отцовъ», — вообще «джентельменовъ». Я его видѣлъ на сценѣ, въ Казани, когда я былъ еще мальчикъ. Лично же я встретился съ нимъ гораздо позже въ Тифлисѣ, въ салонѣ одной знакомой дамы, устроившей раутъ для гастролировавшей тамъ столичной труппы. Я былъ еще слишкомъ робокъ, чтобы вступить съ Киселевскимъ въ бесѣду, — я наблюдалъ за нимъ издали, изъ угла. Сѣдые волосы, белые, какъ лунь, бритое лицо — некрасивое, но интересное каждою морщинкой. Одѣтъ въ черный сюртукъ. Безукоризненно завязанный галстукъ. Обворожительный голосъ совсемъ, какъ бархатъ. Говоритъ негромко, но все и везде слышно. Я любовался этой прекрасной фигурой. Киселевскаго пригласили къ буфету. Онъ подошелъ къ столу съ закусками и прежде, чѣмъ выпить рюмку водки, взялъ тарелку, посыпалъ въ нее соль, перецъ, налилъ немного уксуса и прованскаго масла, смѣшалъ все это вилкой и полилъ этимъ на другой тарелке салатъ. Читатель, конечно, удивляется, что я собственно такое разсказываю? Человѣкъ сдѣлалъ соусъ и закусилъ салатомъ рюмку водки. Просто, конечно, но какъ это сдѣлалъ Киселевскій — я помню до сихъ поръ, какъ одно изъ прекрасныхъ видѣній благородной сценической пластики. Помню, какъ его превосходная, красивая рука брала каждый предметъ, какъ вилка въ его рукахъ сбивала эту незатейливую смѣсь, и какимъ голосомъ, какой интонаціей онъ сказалъ:

— Ну, дорогіе друзья мои, актеры, поднимемъ рюмки въ честь милой хозяйки, устроившей намъ этотъ прекрасный праздникъ…

Благородство жило въ каждой линіи этого человъка. «Навѣрное, англійскіе лорды должны быть такими», — наивно

подумалъ я. Я видѣлъ потомъ въ жизни много аристократовъ, лордовъ и даже королей, но всякій разъ съ гордостью за актера при этомъ вспоминалъ:

Иванъ Петровичъ Киселевскій…

32

Милые старые русскіе актеры!

Многихъ изъ нихъ — всю славную плеяду конца прошлого вѣка — я перевидалъ за работой на сценѣ; но старѣйшихъ, принадлежавшихъ къ болѣе раннему поколѣнно великаго россійскаго актерства, мнѣ пришлось видѣть уже на покоѣ въ петербургскомъ убѣжищѣ для престарѣлыхъ деятелей сцены. Грустно было, конечно, смотрѣть на выбывшихъ изъ строя и утомленныхъ болѣзнями стариковъ и старухъ, но все-таки визиты къ нимъ въ убежище всегда доставляли мнѣ особую радость. Они напоминали мнѣ картины старинныхъ мастеровъ. Какіе ясные лики! Они были покрыты какъ будто лакомъ, — это былъ лакъ скрипокъ Страдиваріуса, всегда блистающій одинаково. Эта чудесная ясность старыхъ актерскихъ лицъ — секреть, нашимъ поколѣніемъ безнадежно потерянный. Въ ней, во всякомъ случаѣ, отражалась иная жизнь, полная тайнаго трепета передъ искусствомъ. Со священной робостью они шли на работу въ свой театръ, какъ идутъ на причастіе, хотя и не всегда бывали трезвыми…

Старый актерскій міръ былъ большой семьей. Безъ помпы и рекламъ, безъ выспреннихъ рѣчей и фальшивой лести, вошедшихъ въ моду позже, актеры тѣхъ поколѣній жили тѣсными дружными кружками. Собирались, совѣтовались, помогали другъ другу, а когда надо было, говорили откровенно правду:

— Ты, братъ, Зарайскій, играешь эту роль неправильно.

И какъ ни былъ самолюбивъ Зарайскій, задумывался онъ надъ товарищеской критикой. И русскій актеръ росъ и цвѣлъ въ славѣ.

Извѣстно, что русское актерство получило свое начало при Екатеринѣ Великой. Русскіе актеры были крѣпостными людьми, пришли въ театръ отъ сохи, отъ дворни — отъ рабства. Они были вынуждены замыкаться въ себѣ самихъ, потому что не очень авантажно обращались съ ними господа, передъ которыми они разыгрывали на сценѣ свои чувства.

Я самъ еще засталъ время, когда Его Высокопревосходительство г. Директоръ Императорскихъ театровъ протягивалъ самымъ знаменитымъ актерамъ два пальца. Но при этихъ двухъ пальцахъ Его Высокопревосходительство, въ

мое время, все-таки любезно улыбался, но отъ стариковъ, уже кончавшихъ свою карьеру въ Императорскихъ театрахъ, я зналъ, что предыдущіе директора не протягивали и двухъ пальцевъ, а просто приходили за кулисы и громко заявляли:

— Если ты въ слѣдующій разъ осмелишься мнѣ наврать такъ, какъ навралъ сегодня, то я тебя посажу подъ арестъ.

Не похожъ ли на анекдотъ вотъ этотъ случай, — подлинный, цѣликомъ отражающій печальную дѣйствительность того времени.

Я засталъ еще на сценѣ одного очень стараго пѣвца, почему-то меня, мальчишку, полюбившаго. Пѣвецъ былъ хорошій — отличный басъ. Но будучи землеробомъ, онъ сажалъ у себя въ огородь рѣдиску, огурцы и прочіе овощи, служившіе главнымъ образомъ закуской къ водкъ… Былъ онъ и поэтъ. Самъ я читалъ только одно изъ его произведеній, но запомнилъ. Оно было адресовано его другу, библиотекарю театра, котораго звали Ефимомъ:

«Фима, у меня есть рѣдька въ пальтѣ,
Сдѣлаемъ изъ нея декольте,
А кто водочки найти поможетъ,
Тотъ и рѣдечки погложетъ»…

Такъ вотъ этотъ самый превосходный басъ, землеробъ и поэтъ, передъ выступленіемъ въ какомъ-то значительномъ концертѣ въ присутствіи Государя, не во время сдѣлалъ «декольте» и запѣлъ не то, что ему полагалось пѣть. Директоръ, который, вѣроятно, рекомендовалъ Государю участие этого пѣвца, возмущенный влетѣлъ въ уборную и раскричался на него такъ, какъ можно было кричать только на крепостного раба. А въ концѣ рѣчи, уснащенной многими непристойными словами, изо всей силы ударилъ по нотамъ, которыя пѣвецъ держалъ въ рукахъ. Ноты упали на полъ. Пѣвецъ, до сихъ поръ безропотно молчавшій, послѣ удара по нотамъ не выдержалъ и, нагибаясь поднять ихъ, глубокимъ, но спокойнымъ бархатнымъ басомъ рекъ:

— Ваше Высокопревосходительство, умоляю васъ, не заставьте меня, Ваше Высокопревосходительство, послать васъ къ … матери.

Какъ ни былъ директоръ взволнованъ, и въ своемъ гнѣвѣ и лентахъ величавъ, онъ сразу замолкъ, растерялся и ушелъ… Исторія была предана забвенію.

Вотъ почему, въ поискахъ теплаго человѣческаго чувства, старые русские актеры жались другъ къ другу въ собственной средѣ. Не только въ столицахъ, вокругъ Императорскихъ

театровъ, но и въ провинціи они жили своей, особенной, дорогой имъ и необходимою жизнью. И въ ихъ средѣ, вѣроятно, ютилась иногда зависть и ненависть — какъ всегда и вездѣ, — но эти черты не были характерны для актерской среды — въ ней господствовала настоящая, хорошая дружба.

Старый актеръ не ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1-мъ классѣ, какъ это уже намъ, счастливцамъ, сделалось возможно — довольно часто ходилъ онъ изъ города въ городъ пѣшкомъ, иногда очень далекія разстоянія — по шпаламъ, а вотъ лицо его, чѣмъ рѣшительнѣе его отстраняли отъ высшаго общества, тѣмъ ярче и выпуклѣе чеканилась оно на той прекрасной медали, которая называется «театръ».

33

Что же случилось — спрашиваю я себя иногда — что случилось съ русскимъ актеромъ, что такъ стерлось его яркое, прекрасное лицо? Почему русскій театръ потерялъ свою прежнюю обжигающую силу? Почему въ нашихъ театральныхъ залахъ перестали по настоящему плакать и по настоящему смеяться? Или мы такъ уже обѣднѣли людьми и дарованіями? Нѣтъ, талантовъ у насъ, слава Богу, запась большой.

Въ ряду многихъ причинъ упадка русскаго театра — упадка, который невозможно замаскировать ни мишурой пустой болтовни о какихъ то новыхъ формахъ театральнаго искусства, ни беззастенчивой рекламой — я на первомъ планѣ вижу крутой разрывъ нашей театральной традиціи.

О традиіи въ искусствѣ можно, конечно, судить разно. Есть неподвижный традиціонный канонъ, напоминающій одряхлѣвшаго, склерознаго, всяческими болѣзнями одержимаго старца, живущаго у ограды кладбища. Этому подагрику давно пора въ могилу, а онъ ко держится за свою безсмысленную, никому не нужную жизнь и распространяетъ вокругъ себя трупный запахъ. Не объ этой формальной и вредной традиціи я хлопочу. Я имѣю въ виду преемственность живыхъ элементовъ искусства, въ которыхъ еще много плодотворнаго семени. Я не могу представить себѣ безпорочнаго зачатія новыхъ формъ искусства… Если въ нихъ есть жизнь — плоть и духъ — то эта жизнь должна обязательно имѣть генеологическую связь съ прошлымъ.

Прошлое нельзя просто срубить размашистымъ ударомъ топора. Надо разобраться, что въ старомъ омертвѣло и принадлежать могилѣ, и что еще живо и достойно жизни. Лично я

не представляю себъ, что въ поэзіи, напримѣръ, можетъ всецѣло одряхлеть традиція Пушкина, въ живописи — традиція итальянскаго Ренессанса и Рембрандта, въ музыкѣ — традиція Баха, Моцарта и Бетховена… И ужъ никакъ не могу вообразить и признать возможнымъ, чтобы въ театральномъ искусствѣ могла когда нибудь одряхлеть та безсмертная традиція, которая въ фокусѣ сцены ставитъ живую личность актера, душу человѣка и богоподобное слово.

Между тѣмъ, къ великому несчастью театра и театральной молодежи, поколеблена именно эта священная сценическая традиція. Поколеблена она людьми, которые жилятся во чтобы то ни стало придумать что-то новое, хотя бы для этого пришлось насиловать природу театра. Эти люди называютъ себя новаторами; чаще всего это просто насильники надъ театромъ. Подлинное творится безъ насилія, которымъ въ искусствѣ ничего нельзя достигнуть. Муссоргскій великій новаторъ, но никогда не былъ онъ насильникомъ. Станиславскій, обновляя театральныя представленія, никуда не ушелъ отъ человѣческаго чувства и никогда не думалъ что нибудь дѣлать насильно только для того, чтобы быть новаторомъ.

Позволю себѣ сказать, что и я въ свое время былъ въ нѣкоторой степени новаторомъ, но я же ничего не сдѣлалъ насильно. Я только собственной натурой почувствовалъ, что надо ближе приникнуть къ сердцу и душѣ зрителя, что надо затронуть въ немъ сердечныя струны, заставить его плакать и смеяться, не прибегая къ выдумкамъ, трюкамъ, а, наоборотъ, бережно храня высокіе уроки моихъ предшественниковъ, искреннихъ, яркихъ и глубокихъ русскихъ старыхъ актеровъ…

Это только горе-новаторы изо всѣхъ силъ напрягаются придумать что нибудь такое сногсшибательное, другъ передъ другомъ щеголяя хлесткими выдумками.

Что это значитъ — «идти впередъ» въ театральномъ искусствѣ по принципу «во что бы то ни стало»? Это значить, что авторское слово, что актерская индивидуальность — дѣло десятое, а вотъ важно, чтобы декораціи были непременно въ стилѣ Пикассо, — заметьте, только въ стилѣ: самого Пикассо не даютъ… Другіе говорятъ: нѣтъ, это не то. Декораціи вообще не нужно — нужны холсты или сукна. Еще третьи выдумываютъ, что въ театрѣ надо актеру говорить возможно тише — чѣмъ тише, тѣмъ больше настроенія. Ихъ оппоненты, наоборотъ, требуютъ отъ театра громовъ и молній. А ужъ самые большіе новаторы додумались до того, что публика въ театрѣ должна тоже принимать участие въ «дѣйстве» и, вообще, изображать собою какого-то «соборнаго» актера…

Этими замѣчательными выдумщиками являются преимущественно наши режиссеры — «постановщики» пьесъ и оперъ. Подавляющее ихъ большинство не умѣетъ ни играть, ни пѣть. О музыке они имеютъ весьма слабое понятіе. Но за то они большіе мастера выдумывать «новыя формы». Превратить четырехъ-актную классическую комедію въ ревю изъ 38 картинъ. Они болыше доки по части «раскрытія» намековъ автора. Такъ что, если дѣйствіе происходить въ воскресный, скажемъ, полдень въ русскомъ губернскомъ городе, т. е. въ часъ, когда на церквахъ обычно звонятъ колокола, то они этимъ колокольнымъ звономъ угощаютъ публику изъ-за кулисъ. Малиновый шумъ заглушаетъ, правда, діалогъ; за то талантливо «развернуть намекъ»… Замѣчательно, однако, что уважая авторскіе намеки, эти новаторы самымъ безцеремоннымъ образомъ обращаются съ его текстомъ и съ точными его ремарками. Почему, напримѣръ, «Гроза» Островскаго ставится подъ мостомъ? Островскому никакой мостъ не былъ нуженъ. Онъ указалъ мѣсто и обстановку дѣйствія. Я не удивлюсь, если завтра поставятъ Шекспира или Мольера на Эйфелевой башнѣ; потому что постановщику важно не то, что задумалъ и осуществилъ въ своемъ произведеніи авторъ, а то, что онъ, «истолкователь тайныхъ мыслей» автора, вокругъ этого намудрилъ. Естественно, что на афишѣ о постановкъ, напримѣръ, «Ревизора» скромное имя «Гоголь» напечатанно маленькими буквами, и аршинными буквами — имя знаменитаго постановщика Икса.

Глинка написалъ оперу «Русланъ и Людмилу». Недавно я имѣлъ сомнительное удовольствіе увидѣть эту старѣйшую русскую оперу въ наиновѣйшей русской-же постановке. Боже мой!.. Мудрствующему режиссеру, должно быть, неловко было говорить честной прозой — надо было во что бы то ни стало показать себя новаторомъ, выдумать что нибудь очень оригинальное. Въ этой пушкинской сказке все ясно. Режисеръ, однако, выдумалъ нечто въ высшей степени астрономическое. Свѣтозаръ и Русланъ, видите-ли, символизируютъ день, солнце, а Черноморъ — ночь. Можетъ быть, это было бы интересно на кафедрѣ, но почему публикѣ, пришедшей слушать оперу Глинки, надо было навязывать эту замысловатую науку, мнѣ осталось непонятнымъ. Я видѣлъ только, что въ угоду этому замыслу — не снившемуся ни Пушкину, ни Глинкѣ — декораціи и постановка оперы сдѣланы были въ крайней степени несуразно.

Пиръ въ кіевской гридницѣ Свѣтозара. Глинка, не будучи астрономомъ, сцену эту разработалъ, однако, недурно. Постановщикъ рѣшилъ, что этого мало, и вмѣсто гридницы построилъ лестницу жизни по мотиву извѣстной лубочной

картины — восходящая юность, нисходящая старость — и гости почему-то пируютъ на этой символической лѣстницѣ. На небѣ появляются при этомъ звѣзды разныхъ величинъ, а на полу косо стоитъ серпъ луны: такъ, очевидно, полагается. Вмѣсто луны свѣтятъ лампіоны такъ, что бьютъ въ глаза зрителямъ и мѣшаютъ разсмотрѣть остальныя новшества. Бороду Черномора несутъ на какой-то особенной подушкѣ, которая должна, вѣроятно, символизировать весь мракъ, окру-жающій бороду, или что-то такое въ этомъ родѣ. Но самое главное и удивительное это то, что во время самой обыкновенной сцены между Наиной и Фарлафомъ вдругъ неизвестно почему и для чего изъ-за кулисъ появляются какія то странныя существа, не то это мохнатыя и кюрявовѣтвистыя деревья, не то это тѣ черти, которые мерещутся иногда алкоголикамъ. Такихъ сущесгвъ выходить штукъ двѣнадцать, а ихъ нѣть ни въ текстѣ Пушкина, ни въ музыкѣ Глинки.

Или вотъ, ставятъ «Русалку» Даргомыжскаго. Какъ известно, въ первомъ дѣйствіи этой оперы стоитъ мельница. Выдумщикъ-режиссеръ не довольствуется тѣмъ, что художникъ написалъ декорацию, на которой изобразилъ эту самую мельницу, онъ подчеркиваеть ее: выпускаетъ на сцену молодцовъ, и они довольно долгое время таскаютъ мѣшки съ мукой, то въ мельницу, то на дворъ. Теперь прошу вспомнить, что на сценѣ въ это время происходить глубокая драма. Наташа въ полуобморочномъ состояніи сидитъ въ столбнякѣ, еще минута — и она бросится въ воду топиться, — а тутъ мѣшки съ мукой!

— Почему вы носите мѣшки съ мукой? — спрашиваю я постановщика.

— Дорогой Федоръ Ивановичъ, надо же какъ нибудь оживить сцену.

Что отвѣтить? «Ступай, достань веревку и удавись. А я уже, можетъ быть, подыщу кого нибудь, кто тебя сумѣетъ оживить…».

Нельзя — обидится! Скажетъ: Шаляпинъ ругается.

34

Не во имя строгаго реализма я возстаю противъ «новшествъ», о которыхъ я говорилъ въ предыдущей главѣ. Я не догматикъ въ искусствѣ и вовсе не отрицаю опытовъ и исканій. Не былъ ли смѣлымъ опытомъ мой Олофернъ? Реалистиченъ ли мой Донъ-Базиліо? Что меня отталкиваетъ и глубоко огорчаетъ, это подчиненіе главнаго — аксессуару, внутренняго — внѣшнему, души — погремушкѣ. Ничего не имѣлъ бы я ни противъ «лестницы жизни», ни противъ мѣшковъ съ мукой, если бы они не

мѣшали. А они мѣшаютъ пѣвцамъ спокойно играть и пѣть, а публикѣ мѣшаютъ спокойно слушать музыку и пѣвцовъ. Гридница спокойнее лестницы — сосредотачиваетъ вниманіе, а лѣстница его разсѣиваетъ. Мѣшки съ мукой и чертики — уже прямой скандалъ.

Я самъ всегда требую хорошихъ, красивыхъ и стильныхъ декорацій. Особенность и цѣнность оперы для меня въ томъ, что она можетъ сочетать въ стройной гармоніи всѣ искусства — музыку, поэзію, живопись, скульптуру и архитектуру. Слѣдовательно, я не могъ бы упрекнуть себя въ равнодушіи къ заботамъ о внѣшней обстановке. Я признаю и цѣню дѣйствіе декораціи на публику. Но произведя свое первое впечатлѣніе на зрителя, декорація должна сейчасъ же утонуть въ общей симфоніи сценическаго дѣйствія. Беда же въ томъ, что новаторы, поглощенные нагроможденіемъ вредныхъ, часто безсмысленныхъ декоративныхъ и постановочныхъ затѣй, уже пренебрегаютъ всѣмъ остальнымъ, самымъ главнымъ въ театрѣ, — духомъ и интонаціей произведенія, и подавляютъ актера, первое и главное дѣйствующее лицо.

Я весьма цѣню и уважаю въ театральномъ дѣятелѣ знанія, но если своими учеными изысканіями постановщикъ убиваетъ самую суть искусства, — то его науку и его самого надо изъ театра безпощадно гнать.

Режиссеръ ставитъ «Бориса Годунова». У Карамзина или у Иловайскаго онъ вычиталъ, что самозванецъ Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ монастыря осенью, въ сентябре. Поэтому, ставя сцену въ корчме съ Гришкой и Варлаамомъ, онъ оставляетъ окно открытымъ и за окномъ даетъ осенній пейзажъ — блеклую зелень.

Хронологія торжествуетъ, но сцена погублена.

Мусоргскій написалъ къ этой картине зимнюю музыку. Она заунывная, сосредоточенная, замкнутая — открытое окно уничтожаетъ настроеніе всей сцены…

Съ такого рода губительной наукой я однажды столкнулся непосредственно на Императорской сценѣ.

Владиміръ Стасовъ сказалъ мне какъ-то.

— Федоръ Ивановичъ, за вами должокъ. Вы обещали спѣть какъ нибудь Лепорелло въ «Каменномъ гостѣ» Даргомыжскаго.

Желаніе Стасова для меня было закономъ. Я сказалъ директору Императорскихъ Театровъ В.А.Теляковскому, что хочу пѣть въ «Каменномъ гостѣ». Теляковскій согласился. Я приступилъ къ работѣ, т. е. сталъ заучивать мою и всѣ остальныя роли пьесы, какъ я это всегда дѣлаю. Сижу у себя дома въ халатѣ и разбираю клавиръ. Мнѣ докладываютъ, что какой-то господинъ хочетъ меня видѣть.

— Просите.

Входитъ господинъ съ цѣлой библіотекой подмышкой. Представляется. Ему поручено поставить «Каменнаго гостя».

— Очень радъ. Чѣмъ могу служить?

Постановщикъ мнѣ объясняетъ:

— Легенда о Донъ-Жуанѣ весьма стариннаго происхожденія. Аббатъ Этьенъ на 37-й страницѣ III тома своего классическаго труда относитъ ея возникновеніе къ XII вѣку. Думаю ли я, что «Каменнаго гостя» можно ставить въ стилѣ XII вѣка?

— Отчего же нельзя, отвечаю. Ставьте въ стилѣ XII вѣка.

— Да, — продолжаетъ ученый мой собесѣдникъ. — Но Родриго дель Стюпидосъ на 72-й страницѣ II тома своего не менѣе классическаго труда помѣстилъ легенду о Донъ-Жуанѣ въ рамки XIV вѣка.

— Ну, что-же. И это хорошо. Чѣмъ плохой вѣкъ? Ставьте въ стилѣ XIV вѣка.

Прихожу на репетицію. И первое, что я узнаю, это то, что произведете Даргомыжскаго по Пушкину ставятъ въ стилѣ XII вѣка. Узналъ я это вотъ какимъ образомъ. У Лауры веселая застольная пирушка. На столѣ, конечно, полагается быть канделябрамъ. И вдругъ постановщикъ замѣтилъ, что канделябры не соотвѣтствуютъ стилю аббата Этьена. Пришелъ онъ въ неописуемое волненіе:

— Григорій! Рехнулся, что-ли? Что за канделябры! Тащи канделябры XII вѣка… Григорій!..

Появился бутафоръ. Малый, должно быть, VII вѣка и о XII вѣкѣ не слыхивалъ.

Ковыряя въ носу, онъ флегматически отвѣчаетъ:

— Такъ что, г. режиссеръ, окромя, какъ изъ Хюгенотовъ, никакихъ канделябрей у насъ нѣтъ…

Очень мнѣ стало смѣшно.

— Богъ съ ними, — думаю, — пускай забавляются. Приступили къ репетиціямъ. Пиршественный столъ поставленъ такъ, что за нимъ не только невозможно уютно веселиться, но и сидѣть за нимъ удобно нельзя.

Вступаетъ въ дѣйствіе Донъ-Карлосъ. По пьесѣ это грубый солдафонъ. Для прелестной 18-ти летней Лауры онъ не находитъ за пиромъ никакихъ другихъ словъ, кромѣ вотъ этихъ:

…Когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда что скажешь ты?

Роль этого грубаго вояки долженъ пѣть суровый басъ, а запѣлъ ее мягкій лирическій баритонъ. Она, конечно, лишилась характера. Постановщикъ же, поглощенный канделябрами, находилъ, повидимому, безкостный тонъ пѣвца вполнѣ подходящимъ — ничего не говорилъ. Объ этомъ не сказано ничего ни у аббата Этьена, ни у Родрига дель Стюпидоса…

Послушалъ я, послушалъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:\

— Пойду я, господа, въ баню. Никакого «Каменнаго гостя» мы съ вами пѣть не будемъ.

И ушелъ. «Каменный гость» былъ лоставленъ безъ моего участия и, разумѣется, предсталъ передъ публикой въ весьма печальномъ видѣ.

35

Кажется мнѣ порою, что растлевающее вліяніе на театръ оказалъ и общій духъ новаго времени. Долго наблюдалъ я нашу театральную жизнь въ столицахъ и не могъ не заметить съ большимъ огорченіемъ, что нѣтъ уже прежняго отношенія актера къ театру. Скептики иногда посмеиваются надъ старомодными словами, «святое искусство», «храмъ искусства», «священный трепетъ подмостковъ» и т. п. Можетъ быть, оно звучитъ и смешно, но, вѣдь, не пустыя это были слова для нашихъ стариковъ. За ними было глубокое чувство. А теперь похоже на то, что молодой актеръ сталъ учиться въ училищахъ, главнымъ образомъ, только для того, чтобы получить аттестатъ и немедленно же начать играть Рюи Блаза. Пересталъ какъ будто молодой актеръ задумываться надъ тѣмъ, готовъ ли онъ. Онъ сталъ торопиться. Его занимаютъ другіе вопросы. Весь трепетъ свой онъ перенесъ на дешевую рекламу. Вмѣсто того, чтобы посвятить свою заботу и свое вниманіе пьесѣ, изображению персонажа, спектаклю, — онъ перенесъ свое вниманіе на театральный журнальчикъ и на афишу — имя большими буквами. Понятно, что лестно увидѣть свое изображеніе на первой странице журнала съ надписью внизу: «Усиковъ. Одинъ изъ самыхъ нашихъ замѣчательныхъ будущихъ талантовъ». Пріятно и ослепительно. Но въ этомъ ослепленіи актеръ пересталъ замѣчать, что интимныхъ отношеній со священнымъ искусствомъ» онъ все ближе и ближе переходилъ къ базару. Актеръ обтеръ лицо объ спину театральнаго репортера…

Для развлечения и удовлетворенія мелкаго самолюбія онъ восторженно сталъ принимать приглашенія въ кружки, такъ называемыхъ, любителей театральнаго искусства, кружки взаимной лести и рекламы, гдѣ на каждой репетиціи обязательно находилъ редактора театральной газеты. Критика серьезныхъ людей сдѣлалась ему обидной, тяжелой и невыносимой. Но страшнѣе всего то, что онъ потерялъ способность и склонность критиковать самого себя.

Надо по всей справедливости сказать, что трудно приходится современной молодежи — ее жаль. Искусство требуетъ не только усидчивости, но и сосредоточенности. Цивилизація послѣднихъ десятковъ лѣтъ смяла кости этой доброй усидчивости. Сейчасъ всѣ такъ торопятся, спѣшатъ. Аэропланы, радіо. Наверху летаютъ, а внизу, на землѣ дерутся. Хоть я и не очень старъ, а скажу, мы, старики, въ баню ходили, долго мылись, благодушествовали. Хорошо потереться мочалкой и вѣникомъ попариться. Для искусства хорошо. Теперь станешь на пружинку, тебя въ минуту и

намылили, и потерли, и усатинъ уже во всѣхъ волосахъ. Для искусства усатинъ вредная вѣщь, вредна и пружинка… Искусство требуетъ созерцанія, спокойствія, хорошаго ландшафта съ луной. А тутъ Эйфелева башня съ Ситроеномъ… Надо торопиться, спѣшить, перегонять.

Актеръ, музыкантъ, пѣвецъ вдругъ какъ-то стали всѣ ловить моментъ. Выдался моментъ удачный — онъ чувствуетъ себя хорошо. Случилось что нибудь плохое, онъ говоритъ — «не везет», затираютъ, интригуютъ. Этотъ моменталистъ никогда не виноватъ самъ, всегда виновать кто-то другой.

И годъ отъ году, на моихъ глазахъ, этотъ базаръ сталъ разрастаться все болѣе зловѣще. Ужасно, на каждомъ шагу и всюду — на всемъ земномъ шарѣ — сталкиваться съ профессіоналами, не знающими своего ремесла. Актеръ не знаетъ сцены, музыкантъ не знаетъ по настоящему музыки, дирижеръ не чувствуетъ ни ритма, ни паузы. Не только не можетъ передать души великаго музыканта, но неспособенъ даже услѣдить болѣе или менѣе правильно за происходящими на сценѣ дѣйствіями, а, спектаклемъ командуетъ онъ, какъ полководецъ — сраженіемъ. Съ чрезвычайно нахмуренными бровями, съ перстнемъ на мизинцѣ, онъ за то очень убѣдительно машетъ палочкой… И нельзя сказать, чтобы этотъ дирижеръ совершенно ничего не зналъ. Нѣтъ, онъ знаетъ, много знаетъ, обученъ всѣмъ контрапунктамъ, но отъ этого знанія толку мало потому, что однихъ знаній недостаточно для рѣшенія задачи. Надобно еще умѣть сообразить, понять и сотворить. Вѣдь, для того, чтобы построить хорошій мостъ, инженеру мало знать курсъ, который онъ проходилъ въ школѣ. Онъ долженъ еще быть способнымъ рѣшить творческую задачу…

Мнѣ, которому театръ, быть можетъ, дороже всего въ жизни, тяжело все это говорить, но еще тяжелѣе все это видѣть. Я старая театральная муха — гони ее въ окно, она влѣзетъ въ дверь — такъ неразрывно связанъ я со сценой. Я продѣлалъ все, что въ театрѣ можно дѣлать. Я и лампы чистилъ, и на колосники лазилъ, и декораціи приколачивалъ гвоздями, и въ апофеозахъ зажигалъ бенгальскіе огни, и плясалъ въ малороссійской труппѣ, и водевили разыгрывалъ, и Бориса Годунова пѣлъ. Самый маленькій провинціальный актеръ, фокусникъ какой-нибудь въ циркѣ близокъ моей душѣ. Такъ люблю я театръ. Какъ же мнѣ безъ боли признаться, что въ большииствѣ современныхъ театровъ мнѣ и скучно, и грустно?

Но я надеюсь, я увѣренъ, что не всѣ молодые измѣнили хорошей, честной театральной традиціи. И съ увѣренностью скажу имъ: «не теряйте духа! Будьте себѣ вѣрны — вы

побѢдите!»Ужинъ въ Московскомъ, Художественно-артистическомъ кружкѢ.

IV. Русск іе люди

36

Со вторичнымъ моимъ поступленіемъ на Императорскую сцену моя работа стала протекать параллельно въ обѣихъ сголицахъ, такъ какъ я поочередно выступалъ то въ Маріинскомъ театрѣ въ Петербургѣ, то въ Большомъ Императорскомъ театрѣ въ Москвѣ. Артистъ, много и серьезно работающій, не располагаетъ большими досугами. Изученіе ролей, репетиціи, спектакли. Часы же моего отдыха я проводилъ или въ семьѣ, или въ кругу друзей — музыкантовъ, художниковъ, писателей. Такъ называемое «общество» я посѣщалъ мало. Однако, въ Москвѣ я съ большимъ интересомъ (присматривался къ купеческому кругу, дающему тонъ всей московской жизни. И не только московской. Я думаю, что въ полустолѣтіе, предшествовавшее революціи, русское купечество играло первенствующую роль въ бытовой жизни всей страны.

Что такое русскій купецъ? Это въ сущности простой россійскій крестьянинъ, который послѣ освобожденія отъ рабства потянулся работать въ городъ. Это тотъ самый мохнатенькій огурчикъ, что весною налился соками деревни, созрѣлъ подъ деревенскимъ солнцемъ и съ крестьянскаго огорода перенесенъ въ городъ для зимняго засола. Свѣжій огурецъ въ огородѣ, можетъ быть, красивее и вкуснее соленаго, хотя это какъ на чей вкусъ, но и соленый огурчикъ, испорченный городомъ, все еще хранить въ себѣ теплоту и силу деревенскаго солнца. Въ холодную зимнюю пору, послѣ доброй рюмки водки, онъ вмѣстѣ съ нею согрѣваетъ животъ не только «буржуя», но к пролетарія, простого рабочаго человѣка… Дѣствительно, не только на себя работало россійское купечество — оно творило жизнь, оно зачинало трудъ…

Я такъ и вижу въ деревенскомъ еще обликѣ его, этого будущаго московскаго туза торговли и промышленности. Выбиваясь изъ силъ и потѣя, онъ въ своей деревнѣ самыми необыкновенными путями изучаетъ грамоту. По сонникамъ, по требникамъ, по лубочнымъ разсказамъ о Бовѣ Королевичѣ и Еруслапѣ Лазаревичѣ. Онъ по старинному складываеть буквы: азъ, буки, вѣди, глаголь… Еще полуграмотный, онъ проявляетъ завидную смѣтливость. Не будучи ни техникомъ, ни инженеромъ, онъ вдругъ изобрѣтаетъ какую то машинку для растиранія картофеля, или находитъ въ землѣ какіе то особенные матеріалы для колесной мази — вообще, что нибудь такое уму

непостижимое. Онъ соображаетъ, какъ вспахать десятину съ наименьшей затратой труда, чтобы получить наибольшій доходъ. Онъ не ходитъ въ казенную пивную лавку, остерегается убивать драгоцѣнное время праздничными прогулками. Онъ все время корпитъ то въ конюшнѣ, то въ огородѣ, то въ полѣ, то въ лѣсу. Неизвестно, какимъ образомъ — газетъ не читаетъ — онъ узнаетъ, что картофельная мука продается дешево и что, купивъ ее теперь по дешевой цѣнѣ въ такой то губерніи, онъ черезъ мѣсяцъ продастъ ее дороже въ другой.

И вотъ, глядишь, начинаетъ онъ жить въ преимущественномъ положеніи передъ другими мужиками, у которыхъ какъ разъ нѣтъ его прилежанія… Съ точки зрѣнія послѣднихъ теченій мысли въ Россіи, онъ — «кулакъ», преступный типъ. Купилъ дешево — кого то обманулъ, продавъ дорого — опять кого-то обманулъ… А для меня, каюсь, это свидетельствуетъ, что въ этомъ человѣкѣ есть, какъ и подобаетъ, умъ, сметка, расторопность и энергія. Плохъ для жизни тотъ человѣкъ — хотя «поэтически» привлекателенъ — который, подобно неаполитанскому лаццарони, лежитъ на солнышке и лениво греется…

А то еще россійскій мужичекъ, вырвавшись изъ деревни смолоду, начинаетъ сколачивать свое благополучіе будущаго купца, или промышленника въ самой Москвѣ. Онъ торгуетъ сбитнемъ на Хитровомъ рынке, продаетъ пирожки, на лоткахъ льетъ конопляное масло на гречишники, весело выкрикиваетъ свой товаришко и косымъ глазкомъ хитро наблюдаетъ за стежками жизни, какъ и что зашито и что къ чему какъ пришито. Не казиста жизнь для него. Онъ самъ зачастую ночуетъ съ бродягами на томъ же Хитровомъ рынкѣ или на Прѣснѣ, онъ Ѣстъ требуху въ дешевомъ трактирѣ, въ прикусочку пьетъ чаекъ съ чернымъ хлѣбомъ. Мерзнетъ, холодаетъ, но всегда веселъ, не ропщетъ и надѣется на будущее. Его не смущаетъ, какимъ товаромъ ему приходится торговать, торгуя разнымъ. Сегодня иконами, завтра чулками, послѣ завтра янтаремъ, а то и книжечками. Такимъ образомъ онъ дѣлается «экономистомъ». А тамъ, глядь, у него уже и лавочка или заводикъ. А потомъ, поди, онъ уже 1-ой гильдіи купецъ. Подождите — его старшій сынокъ первый покупаетъ Гогеновъ, первый покупаетъ Пикассо, первый везетъ въ Москву Матиса. А мы, просвещенные, смотримъ со скверно-разинутыми ртами на всѣхъ непонятыхъ еще нами Матисовъ, Манэ и Ренуаровъ и гнусаво-критически говоримъ:

— Самодуръ…

А самодуры, тѣмъ временемъ, потихонечку накопили чудесныя сокровища искусства, создали галлереи, музеи, первоклассные театры, настроили больницъ и пріютовъ на всю

Москву…

Я помню характерное слово одного изъ купеческихъ тузовъ Москвы — Саввы Тимофеевича Морозова. Построилъ онъ себѣ новый домъ на Арбатѣ и устроилъ большой праздникъ, на который, между прочимъ, былъ приглашенъ и я. Въ вестибюлѣ, у огромной дубовой лѣстницы, ведшей въ верхнія парадныя залы, я замѣтилъ нѣчто, похожее на фонтанъ, а за этимъ большія цвѣтныя стекла, освѣщавшіяся какъ то извнутри. На стеклѣ ярко выступала чудесная лошадь, закованная въ панцырь, съ эффектнымъ всадникомъ на ней — молодымъ рыцаремъ, котораго молодыя дѣвушки встрѣчали цвѣтами.

— Любите воинственное, — замѣтилъ я хозяину.

— Люблю побѣду, — отвѣтилъ съ улыбкой С.Т.Морозовъ.

Да, любили побѣду россійскіе купцы, и побѣдили. Побѣдили бѣдность и безвестность, буйную разноголосицу чиновныхъ мундировъ и надутое чванство дешеваго, сюсюкающаго и картавящаго «аристократизма».

Я рѣдко бывалъ въ гостяхъ у купцовъ. Но всякій разъ, когда мнѣ случалось у нихъ бывать, я видалъ такую ширину размаха въ пріемѣ гостей, которую трудно вообразить. Объѣздивъ почти весь міръ, побывавъ въ домахъ богатѣйшихъ европейцевъ и американцевъ, долженъ сказать, что такого размаха не видалъ нигдѣ. Я думаю, что и представить себѣ этоть размахъ европейцы не могутъ.

Когда мнѣ приходится говорить о людяхъ, которые не нравятся, мнѣ дѣлается какъ то неловко и совѣстно. Это потому, что въ глубинѣ моей души я имѣю убѣжденіе, что на свѣтѣ не должно быть людей, не вызывающихъ къ себѣ симпатіи. Но если они на свѣтѣ существуютъ, дѣлать нечего — надо говорить правду.

Насколько мнѣ было симпатично солидное и серьезное россійское купечество, создавшее столько замѣчательныхъ вещей, настолько же мнѣ была несимпатична такъ называемая «золотая» купеческая молодежь. Отставъ отъ трудовой деревни, она не пристала къ труду городскому. Нахватавшись въ университетѣ верховъ и зная, что папаша можетъ заплатить за любой дорогой дебошъ, эти «купцы» находили для жизни только одно оправдание — удовольствія, наслажденія, которыя можетъ дать цыганскій таборъ. Дни и ночи проводили они въ безобразныхъ кутежахъ, въ смазываніи горчицей лакейскихъ «рожъ», какъ они выражались, по дикости своей неспособные уважать человѣческую личность. Ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, ни, думаю, въ Азіи — не имѣютъ представленія и объ этого рода «размахѣ»… Впрочемъ, этихъ молодцовъ назвать купечествомъ было бы несправедливо —

это просто «безпризорные»…

37

Я уже упоминалъ о томъ, что великихъ актеровъ дало Россіи крѣпостное крестьянство. Выдвинуло оно, какъ я только что отмѣтилъ, и именитое россійское купечество. Много, во истину, талантливости въ русской деревнѣ. Каждый разъ, когда я объ этомъ думаю, мнѣ въ образецъ приходятъ на памяти не только знаменитые писатели, художники, ученые или артисты изъ народа, но и простые, даровитые мастеровые, какъ, напримѣръ, мой покойный другъ Федоръ Григорьевъ. Этотъ человѣкъ въ скромной профессіи театральнаго парикмахера умѣлъ быть не только художникомъ, что случается нерѣдко, но и добрымъ, спорымъ, точнымъ мастеромъ своего ремесла, что въ наше время, къ сожалѣнію, стало большой рѣдкостью.

Есть у меня двѣ-три «буржуазныя» причуды: люблю носить хорошее платье, пріятное бѣлье и красивые, крѣпко сшитые сапоги. Трачу много денегъ на эти удовольствія. Заказываю костюмъ у самаго знаменитаго портного Лондона. Меня изучаютъ во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ и затѣмъ надо мною продѣлываютъ бесконечное количество всевозможныхъ манипуляцій при многихъ примѣркахъ. А въ концѣ концовъ — въ груди узко, одинъ рукавъ короче, другой длиннѣе:

— У васъ правое плечо значительно ниже лѣваго.

— Но вы, вѣдь, мерили сантиметромъ.

— Извините, какъ то упустилъ.

То же самое съ сапогами и рубашками. Кончилъ я тѣмъ, что, заказывая платье, бѣлье и обувь, я пристально гляжу на закройщиковъ и спрашиваю:

— Вы замѣчаете, что я уродливъ?

Удивленіе.

— Вы видите, напримѣръ, что у меня лѣвое плечо ниже праваго?

Приглядывается:

— Да, немножко.

— А на лѣвой ногѣ у меня вы не видите шишки около большого пальца?

— Да, есть.

— А шея, видите, у меня ненормально длинная?

— Развѣ?

— Такъ вотъ, замѣтьте все это и сделайте, какъ слѣдуетъ.

— Будьте спокойны.

И опять — правая сторона пиджака обязательно виситъ ниже лѣвой на 5 сантиметровъ, сапоги больно жмутъ, а воротникъ отъ рубашки преть къ ушамъ.

То же самое у меня съ театральными парикмахерами. Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Россіи, я никогда не могу имѣть такого парика, такой бороды, такихъ усовъ, такихъ бровей, какіе мнѣ нужны для роли. А театральный парикмахеръ, — какъ это ни странно, простой парикмахеръ — главный другъ артиста. Отъ него зависитъ очень многое. Федоръ Григорьевъ дѣлалъ просто чудеса. Въ немъ горѣли простонародная русская талантливость и несравненная русская сметливость и расторопность. Былъ онъ хорошій и веселый человѣкъ, заика и лысый — въ насмешку надъ его ремесломъ. Подкидышъ, онъ воспитывался въ сиротскомъ домѣ и затѣмъ былъ отданъ въ ученіе въ простую цырюльню, гдѣ «стригутъ, брѣютъ и кровь пускаютъ». Но и у цырюльника онъ умудрился показать свой талантъ. На святкахъ онъ дѣлалъ парики, бороды и усы для ряженыхъ и выработался очень хорошимъ гримеромъ. Онъ самъ для себя изучилъ всякое положеніе красокъ на лицѣ, отлично зналъ свѣтъ и тѣнь.

Когда я объяснялъ ему сущность моей роли и кто такой персонажъ, то онъ, бывало, говорилъ мни:

— Ддд-умаю, Ффф-едоръ Ивановичъ, что его нн-адо сыграть ррр-ыжеватымъ.

И давалъ мнѣ удивительно натуральный парикъ, въ которомъ было такъ пріятно посмотрѣть въ зеркало уборной, увидѣть сзади себя милое лицо Федора, улыбнуться ему и, ничего не сказавъ, только подмигнуть глазомъ. Федоръ, понимая безмолвную похвалу, тоже ничего не говорилъ, только прикашливалъ.

Мой бенефисъ. Завивая локонъ, Федоръ, случалось, говорилъ:

— Ддд-орогой Ффф-едоръ Ивановичъ. Поодппустимъ сегодня для торжественнаго шаляпинскаго спектакля…

И, дѣйствительно, «подпускалъ»…

Въ профессіональной области есть только одинъ путь къ моему сердцу — на каждомъ мѣстѣ хорошо дѣлать свою работу: хорошо дирижировать, хорошо пѣть, хорошо парикъ приготовить. И Федора Григорьева я сердечно полюбилъ. Бралъ его заграницу, хотя онъ былъ мнѣ ненуженъ — все у меня бывало готово съ собою. А просто хотѣлось мнѣ имѣть рядомъ съ собою хорошаго человѣка и доставить ему удовольствіе побывать въ январѣ среди розъ и акацій. Ну, и радовался же Федоръ въ Монте-Карло! Исходилъ онъ тамъ всѣ высоты кругомъ, а вечеромъ въ уборной театра сидѣлъ и говорилъ:

— Дде-шево уст-трицы стоятъ здѣсь, Ффе-доръ Ивв-ановичъ. У ннасъ не подступишься! А ужъ что замѣчательно, Федоръ

Ивановичъ, тт-акъ это ссс-ыръ, Фффе-доръ Ивв-ановичъ, ррок-форъ. Каждое утро съ кофеемъ съѣдаю чч-етверть фунта…

Я съ болышимъ огорченіемъ узналъ о смерти этого талантливаго человѣка. Умеръ онъ въ одиночествѣ оть разрыва сердца въ Петербургѣ… Миръ праху твоему, мой чудесный соратникъ!

38

Много замѣчательныхъ и талантливыхъ людей мнѣ судьба послала на моемъ артистическомъ пути. Къ первымъ и трогательнымъ воспоминаніямъ о юной дружбѣ моихъ московскихъ дней относится встрѣча съ Сергѣемъ Рахманиновымъ. Она произошла въ мой первый сезонъ у Мамонтова. Пришелъ въ театръ еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Меня познакомили съ нимъ. Сказали, что это музыкантъ, только что окончившей консерваторію. За конкурсное соиненіе — оперу «Алеко» по Пушкину — получилъ золотую медаль. Будетъ дирижировать у Мамонтова оперой «Самсонъ и Далила». Все это мнѣ очень импонировало. Подружились горячей юношеской дружбой. Часто ходили къ Тѣстову растегаи кушать, говорить о театрѣ, музыкѣ и всякой всячинѣ.

Потомъ я вдругъ сталъ его видѣть рѣже. Этотъ глубокій человѣкъ съ напряженной духовной жизнью переживалъ какой то духовный кризисъ. Пересталъ показываться на людяхъ. Писалъ музыку и рвалъ, неудовлетворенный. Къ счастью, Рахманиновъ силой воли скоро преодолѣлъ юношескій кризисъ, изъ «гамлетовскаго» періода вышелъ окрѣпшимъ для новой работы, написалъ много симфоническихъ поэмъ, романсовъ, фортепіанныхъ вещей и проч. Замѣчательный піанистъ, Рахманиновъ въ то же время одинъ изъ немногихъ чудесныхъ дирижеровъ, которыхъ я въ жизни встрѣчалъ. Съ Рахманиновымъ за дирижерскимъ пультомъ, пѣвецъ можетъ быть совершенно спокоенъ. Духъ произведения будетъ проявленъ имъ съ тонкимъ совершенствомъ, а если нужны задержаніе или пауза, то будетъ это іота въ іоту… Когда Рахманиновъ сидитъ за фортепіано и аккомпанируетъ, то приходится говорить: «не я пою, а мы поемъ». Какъ композиторъ, Рахманиновъ воплощеніе простоты, ясности и искренности. Сидитъ въ своемъ креслe и въ угоду соглядатаямъ не двинется ни влѣво, ни вправо. Когда ему нужно почесать правое ухо, онъ это дѣлаетъ правой рукой, а не лѣвой черезъ всю спину. За это иные «новаторы» его не одобряли.

Видъ у Рахманинова — сухой, хмурый, даже суровый. А какой

дѣтской доброты этотъ человѣкъ, какой любитель смѣха. Когда ѣду къ нему въ гости, всегда приготовляю анекдотъ или разсказъ — люблю посмешить этого моего стараго друга.

Съ Рахманиновымъ у меня связано не совсѣмъ заурядное воспоминаніе о посѣщеніи Льва Николаевича Толстого.

Было это 9-го января 1900 года въ Москвѣ. Толстой жилъ съ семьей въ своемъ домѣ въ Хамовникахъ. Мы съ Рахманиновымъ получили приглашеніе посетить его. По деревянной лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ очень милаго, уютнаго, совсѣмъ скромнаго дома, кажется, полудеревяннаго. Встрѣтили насъ радушно Софія Андревна и сыновья — Михаилъ, Андрей и Сергѣй. Намъ предложили, конечно, чаю, но не до чаю было мнѣ. Я очень волновался. Подумать только, мнѣ предстояло въ первый разъ въ жизни взглянуть въ лицо и въ глаза человѣку, слова и мысли котораго волновали весь міръ. До сихъ поръ я видѣлъ Льва Николаевича только на портретахъ. И вотъ онъ живой! Стоить у шахматного столика и о чѣмъ то разговариваетъ съ молодымъ Гольденвейзеромъ (Гольденвейзеры — отецъ и сынъ — были постоянными партнерами Толстого въ домашнихъ шахматныхъ турнирахъ). Я увидѣлъ фигуру, кажется, ниже средняго роста, что меня крайне удивило — по фотографіямъ Левъ Николаевичъ представлялся мнѣ не только духовнымъ, но и физическимъ гигантомъ — высокимъ, могучимъ и широкимъ въ плечахъ… Моя проклятая слуховая впечатлительность (профессіональная) и въ эту многозначительную минуту отметила, что Левъ Николаевичъ заговорилъ со мною голосомъ, какъ будто дребезжащимъ, и что какая то буква, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія какихъ нибудь зубовъ, свистала и пришепетывала!.. Я это замѣтилъ, несмотря на то, что необычайно оробѣлъ, когда подходилъ къ великому писателю, а еще болѣе оробѣлъ, когда онъ просто и мило протянулъ мнѣ руку и о чѣмъ то меня спросилъ, вродѣ того, давно ли я служу въ театрѣ, я — такой молодой мальчикъ… Я отвѣчалъ такъ, какъ когда то въ Казанскомъ театрѣ отвъчалъ: «веревочка», на вопросъ, что я держу въ рукахъ…

Сережа Рахманиновъ былъ, кажется, смѣлѣе меня; но тоже волновался, и руки имѣлъ холодныя. Онъ говорилъ мнѣ шопотомъ: «если попросятъ играть, не знаю, какъ — руки у меня совсѣмъ ледяныя». И, дѣйствительно, Левъ Николаевичъ попросилъ Рахманинова сыграть. Что игралъ Рахманиновъ, я не помню. Волновался и все думалъ: кажется, придется пѣть. Еще больше я струсилъ, когда Левъ Николаевичъ въ упоръ спросилъ Рахманинова:

— Скажите, такая музыка нужна кому нибудь?

Попросили и меня спѣть. Помню, запѣлъ балладу «Судьбу»,

только что написанную Рахманиновымъ на музыкальную тему 5-ой симфоніи Бетховена и на слова Апухтина. Рахманиновъ мнѣ аккомпанировалъ, и мы оба старались представить это произведеніе возможно лучше, но такъ мы и не узнали, понравилось ли оно Льву Николаевичу. Онъ ничего не сказалъ. Онъ опять спросилъ:

— Какая музыка нужнѣе людямъ — музыка ученая, или народная?

Меня просили спѣть еще. Я спѣлъ еще нѣсколько вещей и, между прочимъ, пѣсню Даргомыжскаго на слова Беранже «Старый Капралъ». Какъ разъ противъ меня сидѣлъ Левъ Николаевичъ, засунувъ обѣ руки за ременный поясъ своей блузы. Нечаянно бросая на него время отъ времени взглядъ, я замѣтилъ, что онъ съ интересомъ слѣдилъ за моимъ лицомъ, глазами и ртомъ. Когда я со слезами говорилъ послѣднія слова разстрѣливаемаго солдата:

«Дай Богъ домой вамъ вернуться» — Толстой вынулъ изъ-за пояса руку и вытеръ скатившіяся у него двѣ слезы. Мнѣ неловко это разсказывать, какъ бы внушая, что мое пѣніе вызвало въ Львѣ Николаевичѣ это движеніе души; я, можетъ быть, правильно изобразилъ переживанія капрала и музыку Даргомыжскаго, но эмоцію моего великаго слушателя я объяснилъ разстрѣломъ человѣка.

Когда я кончилъ пѣть, присутствующіе мнѣ апплодировали и говорили мнѣ разныя лестныя слова. Левъ Николаевичъ не апплодировалъ и ничего не сказалъ.

Софія Андреевна немного позже, однако, говорила мнѣ:

— Ради Бога, не подавайте виду, что вы заметили у Льва Николаевича слезы. Вы знаете, онъ бываетъ иногда страшнымъ. Онъ говоритъ одно, а въ душѣ, помимо холоднаго разсужденія, чувствуетъ горячо.

— Что же, — спросилъ я — понравилось Льву Николаевичу, какъ я пѣлъ «Стараго Капрала?»

Софья Андреевна пожала мнѣ руку:

— Я увѣрена — очень.

Я самъ чувствовалъ милую внутреннюю ласковость суроваго апостола и былъ очень счастливъ. Но сыновья Льва Николаевича — мои сверстники и пріятели — увлекли меня въ соседнюю комнату:

— Послушай, Шаляпинъ, если ты будешь оставаться дольше, тебѣ будетъ скучно. Поѣдемъ лучше къ Яру. Тамъ цыгане и цыганки. Вотъ тамъ — такъ споемъ!..

Не знаю, было ли бы мнѣ «скучно», но, что я чувствовалъ себя у Толстого очень напряженно и скованно — правда. Мнѣ было страшно, а вдругъ Левъ Николаевичъ спроситъ меня что нибудь,

на что не сумѣю какъ слѣдуетъ отвѣтить. А цыганкѣ смогу отвѣтить на все, что бы она ни спросила… И черезъ часъ намъ цыганскій хоръ распѣвалъ «Перстенекъ золотой».

39

Стыдновато и обидно мнѣ теперь сознавать, какъ многое, къ чему надо было присмотреться внимательно и глубоко, прошло мимо меня какъ бы незамѣченнымъ. Такъ природный москвичъ проходитъ равнодушно мимо Кремля, а парижанинъ не замѣчаетъ Лувра. По молодости лѣтъ и легкомыслію, очень много проморгалъ я въ жизни. Не я ли могъ глубже, поближе и страстнѣе подойти къ Льву Николаевичу Толстому? Не я ли могъ чаще съ умиленіемъ смотрѣть въ глаза очкастому Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову? Не я ли могъ глубоко вздохнуть, видя, какъ милый Антонъ Павловичъ Чеховъ, слушая свои собственные разсказы въ чтеніи Москвина, кашлялъ въ сделанные изъ бумаги фунтики? Видѣлъ, но глубоко не вздохнулъ. Жалко.

Какъ сонъ вспоминаю я теперь всѣ мои встрѣчи съ замѣчательнейшими русскими людьми моей эпохи. Вотъ я съ моимъ бульдожкой сижу на диване у Ильи Ефимовича Репина въ Куокалла.

— Бариномъ хочу я васъ написать, Федоръ Ивановичъ, — говоритъ Рѣпинъ.

— Зачѣмъ? — смущаюсь я.

— Иначе не могу себѣ васъ представить. Вотъ вы лежите на софѣ въ халатѣ. Жалко, что нѣтъ старинной трубки. Не курятъ ихъ теперь.

При воспоминании объ исчезнувшемъ изъ обихода чубукѣ, мысли и чувства великаго художника уходили въ прошлое, въ старину. Смотрѣлъ я на его лицо и смутно чувствовалъ его чувства, но не понималъ ихъ тогда, а вотъ теперь понимаю. Самъ иногда поворачиваю мою волчью шею назадъ и, когда вспоминаю старинную трубку-чубукъ, понимаю, чѣмъ наполнялась душа незабвеннаго Ильи Ефимовича Репина. Дѣло, конечно, не въ деревѣ этого чубука, а въ духовной полнотѣ того настроенія, которое онъ создавалъ…

Объ искусствѣ Репинъ говорилъ такъ просто и интересно, что, не будучи живописцемъ, я все таки каждый разъ узналъ отъ него что нибудь полезное, что давало мнѣ возможность сообразить и отличить дурное отъ хорошаго, прекрасное отъ красиваго, высокое отъ пошлаго. Многіе изъ этихъ моихъ

учителей-художниковъ, какъ и Илья Ефимовичъ, уже умерли. Но природа моей родины, прошедшая черезъ ихъ душу, широко дышетъ и никогда не умретъ…

Удивительно, сколько въ талантливыхъ людяхъ бываетъ неисчерпаемой внутренней жизни, и какъ часто ихъ внѣшній обликъ противорѣчитъ ихъ дѣйствительной натурѣ.

Валентинъ Серовъ казался суровымъ, угрюмымъ и молчаливымъ. Вы бы подумали, глядя на него, что ему неохота разговаривать съ людьми. Да, пожалуй, съ виду онъ такой. Но посмотрели бы вы этого удивительнаго «сухого» человѣка, когда онъ съ Константиномъ Коровинымъ и со мною въ деревнѣ направляется на рыбную ловлю. Какой это сердечный весельчакъ и какъ значительно-остроумно каждое его замѣчание. Цѣлые дни проводили мы на водѣ, а вечеромъ забирались на ночлегъ въ нашу простую рыбацкую хату. Коровинъ лежитъ на какой то богемной кровати, такъ устроенной, что ея пружины обязательно должны вонзиться въ ребра спящаго на ней великомученика. У постели на тумбочке горитъ огарокъ свечи, воткнутой въ бутылку, а у ногъ Коровина, опершись о стену, стоитъ крестьянинъ Василій Князевъ, симпатичнѣйшій бродяга, и разсуждаетъ съ Коровинымъ о томъ, какая рыба дурашливѣе и какая хитрѣе… Сѣровъ слушаетъ эту рыбную диссертацію, добродушно посмѣивается и съ огромнымъ темпераментомъ быстро заноситъ на полотно эту картинку, полную живого юмора и правды. Сѣровъ оставилъ послѣ себя огромную галлерею портретовъ нашихъ современниковъ, и въ этихъ портретахъ сказалъ о своей эпохѣ, пожалуй, больше, чѣмъ оказали многія книги. Каждый его портретъ — почти біографія. Не знаю, живъ ли и гдѣ теперь мой портретъ его работы, находившійся въ Художественномъ Кружкѣ въ Москвѣ? Сколько было пережито мною хорошихъ минутъ въ обществѣ Сѣрова! Часто послѣ работы мы часами блуждали съ нимъ по Москвѣ и беседовали, наблюдая жизнь столицы. Запомнился мнѣ, между прочимъ, курьезный случай. Онъ дѣлалъ рисунокъ углемъ моего портрета. Закончивъ работу, онъ предложилъ мнѣ погулять. Это было въ пасхальную ночь, и часовъ въ 12 мы пробрались въ Храмъ Христа Спасителя, теперь уже не существующій. Въ эту заутреню мы оказались большими безбожниками, несмотря на все духовное величіе службы. «Отравленные» театромъ, мы увлечены были не самой заутреней, а страннымъ ея «мизансценомъ». По срединѣ храма былъ поставленъ какой-то четырехъ-угольный помостъ, на каждый уголъ котораго подымались облаченные въ ризы дьякона съ большими свѣчами въ рукахъ и громогласно, огромными трубными голосами, потряхивая гривами волосъ, одинъ за

другимъ провозглашали молитвы. А облаченный архіерей маленькаго роста съ седенькой небольшой головкой, смѣшно торчавшей изъ пышнаго облаченія, взбирался на помостъ съ явнымъ старческимъ усиліемъ, поддерживаемый священниками. Намъ отчетливо казалось, что оттуда, откуда торчитъ маленькая головка архіерея, идетъ и кадильный дымъ. Не говоря ни слова другъ другу, мы переглянулись. А потомъ увидѣли: недалеко отъ насъ какой то рабочій человѣкъ, одетый во все новое и хорошо причесанный съ масломъ, держалъ въ рукахъ зажженную свѣчку и страшно увлекался зрѣлищемъ того, какъ у впереди него стоящаго солдата горитъ сзади на шинели ворсъ, «религіозно» имъ же поджигаемый… Мы снова переглянулись и поняли, что въ эту святую ночь мы не молельщики… Протиснувшись черезъ огромныя толпы народа, мы пошли въ Ваганьковскій переулокъ, гдѣ Сѣровъ жилъ, — разговляться.

40

Вспоминается Исаакъ Левитанъ. Надо было посмотрѣть его глаза. Такихъ другихъ глубокихъ, темныхъ, задумчиво-грустныхъ глазъ я, кажется, никогда не видѣлъ. Всякій разъ, когда я на эстрадѣ пою на слова Пушкина романсъ Рубинштейна:

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали-ль вы? …….
……..
Вздохнули-ль вы
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали? —

я почти всегда думаю о Левитанѣ. Это онъ ходитъ въ лѣсу и слушаетъ свирѣли звукъ унылый и простой. Это онъ — пѣвецъ любви, пѣвецъ печали. Это онъ увидѣлъ какую-нибудь церковку, увидѣлъ какую-нибудь тропинку въ лѣсу, одинокое деревцо, изгибъ рѣки, монастырскую стѣну, — но не протокольно взглянули на все это грустные глаза милаго Левитана. Нѣтъ, онъ вздохнулъ и на тропинкѣ, и у колокольни, и у деревца одинокаго, и въ облакахъ вздохнулъ…

И странный Врубель вспоминается. Демонъ, производивши впечатлѣніе педанта! Въ тяжелые годы нужды онъ въ соборахъ писалъ архангеловъ, и, конечно, это они, архангелы, внушили ему

его демоновъ. И писалъ же онъ своихъ демоновъ! крѣпко, страшно, жутко и неотразимо. Я не смѣю быть критикомъ, но мнѣ кажется, что талантъ Врубеля былъ такъ грандіозенъ, что ему было тѣсно въ его тщедушномъ тѣлѣ. И Врубель погибъ отъ разлада духа съ тѣломъ. Въ его задумчивости, дѣйствительно, чувствовался трагизмъ. Отъ Врубеля мой «Демонъ». Онъ же сдѣлалъ эскизъ для моего Сальери, затерявшійся, къ несчастью, гдѣ-то у парикмахера или театральнаго портного…

Вспоминается Полѣновъ — еще одинъ замѣчательный поэтъ въ живописи. Я бы сказалъ, дышешь и не надышешься на какую нибудь его желтую лилію въ озерѣ. Этотъ незаурядный русскій человѣкъ какъ то сумѣлъ распредѣлить себя между россійскимъ озеромъ съ лиліей и суровыми холмами Іерусалима, горючими песками азіатской пустыни. Его библейскія сцены, его первосвященники, его Христосъ — какъ могъ онъ совмѣстить въ своей душѣ это красочное и острое величіе съ тишиной простого русскаго озера съ карасями? Не потому-ли, впрочемъ, и надъ его тихими озерами вѣетъ духъ божества?…

Ушли изъ жизни всѣ эти люди. Изъ славной московской группы русскихъ художниковъ съ нами, здѣсь, въ Парижѣ, здравствуетъ одинъ только Константинъ Коровинъ, талантливѣйшій художникъ и одинъ изъ обновителей русской сценической живописи, впервые развернувшій свои силы также въ оперѣ Мамонтова, въ концѣ прошлаго вѣка.

41

Музыкальная молодежь моего поколонія жила какъ то врозь. Объяснялось это тѣмъ, что намъ очень много дали старики. Богатый ихъ наслѣдіемъ, каждый изъ молодыхъ могъ работать самостоятельно въ своемъ углу. Но не въ такомъ положеніи были эти самые старики. Отъ предыдущихъ музыкальныхъ поколѣній они получили наслѣдство, не столь богатое. Былъ Глинка, геніальный музыкантъ, былъ потомъ Даргомыжскій и Сѣровъ. Но собственно русскую народную музыку имъ приходилось творить самимъ. Это они добрались до народныхъ корней, гдѣ потъ и кровь. Приходилось держаться другъ за друга, работать вмѣстѣ. Дружно жили поэтому старики. Хорошій былъ «коллективъ» знаменитыхъ нашихъ композиторовъ въ Петербургѣ. Вотъ такіе коллективы я понимаю!.. Встрѣчу съ этими людьми въ самомъ началѣ моего артистическаго пути я всегда считалъ и продолжаю считать однимъ изъ большихъ подарковъ мнѣ судьбы.

Собирались музыканты большей частью то у В.В.Стасова, ихъ

вдохновителя и барда, то у Римскаго-Корсакова на Загородномъ проспектѣ. Квартира у великаго композитора была скромная. Большіе русскіе писатели и большіе музыканты жили не такъ богато, какъ — извините меня — живутъ пѣвцы… Маленькая гостиная, немного стульевъ и большой рояль. Въ столовой — узкій столъ. Сидимъ мы, бывало, какъ шашлыкъ, кусочекъ къ кусочку, плечо къ плечу — тѣсно. Закуска скромная. А говорили мы о томъ, кто что сочинилъ, что кому хорошо удалось, что такой балетъ поставленъ хорошо, а такая то опера — плохо: ее наполовину сократилъ Направникъ, который, хотя и хорошій дирижеръ, но иногда жестоко не понимаетъ, что дѣлаетъ… А то запевали хоромъ: Римскій-Корсаковъ, Цезарь Кюи, Феликсъ Блюменфельдъ, другіе и я.

Большое мое огорченіе въ жизни, что не встрѣтилъ Мусоргскаго. Онъ умеръ до моего появленія въ Петербургѣ. Мое горе. Это все равно, что опоздать на судьбоносный поѣздъ. Приходишь на станцію, а поѣздъ на глазахъ у тебя уходитъ — навсегда!

Но къ памяти Мусоргскаго относились въ этой компаніи съ любовью, съ горделивой любовью. Уже давно понимали, что Мусоргскій — геній. Недаромъ Римскій-Корсаковъ съ чисто-религіознымъ усердіемъ работалъ надъ Борисомъ Годуновымъ, величайшимъ наслѣдіемъ Мусоргскаго. Многіе теперь насѣдаютъ на Римскаго-Корсакова за то, что онъ де «исказилъ Мусоргскаго». Я не музыкантъ, но по скромному моему разумѣнію, этотъ упрекъ считаю глубоко несправедливымъ. Ужъ одинъ тотъ матеріальный трудъ, который Римскій-Корсаковъ вложилъ въ эту работу, удивителенъ и незабываемъ. Безъ этой работы міръ, вѣроятно, и по сію пору едва ли узналъ бы «Бориса Годунова». Мусоргскій былъ скроменъ: о томъ, что Европа можетъ заинтересоваться его музыкой, онъ и не думалъ. Музыкой онъ былъ одержимъ. Онь писалъ потому, что не могъ не писать. Писалъ всегда, всюду. Въ петербургскомъ кабачкѣ «Малый Ярославецъ», что на Морской, одинъ въ отдѣльномъ кабинет пьетъ водку и пишетъ музыку. На салфеткахъ, на счетахъ, на засаленныхъ бумажкахъ… «Тряпичникъ» былъ великій. Все подбиралъ, что была музыка. Тряпичникъ понимающій. Окурокъ, и тотъ у него съ ароматомъ. Ну, и столько написалъ въ «БорисѢ ГодуновѢ», что, играй мы его, какъ онъ написанъ Мусоргскимъ, начинали бы въ 4 часа дня и кончали бы въ 3 часа ночи. Римскій-Корсаковъ понялъ и сократилъ, но все цѣнное взялъ и сохранилъ. Ну, да. Есть погрешности. Римскій-Корсаковъ былъ чистый классикъ, диссонансовъ не любилъ, не чувствовалъ. НѢтъ, вернее, чувствовалъ болезненно. Параллельная квинта или параллельная

октава уже причиняли ему непріятность. Помню его въ Париже послѣ «Саломеи» Рихарда Штрауса. Ведь, заболѣлъ человѣкъ отъ музыки Штрауса! Встрѣтилъ я его послѣ спектакля въ кафе де ля Пэ — буквально захворалъ. Говорилъ онъ немного въ носъ: «Вѣдь это мерзость. Ведь это отвратительно. Тело болитъ отъ такой музыки!» Естественно, что онъ и въ Мусоргскомъ кое на что поморщился. Кроме того, Римскій-Корсаковъ былъ петербужцемъ и не все московское принималъ. А Мусоргскій былъ по духу москвичемъ насквозь. Конечно, петербуржцы тоже глубоко понимали и до корней чувствовали народную Россію, но въ москвичахъ было, пожалуй, больше бытовой почвенности, «черноземности». Они, такъ сказать, носили еще косоворотки… Вообще, наши музыкальные классики въ глубине души, при всемъ ихъ преклоненіи передъ Мусоргскимъ, всѣ нѣсколько отталкивались отъ его слишкомъ густого для нихъ «реализма».

Дѣйствительно, Мусоргскаго обыкновенно опредѣляютъ, какъ великаго реалиста въ музыке. Такъ часто говорятъ о немъ и его искренніе поклонники. Я не настолько авторитетенъ въ музыке, чтобы увѣренно высказывать по этому поводу мое мненіе. Но на мое простое чувство певца, воспринимающаго музыку душою, это определеніе для Мусоргскаго узко и ни въ какой мѣрѣ не обнимаетъ всего его величія. Есть такія творческія высоты, на которыхъ всѣ формальные эпитеты теряютъ смыслъ или пріобретаютъ только второстепенное значеніе. Мусоргскій, конечно, реалистъ, но вѣдь сила его не въ томъ, что его музыка — реалистична, а въ томъ, что его реализмъ — музыка въ самомъ потрясающемъ смыслѣ этого слова. За его реализмомъ, какъ за завѣсой, цѣлый міръ проникновеній и чувствъ, которыя въ реалистическій планъ никакъ не войдутъ. Какъ для кого, — лично для меня даже Варлаамъ, какъ будто насквозь реалистически — впрямь, «перегаромъ водки» отъ него тянетъ — не только реализмъ, а еще и нѣчто другое: тоскливое и страшное въ музыкальной своей безпредѣльности…

Ѣздилъ со мною когда то по Россіи пріятель и аккомпаніаторъ, очень способный музыкантъ. Въ перерывахъ между отдѣленіями концерта онъ часто разыгрывалъ на фортепіано свои собственныя произведенія. Одно изъ нихъ мнѣ чрезвычайно понравилось. Оно рисовало какой то ранній апрѣль, когда, озоруя, мальчишки ранятъ березу и пьютъ березовый сокъ. — «Какъ ты назвалъ эту вѣщь?» — спросилъ я автора. Онъ мнѣ сказалъ нѣчто вродѣ — «Переходъ черезъ Гибралтаръ». Очень я удивился и послѣ концерта пригласилъ музыканта къ себѣ въ номеръ, попросилъ еще разъ сыграть вещицу, во время игры останавливалъ и разспрашивалъ, какъ онъ воображалъ и

чувствовалъ тотъ или этотъ пассажъ. Музыкантъ ничего не могъ мнѣ сказать — мямлилъ что то такое. Никакого Гибралтара въ музыкѣ, въ развитіи темы, въ модуляціяхъ не было. Я ему сказалъ: я тутъ чувствую апрѣль съ оттепелью, съ воробьями, съ испариной въ лѣсу.

Онъ выпучилъ на меня глаза и потомъ попросилъ разрѣшенія еще разъ сыграть эту вѣщь для себя самого. Углубившись, онъ игралъ и слушалъ себя, а сыгравъ, смущенно сказалъ:

— Вѣрно, во всякомъ случаѣ это весна, и весна русская, — а не гибралтарская…

Это я къ тому разсказываю, что сплошь и рядомъ композиторъ поетъ мнѣ какого нибудь своего персонажа, а въ музыкѣ, которая сама по себѣ хороша, этого персонажа нѣтъ, а если и есть, то представленъ онъ только внѣшнимъ образомъ. Дѣйствіе одно, а музыка — другое. Если на сценѣ драка, то въ оркестрѣ много шуму, а драки нѣтъ, нѣтъ атмосферы драки, не разсказано музыкой, почему герой рѣшился на такую крайнюю мѣру, какъ драка…

Мусоргскій же, какъ композиторъ, такъ видитъ и слышитъ всѣ запахи даннаго сада, данной корчмы и такъ сильно и убѣдительно о нихъ разсказываетъ, что и публика начинаетъ эти запахи слышать и чувствовать…

Реализмъ это, конечно. Но реализмъ вотъ какого сорта. Русскіе мужики берутъ простыя бревна, берутъ простые топоры (другихъ инструментовъ у нихъ нѣтъ) и строятъ храмъ. Но этими топорами они вырубаютъ такія кружева, что не снились тончайшимъ инкрустаторамъ.

42

Есть иногда въ русскихъ людяхъ такая неодолимая физическая застѣнчивость, которая вызываетъ во мнѣ глубокую обиду, несмотря на то, что она бываетъ и трогательна. Обидна она тѣмъ, что въ самой глубокой своей основѣ она отраженіе, вѣрнѣе, отслоеніе нашего долгаго рабства. Гляжу на европейцевъ и завидую имъ — какая свобода и непринужденность жеста, какая легкость слова! Не всегда и не у всѣхъ это свобода и легкость высокаго стиля, но все же чувствую я въ нихъ какое то утвержденіе европейцемъ своей личности, своего неотъемлемаго достоинства. Есть въ этомъ и наслѣдіе большой пластической культуры Запада. А вотъ русскій человѣкъ, поди, душа у него свободнѣе вѣтра, въ мозгу у него — орлы, въ сердце — соловьи поютъ, а въ салоне непременно опрокинетъ стулъ, прольетъ чай,

споткнется. Дать ему на какомъ нибудь банкетѣ слово — смутится, двухъ словъ не свяжетъ и замолкнетъ, сконфуженный. Повторяю, это отъ того, по всей вѣроятности, что слишкомъ долго русскій человѣкъ ходилъ подъ грознымъ окомъ не то царя, въ качестве боярина, не то помещика, въ качестве раба, не то городничаго, въ качестве «подданнаго». Слишкомъ часто ему говорили: «молчать, тебя не спрашиваютъ»…

Ведь, несомненно изъ-за этой застенчивости величайшій русскій волшебникъ звука — Н.А.Римскій-Корсаковъ, какъ дирижеръ, иногда проваливалъ то, чѣмъ дирижировалъ. Угловато выходилъ, сконфуженно поднималъ палочку и махалъ ею робко, какъ бы извиняясь за свое существованіе…

Въ Римскомъ-Корсаковѣ, какъ композиторѣ, поражаетъ, прежде всего, художественный аристократизмъ. Богатѣйшій лирикъ, онъ благородно сдержанъ въ выраженіи чувства, и это качество придаетъ такую тонкую прелесть его твореніямъ. Мою мысль я лучше всего смогу выразить примѣромъ. Замѣчательный русскій композиторъ, всѣмъ намъ дорогой П.И.Чайковскій, когда говорилъ въ музыке грустно, всегда высказывалъ какую то персональную жалобу, будетъ ли это въ романсѣ или въ симфонической поэмѣ. (Оставляю въ стороне нейтральныя произведенія — «Евгеній Онѣгинъ», балеты). Вотъ, друзья мои, жизнь тяжела, любовь умерла, листья поблекли, болезни, старость пришла. Конечно, печаль законная, человѣчная. Но все же музыку это мельчитъ. Ведь, и у Бетховена бываетъ грустно, но грусть его въ такихъ пространствахъ, гдѣ все какъ будто есть, но ничего предметнаго не видно; уцѣпиться не за что, а всетаки есть. Вѣдь, падая, за звѣзду не ухватишься, но она есть. Взять у Чайковскаго хотя бы шестую симфонію — прекрасная, но въ ней чувствуется личная слеза композитора… Тяжело ложится эта искренняя, соленая слеза на душу слушателя…

Иная грусть у Римскаго-Корсакова, — она ложится на душу радостнымъ чувствомъ. Въ этой печали не чувствуется ничего личнаго — высоко, въ лазурныхъ высотахъ грустить Римскій-Корсаковъ. Его знаменитый романсъ на слова Пушкина «На холмахъ Грузіи» имѣетъ для композитора смыслъ почти эпиграфа ко всѣмъ его твореніямъ.

> «Мнѣ грустно и легко: печаль моя свѣтла…
> …Унынья моего
> Ничто не мучитъ, не тревожитъ».

Дѣйствительно, это «унынье» въ тѣхъ самыхъ пространствахъ, о которыхъ я упоминалъ въ связи съ Бетховеномъ.

Большой русскій драматургъ А.Островскій, отрѣшившись отъ своихъ бытовыхъ тяготеній, вышелъ на опушку леса сыграть на самодельной свирели человѣческій приветъ заходящему солнцу: написалъ «Снегурочку». Съ какой свѣтлой, дѣйствительно, прозрачной наивностью звучитъ эта свирѣль у Римскаго-Корсакова! А въ симфоніяхъ?! Раздаются аккорды пасхальной увертюры, оркестръ играетъ «да воскреснетъ Богъ», и благовѣстно, какъ въ пасхальную заутреню, радостнымъ умиленіемъ наполняетъ вамъ душу этотъ въ жизни странно-сумрачный, рѣдко смѣющійся, мало разговорчивый и застенчивый Римскій-Корсаковъ…

Кто слышалъ «Градъ Китежъ», не могъ не почувствовать изумительную поэтическую силу и прозрачность композитора. Когда я слушалъ Китежъ въ первый разъ, представилась картина, наполнившая радостью мое сердце. Мнѣ представилось человѣчество, все человѣчество, мертвое и живое, стоящее на какой то таинственной планетѣ. Въ темнотѣ — съ богатырями, съ рыцарями, съ королями, съ царями, съ первосвященниками и съ несмѣтной своей людской громадой… И изъ этой тьмы взоры ихъ устремлены на линію горизонта, — торжественные, спокойные, увѣренные, они ждутъ восхода свѣтила. И вь стройной гармоніи мертвые и живые поютъ еще до сихъ поръ никому неведомую, но нужную молитву… Эта молитва въ душѣ Римскаго-Корсакова.

43

Въ отличіе отъ Москвы, гдѣ жизни давали тонъ культурное купечество и интеллигенція, тонъ Петербургу давалъ, конечно, дворъ, а затѣмъ аристократія и крупная бюрократія. Какъ и въ Москвѣ, я съ «обществомъ» сталкивался мало, но положеніе виднаго пѣвца Императорской сцены время отъ времени ставило меня въ необходимость принимать приглашенія на вечера и рауты большого свѣта.

Высокіе «антрепренеры» Императорскихъ театровъ, въ общемъ, очень мало удѣляли имъ личнаго внимания. Интересовалась сценой Екатерина Великая, но ея отношеніе къ столичному театру было приблизительно такое же, какое было, вѣроятно, у помѣщика къ своему деревенскому театру, построенному для забавы съ участіемъ въ немъ крѣпостныхъ людей. Едва ли интересовался театромъ Императоръ Александръ I. Его вниманіе было слишкомъ поглощено театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ выступалъ величайшій изъ актеровъ своего времени — Наполеонъ…

Изъ россійскихъ Императоровъ ближе всѣхъ къ театру стоялъ Николай I. Онъ относился къ нему уже не какъ помѣщикъ-крѣпостникъ, а какъ магнатъ и владыка, при чѣмъ снисходилъ къ актеру величественно и въ то же время фамильярно. Онъ часто проникалъ черезъ маленькую дверцу на сцену и любилъ болтать съ актерами (преимущественно драматическими), забавляясь остротами своихъ талантливѣйшихъ вѣрноподданныхъ. Отъ этихъ государевыхъ посѣщеній кулисъ остался очень курьезный анекдотъ.

Николай I, находясь во время антракта на сценѣ и разговаривая съ актерами, обратился въ шутку къ знаменитѣйшему изъ нихъ, Каратыгину:

— Вотъ ты, Каратыгинъ, очень ловко можешь притворяться кѣмъ угодно. Это мнѣ нравится.

Каратыгинъ, поблагодаривъ Государя за комплиментъ, согласился съ нимъ и сказалъ:

— Да, Ваше Величество, могу дѣйствительно играть и нищихъ, и царей.

— А вотъ меня ты, пожалуй, и не сыгралъ бы, — шутливо замѣтилъ Николай.

— А позвольте, Ваше Величество, даже сію минуту передъ Вами я изображу Васъ.

Добродушно въ эту минуту настроенный царь заинтересовался — какъ это такъ? Пристально посмотрит на Каратыгина и сказалъ уже болѣе серьезно:

— Ну, попробуй.

Каратыгинъ немедленно сталъ въ позу, наиболѣе характерную для Николая I, и, обратившись къ тутъ же находившемуся Директору Императорскихъ театровъ Гедеонову, голосомъ, похожимъ на голосъ Императора, произнесъ:

— Послушай, Гедеоновъ. Распорядись завтра въ 12 часовъ выдать Каратыгину двойной окладъ жалованья за этотъ мѣсяцъ.

Государь разсмѣялся:

— Гм… Гм… Недурно играешь.

Распрощался и ушелъ. На другой день въ 12 часовъ Каратыгинъ получилъ, конечно, двойной окладъ.

172 Александръ II посѣщалъ театры очень рѣдко, по торжественнымъ случаямъ. Былъ къ нимъ равнодушенъ. Александръ III любилъ ходить въ оперу и особенно любилъ «Мефистофеля» Бойто. Ему нравилось, какъ въ прологѣ въ небесахъ у Саваоѳа перекликаются трубы-тромбоны. Ему перекличка тромбоновъ нравилась потому, что самъ, кажется, былъ пристрастенъ къ тромбонамъ, играя на нихъ.

Послѣдній Императоръ, Николай II, любилъ театръ

преимущественно за замѣчательные балеты Чайковскаго, но ходилъ и въ оперу, и въ драму. Мнѣ случалось видѣть его въ ложе добродушно смеющимся отъ игры Варламова или Давыдова.

Николай II, разумѣется, не снисходилъ до того, чтобы придти на подмостки сцены къ актерамъ, какъ Николай I, но зато иногда въ антрактахъ приглашалъ артистовъ къ себѣ въ ложу. Приходилось и мнѣ быть званнымъ въ Императорскую ложу. Приходилъ директоръ театра и говорилъ:

— Шаляпинъ, пойдемте со мною. Васъ желаетъ видѣть Государь.

Представлялся я Государю въ гримѣ — Царя Бориса, Олоферна, Мефистофеля.

Царь говорилъ комплименты:

— Вы хорошо пѣли.

Но мнѣ всегда казалось, что я былъ приглашаемъ больше изъ любопытства посмотреть вблизи, какъ я загримированъ, какъ у меня наклеенъ носъ, какъ приклеена борода. Я это думалъ потому, что въ ложѣ всегда бывали дамы, великія княгини и фрейлины. И когда я входилъ къ ложу, онѣ какъ то облѣпляли меня взглядами. Ихъ глаза буквально ощупывали мой носъ, бороду.

Очень мило, немного капризно, спрашивали:

— Какъ это вы устроили носъ? Пластырь?

Иногда Царь приглашалъ меня пѣть къ себѣ, вѣрнѣе, во дворецъ какого нибудь великаго князя, куда вечеромъ послѣ обѣда прѣзжалъ запросто въ тужуркѣ. Обыкновенно это происходило такъ. Прискачетъ гонецъ отъ великаго князя и скажетъ:

— Меня прислалъ къ вамъ великій князь такой то и поручилъ сказать, что сегодняшній вечеръ въ его дворцѣ будетъ Государь, который изъявилъ желаніе послушать ваше пѣніе.

Одетый во фракъ, я вечеромъ ѣхалъ во дворецъ. Въ такихъ случаяхъ во дворецъ приглашались и другіе артисты. Пѣлъ иногда русскій хоръ Т.И.Филиппова, синодальные пѣвчіе, митрополичій хоръ.

Помню такой случай. Закончили программу. Царская семья удалилась въ другую комнату, вѣроятно, выпить шампанское. Черезъ нѣкоторое время великій князь Сергѣй Михайловичъ на маленькомъ серебряномъ подносѣ вынесъ мнѣ шампанское въ чудесномъ стаканѣ венеціанскаго издѣлія. Остановился передо мною во весь свой большой ростъ и сказалъ, держа въ рукахъ подносъ:

— Шаляпинъ, мнѣ Государь поручилъ предложить вамъ стаканъ шампанскаго въ благодарность за ваше пѣніе, чтобы вы

выпили за здоровье Его Величества.

Я взялъ стаканъ, молча выпилъ содержимое, и, чтобы сгладить немного показавшуюся мнѣ неловкость, посмотрѣлъ на великаго князя, посмотрѣлъ на подносъ, съ которымъ онъ стоялъ въ ожиданіи стакана, и сказалъ:

— Прошу Ваше Высочество, передайте Государю Императору, что Шаляпинъ на память объ этомъ знаменательномъ случаѣ стаканъ взялъ съ собой домой.

Конечно, князю ничего не осталось, какъ улыбнуться и отнести подносъ пустымъ.

Спустя нѣкоторое время я какъ то снова былъ позванъ въ ложу Государя. Одна изъ великихъ княгинь, находившаяся въ ложѣ, показывая мнѣ лопнувшія отъ апплодисментовъ перчатки, промолвила:

— Видите, до чего вы меня доводите, Вообще, вы такой артистъ, который любитъ разорять. Въ прошлый разъ вы мнѣ разрознили дюжину венеціанскихъ стакановъ.

Я «оперъ на грудь» голосъ и отвѣтилъ:

— Ваше высочество, дюжина эта очень легко возстановится, если къ исчезнувшему стакану присоединятся другіе одинадцать…

Великая княгиня очень мило улыбнулась, но остроумія моего не оцѣнила. Стаканъ оставался у меня горевать въ одиночества. Гдѣ онъ горюетъ теперь?..

При Дворѣ не было, вѣроятно, большого размаха въ веселья и забавахъ. Поэтому время отъ времени придумывалось какое нибудь экстравагантное развлеченіе внѣшняго порядка — костюмированный балъ и устройство при этомъ балѣ спектакля, но не въ большихъ театрахъ, а въ придворномъ маленькомъ театрѣ «Эрмитажъ». Отсюда эти царскіе спектакли получили названіе эрмитажныхъ.

Въ приглашеніяхъ, которыя разсылались наиболѣе родовитымъ дворянамъ, указывалось, въ костюмахъ какой эпохи надлежитъ явиться приглашеннымъ. Почти всегда это были костюмы русскаго 16-го или 17-го вѣка. Забавно было видѣть русскихъ аристократовъ, разговаривавшихъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, въ чрезвычайно богато, но безвкусно сдѣланныхъ боярскихъ костюмахъ 17-го столѣтія. Выглядѣли они въ нихъ уродливо и, по совѣсти говоря, дѣлалось неловко, непріятно и скучно смотрѣть на эту забаву тѣмъ болѣе, что въ ней отсутствовалъ смѣхъ. Серьезно и значительно сидѣлъ посредине зала Государь Императоръ, а мы, также одетые въ русскіе боярскіе костюмы 17-го вѣка, изображали сцену изъ «Бориса Годунова».

Серьезно я распоряжался съ княземъ Шуйскимъ: бралъ его за

шиворотъ дареной ему мною же, Годуновымъ, шубы и ставилъ его на колѣни. Бояре изъ зала шибко апплодировали… Въ антрактѣ послѣ сцены, когда я вышелъ въ продолговатый залъ покурить, ко мнѣ подошелъ старый великій князь Владиміръ Александровичъ и, похваливъ меня, сказалъ:

— Сцена съ Шуйскимъ проявлена вами очень сильно и характерно.

На что я весьма глухо отвѣтилъ:

— Старался, Ваше Высочество, обратить вниманіе кого слѣдуетъ, какъ надо разговаривать иногда съ боярами…

Великій князь не ожидалъ такого отвѣта. Онъ посмотрѣлъ на меня расширенными глазами — вѣроятно, ему въ первую минуту почудился въ моихъ словахъ мотивъ рабочей «Дубинушки», но сейчасъ же понялъ, что я имѣю въ виду дубину Петра Великаго, и громко разсмѣялся.

Если бы то, что я разумѣлъ моей фразой, было хорошо сознано самими царями, вторая часть моей книги не была бы, вѣроятно, посвящена описанію моей жизни подъ большевиками.

Конецъ первой части.

Часть вторая
I. Кануны

44

Если я въ жизни былъ чѣмъ нибудь, такъ только актеромъ и пѣвцомъ. Моему призванію я былъ преданъ безраздѣльно. У меня не было никакого другого побочнаго пристрастія, никакого заостреннаго вкуса къ чему нибудь другому, кромѣ сцены. Правда, я любилъ еще рисовать, но, къ сожалѣнію, таланта настоящаго къ сему не получилъ, а если и портилъ карандаши и бумагу, такъ только для того, чтобы найти пособіе къ моимъ постояннымъ исканіямъ грима для характерныхъ и правдивыхъ сценическихъ фигуръ. Даже мою большую любовь къ картинамъ старинныхъ мастеровъ я считаю только отголоскомъ моей страсти къ театру, въ которомъ, какъ и въ живописи, большія творенія достигаются правдивой линіей, живою краской, духовной глубиной. Но менѣе всего въ жизни я былъ политикомъ. Отъ политики меня отталкивала вся моя натура. Можетъ это было отъ малаго знанія жизни, но всегда и во всемъ меня привлекали черты согласованности, лада, гармоніи. На неученомъ моемъ языкѣ я всегда говорилъ себѣ, что лучшая наука, высшая мудрость и живая религія это, когда одинъ человѣкъ умѣетъ отъ полноты сердца сказать другому человѣку: «здравствуй!..». Все, что людей разъединяетъ меня смущало и ставило въ непріятное недоумѣніе. Мнѣ казалось, что всѣ люди одѣты каждый въ свою особую форму, носятъ каждому присвоенный мундиръ, что въ этой особенности своей они полагаютъ и свое достоинство, и свои какія то преимущества передъ другими. Казалось мнѣ, что мундиръ съ мундиромъ постоянно лѣзетъ въ драку, и что для того, чтобы этимъ дракамъ помѣшать, придумали вдобавокъ еще одинъ мундиръ — мундиръ городового! Религіозныя распри, національныя соперничества, патріотическія бахвальства, партійныя дрязги казались мнѣ отрицаніемъ самаго цѣннаго въ жизни — гармоніи. Мнѣ казалось, что къ человѣку надо подходить непосредственно и прямо, интересоваться не тѣмъ, какой онъ партіи, во что онъ вѣритъ, какой онъ породы, какой крови, а тѣмъ, какъ онъ дѣйствуетъ и какъ поступаетъ.

Мой наивный взглядъ на вещи не подходилъ къ тому, что въ партійной политикѣ, вѣроятно, неизбежно, и вотъ отчего отъ политики мнѣ всегда было скучно и какъ-то не по себѣ. До сихъ

поръ, даже послѣ всего, что испыталъ на моей родинѣ, въ тѣ пять лѣтъ, которыя я прожилъ въ соціалистическомъ раю подъ совѣтской властью, я не умѣю относиться къ явленіямъ жизни съ политической точки зрѣнія и судить о нихъ, какъ политикъ. Для меня на первомъ планѣ только люди, поступки и дѣла. Дѣла добрыя и злыя, жестокія и великодушныя, свобода духа и его рабство, разладъ и гармонія, какъ я ихъ воспринимаю простымъ чувствомъ — вотъ что меня интересуетъ. Если на кустѣ ростутъ розы, я знаю, что это кустъ розовый. Если извѣстный политическій режимъ подавляетъ мою свободу, насильно навязываетъ мнѣ фетиши, которымъ я обязанъ поклоняться, хотя бы меня отъ нихъ тошнило, то такой строй я отрицаю — не потому, что онъ называется большевистскимъ или какъ нибудь иначе, а просто потому, что онъ противенъ моей душѣ.

Такое отношеніе къ жизни и людямъ можетъ, пожалуй, показаться анархическимъ. Я противъ этого ничего не имѣю. Можетъ быть, во мнѣ и есть нѣкоторое зерно артистическаго анархизма. Но это, во всякомъ случай, не равнодушіе къ добру и злу. Къ жизни я относился горячо. Многимъ, наверное, покажется неожиданнымъ мое признаніе, что въ теченіе почти двухъ десятковъ лѣтъ я сочувствовалъ соціалистическому движенію въ Россіи и едва ли не считалъ себя самого заправскимъ соціалистомъ! Отлично помню, какъ, гуляя однажды ночью съ Максимомъ Горькимъ на этомъ чудномъ Капри, я, по ходу разговора съ нимъ, вдругъ спросилъ его:

— Не думаешь ли ты, Алексей Максимовичъ что было бы искреннѣе съ моей стороны, если бы я вступилъ въ партію соціалъ-демократовъ?

Если я въ партію соціалистовъ не вступилъ, то только потому, что Горькій посмотрѣлъ на меня въ тотъ вечеръ строго и дружески сказалъ:

— Ты для этого не годенъ. И я тебя прошу, запомни одинъ разъ навсегда: ни въ какія партіи не вступай, а будь артистомъ, какъ ты есть. Этого съ тебя вполнѣ довольно.

Только русская жизнь можетъ объяснить это противорѣчіе, какимъ образомъ артистъ съ анархической окраской натуры, политикой глубоко отталкиваемый, могъ считать себя соціалистомъ, могъ такъ сильно желать быть полезнымъ соціалистическому движенію, что разсудку вопреки, готовъ былъ записаться въ конспиративную партію. Надо знать, какія событія направляли теченіе русской исторіи съ начала этого вѣка, каковы были отношенія между обществомъ и властью, каковы были настроенія передовыхъ людей Россіи въ эти годы. Въ моей частномъ случаѣ полезно узнать кое какія черты моего личнаго

ранняго опыта въ русской жизни.

45

Будучи мальчикомъ, я въ деревенской школѣ заучивалъ наизусть стихи:

Нива моя, нива, нива золотая!
Зреешь ты на солнцѣ, колосъ наливая…

Вышелъ я однажды изъ деревни въ поле. И увидалъ я передъ глазами необозримую ниву. Колосья на длинныхъ стебелькахъ-соломинкахъ, желтыя. Понравилась мнѣ нива, и вернувшись домой, я спросилъ у матери:

— Что такое нива золотая?

— Золотистая, — просто отвѣтила моя мать.

— Желтая?

— Нѣтъ, золотая. Изъ золота. Есть монеты такія, полновѣсныя, цѣнныя.

— Гдѣ эти монеты?

— Монеты золотыя у богатыхъ.

— А у насъ нѣтъ?

— У насъ нѣтъ.

Потомъ я по утрамъ, очень рано, часа въ три, слышалъ, какъ кряхтѣли старые мужики, вставая со своихъ затѣйливыхъ подобій кровати, какъ охая, запасались кто серпами, кто косами и на цѣлый день уходили куда-то изъ деревни.

— Чего это они такъ рано встаютъ? Отчего не спятъ? — опять спрашивалъ я мать.

— Работать, работать идутъ. Въ поле.

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— Ниву собираютъ. Эту самую золотую ниву…

Я понялъ, что много заботы и труда даютъ крестьянамъ эти золотая нивы. Съ тѣхъ поръ мужики привлекали мое вниманіе. По праздникамъ я видалъ ихъ пьяными. Они ругались, дрались, но и пѣсни пѣли. Хорошія пѣсни пѣли мужики. Пѣли о томъ, какъ рѣки текутъ, какъ по Волгѣ корабли идутъ. Пѣли о томъ, какъ свекоръ издѣвается надъ свекровью, какъ невѣста горько плачетъ, идя замужъ за немилаго. пѣли о разбойникахъ, о туркахъ, о татарахъ. Пѣли о царяхъ, объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, о господахъ, о какихъ-то чиновникахъ да купцахъ. Все, что мнѣ приходилось видѣть въ деревнѣ, тяжело и сумбурно ложилось на мою душу, и головой не могъ я понять, почему это все неладно

устроено… Когда я позже попалъ въ большой городъ, въ Казань, я въ пригородѣ, въ Суконной Слободѣ, видѣлъ и чувствовалъ ту же горькую людскую долю. Видѣлъ, какъ плохо живутъ люди, какъ они много плачутъ. Та же была горестная, грубая, жестокая и пьяная жизнь.

Въ городъ мнѣ впервые стала очевидна разница между богатыми и бедными людьми. Я видѣлъ, что богатый купецъ производилъ на городового большее впечатлѣніе, чѣмъ сапожникъ Сашка. Даже причастіе въ церкви отпускалось священникомъ купцу Суслову съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ нашему брату Исаакію. Не приходило мнѣ тогда въ голову, что это въ какомъ нибудь отношении несправедливо. Я былъ твердо увѣренъ, что такъ надо, что богатому самимъ Господомъ Богомъ положенъ особый почетъ. Да и какъ же иначе? У купца и животъ потолще, и поддевка у него новѣе, и сапоги у него лаковые съ блестящими бураками, а Сашка въ опоркахъ, обтрепанный и тощій, и всегда у него почему-то синякъ, то подъ правымъ глазомъ, то подъ лѣвымъ… Все казалось мнѣ нормальнымъ. Я тогда не подозрѣвалъ еще, что того же мнѣнія держался и тотъ знаменитый нѣмецкій философъ, который сказалъ: все существующее — разумно… И когда на меня кричалъ городовой, что я не долженъ купаться въ озерѣ, то я принималъ это за благо и только старался нырнуть поглубже, и отъ страха держался въ водъ до тѣхъ поръ, пока гроза не проносилась мимо… Когда я потомъ былъ писцомъ въ Управѣ, мнѣ казался естественнымъ грозный и недоступный видъ главнаго начальника — трепетъ охватывалъ меня при одномъ взглядѣ на его парикъ… Дома я слышалъ разсказы о губерррнаторахъ, о прокурррорахъ, испрравникахъ, прристававхъ, кварртальныхъ, и мнѣ тоже становилось страшно. Почему то во всѣхъ начальственныхъ наименованіяхъ выпукло и выразительно звучала буква Р. Какъ железо по хребту, пронзительно отзывалось въ моей напуганной душѣ это многократное начальственное Рцы… Ррр… Курьезно, что этотъ страхъ передъ властями остался у меня отъ дѣтства на всю жизнь. По сю пору боюсь властей, хотя не знаю, чего собственно мнѣ ихъ бояться?..

Что жизнь можно измѣнить, сдѣлать ее болѣе красивой и справедливой, не приходило мнѣ въ голову и позже, когда я, уже взрослымъ юношей, узналъ горькія и мучительныя лишенія бродяжничества на Волгѣ и на Кавказѣ — трудъ безъ смысла, ночи безъ крова, дни безъ пищи… Да и правду сказать, матеріальныя лишенія не мѣшали мнѣ быть весьма счастливымъ. Въ сильной груди рокоталъ молодой басъ, на свѣтѣ были пѣсни, и предо мною, какъ далекая мечта, соблазнительно разстилался въ

небѢ млечный путь театра…

46

О томъ, что есть люди, собирающееся перестроить этотъ грубый и несправедливый міръ, я узналъ гораздо позже, когда я молодымъ артистомъ попалъ въ столицы.

Встрѣчаясь все больше и чаще съ писателями, артистами, художниками, учеными — вообще съ людьми передового мышленія, я сталъ замѣчать, какъ мало я знаю, какъ мало чему учился. Мнѣ захотелось знать хотя бы часть того, что знаютъ эти замѣчательные люди. Инстинктивно я всю жизнь былъ поклонникомъ именно такихъ людей, которые многому учились, много думаютъ и отчего-то всегда живутъ въ волненіи. Поэтому, когда счастливый случай столкнулъ меня съ ними, я все ближе къ нимъ тѣснился. На дружескихъ пирушкахъ, на разныхъ собраніяхъ я сталъ къ нимъ прислушиваться и заметилъ, что всѢ они относятся критически къ правителямъ и къ Царю, находя, что жизнь россійскаго народа закована въ цепи и не можетъ двигаться свободно впередъ. НѢкоторые изъ этихъ умныхъ людей, какъ я потомъ узналъ, принадлежали даже къ какимъ-то тайнымъ кружкамъ — революціоннымъ… Ихъ выкладки, ихъ разговоры убѢждали меня въ томъ, что они правы. Я все сильнѢе и глубже сталъ имъ сочувствовать — въ особенности, когда видѢлъ, что они дѢйствительно готовы положить душу свою за благо народа. Я искренно негодовалъ, когда власти хватали такихъ людей и сажали ихъ въ тюрьмы. Мнѣ это казалось возмутительной несправедливостью. И я, какъ могъ, старался содѢйствовать и помогать этимъ экзальтированнымъ борцамъ за мой народъ.

Смущало меня немного только то, что и въ средѢ этихъ любимыхъ мною людей я замѢчалъ разногласія въ любви и въ ненависти. Одни говорили, что только борьбою можно завоевать свое право и превозносили огромную физическую силу русскаго народа, говоря, что ежели эту силу сковать въ нѢчто единое, то можно будетъ этому народу цѢлымъ свътомъ править:

«Какъ нѣкій демонъ, отселѢ править міромъ я могу!..»

Другіе-же, наоборотъ, говорили, что сила физическая безпомощна, что народъ будетъ по настоящему силенъ только тогда, когда возвысится его духъ, когда онъ пойметъ, что противленіе злу — отъ лукаваго, что надо подставить другую щеку, когда получилъ ударъ въ одну… И у тѣхъ, и другихъ проповѢдниковъ были пламенные послѢдователи, восторженные поклонники, которые до изступленія защищали свою правду.

Мнѣ, съ моей актерской точки зрѣнія, — можетъ быть, узкой — казалось, что двухъ правдъ не бываетъ, что правда только одна… Но въ эти тонкости я не слишкомъ углублялся. Мнѣ было близко стремленіе моихъ друзей къ правдѣ жизни, къ справедливости, къ красотѣ. Меня горячо увлекала мечта, что въ жизнь народа русскаго, которую я видѣлъ такой мрачной, будетъ внесенъ новый свѣтъ, что люди перестанутъ такъ много плакать, такъ безсмысленно и тупо страдать, такъ темно и грубо веселиться въ пьянствѣ. И я всей душой къ нимъ присоединялся и вмѣстѣ съ ними мечталъ о томъ, что когда нибудь революція смететъ несправедливый строй и на мѣсто него поставитъ новый, на счастье русскому народу.

Человѣкомъ, оказавшимъ на меня въ этомъ отношеніи особенно сильное, я бы сказалъ — рѣшительное вліяніе, былъ мой другъ Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ — Максимъ Горькій. Это онъ своимъ страстнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ скрѣпилъ мою связь съ соціалистами, это ему и его энтузіазму повѣрилъ я больше, чѣмъ кому бы то ни было и чему бы то ни было другому на свѣтѣ.

Помню, что впервые услышалъ я имя Горькаго отъ моего милаго друга С.В.Рахманинова. Было это въ Москвѣ. Приходитъ ко мнѣ однажды въ Леонтьевскій переулокъ Сережа Рахманиновъ и приноситъ книгу.

— Прочти, — говоритъ. Какой у насъ появился чудный писатель. Вѣроятно, молодой.

Кажется мнѣ, это былъ первый сборникъ Горькаго: Мальва, Макаръ Чудра и другіе разсказы перваго періода. Дѣйствительно, разсказы мнѣ очень понравились. Отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то, что близко лежитъ къ моей душѣ. Долженъ сказать, что и по сю пору, когда читаю произведенія Горькаго, мнѣ кажется, что города, улицы и люди, имъ описываемые — всѣ мои знакомые. Всѣхъ я ихъ видалъ, но никогда не думалъ, что мнѣ можетъ быть такъ интересно пересмотрѣть ихъ черезъ книгу… Помню, послалъ я автору письмо въ Нижній-Новгородъ съ выраженемъ моего восторга. Но отвѣта не получилъ. Когда въ 1896 году я пѣлъ на Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, я Горькаго еще не зналъ. Но вотъ въ 1901 году я снова пріѣхалъ въ Нижній. Пѣлъ въ ярмарочномъ театръ. Однажды во время представленія Жизни за Царя мнѣ передаютъ, что въ театрѣ Горькій, и что онъ хочетъ со мною познакомиться. Въ слѣдующій антрактъ ко мнѣ пришелъ человѣкъ съ лицомъ, которое показалось мнѣ оригинальнымъ и привлекательнымъ, хотя и не очень красивымъ. Подъ прекрасными длинными волосами, надъ немного смѣшнымъ носомъ и широко выступающими скулами горѣли чувствомъ

глубокіе, добрые глаза, особенной ясности, напоминавшей ясность озера. Усы и маленькая бородка. Полу-улыбнувшись, онъ протянулъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ мою и роднымъ мнѣ волжскимъ акцентомъ — на О — сказалъ:

— «Я слышалъ, что вы тоже нашъ брать Исаакій» (нашего поля ягода).

— Какъ будто, — отвѣтилъ я.

И такъ, съ перваго этого рукопожатія мы — я, по крайней мѣрѣ, наверное — почувствовали другъ къ другу симпатію. Мы стали часто встрѣчаться. То онъ приходилъ ко мнѣ въ театръ, даже днемъ, и мы вмѣстѣ шли въ Кунавино кушать пельмени, любимое наше северное блюдо, то я шелъ къ нему въ его незатейливую квартиру, всегда переполненную народомъ. Всякіе тутъ бывали люди. И задумчивые, и веселые, и сосредоточенно-озабоченные, и просто безразличные, но все большей частью были молоды и, какъ мнѣ казалось, приходили испить прохладной воды изъ того прекраснаго источника, какимъ намъ представлялся А.М.Пѣшковъ-Горькій.

Простота, доброта, непринужденность этого, казалось, безпечнаго юноши, его сердечная любовь къ своимъ дѣтишкамъ, тогда маленькимъ, и особая ласковость волжанина къ жене, очаровательной Екатеринѣ Павловнѣ Пѣшковой — все это такъ меня подкупило и такъ меня захватило, что мнѣ казалось: вотъ, наконецъ, нашелъ я тотъ очагъ, у котораго можно позабыть, что такое ненависть, выучиться любить и зажить особенной какой-то, единственно радостной идеальной жизнью человѣка! У этого очага я уже совсемъ повѣрилъ, что если на свѣте есть дѣйствительно хорошіе, искренніе люди, душевно любящіе свой народъ, то это — Горькій и люди, ему подобные, какъ онъ, видевшіе столько страданій, лишеній и всевозможныхъ отпечатковъ горестнаго человѣческаго житья. Тѣмъ болѣе мнѣ бывало тяжело и обидно видѣть, какъ Горькаго забирали жандармы, уводили въ тюрьму, ссылали на сѣверъ. Тутъ я положительно началъ вѣрить въ то, что люди, называющее себя соціалистами, составляютъ квинтъ-эссенцію рода человѣческаго, и душа моя стала жить вмѣсте съ ними.

Я довольно часто пріѣзжалъ потомъ въ весенніе и лѣтніе месяцы на Капри, гдѣ (кстати сказать, въ наемномъ, а не въ собственномъ домѣ) живалъ Горькій. Въ этомъ домѣ атмосфера была революционная. Но долженъ признаться въ томъ, что меня интересовали и завлекали только гуманитарные порывы всѣхъ этихъ взволнованныхъ идеями людей. Когда же я изрѣдка дѣлалъ попытки почерпнуть изъ соціалистическихъ книжекъ какія нибудь знанія, то мнѣ на первой же страницѣ становилось невыразимо

скучно и даже, каюсь — противно. А оно, въ самомъ дѣлѣ — зачѣмъ мнѣ это необходимо было знать, сколько изъ пуда железа выходитъ часовыхъ колесиковъ? Сколько получаетъ первый обманщикъ за выдѣлку колесъ, сколько второй, сколько третій и что остается обманутому рабочему? Становилось сразу понятно, что кто-то обманутъ и кто-то обманываетъ. «Регулировать отношенія» между тѣмъ и другимъ мнѣ, право, не хотелось. Такъ я и презрѣлъ соціалистическую науку… А жалко! Будь я въ соціализмѣ ученѣе, знай я, что въ соціалистическую революцію я долженъ потерять все до послѣдняго волоса, я можетъ быть, спасъ бы не одну сотню тысячъ рублей, заблаговременно переведя заграницу русскіе революціонные рубли и превративъ ихъ въ буржуазную валюту…

47

189 Обращаясь памятью къ прошлому и стараясь опредѣлить, когда же собственно началось то, что въ концѣ концовъ заставило меня покинуть родину, я вижу, какъ мнѣ трудно провести границу между одной фазой русскаго революціоннаго движенія и другою. Была революція въ 1905 году, потомъ вторая вспыхнула въ мартѣ 1917 года, третья — въ октябрѣ того же года. Люди, въ политикѣ искушенные, подробно объясняютъ, чѣмъ одна революція отличается отъ другой, и какъ то раскладывают ихъ по особымъ полочкамъ, съ особыми ярлычками. Мнѣ — признаюсь — всѣ эти событія послѣднихъ русскихъ десятилѣтій представляются чѣмъ то цѣльнымъ — цѣпью, каждое звено которой крѣпко связано съ сосѣднимъ звеномъ. Покатился съ горы огромный камень, зацеплялся на короткое время за какую нибудь преграду, которая оказывалась недостаточно сильной, медленно сдвигалъ ее съ мѣста и катился дальше — пока не скатился въ бездну. Я уже говорилъ, что не сродни, какъ будто, характеру русскаго человѣка разумная умѣренность въ дѣйствіяхъ: во всемъ, какъ въ покорности, такъ и въ бунтѣ, долженъ онъ дойти до самаго края…

Революціонное движеніе стало замѣтно обозначаться уже въ началѣ нашего столѣтія. Но тогда оно носило еще, если можно такъ сказать, тепличный характеръ. Оно бродило въ университетахъ среди студентовъ и на фабрикахъ среди рабочихъ. Народъ казался еще спокойнымъ, да и власть чувствовала себя крѣпкой. Печать держали строго, и политическое недовольство интеллигенціи выражалось въ ней робко и намеками.

Болѣе смѣло звучали революціонныя ноты въ художественной

литературѣ и въ тенденціозной поэзіи. Зато каждый революціонный намекъ подхватывался обществомъ съ горячей жадностью, а любой стихъ, въ которомъ былъ протестъ, принимался публикой съ восторгомъ, независимо оть его художественной цѣнности.

Помню очень характерный для того времени случай. По поводу открытія въ Москвѣ новой консерваторіи (при В.Сафоновѣ), давался большой и очень торжественный симфоническій концертъ, на который пришла вся Москва. Я участвовалъ въ концертѣ. Кипѣла тогда во мнѣ молодая кровь, и увлекался я всѣми свободами. Композиторъ Сахновскій какъ разъ только что написалъ музыку на слова поэта Мельшина-Якубовича, переводчика на русскій языкъ Бодлера. Якубовичъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, преданный революціи, и его поэзія это очень ярко отражала. Я включилъ пѣсню Сахновскаго въ мой репертуаръ этого вечера. Я пѣлъ обращеніе къ родинѣ:

За что любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачеха безчеловѣчно злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая?..
Во мракѣ безъ зари живыми погребала,
Гнала на край земли, во снѣгъ холодныхъ странъ,
Во цвѣтѣ силы — убивала…
Мечты великія безъ жалости губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила…
Какая-же мать ты намъ? За что любить тебя?
За что — не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія —
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!

Публика откликнулась на пѣсню чрезвычайно восторженно. И вотъ въ антрактѣ, или, можетъ быть, послѣ концерта приходитъ ко мнѣ въ артистическую московскій полицеймейстеръ генералъ Треповъ. Онъ признавалъ себя моимъ поклонникомъ, и отношенія между нами были весьма любезныя. Ласковый, благовоспитанный, въ эффектно расшитомъ мундирѣ, припахивая немного духами, генералъ Треповъ расправлялъ на рябомъ лицѣ браваго солдата белокурый усъ и вкрадчиво говорилъ:

— Зачѣмъ это Вы, Федоръ Ивановичъ, поете такія никому ненужныя прокламаціонныя аріи? Вѣдь если вдуматься, эти рокочущія слова въ своемъ содержаніи очень глупы, а Вы такъ хорошо поете, что хотелось бы отъ Васъ слушать что нибудь о

любви, о природѣ…

Сентиментальный, вѣроятно, былъ онъ человѣкъ! И все таки я чувствовалъ, что за всей этой дружеской вкрадчивостью, гдѣ то въ затылкѣ оберъ-полицеймейстера роется въ эту минуту мысль о нарушеніи мною порядка и тишины въ публичномъ мѣстѣ. Я сказалъ генералу Трепову, что пѣсня — хорошая, слова — красивыя, мнѣ нравятся, отчего же не спѣть? Политическій резонъ моего собеседника я на этотъ разъ пропустиль мимо ушей и въ споръ съ нимъ не вступилъ.

Однажды какъ то, по другому случаю, я сказалъ генералу Трепову:

— Любить мать-родину, конечно, очень пріятно. Но согласитесь, что жалкая конка въ городѣ Москвѣ, кромѣ того, что неудобна, мозолитъ глаза обывателей. Вѣдь воть за-границей, тамъ трамвай ходитъ электрическій. А здъсь, въ Москве, слышалъ я, нѣтъ разрѣшенія на постройку. А разрѣшенія не даетъ полиція. Значить, это отъ Васъ нѣтъ разрѣшенія.

Тутъ мой собесѣдникъ не былъ уже сентименталенъ.

Онъ какъ то особенно крякнулъ, какъ протодьяконъ передъ или послѣ рюмки водки, и отчетливымъ злымъ голосомъ отчеканилъ:

— Батюшка, то — за-граница! Тамъ — люди, а съ вашихъ этихъ обывателей и этого много. Пусть Ъздятъ на конкахъ…

Боюсь начальства. Какъ только начальство начинаетъ говорить громкимъ голосомъ, я немедленно умолкаю. Замолкъ я и въ этотъ разъ. И когда вышелъ на улицу, я подъ впечатлѣніемъ треповской рѣчи сталъ всматриваться въ проходящихъ обывателей съ особеннымъ вниманіемъ. Вотъ, вижу, идетъ человѣкъ съ флюсомъ. Какъ-то неловко подвязана щека грязнымъ платкомъ, изъ подъ платка торчитъ вымазанная какимъ то желтымъ лекарствомъ вата. И думаю:

— Эхъ, ты, чортъ тебя возьми, обыватель! Хоть бы ты не шелъ мимо самаго моего носа, а Ъхалъ на конкѣ — мнѣ было бы легче возразить Трепову. А то ты, дѣйствительно, пожалуй, и конки не стоишь… Совсѣмъ ты безропотный, г. обыватель! На все ты согласенъ: и на флюсъ, и на конку, и на полицеймейстера… Такъ же тебѣ и надо…

Но это только казалось. Скоро сталъ громко роптать и обыватель съ подвязанной щекой. Въ 1904 году стало ясно, что революціонное движеніе гораздо глубже, чѣмъ думали. Правительство, хотя оно и опиралось на внушительную полицейскую силу, шаталось и слабѣло. Слабость правительства доказывала, что устои его въ странѣ не такъ прочны, какъ это представлялось на первый взглядъ, и это сознаніе еще больше

углубило броженіе въ народѣ. Все чаще и чаще происходили безпорядки. То закрывались университеты изъ-за студенческихъ безпорядковъ, то рабочіе бастовали на заводахъ, то либеральные земцы устроютъ банкетъ, на которомъ раздавались смелые по тому времени голоса о необходимости обновленія политическаго строя и введенія конституціи. То взрывалась бомба и убивала того или иного губернатора или министра…

И въ эту тревожную пору неожиданно для русскаго общества разразилась война съ Японіей. Гдѣ то тамъ, далеко, въ китайскихъ странахъ русскіе мужики сражались съ японцами. Въ канцеляріяхъ говорили о велико-державныхъ задачахъ Россіи, а въ обществѣ громко шептались о томъ, что войну затѣяли влиятельные царедворцы изъ-за корыстныхъ своихъ цѣлей, изъ-за какой то лѣсной концессіи на Ялу, въ которой были заинтересованы большіе сановники. Народъ же въ деревняхъ вздыхалъ безнадежно. Мужики и бабы говорили, что хотя косоглазаго и можно шапками закидать, но зачѣмъ за этимъ къ нему итти такъ далеко?

— Разъ енъ къ намъ не идетъ, значитъ, правда на его сторонѣ. Чего же намъ-то туда лѣзть?..

А тутъ стало слышно въ столицахъ, что на Дальній Востокъ время отъ времени посылаютъ чудотворныя иконы… Увы, скоро выяснилось, что выиграть войну иконы не помогаютъ. И когда погибалъ въ дальневосточныхъ водахъ русскій флотъ съ адмираломъ Рождественскимъ во главѣ, то стало жутко я больно Россіи. Показалось тогда и мнѣ, что Богъ не такъ ужъ любовно смотритъ на мою страну…

48

Разгромъ!..

Революціонное движеніе усилилось, заговорило громче. Либеральное общество уже открыто требовало конституціи, а соціалисты полуоткрыто готовились къ бою, предчувствуя близкую революцію. Въ атмосфѣре явно ощущалась неизбѣжность перемѣнъ. Но правительство еще упиралось, не желая уступить тому, что оффиціально именовалось крамолой, хотя ею уже захвачена была вся страна. Въ провинціи правительственные чиновники дѣйствовали вразбродъ. Одни, сочувствуя перемѣнамъ, старались смягчить режимъ; другіе, наоборотъ, стали больнѣе кусаться, какъ мухи осенью. У нихъ какъ бы распухли хрусталики въ глазахъ, и всюду мерещились имъ «революціонеры».

Въ это время мнѣ неоднократно случалось сталкиваться съ совершенно необычной подозрительностью провинціальной администраціи. Я не знаю, было ли въ то время такое отношеніе властей къ артистамъ общимъ явленіемъ, или эта подозрительность относилась болѣе спещально ко мнѣ лично, какъ къ пѣвцу, революціонно настроенному, другу Горькаго и въ известномъ смысле болѣе «опасному», чѣмъ другіе, благодаря широкой популярности въ стране.

Я дѣлалъ турнэ по крупнымъ провинціальнымъ городамъ. Пріезжаю въ Тамбовъ поздно ночью накануне концерта. Ложусь спать съ намѣреніемъ спать долго — хорошо отдохнуть. Но не тутъ то было. На другой день, очень рано, часовъ въ 8 утра — стукъ въ дверь моего номера. Входитъ полицейскій приставь. Очень вежливо извиняясь за безпокойство въ столь ранній часъ, объясняетъ, что тревожитъ меня по прямому приказанію губернатора.

— Въ чѣмъ дѣло?

«Дѣло» заключалось въ томъ, что губернаторомъ получены свѣдѣнія, что я, Шаляпинъ, собираюсь во время моего концерта обратиться къ публике съ какой то политической рѣчью!

Это былъ, конечно, чистый вздоръ, въ чѣмъ я не замедлилъ увѣрить губернаторскаго посла. Тѣмъ не менѣе, приставъ вежливо, но твердо потребовалъ, чтобы я далъ мои ноты губернатору на просмотръ. Ноты я, разумѣется, далъ и къ вечеру получилъ ихъ обратно. Тамбовскій губернаторъ, какъ видите, отнесся ко мнѣ достаточно любезно. Но совсѣмъ иной пріемъ ждалъ меня въ Харьковѣ.

Въ этомъ городѣ мнѣ сообщили, что меня требуетъ къ себѣ цензоръ. Къ себѣ — да еще «требуетъ». Я могъ, конечно, не пойти. Никакого дѣла у меня къ нему не было. Концертъ разрѣшенъ, афиши расклеены. Но меня взяло любопытство. Никогда въ жизни не видалъ я еще живого цензора. Слышалъ о нихъ, и говорили мнѣ, что среди нихъ есть много весьма культурныхъ и вѣжливыхъ людей. Цензоръ, потребовавшіі меня къ себѣ, рисовался мнѣ почему-то весь въ бородавкахъ, съ волосьями, шершавый такой. Любопытно взглянуть на такого блюстителя благонадежности. Отправился. Доложилъ о себѣ; меня ввели въ кабинеть.

Цензоръ былъ безъ бородавокъ, безъ волосьевъ и вовсе даже не шершавый. Это былъ очень худосочный, въ красныхъ пятнахъ человѣкъ. При первомъ звукѣ его голоса мнѣ стало ясно, что я имѣю дъло съ рѣдкимъ экземпляромъ цензорской породы. Голосъ его скрипѣлъ, какъ кавказская арба съ немазанными колесами. Но еще замѣчательнѣе было его обращеніе со мною.

— Что я собираюсь пѣть?

— Мой обычный репертуаръ.

— Показать ему ноты.

Показываю.

Цензоръ сухими и злыми пальцами перелистываетъ ноты. И вдругъ встревоженно, готовый къ бою, поднимаетъ на меня грозные глаза.

— Императоръ… Это какой же императоръ?!

Смотрю — «Два гренадера».

— Это, г. цензоръ, известная пѣсня Шумана.

Цензоръ метнулъ на меня раздраженный взглядъ, въ которомъ крупными буквами было написано: «я вамъ не г. цензоръ».

— На слова Гейне, Ваше Превосходительство. Разрѣшено цензурой.

Скрипучимъ своимъ голосомъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ меня окончательно уничтожить, Его Превосходительство обличительно читаетъ:

— «Изъ гроба встаетъ Императоръ». Изъ какого гроба? Какой императоръ?..

— Заграничный, Ваше Превосходительство, — Наполеонъ…

Сморщилъ жидкія съ красной прослойкой брови мой цензоръ.

— Говорятъ, вы поете и не по нотамъ.

— Пою, Ваше Превосходительство, — вѣрноподданно рапортую я.

— Знайте, что я буду въ театра.

— Очень пріятно, Ваше Превосходительство.

— Не для того только, чтобы слушать, какъ Вы поете, но и для того, чтобы знать, что Вы поете. Совѣтую Вамъ быть осторожнымъ, г. артистъ.

Я ушелъ отъ г. цензора крайне изумленнымъ. Если я не возмутился его тономъ и манерой говорить со мною, то только потому, что онъ былъ слишкомъ невзраченъ, смѣшонъ и сердечно меня позабавилъ. Но какая муха его укусила? Это осталось для меня тайной навсегда. Впрочемъ, скоро въ Кіевѣ я узналъ, что власти изъ Петербурга разослали по провинціи циркуляръ, предписывая строго слѣдить за моими концертами. Цензоръ, должно быть, сильно испугался и отъ того такъ нелепо и смешно заскрипѣлъ.

49

Первое сильное ощущеніе наростающей революціи испыталъ я весною 1905 года въ Кіевѣ, гдѣ случай столкнулъ меня

непосредственно съ рабочими массами. Тогда же я свершилъ «грѣхъ», который долгое время не могли простить мнѣ хранители «устоевъ» и блюстители «порядка».

Въ Кіевѣ я въ первый разъ публично въ концертѣ спѣлъ известную рабочую пѣсню — «Дубинушку».

Пріѣхалъ я въ Кіевъ пѣть какіе то спектакли по приглашенію какого то антрепренера. Узнавъ о моемъ пребываніи въ Кіевѣ, пришли ко мнѣ знакомые рабочіе и пригласили меня къ нимъ въ гости, въ пригородъ Диміевку. Приглашеніе я принялъ охотно, а мои друзья ужъ постарались угостить меня сердечно, чѣмъ могли. Погулялъ я съ ними, посмотрѣлъ хибарки и увидѣлъ съ огорченіемъ, что живетъ народъ очень бѣдно. Ну, мало ли народу плохо живетъ — всѣмъ не поможешь, а помочь одному-другому — дѣло хорошее, но это не значитъ помочь бѣднотѣ. Съ этими, немного грустными мыслями уѣхалъ я домой.

Черезъ нѣсколько дней опять пришли ко мнѣ рабочіе. Просятъ, не могу ли я дать возможность рабочему люду послушать меня на театрѣ.

Я подумалъ, что сдѣлалъ бы я это съ удовольствіемъ, но какъ? Это же не такъ просто, какъ думаютъ. Вотъ выйдетъ Шаляпинъ на площадь, раздастъ безплатные билеты, и все будетъ хорошо — «кругомъ шестнадцать». А, тутъ антрепренеръ, театръ, аренда, другіе актеры, хористы, музыканты, рабочіе на сценѣ, капельдинеры — какъ это можно сдѣлать совсѣмъ даромъ? Не понимаю. Но желаніе рабочихъ послушать меня я понималъ, и исполнить ихъ просьбу мнѣ очень хотелось. Поэтому я придумалъ слѣдующую комбинацію. Возьму я большой залъ, циркъ Крутикова, вмѣщающій около 4.500 человѣкъ. 4000 билетовъ дамъ безплатно рабочимъ — пусть разыграютъ ихъ въ лоттерею на фабрикахъ и заводахъ — кто вытащитъ изъ фуражки номерокъ, тому и мѣсто. А билетовъ 500 пустить въ продажу среди имущей публики — на покрытіе текущихъ расходовъ и на плату за помѣщеніе. Рабочіе съ восторгомъ одобрили мой проэкть, и я приступилъ къ организаціи концерта.

Снять циркъ было не трудно — я это немедленно сдѣлалъ, но безъ разрѣшенія властей я не могъ выступать публично. Въ обыкновенныхъ случаяхъ разрѣшеніе безъ всякихъ затрудненій даетъ полицеймейстеръ, но эготъ мой концертъ былъ совершенно необычаенъ. Полицеймейстеръ не посмѣетъ, конечно, разрѣшить его своей собственной властью. Придется, думалъ я, обращаться къ генералъ-губернатору. Не очень мнѣ хотелось безпокоить столь высокое начальство, и тутъ кстати я вспомнилъ, что недавно я познакомился съ женой кіевскаго губернатора. Это была милейшая дама, которая обожала артистовъ и не менѣе, чѣмъ

артистовъ, обожала винтъ. Вотъ, подумалъ я, «отсель грозить я буду шведу». Мнѣ поможетъ Надежда Герасимовна (такъ, кажется, звали генеральшу). И я устроилъ себѣ приглашеніе къ губернаторшѣ на партію въ винтъ.

Играю и жду удобнаго момента. Известно, какъ дѣйствуетъ на человѣка выигранный шлемъ. Онъ становится добрее, радушнее, на все смотритъ прекрасно.

И вотъ, когда губернаторша выиграла свой первый шлемъ, я и ввернулъ:

— Надежда Герасимовна, боюсь безпокоить Вашего супруга, а надо.

— А что?

— Да вотъ, концертъ хочу сдѣлать. Для бѣдняковъ, для рабочаго люда. А то неловко: всѣ слушаютъ меня, а они не слушаютъ. Времена, знаете, не очень спокойныя, всѣ раздражены. Не спѣть рабочимъ, они какъ будто обидятся. А пѣть — отъ Вашего супруга зависеть… На пять червей я пасъ.

А Надеждѣ Герасимовнѣ везетъ. Опять шлемъ объявила.

— Чего же Вы боитесь? Мой супругъ же добрый человѣкъ. Первый по добротѣ въ городѣ, да и по разуму. Вотъ, я думаю, черезъ полчаса придетъ домой. Потолкуйте съ нимъ.

— А Вы, дорогая Надежда Герасимовна, поспособствуйте, въ случаѣ.

— Ахъ, пѣсни ваши коварныя! Онѣ все равно сражаютъ всѣхъ. На меня Вы всегда можете разсчитывать.

И черезъ часъ я уже былъ въ кабинетѣ губернатора.

Дѣйствительно, милый человѣкъ былъ этотъ губернаторъ. Весьма осанистый, съ окладистой бородой, въ мундирѣ съ какими то обшлагами, обстоятельнымъ, какъ онъ самъ, голосомъ, генералъ растягивалъ въ отвѣтъ на мою просьбу слова:

— Гм… Видите-ли… Гм… Да… Я, конечно… Да… Понимаю… Концертъ… Да… Но, вѣдь, вы — странно! — для рабочихъ… Вотъ это… затруднительно. Гм… Да… Это очень хорошо — концертъ для рабочихъ, и самъ я, видите, съ удовольствіемъ бы, но есть… э… нѣкоторое препятствіе. Я не могу его, собственно, Вамъ сообщить, но оно есть… Не имѣю права.

Я чрезмѣрно удивился и невольно тоже заговорилъ губернаторской манерой.

— Т.е… Гм… Какъ это… Ваше Превосходительство, не имѣете права?

— Да такъ. Не имѣю… Но Вамъ я вѣрю, Шаляпинъ, я Васъ люблю, и давно уже, какъ артиста. Такой артистъ, какъ Вы есть человѣкъ благородный. Я Вамъ объясню, въ чѣмъ дѣло, но только Вы мнѣ дайте слово, что ужъ никому не разскажете.

И губернаторъ открылъ какую то большую папку съ бумагами, лежавшую на его рабочемъ столѣ. Порылся въ ней, вынулъ бумажку и, протянувъ ее мнѣ, сказалъ — «читайте».

— Не про меня это писано, — подумалъ я, когда въ заголовкѣ прочиталъ подчеркнутое слово конфиденціально. Сбоку на лѣвой сторонѣ бумаги было напечатано М.В.Д. Департамента Полиціи. А тамъ дальше губернія, какъ говорится, писала, что, молъ до нашего свѣдѣнія дошло, что артистъ Шаляпинъ отправился по городамъ Россійской Имперіи устраивать всевозможные вечера, спектакли и концерты съ цѣлью революционной пропаганды, и что посему мѣстнымъ властямъ предписывается обратить на выступленія онаго Шаляпина особливое вниманіе.

Я всегда думалъ, что по поводу меня больше меня самого знаютъ газеты, а вотъ оказывается, что Департаментъ Полиціи знаетъ про меня еще больше, чѣмъ даже газеты! Удивился. Но я въ то же время почувствовалъ, что предо мною сидитъ не просто губернаторъ, а порядочный человѣкъ, и я съ нимъ заговорилъ по-человѣчески. Я его увѣрилъ совершенно искренне, что никакой революціонной пропаганды я и въ помыслахъ не имѣлъ, что я просто желаю пѣть для людей, неспособныхъ платить, что я это уже не разъ дѣлывалъ. Я высказалъ при этомъ соображеніе, что отказъ произведетъ на рабочихъ тяжелое впечатленіе и еще больше раздразнитъ ихъ противъ властей. Генералъ меня понялъ и далъ разрешеніе, но при этомъ сказалъ:

— Всѣ дальнѣйшія вещи будутъ уже зависѣть отъ полицеймейстера и пристава. Поладьте съ ними, какъ можете.

50

Кіевскій полицеймейстеръ оказался милымъ человѣкомъ. Онъ заявилъ, что къ устройству концерта съ его стороны препятствій не имеется. Но тутъ возникло новое затрудненіе, которое надо было какъ нибудь устранить. Изъ разговора съ делегатами рабочихъ я понялъ, что было бы лучше, если бы охрана порядка на концертѣ была бы поручена самимъ рабочимъ. Делегаты говорили, что присутствіе въ циркѣ полицейскихъ въ мундирахъ можетъ, пожалуй, вызвать раздраженіе и случайно повлечь за собою нежелательный скандалъ. Это уже надо было улаживать съ мѣстнымъ участковымъ приставомъ, и я къ нему отправился самъ.

Странный и смѣшной былъ этотъ представитель полицейской власти. Когда я позвонился къ нему на квартиру, открыла мнѣ дверь украинская дивчина, — горничная, повидимому, и на вопросъ, могу ли я увидѣть пристава, отвѣтила, что сейчасъ

спроситъ Его Благородіе:

— Кажысь, воны въ ванной.

Ушла, черезъ минуту вернулась и сказала, что если я не чувствую неловкости въ этомъ, то «воны» просять меня пожаловать въ ванную. Я вспомнилъ знаменитый анекдотъ о Мадамъ де Сталь и Наполеонѣ и подумалъ, что приставъ также, вѣроятно, думаеть, что геній не имѣетъ пола… Нечего дѣлать — иду въ ванную. Можете представить себѣ, какъ мнѣ было интересно увидѣть моего милаго пристава въ столь благосклонномъ ко мнѣ положеніи. Я еще въ гостинницѣ приготовилъ программу рѣчи, но увы, по программѣ мнѣ говорить не пришлось.

— Здравствуйте, г. артистъ! — заговорилъ приставъ съ. украинскимъ акцентомъ. — Отжешь, ей Богу, какъ я радъ, что вы пришлы ко мнѣ. Можетъ разрѣшите чокнуться за ваше здоровье?..

Онъ сидълъ въ ванной выше грудей въ водѣ, а изъ воды выплывали жирныя, бѣлыя плечи, подъ синеватымъ носомъ распухали темнокожанные усы. Надъ каждымъ глазомъ было по брови, но каждая изъ этихъ бровей была отпущена моему пріятелю на троихъ или четырехъ такихъ же приставовъ. Говоря, что хотѣлъ бы со мною чокнуться, онъ какъ то сипловато изъ подводной глубины живота смеялся, открывъ ротъ. Тутъ я замѣтилъ, что во рту у него есть золото и чернядь… Передъ нимъ, поперекъ ванны, лежала доска, а на доскѣ стояла бутылка водки, порядочно роспитая, и что-то вродѣ студня и соленыхъ огурцовъ. Хоть часъ для меня былъ неурочный, но я сейчасъ же сообразилъ, что отказываться отъ его угощенія тоже неурочно… Я моментально принялъ видъ размашистаго весельчака и присѣлъ къ нему на трехножную какую-то табуретку.

— Квитокъ! — закричалъ приставъ.

Показалась дивчина. Ей приказано было принести второй стаканъ, какъ можно скорѣе.

— Ну, вотъ, ишь, вѣдь, какъ вы пожаловали. Уже вы менѣ извините, а я знаете самъ докторъ. Университетов я не кончалъ, а соображаю самовластно. Отъ мнѣ говорятъ, что нельзя пить водки, что будто бы прожигаетъ, такъ я, знаете, десять минуть провожу въ холодной водѣ. Такъ что одно исключаетъ другое.

Я ему на это, что, дескать, самъ особенно докторамъ не довѣряю, а вотъ такія народныя средства люблю и уважаю.

— Такъ, вѣдь про васъ говорятъ, что вы изъ народа.

Чокнулись, выпили, закусили огурцомъ.

— Вотъ говорю — концертъ… Извините — ваше имя-отчество?

— Акакій Хрисанфовичъ.

Объясняю мое дѣло.

Мой собесѣдникъ, нѣсколько выплывъ наверхъ изъ воды, показалъ двѣ выпуклый, покрытыя волосами груди.

— То-есть, почему же для рабочихъ, и какъ же это такъ безплатно? Да какъ же это — всѣмъ рабочимъ? Ихъ же у насъ сотни тысячъ. Губернаторъ разрѣшилъ?

— Разрѣшилъ и полицеймейстеръ. Но сказали, что и къ вамъ нужно обратиться, — безсовѣстно лгу я.

Откашлялся приставъ.

— Такъ шожъ я могу вамъ сдѣлать, если губернаторъ и полицеймейстеръ разрѣшили.

Когда я объяснилъ, что мнѣ отъ него надо, приставъ вытаращилъ на меня глаза, съ минуту дожевывалъ минуть пять тому назадъ разжеванный огурецъ, вздохнулъ, голосъ его упалъ, какъ неудавшееся тѣсто, и онъ какъ то безкостно сказалъ:

— Нехорошо, что вы такія шутки разсказываете мнѣ за пріятнымъ завтракомъ…

Потомъ голосъ его сталъ снова крепнуть, и онъ сказалъ серьезно:

— Увы, извините, безъ надзора… такую штуку оставить не могу.

Я согласился съ нимъ, но подалъ мысль:

— Дѣло, Акакій Хрисанфовичъ, только въ мундирахъ. Шлите сколько угодно людей, но только въ штатскомъ.

— Вотъ это дѣло!.. И для васъ, г. артистъ, я это съ удовольствіемъ сделаю.

Выпили еще по рюмочкѣ. Приставъ взялъ мохнатое полотенце, всталъ, прижалъ къ животу, какъ могъ вытеръ свою правую руку, протянулъ ее мнѣ, увѣрилъ меня, что любитъ артистовъ, въ особености такихъ, которые изъ народа, и мы дружески разстались.

Я былъ въ восторгѣ. Все такъ хорошо удавалось. Уже расклеены афиши. Платныя мѣста уже всѣ проданы, а 4.000 безплатныхъ мѣстъ делегаты уже унесли на фабрики. Наступаетъ день концерта.

Все было бы хорошо, если бы въ циркъ Крутикова пошли только тѣ, которые въ лотерейномъ порядкѣ получили билетъ. Къ сожаленію, пошли и тѣ, которые мѣстъ не получили. Пошли именно на концертъ, а не на какую нибудь уличную политическую демонстрацію, — пошли не скопомъ, а въ одиночку. Какъ это всегда въ Россіи бываетъ, каждый изъ рабочихъ норовилъ «какъ нибудь пробраться», «гдѣ нибудь постоять». А такъ какъ правильно говорилъ мнѣ приставъ, что въ Кіевѣ рабочихъ было сотни тысячъ, то улицы Кіева къ вечеру

оказались запруженными народомъ. Не только улицы, прилегающая къ цирку — всѣ главныя улицы города! Власти, естественно, встревожились, и на КрещатикѢ появились войска.

Я, разумѣется, испугался. Какую я заварилъ кашу!

— Я далъ слово, что безпорядковъ не будетъ — обратился я къ делегатамъ рабочихъ. Надеюсь, что рабочіе меня уважаютъ и не подведутъ.

Долженъ отдать справедливость рабочимъ, что они держали себя хорошо.

Все протекало мирно, но положеніе мое было все же въ высшей степени щекотливое. Стало оно и траги-комическимъ, когда я убѣдился, что въ циркѣ на спектакль и мнѣ самому никакъ нельзя протиснуться черезъ толпу. Кто же пѣть будетъ? Что дѣлать?

Къ счастью, отель Континенталь, въ которомъ я жилъ, прилегалъ стеной къ цирку. И вотъ я и покойный мой аккомпаніаторъ Арсеній Николаевичъ Корещенко, открывъ окно въ корридорѣ гостинницы, по карнизу и водосточной трубе спустились на крышу цирка. Этимъ задача, однако, не была рѣшена. Въ самый циркъ можно было намъ проникнуть только тѣмъ же акробатическимъ способомъ черезъ пробитое въ крышѣ окно. Это мы и сдѣлали.

Что было на улицахъ, я не знаю. Знаю только, что циркъ былъ такъ набитъ народомъ, что зрѣлище принимало подавляющій и пугающій характеръ. Естественно, конечно, что концертъ начался позже, чѣмъ было назначено.

Подъ оглушительный шумъ рукоплесканій я вышелъ на эстраду — овація длилась нѣсколько минутъ. Когда оказалось возможнымъ говорить, я обратился къ публикѣ съ нѣсколькими словами. Я напомнилъ, что за этотъ вечеръ, который я устроилъ съ особымъ удовольствіемъ, отвѣчаю передъ всѣми я. Что бы на немъ ни случилось, отвѣтственность ляжетъ на меня, ибо по моей просьбѣ уважаемые мною и благородные люди разрѣшили его. Нѣтъ даже нарядовъ полиціи. Отвѣтственность за порядокъ лежитъ на васъ, господа!

Громогласное «ура!» было отвѣтомъ на мое обращеніе. И я началъ концертъ.

«Духовной жаждою томимъ», — запѣлъ я, и съ этого момента — я думаю всѣ, а я въ особенности — почувствовали какое то новое дыханіе жизни.

Въ теченіе концерта, въ перерывахъ между одной пѣсней и другой, во время «биссовъ», я много разъ слышалъ возгласы то съ той, то съ другой стороны. Какія то дѣвицы кричали мнѣ, «Варшавянку!» Какіе то хриплые голоса настаивали:

«Интернаціоналъ!». Но — говорю это совершенно искренне — этихъ революціонныхъ пѣсенъ я въ ту пору не зналъ. До сихъ поръ не знаю, что такое «Варшавянка», и только недавно, но за то очень хорошо, узналъ, что такое «Интернаціоналъ». Но еще съ юныхъ лѣтъ, съ озера Кабана въ городѣ Казани, я зналъ, что существуетъ рабочая пѣсня — «Дубинушка» — что поется она съ сопровожденіемъ хора, и что только куплеты поетъ солистъ — не солистъ Его Величества, конечно… И на просьбы рабочей публики мнѣ казалось самымъ подходящнмъ спѣть именно эту пѣсню. И я сказалъ, что знаю «Дубинушку», могу ее спѣть, если вы ее мнѣ подтянете. Снова вавилонское «ура!», и я запеваю:

Много пѣсенъ слыхалъ на родной сторонѣ,
Не про радость — про горе въ нихъ пѣли.
Но изъ пѣсенъ всѣхъ тѣхъ въ память врѣзалась мнѣ
Эта пѣсня рабочей артели…

— Эй, дубинушка, ухнемъ! — подхватили 5000 голосовъ, и я, какъ на Пасхѣ у заутрени, отдѣлился отъ земли. Я не знаю, что звучало въ этой пѣсне, — революція пли пламенный призывъ къ бодрости, прославленіе труда, человѣческаго счастья и свободы. Не знаю. Я въ экстазѣ только пѣлъ, а что за этимъ слѣдуетъ, — рай или адъ — я и не думалъ. Такъ изъ гнѣзда вылетаетъ могучая, сильная, бѣлая птица и летитъ высоко за облака. — Конечно, всѣ дубины, который подымаются «на господъ и бояръ», — я ихъ въ рукѣ не держалъ, ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. А конца гнета я желалъ, а свободу я любилъ и тогда, какъ люблю теперь.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а этоть вечеръ запомнилъ, на всю жизнь запомнилъ. Удался онъ на славу. Рабочіе послѣ концерта разошлись домой мирно, какъ ученики, попарно. А о «Дубинушкѣ» стали, конечно, говорить различно. Главнымъ образомъ, меня немедленно зачислили въ крайніе революціонеры.

Отъ проданныхъ билетовъ очистилось сверхъ всѣхъ расходовъ, кажется, 3000 рублей, и эти деньги черезъ посредство поэта Лоло-Мунштейна, кіевлянина, я отдалъ отъ моего имени рабочимъ.

Пріятно послѣ такихъ вечѣровъ уехать на берегъ лазурнаго моря. И вотъ я сижу на берегу Аляссіо въ Италіи. Въ купальномъ костюмѣ жмурюсь на милое, теплое солнышко. Съ испуганнымъ лицомъ, съ итальянской газетой въ рукахъ подходитъ жена.

— Что же теперь дѣлать? Въ Россіи тебя разыскиваютъ власти. Желаютъ предать тебя суду за то, что даешь деньги на

революцію.

Я подумалъ: шутить. Но нѣтъ. Въ газетѣ, дѣйствительно, написано:

«Ищутъ Шаляпина».

Собирался я посидѣть подольше на морѣ, даже опоздать къ сезону намѣревался, а изъ-за заметки поѣхаль раньше.

Пріѣхалъ въ Москву. Остановился въ «Метрополѣ». Приходить ко мнѣ взволнованный Мунштейнъ и разсказываетъ, что скрывается, такъ какъ его разыскиваютъ по «дѣлу» кіевскаго концерта.

Въ подпольной революціонной газетѣ власти прочитали, что «отъ концерта Х очистилось и поступило въ кассу 3000 рублей». Чей же концертъ можетъ дать 3000 рублей? Сообразили: конечно, Шаляпинскій.

Подумалъ, какъ быть, и рѣшилъ взять быка за рога. Немедленно я написалъ кіевской полиціи, что, дескать, деньги я, дѣйствительно, далъ, но на что пойдутъ, не зналъ и не интересовался знать.

Когда я даю деньги на хлебъ, а ихъ пропиваютъ — не мое дѣло. Власти, повидимому, это поняли. Никакихъ преслѣдованій противъ меня не подняли. Сняли преслѣдовате и противъ Лоло.

Благодаря этой исторіи, «Дубинушка» стала привлекать всеобщее любопытство. На концертахъ и спектакляхъ мнѣ часто послѣ этого приходилось слышать настойчивыя просьбы публики спѣть «Дубинушку». И иногда, по настроенно, я ее пелъ въ столице и въ провинціи, каждый разъ, однако, ставя условіе, чтобы публика мнѣ подтягивала.

Пришлось мнѣ пѣть однажды «Дубинушку» не потому, что меня объ этомъ просили, а потому, что Царь въ особомъ манифестѣ обещалъ свободу. Было это въ Москвѣ въ огромномъ ресторанномъ залѣ «Метрополя»… Ликовала въ этотъ вечеръ Москва! Я стоялъ на столѣ и пѣлъ — съ какимъ подъемомъ, съ какой радостью!

Не каждый день человѣкъ радуется одному и тому же.

51

Между моей кіевской и московской «Дубинушкой» прошло знаменательное въ русской исторіи лето 1905 года, полное событій и борьбы. Къ осени разразилась всероссійская железнодорожная забастовка. Университеты превратились въ мѣста для революціонныхъ митинговъ, въ которыхъ принимала участіе и уличная толпа. Городской народъ открыто вышелъ изъ

повиновенія власти. 17-го октября власть уступила. Былъ объявленъ манифестъ Царя о введеніи въ Россіи новаго порядка. Россіи обѣщана свобода, конституція, парламентъ. Можетъ быть, изъ этого и вышелъ бы толкъ: можетъ быть, Россія дѣйствительно обновилась бы и стала мирно развиваться. Къ несчастью, и общество и правительство, какъ мнѣ казалось, сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло для того, чтобы эту возможность испортить. Общество разбилось на безконечное количество партій, изъ которыхъ каждая пѣла на свой ладъ. Однѣ говорили, что дано мало, другія, что дано много, И что Царь обманетъ. А при дворѣ, какъ только забастовка прекратилась, какъ только стало въ странѣ тише, вообразили, что опасность революціи была мнимая, что зря, дескать, мы труса праздновали, и рѣшили, что быть тому, что предсказываютъ лѣвые — обмануть. Въ самомъ дѣлѣ, уже черезъ нѣсколько дней почувствовался другой вѣтеръ въ странѣ. Быстро прошла радость, опять стало хмуро я сурово въ столицахъ. По странѣ прокатилась волна погромовъ — громили евреевъ и интеллигенцію. Какѣ впослѣдствіи разоблачилъ въ Государственной Думѣ депутатъ князь Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, прокламаціи съ призывомъ къ погромамъ печатались жандармскимъ ротмистромъ Комисаровымъ на казенный счетъ въ подвальномъ помѣщеніи Департамента Полиціи!.. А тутъ волновалось крестьянство. Требовало земли, жгло помѣщичьи усадьбы. Вспышки народнаго недовольства чередовались съ репрессіями. Горячая Москва стала строить баррикады…

Съ этимъ моментомъ у меня связано воспоминаніе, не лишенное символическаго значенія. Въ пору московскихъ волненій я жилъ въ Москве. Тамъ же жилъ Горькій. Времена были смутныя и опасныя. Москва хоронила убитаго полиціей студента Баумана. Кто это такой Бауманъ, я не зналъ. Судя же по тому значение, какое въ революціонныхъ кругахъ придавали этимъ похоронамъ, можно было подумать, что студентъ былъ человѣкъ въ какомъ-то отношеніи замѣчательный, что онъ не только зналъ, что земля вертится вокругъ своей оси, но еще и зналъ, какъ повернуть эту ось въ другую сторону… Въ дѣйствительности, убитый революціонеръ былъ, вѣроятно, только мужественнымъ бойцомъ на баррикадахъ, сражался и палъ на посту. Естественно, что революционеры устроили изъ его похоронъ внушительную демонстрацію. Вечеромъ этого дня я зашелъ къ Горькому съ однимъ моимъ старымъ другомъ, уже упомянутымъ мною композиторомъ и піанистомъ Корещенко, впослѣдствіи, какъ я слышалъ, погибшимъ отъ голода при большевикахъ. На квартирѣ Горькаго ждали не то обыска, не то арестовъ. Повидимому,

сдаться такъ просто они не хотѣли, и въ квартире писателя дежурило человѣкъ 12 молодыхъ людей, преимущественно кавказцевъ, вооруженныхъ наганами и другими этого-же рода инструментами, названія которыхъ я не зналъ, такъ какъ я играю на другихъ… Было среди этихъ молодыхъ людей и нѣсколько русскихъ. Всѣмъ имъ мы пожали руки, и когда они потомъ просили насъ пѣть — мы съ удовольствіемъ имъ пѣли. Пѣсня всегда звучитъ прекрасно. Вечеръ вышелъ дѣйствительно отличный, несмотря на тревогу, волновавшую домъ и собравшихся въ немъ людей… Черезъ много лѣтъ, уже во время власти большевиковъ, мнѣ пришлось быть въ Кремлѣ въ квартире поэта Демьяна Бѣднаго. Пришелъ Ленинъ. Когда, здороваясь съ нимъ, я сказалъ, что очень радъ съ нимъ познакомиться, вождь мірового пролетариата посмотрѣлъ на меня пристально и сказалъ:

— Да какъ-же, мы съ вами знакомы.

Я смутился. Видя это, Ленинъ объяснилъ:

— А помните, въ вечеръ похоронъ Баумана мы всѣ сидѣли у Горькаго почти цѣлую ночь?

И какъ-то особенно крѣпко пожавъ мнѣ руку, добавилъ:

— Прекрасный былъ вечеръ…

И такъ, подумалъ я, Ленинъ былъ тогда съ нами у Горькаго, а я такъ невнимательно къ нему отнесся, что даже не запомнилъ встрѣчи. Я, другъ соціалистовъ, такъ небрежно отнесся къ величайшему апостолу социализма — какое кощунство!.. Однако, эта деталь была очень яркой иллюстраціей къ моему чувству, что всѣ три русскія революціи — звенья одной и той же цѣпи. Въ 1905 году стоялъ уже въ очереди и ждалъ своего часа Ленинъ…

52

А время шло. Послѣ ликвидаціи возстанія въ успѣшныхъ карательныхъ экспедицій въ деревнѣ, послѣ бурнаго періода 1-й и 2-й Думъ — наступило внѣшнее затишье. Правительство какъ будто побѣдило. Люди знающіе говорили, что благосостояніе страны въ эти годы поднялось, что сильно развивалась промышленность; биржа, во всякомъ случаѣ, процвѣтала, и столицы увидѣли многихъ ловкихъ людей, нажившихъ большія состоянія и ослѣплявшихъ публику блескомъ своей дѣвственной, но шумной роскоши… Однако, въ глубинѣ народныхъ массъ, въ особенности крестьянскихъ, бродили все-таки опасные пары придушеннаго недовольства. Глухая борьба между властью и революціонерами не прекращалась. То революціонерамъ

удавалось убить министра, то властямъ удавалось зацапать и посадить въ тюрьму какого-нибудь опаснаго революціонера. Не сдавалась и либеральная оппозиція въ Государственной Думѣ. Но поверхность жизни стала, во всякомъ случай, ровнее и глаже. Политика перестала быть общественной страстью. Люди занялись личными дѣлами. Въ это время я работалъ съ покойнымъ С.П.Дягилевымъ въ Европѣ. Спектакли наши, какъ оперы, такъ и балеты, были буквально апогеями тріумфа. Мнѣ запомнился въ особенности послѣдній спектакль въ Лондонѣ. Не столько тѣмъ онъ запомнился, что англійская публика устроила намъ на прощанье незабываемыя овацiи, сколько тѣмъ, что этотъ спектакль волею судебъ явился послѣднимъ въ той исторической эпохѣ, которой подвела такой страшный итогъ великая война… Чуть ли не на другой день послѣ этого спектакля газетчики выкрикивали на улицахъ сенсаціонную вѣсть, что какой-то австрійскій герцогъ или наслѣдникъ престола убитъ въ какомъ-то Сараевѣ въ Сербіи… Когда я изъ Лондона пріѣхалъ въ Парижъ, война уже висела въ воздухѣ. Я провелъ въ Парижѣ нѣсколько дней, которые не могу назвать иначе, какъ страшными. Улицы Парижа были усыпаны людьми, какъ черными орехами. Эти люди волновались и кричали, не то полные энтузіазма и надеждъ, не то отъ безконечнаго страха передъ будущимъ:

— Vive la France!..

— A bas l'Allemagne!..

Было жутко думать о томъ, что эти люди покинуть свои очаги, свои семьи и пойдутъ умирать…

Банкиры, впрочемъ, были еще оптимистичны. Одинъ изъ моихъ банкировъ, съ которымъ я завтракалъ, положительно увѣрилъ меня, что война будетъ предотвращена, и сказалъ, что могу беззаботно ѣхать въ Карлсбадъ, куда я собирался изъ Лондона послѣ сезона. Я послушался и поѣхалъ. Черезъ Швейцарию. Но война догнала насъ недалеко отъ Парижа въ пути. Насъ высадили изъ поѣзда и заявили, что обратно поѣзда въ Парижъ не будетъ… Я подумалъ о моемъ банкирѣ безъ особой нежности и рѣшилъ пробраться къ Парижу во что бы то ни стало, хотя бы на перекладныхъ, хотя бы на тачкѣ. Но у меня было слишкомъ много багажа, и вотъ я почувствовалъ приливъ человѣколюбія и сталъ раздаривать вещи незнакомымъ. Мелкія деньги какъ то вдругъ исчезли изъ обращенія, и мое филантропическое настроеніе получило новое поприще. Дѣло въ томъ, что у меня были только пятидесяти — и ста-франковыя бумажки. Въ ресторанахъ провинціи цѣны были умѣренныя, но сдачи никакой! Сколько ни истратишь — хотя бы десять франковъ, плати 50 или 100. Пришла мнѣ въ голову мысль

покормить милыхъ мнѣ людей, кричавшихъ «Vive la France!». Выбиралъ я людей похудѣе, посинѣе и приглашалъ къ столу, угощая бифштексами и виномъ… Они говорили мнѣ, что русскіе молодцы во всѣ времена года, въ военное и въ мирное время. Мнѣ пришлось съ ними соглашаться и пить за Францію и нашу общую побѣду.

Добравшись до Парижа и побывъ никоторое время въ Лаболѣ, я направился въ Лондонъ съ намѣреніемъ вернуться черезъ Бергенъ и Финляндію въ Россію. Переѣздъ Ламанша былъ какъ разъ въ этотъ моментъ не вполнѣ безопасенъ. Передовыя части нѣмцевъ находились недалеко отъ Амьена. При поѣздкѣ въ Дьеппъ пассажировъ предупреждали, что въ случаѣ обстрѣла поезда надо имъ ложиться на полъ. Этого, слава Богу, не случилось, и въ Лондонъ я добрался безъ приключеній.

Мои милые англійскіе друзья уговаривали меня не ѣхать въ Россію, не рисковать жизнью при опасномъ переѣздѣ черезъ Сѣверное море. Они упрашивали меня оставаться въ Англіи до конца войны — скораго конца войны, конечно — и предлагали мнѣ чудные замки и виллы для жительства.

Я вообще по родинѣ не тоскую. Привыкъ быть и жить въ чужихъ краяхъ. Но на этотъ разъ меня дѣйствительно охватила невыразимая тоска по Россіи. Я не могъ дышать внѣ моей родины. Отблагодаривъ друзей, я сѣлъ на пароходъ, носившій нѣсколько претенціозное названіе «Сиріусъ», двигавшійся, во всякомъ случае, медленнѣе чудесной звезды, и на странномъ этомъ пакетботѣ благополучно доплылъ до Бергена. Съ помощью золотыхъ монетъ, которыя я досталъ въ Лондонѣ, я скоро добрался до Петербурга. Я былъ на родинѣ и отъ одного этого былъ счастливь.

53

214 Мнѣ передавали, что первые дни войны вызвали въ Петербурге очень большой патріотическій подъемъ. Разсказывали о глубокомъ впечатлѣніи, которое на столицу произвело выступленіе въ первые бои блестящей императорской гвардіи. Я пріѣхалъ значительно позже и не замѣтилъ ни энтузіазма, ни унынія. Все шло какъ будто своимъ чередомъ. Магазины торговали, кареты разъезжали, дуговые фонари освещали Морскую. Театры работали весело и были переполнены. И только иногда тѣ или иные слухи волновали общество. То это были оффиціальныя и громкія извѣстія о побѣдахъ, то изъ устъ въ уста шопотомъ передавались проникавшія въ столицу извѣстія о

несчастьяхъ арміи. Говорили о гибели въ Мазурскихъ озерахъ двухъ корпусовъ, а то становилось извѣстнымъ, что въ какихъ то лесахъ въ двухъ-дневномъ бою было уничтожено нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ солдатъ... Въ газетахъ объ этихъ несчастіяхъ сообщали деликатно, и десятки тысячъ переделывались въ простыя сотни. Нули куда-то исчезали. Стало слышно, что не хватаетъ снарядовъ, и что несчастной арміи, солдатамъ и офицерамъ, приходится иногда встрѣчать наступающего врага открытой грудью въ прямомъ и самомъ трагическомъ смысле этого слова... Несомненно, много доблести и крепости проявляли русскіе на многочисленныхъ фронтах!.. Несомненно и то, что и въ тылу война пробудила въ людяхъ много благородныхъ чувствъ жалости н жертвенности. Но, какъ это всегда бываетъ, довольно широко разлился въ столицахъ и отвратительный, бахвальствующій словесный патріотизмъ, нерѣдко пьяный. Сидитъ у Кюба и вкусно обѣдаетъ этакій патріотъ своего отечества. От уже отведалъ много различныхъ марокъ и чуточку осовелъ. Въ залѣ играетъ въ красныхъ камзолахъ румынскій оркестръ, Румынія нейтральна, и нашъ патріотъ чрезвычайно этимъ раздраженъ. И вотъ, слегка пошатываясь, съ сигарой въ рукѣ, онъ приближается къ эстрадѣ и, прищурившись, презрительно ждетъ, пока музыканты закончатъ номеръ. И когда замолкли жидкіе апплодисменты обѣдающихъ, господинъ съ сигарой становится въ ораторскую позу, пялитъ глаза на дирижера н неповоротливымъ языкомъ, икая, вопрошаетъ:

— Когда же, вы, наконецъ, сволочи, вы... выступите?!

Когда же Румынія въ войну вступила и на первыхъ порахъ, къ сожаленію, потерпела какое-то пораженіе, то тотъ же типъ, такъ же икая и такъ же тупо смотря на инструменты, вноситъ въ свою патріотическую реплику варіантъ:

— Ну, что — выступили, сволочи?!..

А русскіе солдаты въ это время брали Перемышль и Львовъ, теряли ихъ и снова наступали. Война затягивалась и пріобрѣтала удручающую монотонность. Съ каждымъ мѣсяцемъ становилось все яснѣе, что нѣмецъ силенъ, что воевать съ нимъ побѣдоносно не очень то легко. Я изредка видалъ солдатъ и бесѣдовалъ съ ними. Дѣло въ томъ, что желая такъ или иначе быть полезнымъ и оправдать мое отсутсвіе въ траншеѣ, я открылъ два госпиталя — одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ. Въ общемъ, на 80 человѣкъ, которыхъ во все время войны я кормилъ и содержалъ на личныя мои средства. Мнѣ въ этомъ отношеніи пошли великодушно навстрѣчу мои друзья — врачи, которые денегъ у меня за работу въ госпиталяхъ не брали. Больныхъ перебывало у

меня за годы войны очень много. Я посѣщалъ ихъ и иногда развлекалъ пѣніемъ. Изъ бесѣдъ съ солдатами я вынесъ грустное убѣжденіе, что люди эти не знаютъ, за что собственно сражаются. Тѣмъ патетичнее казалась мнѣ ихъ безропотная готовность дѣлать свое дѣло…

Монотонно текла война. Теперь даже трудно выдѣлить изъ этого однообразнаго потока событій какое нибудь одно, которое особено поражало бы воспоминаніе. Лично у меня, впрочемъ, навсегда врезалась въ память одна мелочь, въ которой сосредоточился весь трагизмъ войны.

Кажется, въ 1916 году я узналъ, что во время послѣдняго наступленія на Варшаву немцами сброшено было много бомбъ съ аэроплановъ, что разрушенія велики, и что особенно сильно страдаетъ бѣдный людъ отъ отсутствия крова. Мнѣ страшно захотѣлось какъ нибудь помочь этимъ бѣднымъ людямъ. Я рѣшилъ немедленно поѣхать въ Варшаву и дать концертъ въ ихъ пользу. Я сознавалъ, что это будетъ каплей въ морѣ нужды — но что же дѣлать? Мои милые пріятели, братья Кедровы, тогда такъ же, какъ теперь, распѣвавипе квартетомъ, охотно согласились поѣхать со мною и принять участие въ концертѣ. Надъ городомъ рвались бомбы, но нашъ концертъ въ Филармоніи, тѣмъ не менѣе, прошелъ блестяще при переполненномъ залѣ. Польское общество въ лицѣ своихъ князей и графовъ, а въ особенности — дивныхъ своихъ актеровъ, оказало мнѣ и моимъ товарщамъ необыкновенно горячій пріемъ. Особенно меня тронули нацюнальныя польскія ленты, прикрѣпленныя къ лавровому вѣнку, мнѣ поднесенному на концертѣ. Я долго хранилъ ихъ вмѣстѣ съ другими сувенирами, близкими моему сердцу. Гдѣ онѣ теперь? Я оставилъ ихъ въ Петербургѣ…

И вотъ въ это мое пребываніе въ Варшавѣ мнѣ была дана возможность увидѣть Саконтянскій лѣсъ, гдѣ во время наступленія нѣмцевъ шли бои. Лѣсъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы. Сопровождалъ меня туда одинъ веселый и любезный польскій фармацевтъ, который всю дорогу, не то въ мою честь, не то подъ сильнымъ вліяніемъ пережитыхъ бомбардировокъ, стоя на подножкѣ автомобиля, палилъ въ воздухъ изъ револьвера.

Мѣсто битвы произвело на меня огромное впечатлѣніе. Вѣковыя сосны были перерезаны пополамъ. Земля была изрыта вся снарядами. Зіяли свѣжія ямы и овраги. Кое гдѣ валялись еще трупы ободранныхъ лошадей. А тутъ и тамъ, въ лѣсу, стояли деревянные кресты на свѣжихъ солдатскихъ могилахъ. На одномъ изъ этихъ крестовъ ухарски была надѣта разодранная солдатская шапка, и это ухарское «набекрень» въ соединении съ могилой, эта

горячая нота молодечества въ холодномъ безмолвіи смерти создавали жуткое настроение. Я думаю, что трупъ убитаго не потрясъ бы меня съ такой силой, какъ эта пустая на крестѣ солдатская шапка. Я подошелъ къ этой могилѣ, снялъ шляпу и наклонился, ставъ на колѣно. И тутъ, въ рыхлой землѣ, я увидѣлъ, валялась какая-то книжечка въ синей обложкѣ. Я поднялъ ее. Это была солдатская книжка съ отметками объ успѣхахъ… Запыленную, въ кускахъ приставшей грязи и крови, я сталь ее перелистывать. Читаю:

— «За отлично-усердную службу»…

Какъ много въ этихъ нѣсколькихъ словахъ сказано! Что надо было вынести и перетерпѣть за эту «отлично-усердную» службу. И переходы, и траншеи, и адскій огонь, и холодныя ночи, и недостатокъ снарядовъ, и открытая, беззащитная грудь… И вотъ — послѣднее усердіе, послѣднее отличіе: деревянный крестъ въ Саконтянскомъ лѣсу надъ могилой неизвѣстнаго солдата…

Въ Петербургѣ и Москвѣ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становилось все скучнѣе и унылѣе. Для поддержанія, должно быть, духа и бодрости въ Петербургъ пріѣхали выдающіеся представители союзной Франціи — Рене Вивіани и Альбертъ Тома. Петербургъ встрѣтилъ ихъ съ особенной теплотой. Отношения между обществомъ и властью были въ то время чрезвычайно напряжены. Для успѣшнаго веденія трудной войны необходимо было «единеніе царя съ народомъ», какъ тогда говорили. Дума билась изо всѣхъ силъ, чтобы это единеніе наладить. А гдѣ то, въ высшихъ сферахъ, темныя интриги близорукихъ царедворцевъ пропасть между царемъ и народомъ все болѣе углубляли. И Вивіани, и Тома принадлежали къ лѣвому крылу французскихъ политическихъ деятелей. Ихъ участіе въ правительствѣ Франціи служило какъ бы предметнымъ урокомъ нашему Двору. Вотъ, смотрите, какъ едина Франція! Въ Петербургѣ, помнится, поговаривали даже, что одной изъ цѣлей пріѣзда французскихъ министровъ является желаніе повліять въ этомъ духѣ на наше правительство, въ интересахъ войны. Какъ бы то ни было, французовъ приняли восторжено. Имъ устроили, между прочимъ, пышный и торжественный обѣдъ у Контана. Говорили прекрасный рѣчи, пили за побѣду до конца, обнимались и лобызались. Къ концу обѣда я запѣлъ «Марсельезу» къ большому восторгу французскихъ гостей и русскихъ хозяевъ… Брежжилъ темносиній утренній свѣть, когда я въ 6 часовъ утра покинулъ праздникъ. Петербургъ одевался въ морозно-молочный туманъ. Я шелъ къ себѣ на Каменноостровскій — домой. И этотъ вечерь, такой искренній и веселый, остался бы въ моей душѣ безоблачно-радостнымъ воспоминаніемъ, если бы мой россійскій

снѣгъ, въ это холодное россійское утро, не хрустѣлъ бы подъ моими ногами съ особеннымъ какимъ то прискрипомъ, въ которомъ мнѣ слышалось: усердная, усердная, усердная служба… Хрустѣлъ подъ ногами россійскій снѣгъ въ туманное петербургское утро, и вспоминался мнѣ деревянный кресть и ухарски, на бекрень, надѣтая на него пустая солдатская шапка… Усердная, усердная, усердная…

54

Съ каждымъ днемъ становилось, между тѣмъ, яснѣе, что Россія войну проигрываетъ. Всѣ чувствовали, что надвигается какая то гроза, которую никто не рѣшался называть революціей, потому что не вязалось это никакъ съ войной. Что то должно произойти, а что именно — никто не представлялъ себѣ этого ясно. Въ политическихъ кругахъ открыто и рѣзко требовали смѣны непопулярнаго правительства и призыва къ власти людей, пользующихся довѣріемъ страны. Но какъ на зло, непопулярныхъ министровъ смѣняли у власти министры, еще болѣе непопулярные. Въ народѣ стали говорить, что война неудачна потому, что при Дворѣ завелась измѣна. Любимца Двора, страннаго человѣка Григорія Распутина, молва признала нѣмецкимъ агентомъ, толкающимъ Царя на сепаратный миръ съ Германіей. Раздраженіе было такъ велико, что молва не пощадила самоё Царицу. На счетъ этой больной и несчастной женщины распространялись самые нелѣпые разсказы, которые находили вѣру. Говорили, напримѣръ, что она сносится съ Вильгельмомъ II «по прямому проводу» и выдаетъ ему государственныя тайны. Солдаты на фронтѣ считали дурной приметой получать изъ рукъ Царицы георгіевскій крестикъ — убьетъ немецкая пуля…

Въ это время пришелъ однажды въ мой домъ секретарь Распутина съ порученіемъ отъ «старца». Не заставъ меня дома, онъ передалъ моей женѣ, что Распутинъ желаетъ со мною познакомиться и спрашиваетъ, какъ мнѣ пріятнѣе — пріѣхать къ нему или принять его у себя? Желаніе Распутина меня очень удивило. Что ему отъ меня нужно было, я не понималъ. Онъ должно быть, считалъ просто неудобнымъ, что такія двѣ знаменитости, какъ онъ и я, между собою незнакомы… Такъ какъ я слышалъ, что этотъ человѣкъ бываетъ грубъ въ обращеніи даже съ высокопоставленными людьми, то знакомство это меня не прельщало. Скажетъ онъ мнѣ какую нибудь грубость или что нибудь обидное, я, вѣдь, скажу ему что нибудь еще полновѣснѣе, и дѣло, пожалуй, кончится дракой. А драться съ людьми безъ

крайней надобности вообще непріятно, особливо съ людьми, обласканными при Дворѣ. Отъ встрѣчи я, подъ какимъ то предлогомъ, отказался.

Вскоре я услышалъ, что во дворцѣ Юсупова произошла драма. Кто то кого то кусалъ, кого то зашивали въ мѣшокъ и съ камнемъ на шеѣ спускали въ Неву. Это убили Распутина.

Вѣроятно, этотъ фактъ еще болѣе укрѣпилъ мнѣніе народа, что при Дворѣ таится измѣна: ее, дескать, замѣтили, признали и за нее отомстили люди, близкіе къ Царю. Значить, все, что разсказывали — правда! Событія стали развертываться со страшной быстротой. Въ столицѣ не хватало продовольствія, образовались хвосты, въ которыхъ люди заражали другъ друга возмущеніемъ. Заволновались солдаты въ казармахъ. Какой то солдатъ застрѣлилъ въ строю офицера. Вышелъ изъ повиновенія весь полкъ. Не стало Императорской арміи. Выпалъ одинъ кирпичъ, и все зданіе рухнуло. Не очень крѣпко, значить, оно держалось.

Изъ окна моего дома я увидѣлъ огромнѣйшіе клубы дыма. Это горѣлъ, подожженный толпой, Окружный Судъ. Началась революція. Народъ, представители арміи, флотскіе люди потянулись къ Государственной Думѣ, глѣ пріобщались къ революціи. Съ царемъ разговаривалъ фронтъ. Столицы зашумѣли въ невообразимомъ нервномъ напряженіи. Закружило. На маленькой станціи железной дороги между Псковомъ и Петербургомъ, которой какой то невѣдомый пророкъ далъ когда то символическое имя — «Дно» — Царь отрекся отъ престола…

55

Я уже говорилъ, что въ жизни, какъ и въ театрѣ нужно имѣть чувство мѣры. Это значитъ, что чувствовать надо не болѣе и не меньше того, что соотвѣтствуетъ правдѣ положенія. Надо имѣть талантъ не только для того, чтобы играть на сценѣ; талантъ необходимъ и для того, чтобы жить. Оно и понятно. Роль человѣка въ жизни всегда сложнѣе любой роли, которую можно только себѣ вообразить на театрѣ. Если трудно сыграть на сценѣ уже начерченную фигуру того или другого человѣка, то еще труднѣе, думаю я, сыграть свою собственную роль въ жизни. Если я каждую минуту провѣряю себя, такъ ли пошелъ, такъ ли сѣлъ, такъ ли засмеялся или заплакалъ на сценѣ, то, вѣроягно, я долженъ каждую минуту провѣрять себя и въ жизни — такъ ли я сдѣлалъ то или это? Если на сценѣ даже отрицательное должно выглядѣть красиво, то въ жизни необходимо, что бы все красиво

выходило…

Вотъ почему я всегда удивлялся, когда встрѣчалъ дворянина-помѣщика, министра, великаго князя, короля, которые вдругъ, какъ плохой актеръ на сценѣ, въ бездарьѣ своемъ говорили фальшивымъ голосомъ фальшивыя слова и дѣлали фальшивые жесты, и такъ же, какъ бездарные актеры на сценѣ, не замѣчали, что они играютъ плохо. Временами мнѣ бывало противно смотрѣть на этихъ странныхъ людей, какъ бываетъ противно смотрѣть на фальшивую истерику, исполненную фальшивой актрисой. Отсюда, думается мнѣ, идутъ начала многихъ несчастій.

Надо помѣщику пойти къ мужикамъ и съ ними говорить. И выходитъ помѣщикъ, плохо играющій свою роль помещика, и говорить мужикамъ, пожалуй, дѣло, но ставитъ такъ запятыя и точки съ запятой, дѣлаетъ такія неумѣстныя паузы, что мужики вмѣсто того, чтобы вынести самое благопріятное впечатлѣніе отъ его зачастую дѣйствительно добрыхъ намѣреній, выносятъ впечатлѣніе досадливое. Не понялъ актеръ-помѣщикъ атмосферы, не зналъ правильной интонаціи. Провалился. Черезъ годъ, глядишь — горитъ его усадьба.

Приходитъ министръ въ парламентъ, скажемъ, въ Думу. Выходитъ на трибуну и говорить. Слушаютъ его уже не мужики, а люди, которые отлично понимаютъ, гдѣ слѣдуетъ поставить запятую, и отлично понимаютъ, гдѣ она поставлена министромъ. Немедленно они въ своихъ ушахъ возстанавливаютъ грамматическую неточность. Но министръ плохой актеръ. Онъ не чувствуетъ обстановки, не понимаетъ «ситуаціи», и неточности начинаютъ нагромождаться одна на другую. Какая нибудь забубённая голова выкрикиваетъ нелестное замѣчаніе. Какъ плохой актеръ отъ неправильно поданной реплики, министръ теряетъ тонъ и самообладаніе. Голосъ его начинаетъ звучать фальшиво, жесты перестаютъ подходить къ принесенному дѣлу. Мысль осталась недосказанной, дѣло недодѣланнымъ, а впечатлѣніе произведено отвратительное. Не понялъ министръ своей роли — провалился.

А цари? Надо умѣть играть царя. Огромной важности, шекспировскаго размаха его роль. Царю, кажется мнѣ, нужна какая то особенная наружность, какой то особенный глазъ. Все это представляется мнѣ въ величавомъ видѣ. Если же природа сдѣлала меня, царя, человѣкомъ маленькаго роста и немного даже съ горбомъ, я долженъ найти тонъ, создать себѣ атмосферу, — именно такую, въ которой я, маленькій и горбатый, производилъ бы такое же впечатлѣніе, какъ произвелъ бы большой и величественный царь. Надо, чтобы каждый разъ, когда

я дѣлаю жестъ передъ моимъ народомъ, изъ его груди вырывался возгласъ на все мое царство:

— Вотъ это такъ царь!

А если атмосфера не уяснена мною, то жестъ мой, какъ у бездарнаго актера, получается фальшивый, и смущается наблюдатель, и изъ груди народа сдавленно и хрипло вырывается полушопотъ:

— Ну, и царь же!..

Не понялъ атмосферы — провалился.

Горитъ Имперія.

56

Въ эти нервные и сумбурные дни можно было замѣтить одно совсѣмъ россійское, типичное явленіе. Люди сообразили, что сила солому ломитъ и, защищаясь отъ льдины, которая можетъ ихъ затереть, не совсѣмъ искренне, но осторожно поплыли по теченію. Всѣ сразу, какъ будто этого момента всю жизнь только и ждали, надѣли красныя ленточки. Рѣшительно, всѣ исты: символисты, кубисты, артисты и даже монархисты. Не скрою, надѣлъ и я. Воспоминаю объ этомъ немного совестливо. Конечно, это дѣлать мнѣ не надо было, хотя я совершенно искренне переживалъ событія въ очень приподнятомъ настроеніи. Я думалъ: вотъ наступило время, когда мои боги, которыхъ я такъ чтилъ, придутъ къ власти, устроятъ жизнь хорошо — хорошо для всѣхъ; жизнь осмысленную, радостную и правильно-работную. Но очень скоро сделалось мнѣ ясно, что въ дѣлахъ правительства, въ настроеніи политическихъ партій и въ поведеніи населенія очень мало порядка. Началась невообразимая партійная грызня на верхахъ, и анархически разгулялись низы. Достаточно было выйти на Невскій проспектъ, чтобы сразу почувствовать, какъ безумно бушуетъ въ народѣ, анархическая стихія. Я видѣлъ, какъ солдаты злобно срывали со стѣнъ какія то афиши, которыя упорно наклеивали другіе «граждане», и какъ изъ-за этого въ разномыслящей уличной толпѣ возникали кровавыя драки. Я видѣлъ, какъ жестоко и грубо обижали на улицахъ офицеровъ. Соціалистическій Совѣть рабочихъ депутатовъ, опиравшійся на деморализованныхъ солдатъ и на обозленныя рабочія массы, держалъ въ плѣну Временное Правительство и недовѣрчиво контролировалъ каждую его мѣру. Къ людямъ, сколько нибудь умѣреннымъ, Совѣтъ относился съ крайней подозрительностью — даже къ «заложнику революціи» въ правительствѣ. А.Ф.Керенскому. Двоевластие питало и усиливало анархію.

Разгулъ революціонныхъ страстей вызвалъ въ культурной интеллигенціи Петербурга основательное опасеніе за цѣлость памятниковъ, имѣющихъ историческое значеніе или художественную цѣнность. Образовался Комитеть по охранѣ памятниковъ искусства. Между прочими, въ этотъ комитетъ вступилъ и я. Въ качествѣ члена этого комитета мнѣ пришлось лично столкнуться съ тогдашними настроеніями и порядками.

Предстояли похороны жертвъ революціи. Совѣть рабочихъ депутатовъ рѣшилъ хоронить убитыхъ революціонеровъ на Площади Знмняго Дворца. Подъ самыми, такъ сказать, окнами резиденціи — въ укоръ императорамъ! Это было безсмысленно уже просто потому, что никакихъ императоровъ въ Зимнемъ Дворцѣ уже не было. Нѣкоторые изъ нашихъ комитетчиковъ предложили протестовать противъ вандализма Совѣта рабочихъ депутатовъ. Горькому и мнѣ пришлось по этому дѣлу ходить по властямъ.

Мы отправились прежде всего къ предсѣдателю Совъта рабочихъ депутатовъ, грузинскому соціалъ-демократу Чхеидзе, недавно такъ трагически закончившему свои дни въ Парижѣ. Мы изложили Чхеидзе наши соображенія, но этотъ горячій кавказскій человѣкъ и «слышать не хотѣлъ» нашихъ доводовъ. Жертвы революціи должны быть похоронены подъ окнами тирановъ!.. Мы отправились къ Керенскому, бывшему въ то время министромъ юстиціи. Мы просили министра властью своей воспрепятствовать загроможденію площади Зимняго Дворца. Не хорошо устраивать кладбище у Дворца, который, вѣдь, можетъ пригодиться народу. Керенскій съ нами согласился, и благодаря Временному Правительству рѣшеніе Совѣта было отмѣнено. Площадь Зимняго Дворца удалось отстоять. Эти мои хожденія по властямъ сильно меня просвѣтили насчетъ положенія дѣлъ и — встревожили. Во время визита къ Чхеидзе я столкнулся съ политическилѣ фанатизмомъ, обѣщавшимъ мало хорошаго. А между тѣмъ, Чхеидзе представлялъ собою только центральное крыло Совѣта… Какой же фанатизмъ долженъ процвѣтать на его лѣвыхъ скамьяхъ! А визитъ къ Керенскому показалъ мнѣ, въ какихъ абсурдно-ненормальныхъ условіяхъ новой власти приходится работать. Я увидѣлъ, какъ эти люди, облеченные властью, устаютъ — въ самомъ обыкновенному физическомъ смыслѣ этого слова. Устаютъ и не имеютъ, вѣроятно, возможности ни спать, ни есть. По длиннымъ корндорамъ министерства юстиціи взадъ и иередъ съ бумагами носился А.Ф.Керенскій, забегая въ разныя комнаты. Онъ былъ такъ озабоченъ, что на все, что попадалось въ коридорахъ, смотрѣлъ недоумевающими глазами, въ томъ числѣ и на меня съ Горькимъ (я узналъ потомъ, что Керенскій весьма

близорукъ). А за министромъ, еще болѣе озабоченный, носился по пятамъ челокѣкъ высокаго роста и худой, держа въ рукахъ бутылку съ молокомъ. Онъ, повидимому, бѣгалъ за министромъ съ тѣмъ, чтобы не пропустить удобной минуты дать ему выпить хоть немного молока… Насъ пригласили въ кабинетъ, куда черезъ нѣкоторое время вошла усталая власть. Власть заняла председательское мѣсто за столомъ, а кормилица сѣла сбоку… Помню, какъ меня, помимо бутылки съ молокомъ, поразила крайняя нервность и издерганность людей, пытавшихся въ это критическое время управлять Россіей. Изъ различныхъ репликъ присутствовавшихъ въ кабинетѣ правителей я поняль, что власть даже въ своей собственной средѣ какъ то въ разладѣ, не сцѣплена, не спаяна. Я подумалъ съ огорченіемъ, какъ же такой власти и въ такихъ условіяхъ работать, править и держаться крѣпко?.. Однако, я все же понималъ, что не время судить власть за то, что она и растерянная, и усталая, и не сцепленная. Тому было слишкомъ много серьезныхъ объясненій…

57

Скоро политика, образцы которой мы видѣли на Невскомъ Проспектѣ, ворвалась въ петербургскіе театры. Во время спектаклей въ театрахъ начали появляться какіе то люди — между ними бывалъ и Троцкій — и прерывали дѣйствіе на сценѣ рѣчами къ публики. Они говорили, что пора кончать радостныя зрѣлища, что пора прекратить праздныя забавы. Народъ — на фронтѣ, а столицы поютъ и пляшутъ. Они говорили, что народъ — на фронтѣ, а народъ съ фронта уже уходилъ. Дѣло въ томъ, что въ траншеяхъ другіе люди говорили солдатамъ эту же рѣчь въ обратномъ порядкѣ: «въ столицахъ поютъ и пляшутъ, а вы гибнете на фронтѣ…»

Началось броженіе и въ Императорскнхъ театрахъ. Старая дирекція во главѣ съ Теляковскимъ была Временнымъ правительствомъ смѣнена. Бѣдный Теляковскій былъ арестованъ и уведенъ въ Государственную Думу. Его немедленно освободили. За нимъ не было, конечно, никакихъ грѣховъ, а Комитетомъ Думы руководили тогда люди великодушные. Теляковскій, кстати сказать, былъ арестованъ по проискамъ какого-то маленькаго актера Александринскаго театра, которому онъ, вѣроятно, отказалъ какъ-нибудь въ претенціозной просьбѣ. При всей моей симпатіи и при всемъ моемъ уваженіи къ прекрасному человѣку, какимъ былъ В.А.Теляковскій, я не могу отрицать, что въ смнѣ днрекціи была, можеть быть, извѣстная логика, да и самъ

Теляковскій раздѣлялъ это мнѣніе. Императорскіе театры были переименованы въ Государственные, должны были сдѣлаться національными. Дирекція, проникнутая дворцовымъ духомъ, была неумѣстна въ новыхъ условіяхъ. Самъ Теляковскій чувствовалъ неизбѣжную естественность своей отставки и не принялъ ее въ личную обиду. Правительствомъ былъ назначенъ комиссаръ въ Государственные театры, былъ избранъ новый директоръ и созданъ Художественный Совѣть изъ видныхъ артистовъ. Мое положеніе на сценѣ выдвинуло меня въ руководители этого Совѣта. И тутъ начались мои «хожденія по мукамъ», закончившіяся моимъ уходомъ изъ Маріинскаго театра. Дѣло въ томъ, что двоевластие, бывшее тогда моднымъ во всемъ государствѣ, восторжествовало и въ Государственныхъ театрахъ. Была новая дирекція и Художественный Совѣтъ, какъ бы — «Временное Правительство», и наряду съ нимъ утвердился за кулисами какъ бы «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ» — изъ хористовъ, музыкантовъ и рабочихъ, вообще, изъ театральнаго пролетаріата. И вотъ этому пролетаріату я пришелся не по вкусу.

Мои отношенія съ хоромъ, всегда хорошія, испортились еще передъ войной. Тяжело мнѣ вспоминать объ этомъ печальномъ инцидентѣ, но изъ пѣсни слова не выкинешь.

Это было во время дягилевскаго сезона 1913 года въ Лондонѣ. Между хоромъ и С.П.Дягилевымъ возникъ острый споръ. Хоръ требовалъ бенефиса, на который по совести не имѣлъ права, и Дягилевъ хору въ бенефисѣ отказалъ. Хористы рѣшили сдѣлать непріятность Дягилеву, а за одно и мнѣ, такъ какъ я не скрывалъ, что считаю правымъ въ этомъ конфликтѣ Дягилева, а не хоръ.

Выдумали же хористы неприятность, дѣйствительно, планетарную, въ самомъ лучшемъ русскомъ стилѣ. Назначенъ парадный спектакль — Борисъ Годуновъ. Въ театрѣ король и дворъ. Вообразите изумленіе Дягилева, когда передъ самымъ спектаклемъ къ нему за сценой подходятъ хористы и требуютъ, чтобы онъ имъ заплатилъ деньги впередъ, иначе они не будутъ пѣть. За спиной Дягилева стоялъ сэръ Томасъ Бичамъ, ничего подобнаго, конечно, не ожидавшій. Дягилевъ, подавляя возмущеніе, во избѣжаніе скандала, готовъ платить, но хористы заявляютъ, что они требуютъ не просто денегъ, а непремѣнно и только золотомъ. Золота въ Англіи тогда было сколько угодно, но въ дѣловомъ обиходѣ золотомъ пользовались мало — бумажки удобнѣе. Въ театрѣ золота не оказалось, а банки въ 8 часовъ вечера, конечно, закрыты. Гдѣ же достать золотыя монеты? Дягилевъ проситъ начать спектакль — къ первому же антракту золото будетъ добыто и выдано хористамъ. Ни за что!

Немедленно. И сцена коронаціи царя Бориса проходитъ съ одними статистами — хоръ на сцену такъ и не вышелъ. Я былъ совершенно подавленъ этимъ невѣроятно-серьезнымъ озорствомъ. Ничто меня такъ сильно не возмущаетъ, какъ неуважительное отношеніе къ сценѣ, къ дѣлу, къ своему собственному дѣлу. Мое безпредѣльное негодованіе я громко высказалъ въ кулисахъ во время антракта и ушелъ къ себѣ въ уборную. И вотъ приходятъ и говорятъ мнѣ, что хористы приписываютъ весь конфликтъ мнѣ и ругательски меня ругаютъ.

Я взволнованный вышелъ къ хору и говорю:

— Мнѣ, конечно, налгали, что вы меня обвиняете въ конфликтѣ и поносили меня скверными словами?

— Нѣтъ, правда, — вызывающе нагло отвѣчаетъ мнѣ впереди стоявшій хористъ.

Каюсь, я не сдержался и сильнымъ ударомъ сбилъ съ ногъ нахала. На меня набросилось человѣкъ 60 хористовъ, и если бы меня не заслонила актриса, я, вѣроятно, не писалъ бы теперь этихъ строкъ: я стоялъ у открытаго люка метровъ въ двадцать глубины…

Въ какомъ настроеніи я провелъ спектакль, не трудно вобразить. Мнѣ было стыдно и за хористовъ, и за себя — за русскихъ. И не очень радостно мнѣ было слышать англійскихъ рабочихъ, пришедшихъ ко мнѣ въ уборную сейчасъ же послѣ инцидента съ благороднымъ намѣреніемъ меня морально поддержать. Эти простые люди не понимали по русски, но они поняли положеніе. Они пришли ко мнѣ съ переводчикомъ и сказали:

— Мистеръ Шаляпинъ, мы вполнѣ ясно понимаемъ, какъ нехорошо держали себя въ отношение Васъ и другихъ находящіеся у насъ въ гостяхъ Ваши русскіе товарищи. Мы видѣли, какъ они большой толпой хотели напасть на Васъ одного. Въ Англіи мы къ этому не привыкли. Вы можете продолжать спектакль спокойно. Мы ручаемся, что ни одинъ волосъ Вашъ не будетъ тронутъ.

Кто попробуетъ, пусть знаетъ, что онъ будетъ убитъ нами на мѣстѣ.

Я кончилъ спектакль. И хотя я глубоко сознавалъ мою правоту въ этомъ ужасномъ случаѣ, мнѣ было больно, что я ударилъ человѣка. Я не спалъ всю ночь. Раннимъ утромъ я оделся, пошелъ и разыскалъ хориста у него на дому. Сурово, враждебно, хотя немного и виновато, глядели на меня жившіе съ нимъ хористы, когда я вошелъ въ комнату, но мое сожалѣніе было выражено мною такъ сердечно, что мы какъ будто искренне примирились. Уходя, я лишній разъ подумалъ, какъ хорошо,

когда человѣкъ можетъ сказать другому человѣку отъ всего сердца:

— Прости меня, другъ мой или врагъ мой, я погорячился…

Но, тѣмъ не менѣе, хористы, бывшіе единственными виновниками нашего столкновения въ Лондонѣ, нѣкоторую злобу на меня, какъ видно, затаили. Я ее почувствовалъ въ дни «свободы», когда требованія — «золотомъ, и немедленно!» сдѣлались бытовымъ явленіемъ…

Впрочемъ, къ старому, затаенному недовольству мною присоединились новыя и болѣе серьезныя основанія.

Странная есть у русскихъ пословица. Кажется, она существуетъ только въ Россіи. «Дѣло не медведь, въ лѣсъ не убежитъ». Я не могу сказать, чтобы я самъ былъ очень ревностный труженикъ и не обладалъ бы долей восточной лѣни, но эту пословицу я всегда ненавидѣлъ. И вотъ, ставъ во главе художественной работы Маріинскаго театра, я прежде всего рѣшилъ устранить старые бюрократическіе, бездушные лимиты репетицій: отъ 11 до 1 часу, или отъ 12 до 2-хъ, и ни одной секунды больше. Я разсуждалъ, что теперь работникамъ театра, сделавшимся хозяевами національнаго театра, слѣдовало бы работать уже не за казенный страхъ, а за совѣсть. И я потребовалъ отъ всѣхъ и — въ первую очередь, разумѣется, отъ самого себя, — относиться къ репетиціямъ не формально, а съ душой, съ любовью. Другими словами, репетировать не отъ такой то минуты до такой то, а столько, сколько требуетъ наше далеко не шуточное, серьезное дѣло. Если нужно, то хотя бы отъ 12-ти до 5-ти… Мое требованіе вызвало бурю недовольства. Меня прозвали «генераломъ». Такъ просто и опредѣлили: «генералъ!» А генералы въ то время, какъ извѣстно, кончили свое вольное житіе, и многіе изъ нихъ сидели арестованные. По новому русскому правописанію писалось «генералъ», а читалось «арестъ»… Меня, правда, не арестовали, но мнѣ опредѣленно дали понять, что мое присутствіе въ театрѣ не необходимо. Можно построить репертуаръ безъ Шаляпина, и на репетиціи нѣтъ ему надобности приходить… Контрактъ мой кончился, а новый родъ дирекціи другого не предлагалъ. Я понялъ, что мнѣ надо уходить. Насилу милъ не будешь. Бросивъ грустный прощальный взглядъ на милый мой Маріинскій театръ, я ушелъ пѣть въ частную антрепризу, въ Народный Домъ. Такъ какъ театръ я всегда, главнымъ образомъ, носилъ въ своей груди, то я не ощущалъ особенно сильно разницы между Маріинскимъ театромъ и Народнымъ Домомъ. Спектакли шли обычной чередой. Я пѣлъ мои обычныя роли, и слушала меня та же публика.

А революція «углублялась». все смѣлѣе подымали голову большевики. Я жилъ на Каменноостровскомъ проспектѣ, и мой путь изъ дому въ театръ Народнаго Дома лежалъ близко отъ главнаго штаба большевиковъ, который помѣщался во дворцѣ знаменитой танцовщицы Маріинскаго балета М.Ф.Кшешинской. Большевики захватили самовластно дворецъ и превратили его обширный балкоиъ въ революцюнный форумъ. Проходя мимо дворца, я останавливался на нѣкоторое время наблюдать сцены и послушать ораторовъ, которые безпрерывно смѣняли другъ друга. Протиснуться къ балкону не было никакой возможности изъ-за толпы, но я слышалъ, однако, громогласный рѣчи. Говорили ораторы толпѣ, что эти дворцы, граждане, ваши! Въ нихъ жили эксплуататоры и тираны, а теперь-де наступилъ часъ возмездия. Недостаточно забрать эти дворцы, — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, граждане! Надо уничтожить, какъ гадовъ, самихъ этихъ злостныхъ кровопійцъ народныхъ!!.

Слушалъ я эти рѣчи съ нѣкоторымъ смущеніемъ и даже опаской, такъ какъ одѣтъ я былъ въ костюмъ, сшитый лучшимъ портнымъ Лондона, и невольно чувствовалъ, что принадлежу, если не душою, то костюмомъ, къ этимъ именно кровопйцамъ. Того же мнѣнія держались, невидимому, мои ближайшіе сосѣди въ толпѣ, такъ какъ ихъ косые на меня взгляды были не особенно доброжелательны. И я осторожно улетучивался,

Было очевидно, что Временное Правительство доживаетъ свои послѣдніе дни. Это сознавали даже въ кругахъ, близкихъ и преданныхъ Временному Правительству. Мнѣ запомнился одинъ петербургскиѣ обѣдъ съ друзьями, во время котораго даже мнѣ, въ политикѣ не очень искушенному, стало ясно, до какой степени серьезно положеніе.

Обѣдъ былъ устроенъ депутатомъ М.С.Аджемовымъ, виднымъ дѣятелемъ кадетской партіи и другомъ Временнаго Правительства, въ честь общихъ нашихъ друзей В.А.Маклакова и М.А.Стаховича. Оба они только что назначены были Временнымъ Правительствомъ на важные дипломатичесюе посты: Маклаковъ — посломъ въ Парижъ, Стаховичъ — посломъ въ Мадридъ. На слѣдующій день они покидали родину, и дружеская встрѣча за прощальнымъ обѣдомъ носила очень сердечный характеръ. Остроумный Аджемовъ, какъ хозяинъ дома, давалъ тонъ веселой бесѣдѣ. За столомъ мы пикантно шутили и дружески подтрунивали другъ надъ другомъ, какъ это водится у насъ за пирушками. Но сквозь веселье, смѣхъ и юморъ прорывалась внутренняя печаль. Очень ужъ грустны были наши шутки: говорили о томъ, какъ по частямъ и скопомъ Временное Правительство будетъ скоро посажено въ тюрьмы Ленинымъ и

Троцкимъ, приближение которыхъ уже чувствовалось въ воздухѣ. Но наивности моей я еще надѣялся, что революція обновитъ, укрепитъ и вознесетъ нашу родину, и горькой фразой откликнулся на мои слова Маклаковъ.

Онъ вздохнулъ и многозначительно сказалъ:

— Не будетъ ни одного человѣка, совершенно ни одного, кто бы избѣгнулъ въ будущемъ страданій.

Маклаковъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Сердечно и грустно разстались мы. Я зналъ, что этотъ выдающейся русскій человѣкъ, назначенный правительствомъ Россіи на первый по значенію дипломатическій постъ, уѣзжаетъ изъ родной страны тайкомъ, какъ контрабандистъ. Правительство опасалось, что, если объ отъѣздѣ «имперіалиста» Маклакова на постъ посла въ Парижѣ узнаетъ революціонная чернь, то она его такъ же задержитъ на вокзалѣ и не позволитъ ему уѣхать, какъ до этого задержала на Финляндскомъ вокзалѣ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ С.Д.Сазонова, назначеннаго россійскимъ посломъ въ Лондонъ… Сазоновъ такъ и не поѣхалъ въ Лондонъ. Маклаковъ использовалъ его печальный опытъ и уѣхалъ инкогнито.

«Ни одного человѣка, который избѣгнулъ бы въ будущемъ страданій», повторялъ я слова моего друга. И подумалъ тогда, какъ думаю сейчасъ: зачѣмъ же нужна была революція?..

59

Зачѣмъ же нужна была революція? Но въ томъ то и дѣло, что революція никого и ни о чѣмъ не спрашиваетъ. Получивъ толчокъ, она претъ, когда ей вздумается.

Одѣтый въ богатую порфировую мантію, со скипетромъ въ рукахъ, съ короной испанскаго короля Филиппа на головѣ, я выхожу изъ собора на площадь, гдѣ еще разъ подтверждаю моему народу, что еретики будутъ сожжены, что корону надѣлъ на мою голову самъ Богъ, и что я вообще единственный стоющій владыка на землѣ. Въ эту минуту на Невѣ, по близости отъ Народнаго Дома, раздается внезапно пушечный выстрѣлъ. Въ качествѣ короля, не терпящаго возраженій, я сурово прислушиваюсь — не реплика ли это мнѣ? Выстрѣлъ повторяется. Съ высоты ступеней собора я замѣчаю, что народъ мой дрогнулъ. Третій выстрѣлъ и четвертый — одинъ за другимъ. Площадь моя стала пустѣть. Хористы и статисты двинулись къ кулисамъ и, забывъ про еретиковъ, стали громко обсуждать, въ какую сторону имъ бѣжать. Не мало труда стоило королю Филиппу II Испанскому убѣдить своихъ робкихъ подданныхъ, что бѣжать некуда, ибо

совершенно невозможно опредѣлить, куда будутъ сыпаться снаряды. Черезъ минуту за кулисы прибѣжали люди и сообщили, что снаряды летятъ въ противоположную сторону, и что опасаться нечего. Мы остались на сценѣ и продолжали дѣйствіе. Осталась и публика въ залѣ, также не знавшая, въ какую сторону бѣжать, и поэтому рѣшившая сидѣть на мѣстѣ.

— Почему же пушки? — спрашивали мы вѣстовыхъ.

— А это, видите ли, крейсеръ «Аврора» обстрѣливаетъ Зимній Дворецъ, въ которомъ засѣдаетъ Временное Правительство.

Къ концу спектакля выстрѣлы замолкли. Но путь мой домой не былъ особенно пріятнымъ. Шелъ дождь со снѣгомъ, какъ бываетъ въ Петербургѣ глубокой осенью. Слякоть. Выйдя съ Маріей Валентиновной, я не нашелъ извозчика. Пошли пѣшкомъ. Повернули на Каменноостровокій проспектъ, идемъ, и вдругъ — посыпался горохъ по мокрому воздуху. Поднялась какая то стрѣльба. Звякнули и пули. Если моя храбрость поколебалась, то можете себѣ представить, что случилось съ моей женой? Въ темнотѣ — фонари не горели — перебѣгая отъ крыльца къ крыльцу и прячась у дверей, мы кое какъ добрались домой. Невредимо, хотѣлъ я сказатъ. Но вспомнилъ, что Марія Валентиновна въ эту ночь отъ потрясенія и испуга слегла и была больна съ мѣсяцъ. — Если бы я въ эту ночь спалъ, я бы сказалъ, что проснулся я уже въ соціалистическомъ туманѣ.

II. Подъ большевиками

60

Временное правительство свергнуто. Министры арестованы. Торжественно въѣзжаетъ въ покоренную столицу Владиміръ Ильичъ Ленинъ.

О людяхъ, ставшихъ съ ночи на утро властителями Россіи, я имѣлъ весьма слабое понятіе. Въ частности, я не зналъ, что такое Ленинъ. Мнѣ вообще кажется, что историческія «фигуры» складываются либо тогда, когда ихъ везутъ на эшафотъ, либо тогда, когда они посылаютъ на эшафотъ другихъ людей. Въ то время разстрѣлы производились еще въ частномъ порядкѣ, такъ что геній Ленина былъ мнѣ, абсолютно невежественному политику, мало еще замѣтенъ. Уже о Троцкомъ я зналъ больше. Онъ ходилъ по театрамъ, и то съ галерки, то изъ ложи грозилъ кулаками и говорилъ публики презрительнымъ тономъ: «На улицахъ льется народная кровь, а вы, безчувственные буржуи, ведете себя такъ низко, что слушаете ничтожныя пошлости, которыя вамъ выплевываютъ бездарные актеришки»… Насчетъ Ленина же я былъ совершенно невѣжественъ, и потому встрѣчать его на Финляндскій вокзалъ я не поѣхалъ, хотя его встрѣчалъ и Горькій, который въ то время относился къ большевикамъ, кажется, враждебно.

238 Первымъ божьимъ наказаніемъ мнѣ — вѣроятно, именно за этотъ поступокъ — была реквизиція какими то молодыми людьми моего автомобиля. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нужна россійскому гражданину машина, если онъ не воспользовался ею для вѣрноподданнаго акта встрѣчи вождя мірового пролетаріата? Я разсудилъ, что мой автомобиль нуженъ «народу», и весьма легко утѣшился. Въ эти первые дни господства новыхъ людей столица еще не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ на практикѣ будетъ для Россіи большевистскій режимъ. И вотъ — первое страшное потрясеніе. Въ госпиталѣ звѣрскимъ образомъ матросами убиты «враги народа» — больные Кокошкинъ и Шингаревъ, арестованные министры Временнаго Правительства, лучшіе представители либеральной интеллигенціи.

Я помню, какъ послѣ этого убійства потрясенный Горькій предложилъ мнѣ пойти съ нимъ въ министерство юстиціи хлопотать объ освобожденіи другихъ арестованныхъ членовъ Временнаго Правительства. Мы прошли въ какой то второй этажъ большого дома, гдѣ то на Конюшенной, кажется, около Невы.

Здѣсь насъ принялъ человѣкъ въ очкахъ и въ шевелюрѣ. Это былъ министръ юстиціи Штейнбергъ. Въ начавшейся бесѣдѣ я занималъ скромную позицію манекена — говорилъ одинъ Горькій. Взволнованный, бледный, онъ говорилъ, что такое отношеніе къ людямъ омерзительно. «Я настаиваю на томъ, чтобы члены Временнаго Правительства были выпущены на свободу немедленно. А то съ ними случится то, что случилось съ Шингаревымъ и Кокошкинымъ. Это позоръ для революціи». Штейнбергъ отнесся къ словамъ Горькаго очень сочувственно и обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ, возможно скорѣе. Помимо насъ, съ подобными настояніями обращались къ власти, кажется, и другія лица, возглавлявшія политическій Красный Крестъ. Черезъ нѣкоторое время министры были освобождены.

Въ роли заступника за невинно-арестовываемыхъ, Горькій выступалъ въ то время очень часто. Я бы даже, сказалъ, что это было главнымъ смысломъ его жизни въ первый періодъ большевизма. Я встрѣчался съ нимъ часто и замѣчалъ въ немъ очень много нежности къ тому классу, которому угрожала гибель. По ласковости сердца онъ не только освобождалъ арестованныхъ, но даже давалъ деньги, чтобы помочь тому или другому человѣку спастись отъ неистовствовавшей тогда невежественной и грубой силы и бѣжать заграницу.

Горькій не скрывалъ своихъ чувствъ и открыто порицалъ большевистскую демагогію. Помню его рѣчь въ Михайловскомъ театрѣ. Революція — говорилъ онъ — не дебошъ, а благородная сила, сосредоточенная въ рукахъ трудящагося народа. Это торжество труда, стимула, двигающаго міръ. Какъ эти благородныя соображенія разнились отъ тѣхъ рѣчей, которыя раздавались въ томъ же Михайловскомъ театрѣ, на площадяхъ и улицахъ, — отъ кровожадныхъ призывовъ къ разгромамъ! Я очень скоро почувствовалъ, какъ разочарованно смотрѣлъ Горькій на развивающиеся событія и на выдвигающихся новыхъ дѣятелей революціи.

Опять таки, не въ первый и не въ послѣдній разъ, долженъ сказать, что чрезвычайно мало понятна мнѣ и странна россійская дѣйствительность. Кто нибудь скажетъ: такой то — подлецъ, и пошла писать губернія. Каждый охотно повторяетъ «подлецъ» и легко держитъ во рту это слово, какъ дешевую конфетку. Такъ было въ то время съ Горькимъ. Онъ глубоко страдалъ и душу свою, смѣю сказать, отдавалъ жертвамъ революціи, а какіе то водовозы морали распространяли слухи, что Горькій только о томъ и думаетъ, какъ бы пополнить свои художественныя коллекціи, на которыя, дескать, тратитъ огромныя деньги. Другіе говорили еще лучше: пользуясь бедою и несчастьемъ

ограбленныхъ аристократовъ и богатыхъ людей, Горькій за гроши скупаетъ у нихъ драгоцѣнныя произведенія искусства. Горькій, дѣйствительно, увлекался коллекціонированіемъ. Но что это было за коллекціонированіе! То онъ собиралъ старыя ружья, какія то китайскія пуговицы, то испанскія гребенки и, вообще, всякій брикъ-а-бракъ. Для него это были «произведенія человеческаго духа». За чаемъ онъ показывалъ намъ такую замѣчательную пуговицу и говорилъ: вотъ это сработано человѣкомъ! Какихъ высотъ можетъ достигнуть человѣческій духъ! Онъ создалъ такую пуговицу, какъ будто ни на что не нужную! Понимаете ли вы, какъ надо человѣка уважать, какъ надо любить человѣческую личность?..

Намъ, его слушателямъ, черезъ обыкновенную пуговицу, но съ китайской рѣзьбой, дѣлалось совершенно ясно, что человѣкъ — прекрасное твореніе Божье…

Но не совсѣмъ такъ смотрѣли на человѣка люди, державшіе въ своихъ рукахъ власть. Тамъ уже застегивали и разстегивали, пришивали и отшивали другія «пуговицы».

Революція шла полнымъ ходомъ…

61

Обычная наша театральная публика, состоявшая изъ богатыхъ, зажиточныхъ и интеллигентныхъ людей, постепенно исчезла. Залы наполнялись новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочіе и простонародье уже господствовали въ составе театральныхъ залъ. Тому, чтобы простые люди имѣли возможность насладиться искусствомъ наравнѣ съ богатыми, можно, конечно, только сочувствовать. Этому, въ частности, должны содѣйствовать національные театры. И въ томъ, что столичные русскіе театры во время революціи стали доступны широкимъ массамъ, нельзя, въ принципѣ, видѣть ничего, кромѣ хорошаго. Но напрасно думаютъ и утверждаютъ, что до седьмого пота будто бы добивался русскій народъ театральныхъ радостей, которыхъ его раньше лишали, и что революція открыла для народа двери театра, въ которыя онъ раньше безнадежно стучался. Правда то, что народъ въ театръ не шелъ и не бѣжалъ по собственной охотѣ, а былъ подталкиваемъ либо партійными, либо военными ячейками. шелъ онъ въ театръ «по наряду». То въ театръ нарядятъ такую то фабрику, то погонятъ такія то роты. Да и то сказать: скучно же очень какому нибудь фельдфебелю слушать Бетховена въ то время, когда всѣ сады частныхъ домовъ объявлены общественными, и когда въ

этихъ садахъ освобожденная прислуга, подъ гармонику славнаго Яшки Изумрудова, откалываетъ кадриль!.. Я понимаю милаго фельдфебеля. Я понимаю его. Вѣдь, когда онъ танцуетъ съ Олимпіадой Акакіевной и въ азартѣ танца ее крѣпко обнимаетъ, то онъ чувствуетъ нѣчто весьма осязательное и безконечно-волнующее. Что же можетъ осязательнаго почувствовать фельдфебель отъ костляваго Бетховена?.. Надо, конечно, оговориться. Не весь народъ танцовалъ въ новыхъ общественныхъ садахъ. Были среди народа и люди, которые приходили молча вздохнуть въ залу, гдѣ играютъ Бетховена. Они приходили и роняли чистую, тяжелую слезу. Но ихъ, къ несчастью, было ничтожнѣйшее меньшинство. А какъ было бы хорошо для Россіи, если бы это было наоборотъ…

Какъ бы то ни было, театры и театральные люди были у новой власти въ нѣкоторомъ фаворѣ. Потому ли это было, что комиссаромъ народнаго просвѣщенія состоялъ А.В.Луначарскій, лично всегда интересовавшійся театромъ, т. е. чисто случайно; потому ли, что власть желала и надѣялась использовать сцену для своей пропаганды; потому ли, что актерская среда, веселая и общительная, была пріятна новымъ властителямъ, какъ оазисъ беззаботнаго отдыха послѣ суровыхъ «трудовъ»; потому ли, наконецъ, что нужно же было вождямъ показать, что и имъ не чуждо «высокое и прекрасное», — вѣдь, вотъ, и въ Монте-Карло содержатъ хорошую оперу для того, чтобы помимо возгласовъ крупье «faites vos jeux», благородно раздавались еще тамъ и крики Валькирій — большевистская бюрократия къ театру тяготѣла и театру мирволила. Но и мирволя, не давала забывать актерамъ, что это — «милость». Вспоминается мнѣ, въ связи съ этимъ, очень характерный случай. Русскіе драматическіе актеры разыгрывали въ театрѣ Консерваторіи «Донъ-Карлоса». Я пошелъ посмотрѣть ихъ. Сѣлъ въ партеръ. А по близости отъ меня помѣщалась главная ложа, предназначавшаяся для богатыхъ. Теперь это была начальственная ложа, и въ ней съ друзьями сидѣлъ коммунистъ Ш., завѣдывавшій тогда Петербургомъ въ качествѣ какъ бы полицеймейстера. Увидѣвъ меня, Ш. пригласилъ меня въ ложу выпить съ нимъ чашку чаю. Кажется, тамъ былъ и Зиновьевъ, самовластный феодалъ недавно еще блистательной сѣверной столицы.

За чашкой чаю, Ш., увлекаясь хорошо разыгрываемой пьесой, вдругъ замѣчаетъ мнѣ:

— По настоящему васъ, актеровъ, надо уничтожать.

— Почему же? — опросилъ я, нѣсколько огорошенный пріятной перспективой.

— А потому, что вы способны размягчить сердце

революціонера, а оно должно быть твердо, какъ сталь.

— А для чего должно оно быть твердо, какъ сталь? — допрашивалъ я дальше.

— Чтобы его рука не дрогнула, если нужно уничтожить врага.

Я рискнулъ возразить петербургскому полицеймейстеру Ш., какъ нѣкогда — съ гораздо меньшимъ рискомъ! — возразилъ московскому оберъ-полицеймейстеру ген. Трепову сдержанно и мягко:

— Товарищъ Ш., Вы неправы. Мнѣ кажется, что у революціонера должно быть мягкое дѣтское сердце. Горячій умъ и сильная воля, но сердце мягкое. Только при такомъ сочетаніи революціюнеръ, встрѣтивъ на улицѣ старика или ребенка изъ вражескаго стана, не воткнетъ имъ кинжала въ животъ…

Акта начинался. Пронзивъ меня острымъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ, Ш. произнесъ совершенно неожиданную фразу, какъ будто не вязавшуюся съ темой нашей бесѣды.

— Довольно скушно пить чай, Шаляпинъ, — не правда ли?

И затѣмъ прибавилъ тихо, чтобы его не слышали:

— Лучше бы намъ посидѣть за бутылкой хорошаго вина. Интересно было бы мнѣ съ Вами поговорить.

— Что же, выпьемъ какъ нибудь, — сказалъ я.

Голосъ Ш. звучалъ мягко. Мнѣ показалось, что желаніе «потолковать» было несомнѣнно связано с вопросомъ, какое должно быть у революціонера сердце…

Я подумалъ, помнится, что не все ясно въ сердцахъ этихъ людей, оффиціально восхваляющихъ непоколебимую доблесть стали…

Мы разстались съ крѣпкимъ рукопожатіемъ. Но курьезно, что, хотя мы съ Ш. еще не разъ встрѣчались, и именно за бутылкой вина, разговоровъ о революціи онъ явно избѣгалъ. Въ нашемъ винѣ, вопреки латинской поговоркѣ — in vino veritas, — была какая то недоговоренность…

Революція шла полнымъ ходомъ. Власть обосновалась, укрѣпилась какъ будто и окопалась въ своихъ твердыняхъ, оберегаемая милиціонерами, чекистами и солдатами, но жизнь, матеріальная жизнь людей, которымъ эта власть сулила счастье, становилась все бѣднѣе и тяжелѣе. Покатилась жизнь внизъ. Въ городахъ уже показался призракъ голода. На улицахъ, поджавъ подъ стянутые животы всѣ четыре ноги, сидѣли костлявыя лошади безъ хозяевъ. Сердобольные граждане, доставая гдѣ то клочекъ сѣна, тащили его лошади, подсовывая ей этотъ маленькій кусочекъ жизни подъ морду. Но у бѣдной лошадки глаза были уже залиты какъ бы коллодіумомъ, и она уже не видѣла и не чувствовала этого сѣна — умирала… А поздно ночью или рано

утромъ какіе то обыватели изъ переулковъ выходили съ перочинными ножиками и вырѣзывали филейныя части лошади, которая, конечно, уже не знала, что все это дѣлается не только для блага народа, но и для ея собственнаго блага…

62

Въ это тяжелое время однажды утромъ въ ранній весенній день, пришла ко мнѣ группа рабочихъ изъ Маріинскаго театра. Делегація. Во главѣ делегаціи былъ инженеръ Э., который управлялъ театромъ. Дѣла б. Маріинскаго театра шли плохо. За недостаткомъ средствъ у правительства, театръ былъ предоставленъ самому себѣ. Сборовъ не было. Публику мало интересовали запасные прапорщики искусства. И вотъ, рѣшено было снова обратиться къ «генералу» Шаляпину… Рѣчь рабочихъ и ихъ сердечное желаніе, чтобы я опять вмѣстѣ съ ними работалъ, возбудили во мнѣ дружескія чувства, и я рѣшилъ вернуться въ труппу, изъ которой меня недавно столь откровенно прогнали… Рабочіе оцѣнили мое рѣшеніе, и когда я въ первый разъ пришелъ за-кулисы родного театра, меня ждалъ чрезвычайный сюрпризъ. Рабочіе выпилили тотъ кусокъ сцены — около метра въ окружности — на которомъ я, дебютируя на этой сценѣ въ 1895 году, въ первый разъ, въ качествѣ Мефистофеля, поднялся изъ преисподней въ кабинетъ Фауста. И этотъ кусокъ сцены мнѣ поднесли въ подарокъ! Болѣе трогательнаго подарка для меня не могло быть въ цѣломъ, вѣроятно, свѣтѣ. Сколько волненій, какія біенія сердца испыталъ я на этомъ кускѣ дерева, представая передъ Фаустомъ и передъ публикой со словами: «И я здѣсь!..» Гдѣ теперь этотъ подарокъ? Не знаю. Вмѣстѣ со всѣмъ моимъ прошлымъ я оставилъ его въ Россіи, въ петербургской моей квартирѣ, которую я покинулъ въ 1922 году и въ которую не вернулся.

Но эти сентиментальныя минутныя переживанія не облегчали жизни. Жизнь была тяжела и съ каждымъ днемъ становилась тяжелѣе. Въ Россіи то здѣсь, то тамъ вспыхивала гражданская война. Отъ этого продовольствіе въ столицахъ дѣлалось скуднымъ, понижаясь до крайняго миимума. Была очень трудна и работа въ театрѣ. Такъ какъ были еще въ Россіи кое какіе города на югѣ, гдѣ хлѣба было больше, то многіе артисты, естественно, устремились туда, гдѣ можно не голодать. Другимъ какъ-то удалось вырваться заграницу. Такъ что одно время я остался почти безъ труппы. А играть надо. Кое-какъ съ уцѣлѣвшими остатками когда то огромной труппы мы разыгрывали то ту, то

иную оперу… Удовлетворенія это не давало.

Тяготило меня еще одно обстоятельство. Конечно, положение всѣхъ «гражданъ» въ то время было очень тяжелое, не исключая самихъ революціонеровъ. Всѣ служащіе получали пайки. Пайки были скудные. Скудны были пайки и актеровъ, и мой собственый паекъ. Но я все таки время оть времени выступалъ то здѣсь, то тамъ, помимо моего театра, и за это получалъ то муку, то другую какую нибудь провизію. Такъ что въ общемъ мнѣ было сравнительно лучше, чѣмь другимъ моимъ товарищамъ. Въ тогдашнихъ русскихъ условіяхъ меня это немного тяготило. Тяжело было чувствовать себя какъ бы въ преимущественномъ положеніи.

Признаюсь, что не разъ у меня возникало желате куда нибудь уйти, просто бѣжать, куда глаза глядять. Но мнѣ въ то же время казалось, что это будетъ нехорошо передъ самимъ собою. Вѣдь, революціи то ты желалъ, красную ленточку въ петлицу вдѣвалъ, кашу то революціонную для «накопленія силъ» ѣдалъ, — говорилъ я себѣ, — а какъ пришло время, когда каши то не стало, а осталась только мякина — бѣжать?! Нехорошо.

Говорю совершенно искренне, я бы, вѣроятно, вообще оставался въ Россіи, не уѣхалъ бы, можетъ быть, и позже, если бы нѣкоторыя привходящія обстоятельства день ото дня не стали вспухать передъ моими глазами. Вещи, которыхъ я не замѣчалъ, о которыхъ не подозрѣвалъ, стали дѣлаться все болѣе и болѣе заметными.

Матеріально страдая, я всетаки кое какъ перебивался и жилъ. Если я о чѣмъ нибудь безшжоился, такъ это о моихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, которымъ зачастую не хватало того-другого, а то даже просто молока. Какіе то бывшее парикмахеры, ставшіе впослѣдствіи революціонерами и завѣдывавшіе продовольственными организаціями, стали довольно неприлично кричать на нашу милую старую служанку и друга нашего дома, Пелагею, называя меня буржуемъ, капиталистомъ и вообще всѣми тѣми прилагательными, которыя полагались людямъ въ галстухахъ. Конечно, это была частность, выходка невѣжественнаго и грубаго партійца. Но такихъ невѣжественныхъ и грубыхъ партійцевъ оказывалось, къ несчастью, очень много и на каждомъ шагу. И не только среди мелкой сошки, но и среди настоящихъ правителей. Мнѣ вспоминается, напримѣръ, петербургскій не то воевода, не то губернаторъ тов. Москвинъ. Какой-то изъ моихъ импрессаріо расклеилъ безъ его разрѣшенія афишу о моемъ концертѣ въ Петербургѣ. Допускаю, что онъ сдѣлалъ оплошность, но, вѣдь, ничего противозаконнаго: мои концерты обыкновенно разрѣшались. И вотъ въ день концерта въ

6 часовъ вечера узнаю — концертъ запрещенъ. Почему? Кто запретилъ? Москвинъ. Какой Москвинъ? — я знаю Москвина изъ Московскаго Художественнаго театра, тоть этимъ не занимается. Оказывается, есть такой губернаторъ въ Петербургѣ. А половину денегъ, полученныхъ авансомъ за концертъ, я уже израсходовалъ. И вдругъ — запрещенъ! А еще страшно, что вообще, чѣмъ-то, значитъ, провинился! Позвонилъ по телефону, вызываю губернатора Москвина:

— Какъ это, товарищъ (а самъ думаю, можно ли говорить «товарищъ» — не обидится ли, принявъ за издѣвательство?), слышалъ я, что вы концертъ мой запретили.

— Дасъ, запретилъ, запретилѣсъ, сударь! — слышу я рѣзкій, злой крикъ.

— Почему-же, — упавшимъ голосомъ спрашиваю.

— А потому, чтобы вы не воображали много о себѣ. Вы думаете, что Вы Шаляпинъ, такъ вамъ все позволено?

Голосъ губернатора звенѣлъ такъ издевательски громко, что мои семейные все слышали, и пр мѣрѣ того, какъ я начиналъ блѣднѣть отъ возмущенія, мои бѣдныя дѣти и жена стали дрожать отъ страха. Повисли на мнѣ и шопотомъ умоляли, не отвѣчать ему рѣзко. И то, самъ я понималъ, что отвѣчать въ томъ духи, въ какомъ надо-бы — не надо. И мнѣ пришлось закончить беседу просьбой:

— Ужъ не взыщите на этотъ разъ, товарищъ Москвинъ. Не поставьте мнѣ моей ошибки въ фальшь и разрѣшите концертъ.

— Пришлите кого-нибудь — посмотримъ, — смилостивился, наконецъ, воевода. Эти господа составляли самую суть режима и отравляли россійскимъ людямъ и безъ того печальное существованіе.

И такъ, я — буржуй. Въ качествѣ такового я сталъ подвергаться обыскамъ. Не знаю, чего искали у меня эти люди. Вѣроятно, они думали, что я обладаю исключительными розсыпями брилліантовъ и золота. Они въ моей квартирѣ перерывали всѣ ковры. Говоря откровенно, въ началѣ это меня немного забавляло и смешило. Съ умѣренными дозами такихъ развлеченій я готовъ былъ мириться, но мои милые партійцы скоро стали развлекать меня уже черезчуръ настойчиво.

Купилъ я какъ то у знакомой балерины 15 бутылокъ вина и съ пріятелемъ его попробовали. Внно оказалось качествомъ ниже средняго. Легъ спать. И вотъ въ самый крѣпкій сонъ, часа въ два ночи мой испуганный Николай, именовавшійся еще поваромъ, хотя варить уже нечего было, въ подштанникахъ на босую ногу вбѣгаетъ въ спальную:

— Опять пришли!

Молодые солдаты съ ружьями и штыками, а съ ними двое штатскихъ. Штатскіе мнѣ рапортуютъ, что по ордеру революціоннаго районнаго комитета они обязаны произвести у меня обыскъ.

Я говорю:

— Недавно у меня были, обыскивали.

— Это другая организація, не наша.

— Ну, валяйте, обыскивайте. Что дѣлать?

Опять подымаютъ ковры, трясутъ портьеры, ощупываютъ подушки, заглядываютъ въ печку. Конечно, никакой «литературы» у меня не было, ни капиталистической, ни революціонной. Вотъ, эти 13 бутылокъ вина.

— Забрать вино, — скомандовалъ старили.

И какъ ни уговаривалъ я милыхъ гостей вина не забирать, а лучше тутъ же его со мною отвѣдать, — добродѣтельные граждане противъ искушенія устояли. Забрали. Въ игральномъ столѣ нашли карты. Не скрою, занимаюсь этимъ буржуазнымъ дѣломъ. Преферансомъ или бриджемъ. Забрали. А въ ночномъ столикѣ моемъ нашли револьверъ.

— Позвольте, товарищи! У меня есть разрѣшеніе на ношеніе этого револьвера. Вотъ смотрите: бумага съ печатью.

— Бумага, гражданинъ, изъ другого района. Для насъ она не обязательна.

Забавна была процедура составленія протокола объ обыскѣ. Составлялъ его молодой парень, начальникъ изъ простыхъ.

— Гриша, записалъ карты?

— Записалъ, — угрюмо отвѣчаетъ Гриша.

— Правильно записалъ бутылки?

— Правильно. 13.

— Таперича, значить, пиши: Револьверъ системы… системы… какой это, бишь, системы?

Солдатъ все ближе къ огню, старается прочитать систему, но буквы иностранныя — не разумѣетъ.

— Какой системы, гражданинъ вашъ револьвертъ?

— Веблей Скоттъ, — отвечаю.

— Пиши, Гриша, системы библейской.

Карты, вино, библейскую систему — все записали, забрали и унесли.

А то случались развлеченія еще болѣе забавныя.

Такъ, какой то архангельскій комиссаръ, со свѣжей семгой съ полпуда подмышкой, вдребезги пьяный, пришелъ разъ часовъ въ 5–6 вечера, но не засталъ меня дома. Будучи начальствомъ важнымъ, онъ довольно развязно распорядился съ Маріей Валентиновной. Онъ сказалъ ей, чтобы она вообще держала

своего мужа въ решпектѣ и порядкѣ, дабы онъ, когда его спрашиваетъ начальство, былъ дома! — особливо, когда начальство пришло къ нему выпить и закусить семгой, привезенной изъ Архангельска… Семгу онъ, впрочемъ, оставить тутъ до слѣдующаго визита, такъ какъ ему тяжело ее носить. Сконфуженная Марія Валентиновна сказала, что она постарается его совѣты и рекомендаціи исполнить, и прелестный комиссаръ, оставивъ семгу, ушелъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ 3 часа ночи раздался оглушительный звонокъ по телефону. Когда я взялъ трубку, я услышалъ:

— Что жъ это ты, разъ-такъ-такой, — спишь?

— Сплю, — робко каюсь я, оглушенный столь неожиданнымъ привѣтствіемъ.

— А я къ тебѣ сейчасъ ѣду.

— Да какъ же, друѣ, сейчасъ? Мы спимъ.

— Такъ на кой же чертъ я семгу оставилъ?

Много стоило мнѣ усилій уломать нетерпѣливаго гостя пріѣхать завтра. Но пріѣхавъ на другой день и снова не заставъ меня, онъ, забирая семгу, обругалъ жену такими словами, что смыслъ нѣкоторыхъ словъ былъ ей непонятенъ.

Я принялъ рѣшеніе положить конецъ такого рода развлеченіямъ и избавиться разъ навсегда отъ надоѣдливыхъ гостей. Я рѣшилѣ пойти къ высшему начальству, каковымъ былъ тогда Зиновьевъ. Долго мнѣ пришлось хлопотать о свиданіи въ Смольномъ. Наконецъ, я получилъ пропуски. Ихъ было нѣсколько. Между прочимъ, это была особенность новаго режима. Дойти при большевикахъ до министра или генералъ-губернатора было такъ же трудно, какъ при старомъ режимѣ получить свиданіе съ какимъ нибудь очень важнымъ и опаснымъ преступникомъ. Надо было пройти черезъ цѣлую кучу бдительныхъ надзирателей, патрулей и заставъ.

Въ одной изъ комнатъ третьяго этажа принялъ меня человѣкъ въ кожаномъ костюмѣ, бритый, средняго роста, съ интеллигентнымъ лбомъ и шевелюрой музыканта — вологодскій любимецъ публики. Дѣловито спросилъ меня, что мнѣ нужно. Я объяснилъ ему, что творится въ моей квартирѣ — разсказалъ о винѣ, картахъ, револьверѣ, семгѣ и т. д. Я сказалъ при этомъ, что въ необходимости и полезности обысковъ не сомневаюсь, но просилъ, чтобы они производились въ болѣе подходящее для меня время. Нельзя ли, тов. Зиновьевъ, устроить такъ, чтобы это было отъ 8 до 10 часовъ вечера? Я готовъ ждать.

Тов. Зиновьевъ улыбнулся и обѣщалъ принять мѣры. На прощанье я ему ввернулъ:

— Тов. Зиновьевъ, Совѣтъ солдатскихъ и матросскихъ

депутатовъ Ялты снялъ съ моего текущаго счета тамъ около 200.000 рублей. Не можете ли вы также похлопотать, чтобы мнѣ вернули эти деньги въ виду продовольственнаго, денежнаго и даже трудового кризисовъ?

— Ну, это ужъ! — недовольно пожалъ плечами тов. Зиновьевъ, которому я показался, вѣроятно, окончательно несерьезным человѣкомъ. — Это не въ моемъ вѣдѣніи.

А по телефону, я слышалъ (во время бесѣды со мною), онъ говорилъ:

— Съ ними церемониться не надо. Принять самыя суровыя мѣры… Эта сволочь не стоитъ даже хорошей пули…

Посѣщеніе Зиновьева оказалось не безполезнымъ. Черезъ два дня послѣ моего визита въ Смольный мнѣ, къ моему великому удивленію, солдаты, и уже не вооруженные, принесли 13 бутылокъ вина, очень хорошаго качества, и револьверъ. Не принесли только картъ. Пригодились унтерамъ въ казармѣ.

63

Мой пріятель Дальскій, этотъ замѣчательный драматическій актеръ, о которомъ я упоминалъ выше, исповѣдывалъ анархическую доктрину. Онъ говорилъ, что не надо ни начальства, ни тюремъ, ни законовъ. Вообще, ничего не надо. Снѣгъ на улицѣ убирать тоже не надо. Онъ падаетъ съ неба самъ по себѣ въ одинъ періодъ года, когда холодно, ну, и самъ же по себѣ растаетъ въ положенный ему другой періодъ года. Въ Петербургѣ разсказывали, что Дальскій участвовалъ въ какихъ то анархическихъ экспропріаціяхъ. По той буйной энергіи и тому присутствію духа, которыми онъ обладалъ, онъ, пожалуй, могъ этимъ заниматься. Во всякомъ случаѣ, когда Дальскій развивалъ мнѣ свои идеи въ этотъ періодъ моего жизненнаго опыта, долженъ признаться, мнѣ эта поверхностно нравилось больше, чѣмъ то начальство и тѣ законы, которые вокругъ меня творили жизнь. Но какъ же, все-таки, совсѣмъ безъ начальства? — съ опаской думалъ я.

А «начальство» нравилось мнѣ все меньше и меньше. Я замѣтилъ, что искренность и простота, которыя мнѣ когда то такъ глубоко импонировали въ соціалистахъ, въ этихъ соціалистахъ послѣдняго выпуска совершенно отсутствуютъ. Бросалась въ глаза какая то сквозная лживость во всемъ. Лгутъ на митингахъ, лгутъ въ газетахъ, лгутъ въ учрежденіяхъ и организаціяхъ. Лгутъ въ пустякахъ и такъ же легко лгутъ, когда дѣло идетъ о жизни невинныхъ людей.

Почти одновременно съ великими князьями арестованы были въ Петербургѣ два моихъ сердечныхъ друга — бароны Стюарты. Съ домомъ Стюартовъ я познакомился въ 1894 году, когда я почти еще мальчикомъ служилъ въ частной оперѣ въ Панаевскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Мои сверстники Стюарты только что окончили лицей. Это были добродушнѣйшіе и очень тонко воспитанные молодые люди. Когда пришла революція, одинъ изъ нихъ, Володя, ни капли не стесняясь, надѣлъ полушубокъ, валеные сапоги и пошелъ работать грузчикомъ на железной дорогѣ. Другой братъ, Николай, окончившій затѣмъ медицинскій факультетъ Харьковскаго Университета, старался какъ нибудь практиковать, но по натурѣ былъ больше театралъ и мечтатель, чѣмъ врачъ-натуралистъ. Сіи Стюарты, правду говоря, не были пролетаріями ни но происхожденію, ни по жизни, ни по убѣжденіямъ, ни по духу. Политикой, однако, не занимались никакой. Но они были бароны, отецъ ихъ служилъ въ Государственномъ архивѣ, а въ старыя времена былъ гдѣ то царскимъ консуломъ. Бароны! Этого было достаточно для того, чтобы ихъ въ чѣмъ то заподозрили и арестовали. Въ особенности, должно быть, надо было ихъ арестовать потому, что бароны эти надѣвали деревенскіе полушубки и валенки и шли работать по разгрузкѣ вагоновъ на станціи железной дороги. Зная Стюартовъ до глубины корней ихъ волосъ, я всегда и всюду могъ поручиться своей собственной головой за полную ихъ невинность. Я отправился на Гороховую улицу въ Чека. Долго ходилъ я туда по ихъ дѣлу. Принималъ меня любезно какой то молодой красавецъ съ чудной шевелюрой — по фамиліи Чудинъ, — комиссаръ. Помню, у него былъ красивый взглядъ. Любезно принималъ, выслушивалъ. Я каждый разъ увѣрялъ Чудина въ невинности Стюартовъ и просилъ скорѣе ихъ освободить. Наконецъ, Чудинъ посовѣтовалъ мнѣ лучше изложить все это на бумагѣ и подать въ Чека. Я изложилъ. Ждалъ освобожденія. На несчастье Стюартовъ гдѣ то на верхахъ въ то время будто бы рѣшили не примѣнять больше къ политическимъ преступникамъ смертной казни. Объ этомъ ожидался декретъ. И вотъ, для того, чтобы арестованные и содержимые въ тюрьмахъ не избѣгли, Боже упаси, смерти, всю тюрьму разстрѣляли въ одну ночь, накануне появленія милостиваго декрета! — Такъ ни по чемъ погибли мои друзья, братья Стюарты… Я узналъ потомъ, что былъ разстрѣлянъ и комиссаръ Чудинъ. Увлекаясь какой то актрисой, онъ помогъ ей достать не то мѣха, не то брилліанты, конфискованные властью у частныхъ лицъ. Она же, кажется, на него и донесла.

Въ такихъ же условіяхъ были разстрѣляны великіе князья, содержавшіеся тамъ же, гдѣ и Стюарты, въ Домѣ Предварительная

Заключенія на Шпалерной.

Горькій, который въ то время, какъ я уже отмѣчалъ, очень горячо занимался красно-крестной работой, видимо, очень тяготился тѣмъ, что въ тюрьмѣ съ опасностью для жизни сидятъ великіе князья. Среди нихъ былъ извѣстный историкъ великій князь Николай Михайловичъ и Павелъ Александровичъ.

Старанія Горькаго въ Петербургѣ въ пользу великихъ князей, повидимому, не были успѣшны, и вотъ Алексѣй Максимовичъ предпринимаетъ поездку въ Москву къ самому Ленину. Онъ убѣждаетъ Ленина освободить великихъ князей, и въ этомъ успѣваетъ. Ленинъ выдаетъ Горькому письменное распоряженіе о немедленномъ ихъ освобожденіи. Горькій, радостно возбужденный, ѣдетъ въ Петербургъ съ бумагой. И на вокзале изъ газетъ узнаетъ объ ихъ разстрѣлѣ! Какой то московски чекистъ по телефону сообщилъ о милости Ленина въ Петербургъ, и петербургскіе чекисты поспешили ночью разстрѣлять людей, которыхъ на утро ждало освобожденіе… Горькій буквально заболѣлъ отъ ужаса.

А Марія Валентиновна все настойчивѣе и настойчивѣе стала нашептывать мнѣ: бѣжать, бѣжать надо, а то и насъ запопадутъ, такъ же, можетъ быть, по ошибкѣ, какъ Стюартовъ.

64

Бѣжать… Но какъ? Это не такъ легко. Блокада. Не точно уяснялъ я себѣ, что такое блокада, но зналъ, что пробраться заграницу во время блокады очень трудно.

Мнѣ представлялись границы, солдаты, пушки. Ни туда, ни сюда.

Отъ сознанія, что бѣжать трудно, мною — я помню эту минуту очень живо — овладѣло отчаяніе. Мнѣ пришло въ голову, а что если эта блокада будетъ на всю мою жизнь? Не увижу я, значитъ, больше ни Средиземнаго моря, ни Альпійскихъ горъ, ни прекрасной Швейцаріи. Неужели же, подумалъ я, здѣсь, на этой Пермской улицѣ, съ ежедневными мерзостями въ жизни, дрязгами въ театрѣ, безконечными заседаніями комитетовъ, которыя не помогаютъ дѣлу, осложняютъ его, — неужели мнѣ придется прожить всю жизнь подъ свинцовой крышкой петербургско-финляндскаго неба?

Но въ то же время я сознавалъ, что уѣхать отсюда — значитъ покинуть родину навсегда. Какъ же мнѣ оставить такую родину, въ которой я сковалъ себѣ не только то, что можно видѣть и осязать, слышать и обонять, но и гдѣ я мечталъ мечты, съ

которыми жилъ такъ дружно, особенно въ послѣдніе годы передъ революціей? Какъ отказаться отъ дорогой мечты о шаляпинскомъ замке искусства на Пушкинской скале въ Крыму.[1] Отъ мучительнаго раздвоенія чувствъ я сильно загрустилъ. Ночи мои стали глуше, мергвеннѣе, страшнѣе. Самый сонъ мои сделался тяжелымъ и безпокойнымъ. Каждую минуту я притаивалъ дыханіе, чтобы слушать, проѣхалъ ли мимо чекистскій грузовикъ или остановился около дома?.. Когда я, обезсиленный, засыпалъ, то мнѣ виделись необыкновенные, странные сны, которымъ я благодаренъ до сихъ поръ — за то, что они изредка вырывали меня изъ заколдованнаго круга моей унылой жизни…

257 То мнѣ снилась «блокада» въ формѣ какой то нелѣпой колючей изгороди, черезъ которую я кричу женѣ: «Какъ же пробраться къ тебѣ. Не видишь?!» А она мнѣ протягиваетъ красный шелковый зонтикъ и говорить: «Держись, я тебя перетяну на эту сторону». И я лѣзу — почему то босой, хотя я въ шубѣ… То мнѣ снится, что я ѣду прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ на русской тройкѣ, со звучнымъ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугой. Самъ правлю. И мнѣ очень хорошо: я въ Швейцаріи. Но меня раздражаетъ и немного пугаетъ колокольчикъ: какая досада — услышатъ!.. Я его срываю и прячу въ карманъ, а въ карманѣ сахаръ… Навстрѣчу мнѣ велосипедистъ въ странной фуражкѣ, какой никогда еще не видалъ, но онъ мой поклонникъ. Узналъ меня и говоритъ: «Вамъ, Федоръ Ивановичъ, нельзя на тройкѣ. Возьмите-ка Вы лучше мой велосипедъ и катите по этой тропинкѣ — интересно и безопасно». Я его неуверенно благодарю: «Какъ же, говорю, лошади?…» «А объ этомъ не безпокойтесь. Я ихъ доставлю въ театръ». «Ну, спасибо»… Мчусь на велосипедѣ по тропинкѣ. Солнце, зелень, озеро. Боже, какъ хорошо! А я ужъ думалъ, что никогда больше Швейцаріи не увижу! Спасибо велосипедисту. Вѣроятно, родственникъ нашей Пелагеи…

А то еще мнѣ снится маленькій итальянскій городъ. Площадка и фонтанъ зеленый отъ времени, во мху, вродѣ римскаго Тритона. Очень знакомый городокъ. Я же тутъ бывалъ! Стоялъ на этой лѣстницѣ безъ перилъ. Ну да, въ этомъ домѣ живетъ этотъ портной, мой пріятель. Онъ работалъ со мною въ какомъ то театрѣ. Перелли? Кажется, Перелли. Зайду. Вхожу на лестницу. Бьется сердце: сейчасъ увижу стараго пріятеля, милаго Перелли, котораго не видалъ такъ давно. Онъ мнѣ все объяснитъ. Куда мнѣ ѣхать, и гдѣ можно будетъ мнѣ пѣть. Дверь открыта, вхожу въ домъ — никого. И вдругъ съ задняго балкона повеяло удушливымъ запахомъ хлеба, белымъ, свежимъ запахомъ французскаго хлеба!.. Я же могу купить!.. Иду къ балкону и тамъ, вижу, какъ дрова сложенъ хлебъ, одинъ на другой, одинъ на

другой… Беру одинъ, другой, третій. Отъ запаха голова кружится… Но гдѣ же Перелли? Надо заплатить. Неловко. И вдругъ — мнѣ дѣлается страшно… Съ хлебами бросаюсь вонъ изъ дому и бегу… Трамвай… Это какъ разъ тотъ, который мнѣ нуженъ. Онъ идетъ на Каменноостровскій проспектъ, къ моему дому… Вскакиваю на площадку… просыпаюсь.

Просыпаюсь. Мертвая, глухая тишина. Вглядываюсь черезъ окно въ темноту ночи. На проволокахъ телеграфа густо повисъ снегъ…

Блокада!..

65

Не будучи политикомъ, чуждый всякой конспиративности, не имѣя на душѣ никакихъ грѣховъ противъ власти, кроме затаеннаго отвращенія къ укладу жизни, созданному новымъ режимомъ, я какъ будто не имелъ основаній бояться какихъ нибудь репрессій и особенныхъ, лично противъ меня направленныхъ, непріятностей. Тѣмъ не менѣе, по человѣчеству, по слабости характера, я сталъ въ послѣднее время чувствовать какой то неодолимый страхъ. Меня пугало отсутствіе той сердечности и техъ простыхъ человѣческихъ чувствъ въ бытовыхъ отношеніяхъ, къ которымъ я привыкъ съ юности. Бывало, встрѣчаешься съ людьми, поговоришь по душе. У тебя горе — они вздохнутъ вмѣстѣ съ тобою; горе у нихъ — посочувствуешь имъ. Въ томъ бедламѣ, вь которомъ я жилъ, я началъ замѣчать полное отсутствіе сердца. Жизнь съ каждымъ днемъ становилась все оффиціальнѣе, суше, бездушнѣе. Даже собственный домъ превращался какимъ то невѣдомымъ образомъ въ «департаментъ».

Я очень серьезно захворалъ. Отъ простуды я очень серьезно заболѣлъ ишіасомъ. Я не могъ двигаться и слегъ въ постель. Не прошло и недѣли этого вынужденнаго отдыха безъ заработковъ, какъ мое матеріальное положеніе стало весьма критическимъ. Пока пѣлъ, то помимо пайковъ я на сторонѣ прирабатывалъ кое какихъ дешевыхъ денегъ; пересталъ пѣть — остались одни только скудные пайки. Въ домѣ нѣтъ достаточнаго минимума муки, сахара, масла. Нѣтъ и денегъ, да и немногаго онѣ стоили. Я отыскалъ у себя нѣсколько завалявшихся иностранныхъ золотыхъ монетъ: это были подарки дочерямъ, привезенные мною изъ различныхъ странъ, гдѣ приходилось бывать во время гастрольныхъ поѣздокъ. Но Арсеній Николаевичъ, мой старый другъ и экономъ, особенно наклонивъ голову на правое плечо и взявъ бородку штопоромъ въ руки, многозначительно помолчалъ,

а потомъ сказалъ:— Эхъ, Федоръ Ивановичъ, на что нужны эти кругляшечки? Была игрушка, да сожрала чушка. Ничего мы не купимъ на это, а ежели у тебя спинжачекъ али сапоги есть — дай: достану. И мучки принесу, и сахаръ будетъ.

А Марья Валентиновна приходитъ и говоритъ:

— Что же мы будемъ дѣлать? Сегодня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Не съ чѣмъ на базаръ послать.

— Продавайте, что есть.

— Больше уже нечего продавать, — заявляетъ Марья Валентиновна. И намекаетъ, что продать дорогія брилліантовыя серьги не рѣшается, опасно — обвинять въ спекуляціи — укрыли, дескать, спрятали.

И никто, никто — изъ друзей, изъ театра, никто не интересовался и не спрашивалъ, какъ Шаляпинъ? Знали, что боленъ, и говорили: «Шаляпинъ боленъ», — и каменное равнодушіе. Ни помощи, ни привѣта, ни простого человѣческаго слова. Мнѣ, грешному человѣку, начало казаться, что кое кому, пожалуй, доставитъ удовольствіе, если Шаляпинъ будетъ издыхать подъ заборомъ. И вотъ эта страшная мысль, пустота и равнодушие испугали меня больше лишеній, больше нужды, больше любыхъ репрессій. Въ эти дни и укоренилась во мнѣ преступная мысль — уйти, уехать. все равно, куда, но уйти. Не ради самого себя, а ради дѣтей. Затаилъ я рѣшеніе, а пока надо было жить, какъ живется.

Была суровая зима, и районному комитету понадобилось выгружать на Невѣ затонувшія барки для дровъ. Сами понимаете, какая это работа, особенно при холодахъ. Районный комитетъ не придумалъ ничего умнѣе, какъ мобилизовать для этой работы не только мужчинъ, но и женщинъ. Получается приказъ Маріи Валентиновнѣ, ея камеристкѣ и прачкѣ отправляться на Неву таскать дрова.

Наши дамы приказа, естественно, испугались — ни одна изъ нихъ къ такому труду не была приспособлена. Я пошелъ въ районный комитетъ не то протестовать, не то ходатайствовать. Встрѣтилъ меня какой то молодой человѣкъ съ всклокоченными волосами на головѣ и съ опущенными внизъ мокрыми усами, и, выслушавъ меня, нравоучительно заявилъ, что въ соціалистическомъ обществѣ всѣ обязаны помогать другъ другу.

Вижу, имѣю дѣло съ болваномъ, и рѣшаюсь льстить. Многозначительно сморщивъ брови, я ему говорю:

— Товарищъ, вы — человѣкъ образованный, отлично знаете Маркса, Энгельса, Гегеля и въ особенности Дарвина. Вы же должны понимать, что женщина въ высшей степени разнится отъ мужчины. Доставать дрова зимою, стоять въ холодной водѣ —

слабымъ женщинамъ!

Невъжа былъ польщенъ, поднялъ на меня глаза, почмокалъ и рекъ:

— Въ такомъ случаѣ, я самъ завтра приду посмотрѣть, кто на что способенъ.

Пришелъ. Забавно было смотрѣть на Марью Валентиновну, горничную Пелагею, прачку Анисью, какъ онѣ, на кухнѣ выстраивались передъ нимъ во фронтъ, и какъ онъ громко имъ командовалъ:

— Повернись направо.

Бабы поворачивались направо.

— Переворачивайся, какъ слѣдуетъ.

Бабы переворачивались, какъ слѣдуетъ.

Знатокъ Гегеля и Дарвина съ минуту помолчалъ, потупилъ голову, исподлобья еще разъ посмотрѣлъ и… сдался, — кажется, не совсѣмъ искренне, рѣшивъ покривить революціонной совестью.

— Ну, ладно. Отпускаю васъ до слѣдующей очереди. Дѣйствительно, какъ быдто не способны…

Но за то меня, буржуя, хоть на работу въ водѣ не погнали, считали, повидимому, способнымъ уплатить казнѣ контрибуцію въ 5.000.000 рублей. Мнѣ присылали объ этихъ милліонахъ повестки и назначали сроки для уплаты. Я грузно соображалъ, что пяти милліоновъ я во всю свою карьеру не заработалъ. Какъ же я могу платить? Взять деньги изъ банка? Но то, что у меня въ банкѣ хранилось, «народъ» уже съ моего счета снялъ. Что же это — недоразумѣніе или глупость?

Однако, приходили вооруженные люди и требовали. Ходилъ я въ разные комитеты объясняться, урезонивать.

— Хм… У васъ куры денегъ не клюютъ, — говорили мнѣ въ комитетахъ.

Денегъ этихъ я, конечно, не платилъ, а повестки храню до сихъ поръ на добрую память.

А то получаю приказъ: «сдать немедленно всѣ оружіе». Оружіе у меня, дѣйствительно, было. Но оно висѣло на стѣнахъ. Пистолеты старые, ружья, копья. «Коллекція». Главнымъ образомъ, подарки Горькаго. И вотъ домовый комитетъ требуетъ сдачи всего этого въ 24 часа, предупреждая, что иначе я буду арестованъ. Пошелъ я раньше въ Комитетъ. Тамъ я нашелъ интереснѣйшаго человѣка, который просто очаровалъ меня тѣмъ, что жилъ совершенно внѣ «темповъ» бурнаго времени. Кругомъ кипѣли страсти, и обнаженные нервы метали искры, а этотъ комитетчикъ — которому все уже, повидимому, опостылѣло до смерти — продолжалъ жить тихо, тихо, какъ какой нибудь Ванька-дурачекъ въ старинной сказкѣ.

Сидѣлъ онъ у стола, подперши щеку ладонью руки, и, скучая, глядѣлъ въ окно, во дворъ. Когда я ему сказалъ: «Здравствуйте, товарищъ!» — онъ не шелохнулся, какъ будто даже и не посмотрѣлъ въ мою сторону, но я все же понялъ, что онъ ждетъ объясненій, которыя я ему и предъявилъ.

— Ннадо сдать, — задумчиво, со скукой, не глядя, процѣдилъ сквозь зубы комиссаръ.

— Но…

— Еесть декретъ, — въ томъ же тонѣ.

— Вѣдь…

— Ннадо исполнить.

— А куда же сдать?

— Мможно сюда.

И тутъ комиссаръ за все время нашей беседы сдѣлалъ первое движеніе. Но все-таки не тѣломъ, не рукой, не головой, — изъ-подъ неподвижныхъ вѣкъ онъ медленно покосился глазами въ окно, какъ будто приглашая меня посмотреть. За окномъ, въ снѣгу, валялось на дворѣ всякое «оружіе» — пушки какія то негодныя, ружья и всякая дрянь.

— Такъ это же сгніетъ! — замѣтилъ я, думая о моей коллекціи, которую годами грѣлъ въ моемъ кабинете.

— Дда, сгніетъ, — невозмутимо согласился комитетчикъ.

Я мысленно «плюнулъ», ушелъ и, разозлившись, рѣшилъ отправиться къ самому Петерсу.

— Оружіе у меня есть, — заявилъ я великому чекисту, — но оно не дѣйствуетъ: не колетъ, не рѣжетъ и не стрѣляетъ. Подарки Горькаго.

Петерсъ милостиво оружіе мнѣ оставилъ. «Впредь до новаго распоряженія».

66

Стали меня очень серьезно огорчать и дѣла въ театрѣ. Хотя позвали меня назадъ въ театръ для спасенія дѣла и въ первое время съ моими мнѣніями считались, но понемногу закулисные революціонеры опять стали меня одолевать. У меня возникъ въ театрѣ конфликтъ съ нѣкой дамой, коммунисткой, завѣдовавшей какимъ то театральнымъ департаментомъ. Пришелъ въ Маріинскій театръ не то циркуляръ, не то живой чиновникъ и объявляетъ намъ слѣдующее: бывшіе Императарскіе театры обѣлись богатствами реквизита, костюмовъ, декорацій. А народъ въ провинціи живетъ-де во тьмѣ. Не ѣхать же этому народу въ Петербургъ, въ Маріинскій Театръ просвѣщаться! Такъ вотъ,

видите ли, костюмы и декораціи столицы должны быть посланы на помощь неимущимъ. Пусть обслуживаютъ районы и провинцію.

Противъ этого я резко возсталъ. Единственныя въ мірѣ по богатству и роскоши мастерскія, гардеробныя и декоративныя Императорскихъ театровъ Петербурга имѣютъ свою славную исторію и высокую художественную цѣнность. И эти сокровища начнутъ растаскивать по провинціямъ и районамъ, и пойдутъ они по рукамъ людей, которымъ они рѣшительно ни на что не нужны, ни они, ни ихъ исторія. Я съ отвращеніемъ представлялъ себе, какъ наши драгоцѣнные костюмы сворачиваютъ и суютъ въ корзинки. «Нетъ!» — сказалъ я категорически. Помню, я даже выразился, что, если за эти вещи мнѣ пришлось бы сражаться, то я готовь взять въ руки какое угодно оружіе.

Но бороться «буржую» съ коммунистами не легко. Резонъ некоммуниста не имѣлъ права даже называться резономъ… А петербургская высшая власть была, конечно, на сторонѣ ретивой коммунистки.

Тогда я съ управляющимъ театромъ, мнѣ сочувствовавшимъ, рѣшилъ съездить въ Москву и поговорить объ этомъ дѣле съ самимъ Ленинымъ. Свиданіе было получить не очень легко, но мѣнѣе трудно, чѣмъ съ Зиновьевымъ въ Петербурге.

Въ Кремлѣ, въ Палатѣ, которая въ прошломъ называлась, кажется, Судебной, я подымался по безчисленнымъ лестницамъ, охранявшимся вооруженными солдатами. На каждомъ шагу провѣрялись пропуски. Наконецъ, я достигъ дверей, у которыхъ стоялъ патруль.

Я вошелъ въ совершенно простую комнату, разделенную на две части, большую и меньшую. Стоялъ большой письменный столъ. На немъ лежали бумаги, бумаги. У стола стояло кресло. Это былъ сухой и трезвый рабочій кабинетъ.

И вотъ, изъ маленькой двери, изъ угла покатилась фигура татарскаго типа съ широкими скулами, съ малой шевелюрой, съ бородкой. Ленинъ. Онъ немного картавилъ на Р. Поздоровались. Очень любезно пригласилъ сѣсть и спросилъ, въ чемъ дѣло. И вотъ я какъ можно внятнѣе началъ разсусоливать очень простой въ сущности вопросъ. Не успѣлъ я сказать нѣсколько фразъ, какъ мой планъ разсусоливанія былъ немедленно разстроенъ Владиміромъ Ильичемъ. Онъ коротко сказалъ:

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь. Я все отлично понимаю.

Тутъ я понялъ, что имѣю дѣѣло съ человѣкомъ, который привыкъ понимать съ двухъ словъ, и что разжевывать дѣлъ ему не надо. Онъ меня сразу покорилъ и сталъ мнѣ симпатиченъ. «Это, пожалуй, вождь», — подумалъ я.

А Ленинъ продолжалъ:

— Поезжайте въ Петроградъ, не говорите никому ни слова, а я употреблю вліяніе, если оно есть, на то, чтобы Ваши резонныя опасенія были приняты во вниманіе въ Вашу сторону.

Я поблагодарилъ и откланялся. Должно быть, вліяніе было, потому что всѣ костюмы и декораціи остались на мѣстѣ, и никто ихъ больше не пытался трогать. Я былъ счастливъ. Очень мнѣ было бы жалко, если бы эта пріятная театральная вековая пыль была выбита невежественными палками, выдернутыми изъ обтертыхъ метелъ…

А въ это самое время въ театръ приходили какіе то другіе передовые политики — коммунисты, бывшіе бутафоры, дѣлали кислыя лица и говорили, что вообще это искусство, которое разводятъ оперные актеры — искусство буржуазное и пролетаріату не нужно. Такъ, зря получаютъ пайки актеры. Работа день ото дня становилась тяжелѣе и непріятнѣе. Рука, которая хотѣла бы бодро подняться и что то дѣлать, получала ударъ учительской линейки.

Театральныѣ дѣла, недавно побудившія меня просить свиданія у Ленина, столкнули меня и съ другимъ вождемъ революціи — Троцкимъ. Поводъ, правда, былъ другой. На этотъ разъ вопросъ касался непосредственно нашихъ личныхъ актерскихъ интересовъ.

Такъ какъ гражданская война продолжалась, то съ пайками становилось неладно. Особенно страдали актеры отъ недостатка жировъ. Я изъ Петербурга иногда Ѣздилъ на гастроли въ московскій Большой Театръ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, московскіе актеры, жалуясь на сокращеніе пайковъ, просили меня за нихъ при случаѣ похлопотать.

Случай представился. Былъ въ театрѣ большой коммунистическій вечеръ, на которомъ, между прочимъ, были представители правящихъ верховъ. Присутствовалъ въ театрѣ и Троцкій. Онъ сидѣлъ въ той самой ложе, которую раньше занималъ великій князь Сергѣй Александровичъ. Ложа имела прямое соединеніе со сценой, и я, какъ делегатъ отъ труппы, отправился къ военному министру. Министръ меня, конечно, принялъ. Я представлялъ себѣ Троцкаго брюнетомъ. Въ дѣйствительности, это скорѣе шатенъ-блондинъ съ свѣтловатой бородкой, съ очень энергичными и острыми глазами, глядящими черезъ блестящее пенснэ. Въ его позѣ — онъ, кажется, сидѣлъ на скамейкѣ — было какое то грузное спокойствіе.

Я сказалъ:

— Здравствуйте, тов. Троцкій!

Онъ, не двигаясь, просто сказалъ мнѣ:

— Здравствуйте!

— Вотъ, — говорю я, — не за себя, конечно, пришелъ я просить у Васъ, а за актеровъ. Трудно имъ. У нихъ уменьшили паекъ, а мнѣ сказали, что это отъ Васъ зависитъ прибавить или убавить.

Послѣ секунды молчанія, оставаясь въ той же неподвижной позѣ, Троцкій четко, буква къ буквѣ, отвѣтилъ:

— Неужели Вы думаете, товарищъ, что я не понимаю, что значить, когда не хватаетъ хлѣба? Но не могу же я поставить на одну линію солдата, сидящаго въ траншеяхъ, съ балериной, весело улыбающейся и танцующей на сценѣ.

Я подумалъ:

— Печально, но резонно.

Вздохнулъ и сказалъ:

— Извините, — и какъ то стушевался.

Я замѣчалъ не разъ, что человѣкъ, у котораго не удается просьба, всегда какъ то стушевывается…

67

Комиссара народнаго просвѣщенія А.В.Луначарскаго я однажды — задолго до революціи — встрѣтилъ на Капри у Горькаго. Мы сидѣли за завтракомъ, когда съ книжками въ рукахъ пришелъ на террасу довольно стройный полу-блондинъ рыжеватаго оттѣнка, въ пенснэ и въ бородкѣ a la Генрихъ IV. Видъ онъ имѣлъ «нигилистическій» — ситцевая косоворотка, бѣлая въ черныхъ мушкахъ, подпоясанная какимъ то простымъ пояскомъ, можетъ быть, даже тесемкой. Онъ заговорилъ съ Горькимъ по поводу какой то статьи, которую онъ только что написалъ, и въ его разговорѣ я замѣтилъ тотъ самый южный акцентъ, съ которымъ говорятъ въ Одессѣ. Человѣкъ этотъ держался очень скромно, дѣловито и мнѣ былъ симпатиченъ. Я потомъ спросилъ Горькаго, кто это такой, хотя и самъ понялъ, что это журналисть. Не помню, кто въ то время былъ въ Россіи царскимъ министромъ народнаго просвѣщенія; мнѣ, во всякомъ случаѣ, не приходила въ голову мысль, что этотъ молодой въ косовороткѣ — его будущій замѣститель, и что мнѣ когда нибудь понадобится его властная рекомендация въ моемъ Петербургѣ.

А въ началѣ большевистскаго режима понадобилась. Не разъ А.В.Луначарскій меня выручалъ.

Въ Петербургѣ жилъ онъ конспиративно, и долго пришлось мнѣ его разыскивать. Нашелъ я его на какой то Линіи Васильевскаго Острова. Высоко лѣзъ я по грязнымъ лѣстницамъ и

засталъ его въ маленькой комнатѣ, стоящимъ у конторки, въ длинномъ жеванномъ сюртукѣ.

— Анатолій Васильевичъ, помогите! Я получилъ извѣстіе изъ Москвы, что какіе то солдаты безъ надлежащаго мандата грабятъ мою московскую квартиру. Они увезли сундукъ съ подарками — серебряными ковшами и проч. Ищутъ будто бы больничное бѣлье, такъ какъ у меня во время войны былъ госпиталь. Но бѣлье я уже давно роздалъ, а вотъ мое серебро пропало, какъ пропали 200 бутылокъ хорошего французскаго вина.

Луначарскій послалъ въ Москву телеграмму, и мою квартиру оставили въ покоѣ. Вино, впрочемъ, отъ меня не совсѣмъ ушло. Я потомъ изредка въ ресторанахъ открывалъ бутылки вина съ надписью — «envoie spйciale pour Mr Chaliapine», и съ удовольствіемъ распивалъ его, еще разъ оплачивая и стоимость его, и пошлины… А мое серебро еще нѣкоторое время безпокоило соціалистическое правительство. Пріѣхавъ черезъ нѣкоторое время въ Москву, я получилъ изъ Дома Совѣтовъ бумагу, въ которой мнѣ сказано было очень внушительнымъ языкомъ, что я долженъ переписать все серебро, которое я имѣю дома, и эту опись представить въ Домъ Совѣтовъ для дальнѣйшихъ распоряженій. Я понималъ, конечно, что больше уже не существуетъ ни частныхъ ложекъ, ни частныхъ вилокъ — мнѣ внятно и нѣсколько разъ объяснили, что это принадлежитъ народу. Тѣмъ не менѣе, я отправился въ Домъ Совѣтовъ съ намѣреніемъ какъ нибудь убѣдить самого себя, что я тоже до нѣкоторой степени народъ. И въ домѣ Совѣтовъ я познакомился по этому случаю съ милѣйшимъ, очаровательнѣйшимъ, но довольно настойчивымъ, почти рѣзкимъ Л.Б.Каменевымъ, шуриномъ Троцкаго.

Тов. Каменевъ принялъ меня очень любезно, совсѣмъ по европейски, что меня не удивило, такъ какъ онъ былъ по европейски очень хорошо одѣтъ, но, какъ и прочіе, онъ внятно мнѣ объяснилъ:

— Конечно, тов. Шаляпинъ, вы можете пользоваться серебромъ, но не забывайте ни на одну минуту, что въ случаѣ, если это серебро понадобилось бы народу, то народъ не будетъ стесняться съ вами и заберетъ его у васъ въ любой моментъ.

Какъ Подколесинъ въ «Женитьбѣ» Гоголя, я сказалъ:

— Хорошо, хорошо. Но… Но позвольте мнѣ, тов. Каменевъ, увѣрить васъ, что ни одной ложки и ни одной вилки я не утаю и въ случаѣ надобности отдамъ всѣ вилки и всѣ ложки народу. Однако, разрѣшите мнѣ описи не составлять, и вотъ почему…

— Почему?

— Потому, что ко мнѣ уже товарищи пріѣзжали и серебро

забирали. А если я составлю опись оставшагося, то отнимуть уже по описи, т. е. рѣшительно все…

Весело посмотрѣлъ на меня мой милый революціонеръ и сказалъ:

— Пожалуй, вы правы. Жуликовъ много.

Левъ Борисовичъ пріятельски какъ то расположился ко мнѣ сразу и по поводу народа и его нуждѣ говорилъ со мною еще минутъ 15. Мило и весело объяснялъ онъ мнѣ, что народъ настрадался, что начинается новая эра, что эксплоататоры и, вообще, подлецы и имперіалисты больше существовать не будутъ, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ.

Это говорилось такъ пріятно, что я подумалъ:

— Вотъ съ такими революціонерами какъ то и жить пріятнѣе, если онъ и засадитъ тебя въ тюрьму, то по крайней мѣрѣ у решетки весело пожметъ руку…

Пользуясь расположетемъ сановника, я ему тутъ бухнулъ:

— Это вы очень хорошо говорили о народѣ и имперіалистахъ, а надпись надъ Домомъ Совѣтовъ вы сдѣлали нехорошую.

— Какъ, нехорошую?

— «Миръ хижинамъ, война дворцамъ». А по моему народу такъ надоѣли эти хижины. Вотъ я много езжу по желѣзнымъ дорогамъ и уже сколько лѣтъ проезжаю то мимо одного города, то мимо другого, и такъ неприглядно смотреть на эти мирные нужники. Вотъ, написали бы — «миръ дворцамъ, война хижинамъ»: было бы, пожалуй, лучше.

Л.Б., по моему, не очень мнѣ на мою бутаду возражалъ: это, молъ, надо понимать духовно…

А пока я старался понять это духовно, дома уже кто то приходилъ высказывать соображенія, что картины, которыя у меня висятъ, тоже народныя. Почему это вы одинъ любуетесь на нихъ? Хе… хе… Народъ тоже картины любитъ…

Пожалуй, правда, — думалъ я. Но когда я затѣмъ видалъ эти картины въ Берлинѣ на выставкѣ у антикваровъ, я спрашивалъ себя, о какомъ же народѣ онъ толковалъ:

— Русскомъ или нѣмецкомъ?

68

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что мои отрывочныя встрѣчи съ вождями революціи — министрами, градоправителями, начальниками Чека — носили почти исключительно «деловой» характеръ. Вѣрнѣе, я всегда являлся къ нимъ въ качествѣ просителя и ходатая, то за себя, то за другихъ. Эта необходимость

«просить» была одной изъ самыхъ характерныхъ и самыхъ обидныхъ чертъ совѣтскаго быта. Читатель, конечно, замѣтилъ и то, что никакими серьезными привиллегіями я не пользовался. У меня, какъ и у другихъ горемычныхъ русскихъ «гражданъ», отняли все, что отнять можно было и чего такъ или иначе нельзя было припрятать. Отняли домъ, вклады въ банкѣ, автомобиль. И меня, сколько могли, грабили по мандатамъ и безъ мандатовъ, обыскивали и третировали «буржуемъ». А, вѣдь, я все же былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ лицо привиллегированное, благодаря особенной моей популярности, какъ пѣвца. Для меня были открыты многія двери, который для другихъ были крѣпко и безнадежно закрыты. И на что же мнѣ приходилось тратить силу престижа? Большею частью, на огражденіе себя отъ совершенно безсмысленныхъ придирокъ и покушеній. Въ концѣ концовъ все это было такъ ничтожно. Нѣсколько неурочныхъ обысковъ, нѣсколько бутылокъ вина, немного серебра, Нѣсколько старыхъ пистолетовъ, нѣсколько повѣстокъ о «контрибуціяхъ». Если я объ этомъ разсказываю, то только потому, что эти мелочи лучше крупныхъ событій характеризуютъ атмосферу русской жизни подъ большевиками. Если мнѣ, Шаляпину, приходилось это переносить, что же переносилъ русскій обыватель безъ связей, безъ протекціи, безъ личнаго престижа — мой старый знакомый обыватель съ флюсомъ и съ подвязанной щекой?.. А кто тогда въ Россіи ходилъ безъ флюса? Имъ обзавелись буквально всѣ люди, у которыхъ у самихъ еще недавно были очень крѣпкіе зубы…

Шелъ я однажды лѣтомъ съ моего Новинскаго Бульвара въ Кремль, къ поэту Демьяну Бѣдному. Онъ былъ ко мнѣ дружески расположенъ, и такъ какъ имѣлъ въ Кремлѣ большой вѣсъ, то часто оказывалъ мнѣ содѣйствіе то въ томъ, то въ другомъ. И на этотъ разъ надо было мнѣ о чѣмъ то его просить. Около театра «Парадизъ», на Никитской улицъ, ко мнѣ приблизился человѣкъ съ окладистой сѣдой бородой въ широкой мягкой шляпѣ, въ крылаткѣ и въ поношенномъ платьѣ. Подошелъ и бухнулся на колѣни мнѣ въ ноги. Я остановился пораженный, думая, что имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. Но сейчасъ же по устремленнымъ на меня свѣтлымъ голубымъ глазамъ, по слезамъ, отчаянію жестовъ и складу просительныхъ словъ я понялъ, что это вполнѣ нормальный, только глубоко потрясенный несчастьемъ человѣкъ.

— Г. Шаляпинъ! Вы — артистъ. Всѣ партіи, — какія есть на свѣтѣ, — должны васъ любить. Только вы можете помочь мнѣ въ моемъ великомъ горѣ.

Я поднялъ старика и разспросилъ его, въ чѣмъ дѣло. Его единственному сыну, проведшему войну въ качествѣ прапорщика запаса, угрожаетъ смертная казнь. Старикъ клялся, что сынъ его

ни въ чѣмъ не повиненъ, и такъ плакалъ, что у меня разрывалось сердце. Я предложилъ ему зайти ко мнѣ черезъ два дня и въ душѣ рѣшилъ умолять, кого надо, о жизни арестованнаго, какъ старикъ умолялъ меня.

Къ Демьяну Бедному я пришелъ настолько взволнованный, что онъ спросилъ меня, что со мною случилось.

— Вы выглядите нездоровымъ.

И тутъ я замѣтилъ знакомаго человѣка, котораго я разъ видалъ въ Петербургѣ: это былъ Петерсъ.

— Вотъ, — говоритъ Бѣдный, — Петерсъ пріѣхаль изъ Кіева «регулировать дѣла». А я думаю, куда Петерсъ ни пріѣзжаетъ, тамъ дѣла «иррегулируются».

Пусть онъ «регулируетъ дѣла», какъ угодно, а Петерсу я на этотъ разъ очень обрадовался. Я разсказалъ имъ случай на Никитской улицѣ.

— Сердечно прошу Васъ, тов. Петерсъ, пересмотрите это дѣло. Я глубоко вѣрю этому старику.

Петерсъ обѣщалъ. Черезъ два дня пришелъ ко мнѣ радостный, какъ бы изъ мертвыхъ воскресили, старикъ и привелъ съ собою освобожденнаго молодого человѣка. Я чувствовалъ, что старикъ изъ благодарности отдалъ бы мнѣ свою жизнь, если бы она мнѣ понадобилась. Спасибо Петерсу. Много, можетъ быть, на немъ грѣховъ, но этотъ праведный поступокъ я ему никогда не забуду. Молодой человѣкъ оказался музыкантомъ, поступилъ въ какую то военную часть, дирижировалъ, и, вѣроятно, не разъ съ того времени въ торжественныхъ случаяхъ исдолнялъ великій «Интернаціоналъ», какъ исполняетъ, должно быть, и по сію пору.

Кто же былъ этотъ безпомощный и беззащитный старикъ, падающій на колѣни передъ незнакомымъ ему человѣкомъ на улицѣ на глазахъ публики?

— Бывшій прокуроръ Виленской Судебной Палаты…

Вскоре послѣ этой встрѣчи съ Петерсомъ случилось мнѣ увидѣть и самаго знаменитаго изъ руководителей Чека, Феликса Дзержинскаго. На этотъ разъ не я искалъ встрѣчи съ нимъ, а онъ пожелалъ видѣть меня. Я думаю, онъ просто желалъ подвергнуть меня допросу, но изъ вниманія, что ли, ко мнѣ избралъ форму интимной беседы. Я упоминалъ уже о коммунистѣ Ш., который какъ то жаловался, что актеры «размягчаютъ сердце революционера» и признавался, что ему «скучно, Шаляпинъ, бесѣдовать за чаемъ». Этотъ Ш. позже сделался начальникомъ какого то отряда арміи и какъ то попалъ въ бѣду. Контроль обнаружилъ въ кассѣ отряда нехватку въ 15.000 рублей. Коммунистъ Ш. былъ мнѣ симпатиченъ — онъ былъ «славный малый», не былъ, во всякомъ случай, вульгарнымъ воромъ, и я не

думаю, что онъ произвелъ окончательную растрату. Вѣроятно, какая нибудь красивая актриса «размягчила ему сердце», и такъ какъ ему было «скучно за чаемъ», то онъ заимствовалъ изъ кассы деньги на нѣсколько дней съ намѣреніемъ ихъ пополнить. Дѣйствительно, касса была имъ пополнена: взялъ, должно быть, у кого нибудь «взаймы». Но самый фактъ нехватки казенныхъ денегъ произвелъ впечатлѣніе, и дѣломъ занялся самъ Дзержинскій. Такъ какъ было замѣчено мое расположеніе къ Ш., то Дзержинскій пожелалъ меня выслушать. И вотъ, получаю я однажды приглашеніе на чашку чаю къ очень значительному лицу и тамъ нахожу Дзержинскаго.

Дзержинскій произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка сановитаго, солиднаго, серьезнаго и убѣжденнаго. Говорилъ съ мягкимъ польскимъ акцентомъ. Когда я приглядѣлся къ нему, я подумалъ, что это революціонеръ настоящей, фанатикъ революціи, импонирующій. Въ дѣлѣ борьбы съ контръ-революціей для него, очевидно, не существуетъ ни отца, ни матери, ни сына, ни св. Духа. Но въ то же время у меня не получилось отъ него впечатлѣнія простой жестокости. Онъ, повидимому, не принадлежалъ къ тѣмъ отвратительнымъ партійнымъ индивидуумамъ, которые разъ навсегда заморозили свои губы въ линію ненависти и при каждомъ движеніи нижней челюсти скрежещутъ зубами…

Дзержинскій держался чрезвычайно тонко. Въ первое время мнѣ даже не приходила въ голову мысль, что меня допрашиваютъ:

— Знаю ли Ш.? Какое впечатлѣніе онъ на меня производитъ? И т. д., и т. д. Наконецъ, я догадался, что не спроста Дзержинскій ведетъ бесѣду о Ш., и сказалъ о немъ гораздо больше хорошаго, чѣмъ можно было сказать по совести. Ш. отдѣлался легкой карой. Карьера его не прервалась, но, должно быть, пошла по другой линіи.

Однажды, черезъ много лѣтъ, я въ отелѣ «Бристоль» въ Берлинѣ неожиданно увидѣлъ моего бывшаго пріятеля…

— Ба, никакъ Ш.! — крикнулъ я ему.

Ш. нагнулся къ моему уху и сказалъ:

— Ради Бога, здѣсь никакого Ш. не существуетъ, — и отошелъ.

Что это значило, я не знаю до сихъ поръ.

69

Демьянъ Бѣдный считается оффиціальнымъ поэтомъ

соціалистической Россіи. Кто то выдумалъ анекдотъ, что, когда Петроградъ былъ переименованъ въ Ленинградъ, т. е., когда именемъ Ленина окрестили твореніе Петра Великаго, Демьянъ Бедный потребовалъ переименованія произведеній великаго русскаго поэта Пушкина въ произведенія Демьяна Бѣднаго. Остроумный анекдотъ правильно рисуетъ «роль Демьяна при большевистскомъ «ДворѢ». Если бы творенія Пушкина переименовывали, то, конечно, только въ пользу этого первѣйшаго любимца Кремля. Но анекдотъ едва ли правильно отражаетъ поэтическое самочувствіе Бѣднаго. Помню, какъ однажды Бедный читалъ у себя какое то свое новое стихотвореніе. Оно весьма понравилось мне. По смыслу оно напоминало одно изъ стихотвореній Пушкина. Кончивъ чтеніе, Бедный своимъ развеселымъ смѣхотворнымъ голосомъ добавилъ:

— Какъ хотите, господа, а это не хуже Пушкина.

Изъ этого замѣчанія видно, правда, что Пушкинъ для Беднаго образецъ значительный, но когда поэтъ самъ умѣетъ писать не хуже Пушкина, зачѣмъ же ему присваивать пушкинскія произведенія?..

Бедный — псевдонимъ Демьяна. Псевдонимъ, долженъ я сказать, нисколько ему не идущій ни въ какомъ смысле. Беднаго въ Демьяне очень мало, и прежде всего въ его вкусахъ и нраве. Онъ любить посидѣть съ пріятелями за столомъ, хорошо покушать, выпить вина — не осуждаю, я самъ таковъ, — и поэтому носитъ на костяхъ своихъ достаточное количество твердой плоти. Въ критическіе зимніе дни онъ разухабисто бросаетъ въ свой каминъ первосортныя березовыя дрова. А когда я, живущій дома въ 6-ти градусахъ тепла, не безъ зависти ему говорю, чего это ты такъ расточаешь драгоцѣнный матеріалъ, у тебя и безъ того жарко, мой милый поэтъ отвѣчалъ:

— Люблю, весело пылаетъ.

Бѣдный искренне считаетъ себя стопроцентнымъ коммунистомъ. Но по натуре это одинъ изъ тѣх русскихъ, нѣсколько «бекреневыхъ» людей, который въ самую серьезную и рѣшительную минуту какого нибудь огромной важности дѣла мальчишески будетъ придумывать способъ, какъ достать ключи отъ кремлевскаго погреба съ виномъ у злой, сухой, коммунистической бабы-яги, Стасовой…

Этотъ, несомненно, даровитый въ своемъ жанре писатель былъ мнѣ симпатиченъ. Я имею много основаній быть ему признательнымъ. Не разъ пригодилась мнѣ его протекція, и не разъ меня трогала его предупредительность.

Квартира Беднаго въ Кремле являлась для правящихъ верховъ чѣмъ то вроде клуба, куда важные, очень занятые и озабоченные

сановники забегали на четверть часа не то поболтать, не то посовещаться, не то съ кѣмъ нибудь встретиться.

Пріѣзжая въ Москву, я часто заглядывалъ къ Бедному, и это было единственное мѣсто, гдѣ я сталкивался съ совѣтскими вельможами не въ качестве просителя. Эти люди, долженъ я сказать, относились ко мнѣ весьма любезно и внимательно. Я уже какъ то упоминалъ, что у Беднаго я встретилъ въ первый разъ Ленина (не считая не замѣченной мною встрѣчи съ нимъ у Горькаго въ 1905 году). У Беднаго же я встретился съ преемникомъ Ленина, Сталинымъ. Въ политическія беседы гостей моего пріятеля я не вмешивался и даже не очень къ нимъ прислушивался. Ихъ разговоры я мало понималъ, и они меня не интересовали. Но впечатлѣніе отъ людей я всетаки получалъ.

Когда я впервые увиделъ Сталина, я не подозревалъ, конечно, что это — будущій правитель Россіи, «обожаемый» своимъ окруженіемъ. Но и тогда я почувствовалъ, что этотъ человѣкъ въ нѣкоторомъ смысле особенный. Онъ говорилъ мало, съ довольно сильнымъ кавказскимъ акцентомъ. Но все, что онъ говорилъ, звучало очень веско — можетъ быть, потому, что это было коротко.

— «Нужно, чтобъ они бросили ломать дурака, а здэлали то, о чѣмъ было уже говорэно много разъ»…

Изъ его неясныхъ для меня по смыслу, но энергичныхъ по тону фразъ, я выносилъ впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ шутить не будетъ. Если нужно, онъ такъ же мягко, какъ мягка его беззвучная поступь лезгина въ мягкихъ сапогахъ, и станцуетъ, и взорветъ Храмъ Христа Спасителя, почту или телеграфъ — что угодно. Въ жестѣ, движеніяхъ, звукѣ, глазахъ — это въ немъ было. Не то, что злодѣй — такой онъ родился.

Вождей арміи я встрѣтилъ не въ квартирѣ Д.Бѣднаго, но все же благодаря ему. Однажды Бедный мнѣ сказалъ, что было бы хорошо запросто съѣздить къ Буденному, въ его поѣздъ, стоящій подъ Москвой на запасномъ пути Кіево-Воронежской железной дороги. Онъ мнѣ при этомъ намекнулъ, что поѣздка можетъ доставить мнѣ лишній пудъ муки, что въ то время было огромной вѣщью. Любопытно мнѣ было познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ такъ много говорили тогда, а тутъ еще пудъ муки!

Въ Буденномъ, знаменитомъ каваллерійскомъ генералѣ, приковали мое вниманіе сосредоточенные этакіе усы, какъ будто вылитые, скованные изъ желѣза, и совсѣмъ простое со скулами солдатское лицо. Видно было, что это какъ разъ тотъ самый россійскій вояка, котораго не устрашаетъ ничто и никто, который, если и думаетъ о смерти, то всегда о чужой, но никогда о своей собственной.

Яркимъ контрастомъ Буденному служилъ присутствовавшій въ вагонѣ Климъ Ворошиловъ, главнокомандующій арміей: добродушный, какъ будто слепленный изъ тѣста, рыхловатый. Если онъ бывшій рабочій, то это былъ рабочій незаурядный, передовой и интеллигентный. Меня въ его пользу подкупило крѣпкое, сердечное пожатіе руки при встрѣче и затѣмъ пріятное напоминаніе, что до революціи онъ приходилъ ко мнѣ по порученію рабочихъ просить моего участія въ концертѣ въ пользу ихъ больничныхъ кассъ. Заявивъ себя моимъ поклонникомъ, Ворошиловъ съ улыбкой признался, что онъ также выпрашивалъ у меня контрамарки.

Я зналъ, что у Буденнаго я встрѣчу еще одного военачальника, Фрунзе, про котораго мнѣ разсказывали, что при царскомъ режимѣ онъ, во время одной рабочей забастовки, гдѣ то въ Харьковѣ, съ колена разстрѣливалъ полицейскихъ. Этимъ Фрунзе былъ въ партіи знаменитъ. Полемизируя съ нимъ однажды по какому то военному вопросу, Троцкій на партійномъ съѣздѣ иронически замѣтилъ, что «военный опытъ тов. Фрунзе исчерпывается тѣмъ, что онъ застрѣлилъ одного полицейскаго пристава»… Я думалъ, что встрѣчу человѣка съ низкимъ лбомъ, взъерошенными волосами, сросшимися бровями и съ узко поставленными глазами. Такъ рисовался мнѣ человѣкъ, съ колена стрѣляющій въ городовыхъ. А встрѣтилъ я въ лицѣ Фрунзе человѣка съ мягкой русой бородкой и весьма романтическимъ лицомъ, горячо вступающаго въ споръ, но въ корнѣ очень добродушнаго.

Такова была «головка» арміи, которую я нашелъ въ поѣздѣ Буденнаго.

Вагонъ II класса, превращенный въ комнату, былъ простъ, какъ жилище простого фельдфебеля. Была, конечно, «собрана» водка и закуска, но и это было чрезвычайно просто, опять таки какъ за столомъ какого нибудь фельдфебеля. Какая то женщина, одѣтая по деревенски, — кажется, это была супруга Буденнаго — приносила на столъ что-то такое: можетъ быть, селедку съ картошкой, а можетъ быть, курицу жареную — не помню, такъ это было все равно. И простой нашъ фельдфебельскій пиръ начался. Пили водку, закусывали и пѣли пѣсни — всѣ вмѣстѣ. Меня просили запевать, а затѣмъ и спѣть. Была спѣта мною «Дубинушка», которой подпѣвала вся «русская армія». Затѣмъ я пѣлъ старыя русскія пѣсни: «Лучинушку», «Какъ по ельничку да по березничку», «Снѣги бѣлые пушисты». Меня слушали, но особенныхъ переживаній я не замѣтилъ. Это было не такъ, какъ когда то, въ ранней молодости моей, въ Баку. Я пѣлъ эти самыя пѣсни въ подвальномъ трактирѣ, и слушали меня тогда какіе то

бѣглые каторжники — тѣ подпѣвали и плакали…

Особенныхъ разговоровъ при мнѣ военачальники не вели. Помню только, что одинъ изъ нихъ сказалъ о томъ, какъ подъ Ростовомъ стояла замерзшая конница. Красная или бѣлая, я не зналъ, но помню, что мнѣ было эпически страшно представить себѣ ее передъ глазами: плечо къ плечу окаменелые солдаты на коняхъ… Какая то сѣверо-ледовитая жуткая сказка. И мысль моя перенеслась назадъ, въ Саконтянскій лѣсъ къ деревянному кресту неизвѣстнаго солдата съ ухарски надѣтой на него пустой шапкой…

Вспомнилась солдатская книжка въ крови и короткая въ ней запись:

— «За отлично-усердную службу»…

Тѣ же, тѣ же русскіе солдаты! Подъ Варшавой противъ нѣмцевъ и подъ Ростовомъ противъ русскихъ — тѣ же…

А на другой день я получилъ нѣкоторое количестве муки и сахару. «Подарокъ отъ донского казака».

Такова жизнь…

70

Ворошиловъ заявилъ себя моимъ «поклонникомъ». Вообще же я мало встрѣчалъ такъ называемыхъ поклонниковъ моего таланта среди правителей. Можетъ быть, они и были, но я ихъ не ощущалъ. За исключеніемъ одного случая, о которомъ хочу разсказать потому, что этотъ случай раздвоилъ, мое представленіе о томъ, что такое чекистъ. Однажды мнѣ въ уборную принесли кѣмъ то присланную корзину съ виномъ и фруктами, а потомъ пришелъ въ уборную и самъ авторъ любезнаго подношенія. Одетый въ черную блузу, человѣкъ этотъ былъ темноволосый, худой съ впалой грудью. Цвѣтъ лица у него былъ и темный, и бледноватый, и зелено-землистый. Глаза-маслины были явно воспалены. А голосъ у него быль пріятный, мягкій; въ движеніяхъ всей фигуры было нѣчто добродушно-довѣрчивое. Я сразу понялъ, что мой посѣтитель туберкулезный. Съ нимъ была маленькая дѣвочка, его дочка. Онъ нѣзвалъ себя. Это былъ Бокій, извѣстный начальникъ петерѣургскаго Чека, о которомъ не слышалъ ничего, что вязалось бы съ внѣшностью и манерами этого человѣка.

Говорятъ, что люди, хворающіе туберкулезомъ, живуть какъ бы въ атмосферѣ грустнаго добродушія. Я подумалъ, что, можетъ быть, это туберкулезъ затмеваетъ фигуру чекиста. Но совсемъ откровенно долженъ сказать, что Бокій оставил во мнѣ

прекрасное впечатлѣніе, особенно подчеркнутое отеческой его лаской къ девочке. Я вообще люблю дѣтей, и всякое проявленіе ласки къ ребенку, не только со стороны постороннихъ, но и со стороны отца, меня всегда трогаетъ чрезвычайно. Я думаю, что если чекисты держали бы при себѣ детей во время исполненія ими служебныхъ обязанностей, Чека была бы не тѣмъ, чѣмъ он а для Россіи была…

71

Артистическая среда по всему строю своихъ чувствъ, навыковъ и вкусовъ принадлежала, конечно, къ тому «старому міру», который надлежало уничтожить. Это была своеобразная интеллигенція съ буржуазными повадками, т. е., вдвойнѣ чуждая духу пролетарскаго режима. Но, какъ я уже отмѣчалъ, совѣтскіе люди по многимъ причинамъ мирволили театру, и потому самому заправскому коммунисту не вменялось въ грѣхъ общеніе съ актерами. Правда и то, что актерскій міръ вообще довольно легко приспособляется къ новымъ условіямъ, къ новымъ людямъ. Можетъ быть, это оттого, что лицедѣйство на сценѣ пріучаетъ профессіональнаго актера видѣть въ самыхъ коренныхъ переворотахъ жизни только своего рода смѣну декорацій и дѣйствующихъ лицъ. Вчера играли генерала, сегодня играютъ пьянаго рабочаго. Вчера играли свѣтскую комедію или мещанскую драму, а сегодня идеть трагедія…

Какъ бы то ни было, послѣ большевистскаго переворота русскій театръ оказался облѣпленнымъ всякаго рода «деятелями революціи», какъ мухами. И за нѣсколькими исключеніями, это были именно мухи; слоны были слишкомъ грузны и важны, слишкомъ заняты дѣломъ, чтобы развлекаться хожденіемъ по кулисамъ или посѣщеніемъ актеровъ на дому. Повадились и ко мнѣ ходить разные партійцы. Попадались среди нихъ, конечно, и пріятные люди, хотя бы такіе, какъ этотъ легкомысленный, но славный командиръ Ш., съ симпатичнымъ матовымъ лицомъ и умными глазами. Но это были рѣдкія исключенія. Среди моихъ «надоѣдателей» преобладали люди мало культурные, глубоко по духу мнѣ чуждые, часто просто противные. Я иногда спрашиваю себя съ удивленіемъ, какъ это могло случиться, что въ моей столовой, въ которой сиживали Римскіе-Корсаковы, Серовы, Стасовы, Горькіе, Рахманиновы, Репины, Дальскіе, — какъ въ ней могли очутиться всѣ эти Куклины и Рахія, о которыхъ мнѣ теперь омерзительно вспомнить. А между тѣмъ, въ тогдашнихъ петербургскихъ условіяхъ, удивительно напоминавшихъ режимъ

оккупаціи побежденной провинціи развязными побѣдителями, это право втираться въ интимную жизнь другихъ людей казалось естественнымъ, какъ право побѣдителя-офицера на «военный постой». Къ тому же уровень жизни такъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ понизился, что къ неподходящимъ людямъ привыкали съ такой же покорностью, съ какой привыкали къ недоеданію и къ потрепанному платью. Кто же тогда въ Россіи стыдился дырявыхъ сапогъ?..

Привычка не исключала, однако, внезапныхъ взрывовъ отвращенія. Случалось, что эти господа переходили всякія границы, и тогда тупая покорность превращалась въ крайнее бешенство.

Вина и спиртные напитки добротнаго качества исчезли изъ нормальнаго оборота, и граждане, любящіе посидѣть за рюмкой веселой влаги, стали изготовлять водку домашними способами. У меня завелся особый сортъ эстонской водки изъ картошки. Что это была водка хорошая — остается недоказаннымъ, но мы въ это вѣрили. Во всякомъ случае, моимъ «мухамъ» она очень пришлась по вкусу. И вотъ собралось у меня однажды нѣсколько человѣкъ. Среди нихъ находился финляндскій коммунистъ Рахія и русскій коммунистъ Куклинъ, бывшій лабазникъ, кажется. Пока пили картошку, все шло хорошо. Но вотъ кому-то вздумалось завести разговоръ о театрѣ и актерахъ.

Рахія очень откровенно и полнымъ голосомъ заявилъ, что такихъ людей, какъ я, надо рѣзать. Кто-то полюбопытствовалъ:

— Почему?

— Ни у какого человѣка не должно быть никакихъ преимуществъ надъ людьми. Талантъ нарушаетъ равенство.

Замѣчаніе Рахія меня позабавило. Ишь, подумалъ я, какъ на финна дѣйствуетъ эстонская водка!.. Но на бѣду заораторствовалъ Куклинъ. Онъ былъ обстоятеленъ и краснорѣчивъ: ничего кромѣ пролетаріевъ не должно существовать, а ежели существуетъ, то существовать это должно для пролетаріевъ. И каждые пять минутъ настойчиво повторялъ:

— Вотъ вы, актеришки, вотъ вы, что вы для пролетаріата сделали что нибудь али не сделали?

Тошно стало. Я все же, сдерживаясь, объясняю, что мы дѣлаемъ все, что можемъ, для всѣхъ вообще, значитъ, и для пролетаріевъ, если они интересуются тѣмъ, что мы дѣлать можемъ. А онъ все свое: никто ничего не понимаетъ, а въ особенности я, Шаляпинъ.

— Ты ничего не поймать. А ты вотъ выдумай что нибудь, да для пролетаріата и представь.

— Выдумай ты, а я представлю.

— Такъ ты же актеришка, ты и выдумать долженъ. Ты ничего не понимашь… Да что ты понимашь въ пролетаріатѣ?

Тутъ я, забывъ мой долгъ хозяина дома быть деликатнымъ, что называется взвился штопоромъ и, позеленѣвъ отъ бѣшенства, тяжелымъ кулакомъ хлопнулъ по гостепріимному столу. Заиграла во мнѣ царская кровь Грознаго и Бориса:

— Встать! Подобрать животъ, сукинъ сынъ! Какъ ты смеешь со мной такъ разговаривать? Кто ты такой, что я тебя никакъ понять не могу? Навозъ ты этакій, я Шекспира понимаю, а тебя, мерзавца, понять не могу. Молись Богу, если можешь, и приготовься, потому что я тебя сейчасъ выброшу въ окно на улицу…

Товарищи, почуявъ опасный пассажъ въ дружеской бесѣдѣ, встали между мною и Куклинымъ. Успокоили меня, и «гости», выпивъ послѣдній стаканъ эстонской водки, разошлись по домамъ.

Нисколько не веселѣе обстояли дѣла въ театрѣ.

Какъ-то давно въ Петербургѣ, еще при старомъ режимѣ, ко мнѣ въ Сѣверную гостинницу постучался какой-то человѣкъ. Былъ онъ подстриженъ въ скобку, на выковырянномъ рябоватомъ лицѣ были рыженькіе усики, сапоги бутылкой. Вошелъ, повертѣлъ головой направо и налѣво, точно она у него была надѣта на колъ, посмотрѣлъ углы и, найдя икону, истово трижды перекрестился да и сказалъ:

— Федоръ Ивановичъ, вы меня не помните?

— Нѣтъ — говорю.

— А я у васъ при постройкѣ дачи, значитъ, наблюдалъ.

— Ахъ, да. Кажется, вспоминаю.

— Будьте любезны, Федоръ Ивановкчъ, похлопочите мнѣ мѣстечко какое.

— А что вы умѣете дѣлать?

Нечаянный собесѣдникъ удивился:

— Какъ что могу дѣлать? Наблюдать.

Интересно наблюдать, потому что онъ, ничего не дѣлая и ничего не понимая, только приказываетъ:

— Сенька, гляди, сучокъ-отъ какъ рубишь!

И Сенька, который уже въ десятомъ поту, долженъ до двѣнадцатаго поту сучокъ-отъ рубить.

Много на Руси охотниковъ понаблюдать. И вотъ эти любители наблюдать набросились при коммунизмѣ на русскій театръ. Во время революціи большую власть надъ театромъ забрали у насъ разные проходимцы и театральныя дамы, никакого въ сущности отношенія къ театру не имѣвшія. Обвиняли моего милаго друга Теляковскаго въ томъ, что онъ кавалеристъ, а

директорствуетъ въ Императорскихъ театрахъ. Но Теляковскій въ своей полковой конюшнѣ больше передумалъ о театрѣ, чѣмъ эти проходимцы и дамы-наблюдательницы во всю свою жизнь. Но онѣ были коммунистки или жены коммунистовъ, и этого было достаточно для того, чтобы ихъ понятія объ искусствѣ и о томъ, что нужно «народу» въ театрѣ — становились законами. Я все яснѣе видѣлъ, что никому не нужно то, что я могу дѣлать, что никакого смысла въ моей работѣ нѣтъ. По всей линіи торжествовали взгляды моего «друга» Куклина, сводившіеся къ тому, что кромѣ пролетаріата никто не имѣетъ никакихъ основаній существовать, и что мы, актеришки, ничего не понимаемъ. Надо-де намъ что нибудь выдумать для пролетаріата и представить… И этотъ духъ проникалъ во всѣ поры жизни, составлялъ самую суть совѣтскаго режима въ театрахъ. Это онъ убивалъ и замораживалъ умъ, опустошалъ сердце и вселялъ въ душу отчаяніе.

72

Кто же они, сей духъ породившіе?

Одни говорятъ, что это кровопійцы; другіе говорятъ, что это бандиты; третьи говорятъ, что это подкупленные люди, подкупленные для того, чтобы погубить Россію. По совести долженъ сказать, что, хотя крови пролито много, и жестокости было много, и гибелью, дѣйствительно, вѣяло надъ нашей родиной, — эти объясненія большевизма кажутся мнѣ лубочными и чрезвычайно поверхностными. Мнѣ кажется, что все это проще и сложнѣе, въ одно и то же время. Въ томъ соединеніи глупости и жестокости, Содома и Навуходоносора, какимъ является совѣтскій режимъ, я вижу нѣчто подлинно-россійское. Во всѣхъ видахъ, формахъ и степеняхъ — это наше родное уродство.

Я не могу быть до такой степени слѣпымъ и пристрастнымъ, чтобы не заметить, что въ самой глубокой основѣ большевистскаго движенія лежало какое то стремленіе къ дѣйствительному переустройству жизни на болѣе справедливыхъ, какъ казалось Ленину и нѣкоторымъ другимъ его сподвижникамъ, началахъ. Не простые же это были, въ концѣ концовъ, «воры и супостаты». Беда же была въ томъ, что наши россійскіе строители никакъ не могли унизить себя до того, чтобы задумать обыкновенное человѣческое зданіе по разумному человѣческому плану, а непременно желали построить «башню до небесъ» — Вавилонскую башню!.. Не могли они удовлетвориться обыкновеннымъ здоровымъ и бодрымъ шагомъ, какимъ человѣкъ

идетъ на работу, какимъ онъ съ работы возвращается домой — они должны рвануться въ будущее семимильными шагами… «Отрѣчемся отъ стараго міра» — и вотъ, надо сейчасъ же вымести старый міръ такъ основательно, чтобы не осталось ни корня, ни пылинки. И главное — удивительно знаютъ все наши россійскіе умники. Они знаютъ, какъ горбатенькаго сапожника сразу превратить въ Аполлона Бельведерскаго; знаютъ, какъ научить зайца зажигать спички; знаютъ, что нужно этому зайцу для его счастья; знаютъ, что черезъ двѣсти лѣтъ будетъ нужно потомкамъ этого зайца для ихъ счастья. Есть такіе заумные футуристы, которые на картинахъ пишутъ какія то сковороды со струнами, какіе то треугольники съ селезенкой и сердцемъ, а когда зритель недоумѣваетъ и спрашиваетъ, что это такое? — они отвѣчаютъ: «это искусство будущаго»… Точно такое же искусство будущаго творили наши россіскіе строители. Они знаютъ! И такъ непостижимо въ этомъ своемъ знаніи они увѣрены, что самое малейшее несогласіе съ ихъ формулой жизни они признаютъ зловреднымъ и упрямымъ кощунствомъ, и за него жестоко караютъ.

Такимъ образомъ произошло то, что всѣ «медали» обернулись въ русской дѣйствительности своей оборотной стороной. «Свобода» превратилось въ тираннію, «братство» — въ гражданскую войну, а «равенство» привело къ приниженію всякаго, кто смеетъ поднять голову выше уровня болота. Строительство приняло форму сплошного раарушенія, и «любовь къ будущему человѣчеству» вылилась въ ненависть и пытку для современниковъ.

Я очень люблю поэму Александра Блока — «Двѣнадцать» — несмотря на ея конецъ, котораго я не чувствую: въ большевистской процессіи я Христа «въ бѣломъ венчике изъ розъ» не разглядѣлъ. Но въ поэме Блока замѣчательно сплетеніе двухъ разнородныхъ музыкальныхъ темъ. Тамъ слышна сухая, механическая поступь революціонной жандармеріи:

> Революціонный держите шагъ —
> Неугомонный не дремлетъ врагъ…

Это — «Капиталъ», Марксъ, Лозанна, Ленинъ… И вмѣстѣ съ этимъ слышится лихая, озорная русская завируха-метель:

> Въ кружевномъ бѣльѣ ходила?
> Походи-ка, походи!
> Съ офицерами блудила?
> Поблуди-ка, поблуди!

……
Помнишь, Катя, офицера?
Не ушелъ онъ отъ ножа.
Аль забыла ты, холера,
Али память коротка?..

Это нашъ добрый знакомый — Яшка Изумрудовъ…

Мнѣ кажется, что въ россійской жизни подъ большевиками этотъ второй, природный элементъ чувствовался съ гораздо большей силой, чѣмъ первый — командный и наносный элементъ. Большевистская практика оказалась еще страшнѣе большевистскихъ теорій. И самая страшная, можетъ быть, черта режима была та, что въ большевизмъ влилось цѣликомъ все жуткое россійское мещанство съ его нестерпимой узостью и тупой самоувѣренностью. И не только мещанство, а вообще весь русскій бытъ со всѣмъ, что въ немъ накопилось отрицательнаго. Пришелъ чеховскій унтеръ Пришибеевъ съ замѣтками о томъ, кто какъ живетъ, и пришелъ Федька-каторжникъ Достоевскаго со своимъ ножомъ. Кажется, это былъ генеральный смотръ всѣмъ персонажамъ всей обличительной и сатирической русской литературы отъ Фонвизина до Зощенко. всѣ пришли и добромъ своимъ поклонились Владиміру Ильичу Ленину…

Пришли архиваріусы незабвенныхъ уѣздныхъ управъ, фельдфебеля, разнасящіе сифилисъ по окраинамъ города, столоначальники и жандармы, прокутившіеся ремонтеры-гусары, недоучившіеся студенты, неудачники фармацевты. Пришелъ нашъ знакомый провинціальный полу-интеллигентъ, который въ сѣрые дни провинціальной жизни при «скучномъ» старомъ режимѣ искалъ какихъ-то особенныхъ умственныхъ развлеченій. Это онъ выходилъ на станцію железной дороги, гдѣ поездъ стоитъ две минуты, чтобы четверть часика погулять на платформе, укоризненно посмотреть на пасажировъ перваго класса, а послѣ проводовъ поезда какъ то особенно значительно сообщить обожаемой гимназисткѣ, какое глубокое впечатлѣніе онъ вынесъ вчера изъ первыхъ главъ «Капитала»…

Въ казанской земской управе, гдѣ я служиль писцомъ, былъ столоначальникъ, ведавшій учительскими дѣлами. Къ нему приходили сельскіе учителя и учительницы, всѣ они были различны по наружности, т. е., одеты совершенно непохоже одинъ на другого, подстрижены каждый по своему, голоса у нихъ были различные, и весьма были разнообразны ихъ простыя русскія лица. Но говорили они всѣ какъ то одинаково — одно и то же. Вспоминая ихъ теперь, я понимаю, что чувствовали они тоже

одинаково. Они чувствовали, что все существующее в Россіи рѣшительно никуда не годится, что настанетъ время, когда будетъ возстановлена какая то, имъ не очень отчетливо-ясная справедливость, и что они тогда духовно обнимутся со страдающимъ русскимъ народомъ… Хорошія, значитъ, у нихъ были чувства. Но вотъ запомнилась мнѣ одна такая страстная народолюбка изъ сельскихъ учительницъ, которая всю свою къ народу любовь перегнала въ обиду, какъ перегоняютъ хлѣбъ въ сивуху. Въ обиду за то, что Венера Милосская (о которой она читала у Глеба Успенскаго) смѣетъ быть прекрасной въ то время, когда на свѣтѣ столько кривыхъ и подслеповатыхъ людей, что Средиземное море смѣетъ сіять лазурью (вычитала она это у Некрасова) въ то время, когда въ Россіи столько лужъ, топей и болотъ… Пришла, думаю я, поклониться Кремлю и она…

Пришелъ также знакомый намъ молодой столичный интеллигентъ, который не считалъ бы себя интеллигентомъ, если бы каждую минуту не могъ щегольнуть какой нибудь марксистской или народнической цитатой, а который по существу просто лгалъ — ему эти цитаты были нисколько не интересны… Пришелъ и озлобленный сидѣлецъ тюремъ при царскомъ режимѣ, котораго много мучили, а теперь и онъ не прочь помучить тѣхъ, кто мучили его… Пришли какіе то еще люди, которые ввели въ «культурный» обиходъ изумительный словечки: «онъ встрѣтитъ тебя мордой объ столъ», «катитесь колбасой», «шикарный стулъ», «сегодня чувствуется, что выпадутъ осадки».

И пришелъ, разсѣлся и щелкаетъ на чортовыхъ счетахъ сухими костяшками — великій бухгалтеръ!.. Попробуйте убѣдить въ чемъ нибудь бухгалтера. Вы его не убѣдите никакими человѣческими резонами — онъ на цифрахъ стоитъ. У него выкладка. Капиталъ и проценты. Онъ и высчиталъ, что ничего не нужно. Почему это нужно, чтобы человѣкъ жилъ самъ по себѣ въ отдѣльной квартирѣ? Это буржуазно. Къ нему можно вселить столько то и столько то единицъ. Я говорю ему обыкновенныя человѣческія слова, бухгалтеръ ихъ не понимаетъ: ему подавай цифру. Если я скажу Веласкезъ, онъ посмотритъ на меня съ недоумѣніемъ и скажетъ: народу этого не нужно. Тиціанъ, Рембрандтъ, Моцартъ — не надо. Это или контръ-революціонно, или это бѣлогвардейщина. Ему нуженъ автоматическій счетчикъ, «аппаратъ» — роботъ, а не живой человѣкъ. Роботъ, который въ два счета исполнитъ безъ мысли, но послушно все то, что прикажетъ ему заводная ручка. Роботъ, цитирующій Ленина, говорящій подъ Сталина, ругающій Чемберлена, поющій «Интернаціоналъ» и, когда нужно, дающій еще кому нибудь въ зубы…

Роботъ! Русская культура знала въ прошломъ другого сорта роботъ, созданный Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ по плану пророка Исайіи.

И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И дольней лозы прозябанье…
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грешный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающдй огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ…
Чѣмъ не роботъ? Но вотъ…
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».

А тов. Куклинъ мнѣ на это говорить:

— Ты ничего не понимашь. Шестикрылый Серафимъ, дуралей, пролетаріату не нуженъ. Ему нужна шестистволка… Защищаца!..

А мнѣ, тов. Куклинъ, нужнѣе всего, именно то, что не нужно. Ни на что не нуженъ Шекспиръ. На что нуженъ Пушкинъ? Какой прокъ въ Моцартѣ? Какая польза оть Мусоргскаго? Чѣмъ послужила пролетаріату Дузе?

Я сталъ чувствовать, что роботъ меня задушитъ, если я не вырвусь изъ его бездушныхъ объятій.

Однообразіе и пустота существованія такъ сильно меня тяготили, что я находилъ удовольствіе даже въ утомительныхъ и мало интересныхъ поѣздкахъ на концерты въ провинцію. Всетаки ими изрѣдка нарушался невыносимый строй моей жизни въ Петербургѣ. Самое передвиженіе по желѣзной дорогѣ немного развлекало. Изъ окна вагона то вольнаго бродягу увидишь, то мужика на полѣ. Оно давало какую то иллюзію свободы. Эти поездки были, впрочемъ, полезны и въ продовольственномъ отношеніи. Пріѣдетъ, бывало, какой нибудь человѣкъ изъ Пскова за два-три дня до Рождества. Принесетъ съ собою большой свертокъ, положитъ съ многозначительной улыбкой на столъ, развяжетъ его и покажетъ. А тамъ — окорокъ ветчины, двѣ-три копченыхъ колбасы, кусокъ сахару фунта въ три-четыре…

И человѣкъ этотъ скажетъ:

— Федоръ Ивановичъ! Все это я съ удовольствіемъ оставлю Вамъ на праздники, если только дадите слово пріѣхать въ Псковъ, въ маѣ, спѣть на концертѣ, который я организую… Понимаю, что вознагражденіе это малое для васъ, но если будетъ хорошій сборъ, то я послѣ концерта еще и деньжонокъ вамъ удѣлю.

— Помилуйте, какія деньги! — бывало отвѣтишь на радостяхъ. Вамъ спасибо. Пріятно, что подумали обо мнѣ.

И въ маѣ я отпѣвалъ концертъ, «съѣденный» въ декабрь…

Такіе визиты доставляли мнѣ и семьѣ большое удовольствіе. Но никогда въ жизни я не забуду той великой, жадной радости, которую я пережилъ однажды утромъ весной 1921 года, увидѣвъ передъ собою человѣка, предлагающаго мнѣ выехать съ нимъ пѣть концертъ заграницу. «Заграница» то, положимъ, была доморощенная — всего только Ревель, еще недавно русскій губернскій городъ, но теперь это, какъ-никакъ, столица Эстоніи, державы иностранной, — окно въ Европу. А что происходитъ въ Европѣ, какъ тамъ люди живутъ, мы въ нашей совѣтской чертѣ оседлости въ то время не имѣли понятія. Въ Ревелѣ — мелькнуло у меня въ головѣ — можно будетъ узнать, что дѣлается въ настоящей Европѣ. Но самое главное — не сонъ это: передо мною былъ живой человѣкъ во плоти, ясными русскими словами сказавшій мнѣ, что вотъ онъ возьметъ меня и повезетъ не въ какой нибудь Псковъ, а заграницу, въ свободный край.

— Отпустятъ ли? — усумнился я. — Я вспомнилъ, сколько мнѣ стоило хлопотъ получить разрѣшеніе для моей заболѣвшей дочери, Марины, выѣхать въ санаторію, въ Финляндію, и какъ долго длились тогда мои хожденія по департаментами

— Объ этомъ не безпокойтесь. Разрѣшеніе я добуду.

Дѣйствительно, меня отпустили. Поѣхали мы втроемъ: я, віолончелистъ Вольфъ-Израэль и, въ качествѣ моего

аккомпаніатора, еще одинъ музыкантъ Маратовъ, инженеръ по образованію. Захватилъ я съ собою и моего пріятеля Исайку. Что банальнѣе перѣзда границы?

Сколько я ихъ въ жизни моей переѣхалъ! Но Гулливеръ, вступившій впервые въ страну лилипутовъ, едва ли испыталъ болѣе сильное ощущеніе, чѣмъ я, очутившись на первой заграничной станціи. Для насъ, отвыкшихъ отъ частной торговли, было въ высшей степени сенсаціонно то, что въ буфетѣ этой станціи можно было купить сколько угодно хлѣба. Хлѣбъ былъ хорошій — вѣсовой, хорошо испеченный и посыпанный мучкой. Совѣстно было мнѣ смотрѣть, какъ мой Исайка, съ энтузіазмомъ набросившись на этотъ хлѣбъ, сталъ запихивать его за обѣ щеки, сколько было технически возможно.

— Перестань! — весело закричалъ я на него во весь голосъ. — Пріѣду — донесу, какъ ты компрометируешь свою родину, показывая, будто тамъ голодно.

И сейчасъ же, конечно, послѣдовалъ доброму примѣру Исайки.

Мои ревельскія впечатлѣнія оказались весьма интересными.

Узналъ я, во-первыхъ, что меня считаютъ большевикомъ. Я остановился въ очень миломъ старомъ домѣ въ самомъ Кремлѣ, а путь къ этому дому лежалъ мимо юнкерскаго училища. Юнкера были, вѣроятно, русскіе. И вотъ, проходя какъ то мимо училища, я услышалъ:

— Шаляпинъ!

И къ этому громко произнесенному имени были прицѣплены всевозможныя прилагательныя, не особенно лестныя. За прилагательными раздались свистки. Я себя большевикомъ не чувствовалъ, но крики эти были мнѣ непріятны. Для того же, чтобы дѣло ограничилось только словами и свистками, я сталъ изыскивать другіе пути сообщенія съ моимъ домомъ. Меня особенно удивило то, что мой импрессаріо предполагалъ возможность обструкцій во время концерта. Но такъ какъ въ жизни я боялся только начальства, но никогда не боялся публики, то на эстраду я вышелъ бодрый и веселый. Страхи оказались напрасными. Меня хорошо приняли, и я имѣлъ тотъ же успѣхъ, который мнѣ, слава Богу, во всей моей карьерѣ сопутствовалъ неизмѣнно.

Эстонскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Биркъ, любезно пригласилъ меня на другой день поужинать съ нимъ въ клубѣ. По соображеніямъ этикета, онъ счелъ необходимымъ пригласить и совѣтскаго посланника, нѣкоего Гуковскаго, впослѣдствіи отравившагося, какъ говорили тогда, — по приказу. Я былъ пріятно взволнованъ предстоявшей мнѣ возможностью увидѣть

давно невиданное мною свободное и непринужденное собраніе людей, — членовъ клуба, какъ я надѣялся. Я нарядился, какъ могъ, и отправился въ клубъ. Но меня ждало разочарованіе: ужинъ былъ намъ сервированъ въ наглухо закрытомъ кабинетѣ. Правильно или нѣтъ, но я почувствовалъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи не очень то былъ расположенъ показаться публикѣ въ обществѣ совѣтскаго посланника…

Возвращаясь въ Петербургъ, я въ пути подводилъ итогъ моимъ ревельскимъ впечатлѣніямъ:

1. Жизнь заграницей куда лучше нашей, вопреки тому, что намъ внушали въ Москвѣ и Петербургѣ.

2. Совѣты не въ очень большомъ почетѣ у иностранцевъ.

3. Меня считаютъ большевикомъ по злостнымъ сплетнямъ и потому, что я пріѣхалъ изъ Россіи, гдѣ живу и продолжаю жить подъ большевистскимъ режимомъ.

4. Пѣсни мои всетаки приняты были хорошо.

Въ общемъ, значитъ, первая разведка оказалась благопріятной. Если я вырвусь въ Европу, работать и жить я смогу.

Большая радость ждала мою семью, когда я приволокъ съ вокзала здоровый ящикъ со всякой снедью. На нѣкоторое время мы перестали пить морковный чай, который изготовлялся на кухнѣ нашими дамами. Съ радостью идолопоклонниковъ, онѣ теперь мѣсили тѣсто изъ бѣлой муки и пекли лепешки.

74

Послѣ поездки въ Ревель, возбудившей во мнѣ смутныя надежды на лучшее будущее, я сталъ чувствовать себя гораздо бодрѣе и съ обновленной силой приступилъ къ работѣ надъ оперой Сѣрова «Вражья Сила», которую мы тогда ставили въ Маріинскомъ Театрѣ. Эта постановка мнѣ особенно памятна тѣмъ, что она доставила мнѣ случай познакомиться съ художникомъ Кустодіевымъ. Много я зналъ въ жизни интересныхъ, талантливыхъ и хорошихъ людей, но если я когда либо видѣлъ въ человѣке дѣйствительно высокій духъ, такъ это въ Кустодіеве. Всѣ культурные русскіе люди знаютъ, какой это былъ замѣчательный художникъ. Всѣмъ известна его удивительно яркая Россія, звенящая бубенцами и масляной. Его балаганы, его купцы Сусловы, его купчихи Пискулины, его сдобныя красавицы, его ухари и молодцы — вообще, всѣ его типическія русскія фигуры, созданныя имъ по воспоминаніямъ дѣтства, сообщаютъ зрителю необыкновенное чувство радости. Только неимоверная

любовь къ Россіи могла одарить художника такой веселой мѣткостью рисунка и такою аппетитной сочностью краски въ неутомимомъ его изображеніи русскихъ людей… Но многіе ли знали, что самъ этотъ веселый, радующій Кустодіевъ былъ физически безпомощный мученикъ-инвалидъ? Нельзя безъ волненія думать о величіи нравственной силы, которая жила въ этомъ человѣкѣ и которую иначе нельзя назвать, какъ героической и доблестной.

Ф.И.Шаляпинъ. Портретъ работы В.Кустодіева.

Когда возникъ вопросъ о томъ, кто можетъ создать декораціи и костюмы для «Вражьей Силы», заимствованной изъ пьесы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ», — само собою разумѣется, что рѣшили просить объ этомъ Кустодіева. Кто лучше его почувствуетъ и изобразитъ міръ Островскаго? Я отправился къ нему съ этой просьбой.

Жалостливая грусть охватила меня, когда я, пришедши къ Кустодіеву, увидѣлъ его прикованнымъ къ креслу. По неизвестной причинѣ у него отнялись ноги. Лечили его, возили по курортамъ, оперировали позвоночникъ, но помочь ему не могли.

Онъ предложилъ мнѣ сѣсть и руками передвинулъ колеса своего кресла поближе къ моему стулу. Жалко было смотрѣть на обездоленность человѣчью, а вотъ ему, какъ будто, она была незамѣтна: лѣтъ сорока, русый, бледный, онъ поразилъ меня своей духовной бодростью — ни малѣйшаго оттѣнка грусти въ лицѣ. Блестяще горѣли его веселые глаза — въ нихъ была радость жизни.

Я изложилъ ему мою просьбу.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Кустодіевъ. Я радъ, что могу быть вамъ полезнымъ въ такой чудной пьесѣ. Съ удовольствіемъ сдѣлаю вамъ эскизы, займусь костюмами. А пока что, ну-ка, вотъ попозируйте мнѣ въ этой шубѣ. Шуба у васъ больно такая богатая. Пріятно ее написать.

— Ловко-ли? — говорю я ему. Шуба то хороша, да возможно — краденая.

— Какъ краденая? Шутите, Федоръ Ивановичъ.

— Да такъ, говорю, — недѣли три назадъ получилъ ее за концертъ отъ какого то Государственная Учреждения. А вы, вѣдь, знаете лозунгъ: «грабь награбленное».

— Да какъ же это случилось?

— Пришли, предложили спѣть концертъ въ Маріинскомъ театрѣ для какого то, теперь уже не помню какого — «Дома», и вмѣсто платы деньгами али мукой предложили шубу. У меня хотя и была моя татарка кенгуровая, и шубы мнѣ, пожалуй, брать не нужно было бы, но я заинтересовался. Пошелъ въ магазинъ.

Предложили мнѣ выбрать. Экій я мерзавецъ — буржуй! Не могъ выбрать похуже — выбралъ получше.

— Вотъ мы ее, Федоръ Ивановичъ, и закрѣпимъ на полотнѣ. Вѣдь какъ оригинально: и актеръ, и пѣвецъ, а шубу свистнулъ.

Посмѣялись и условились работать. Писалъ Кустодіевъ портретъ, отлого наклоняя полотно надъ собою, неподвижнымъ въ креслѣ… Написалъ быстро. Быстро написалъ онъ также эскизы декорацій и костюмовъ къ «Вражьей Силѣ». Я занялся актерами. И начались репетиціи. Кустодіевъ пожелалъ присутствовать на всѣхъ репетиціяхъ. Изо всѣхъ силъ старался я каждый разъ доставать моторный грузовикъ, и каждый разъ съ помощью его сына или знакомыхъ мы выносили Кустодіева съ его кресломъ, усаживали въ моторъ и затѣмъ такъ же вносили въ театръ. Онъ съ огромнымъ интересомъ наблюдалъ за ходомъ репетицій и, казалось мнѣ, волновался, ожидая генеральной. На первомъ представленіи Кустодіевъ сидѣлъ въ директорской ложѣ и радовался. Спектакль былъ представленъ всѣми нами старательно и публикѣ понравился.

Недолго мнѣ пришлось любовно глядеть на этого удивительнаго человѣка. Портретъ мой былъ написанъ имъ въ 1921 году зимою, а въ 1922 году я уѣхалъ изъ Петербурга. Глубоко я былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти, скажу — безсмертнаго Кустодіева. Какъ драгоцѣннѣйшее достояніе, я храню въ моемъ парижскомъ кабинетѣ мой знаменитый портретъ его работы и всѣ его изумительные эскизы къ «Вражьей Силѣ».

75

Мой концертъ въ Ревелѣ не прошелъ незамѣченнымъ для международныхъ театральныхъ антрепренеровъ. Какой нибудь корреспондентъ, вѣроятно, куда то о немъ телеграфировалъ, и черезъ нѣкоторое время я получилъ въ Москвѣ письмо отъ одного американскаго импрессаріо. Оно пришло ко мнѣ не прямо по почтѣ, а черезъ А.В.Луначарскаго, который переслалъ его при запискѣ, въ которой писалъ, что вотъ, молъ, какой то чудакъ приглашаетъ васъ въ Америку пѣть. Чудакомъ онъ назвалъ антрепренера не безъ основанія: тотъ когда то возилъ по Америкѣ Анну Павлову, и потому на его бланкѣ была выгравирована танцовщица, въ позѣ какого то замысловатаго па.

Обрадовался я этому письму чрезвычайно, главнымъ образомъ, какъ хорошему предлогу спросить Луначарскаго, могу ли я вступить съ этимъ импрессаріо въ серьезные переговоры, и могу ли я разсчитывать, что меня отпустятъ заграницу.

Луначарскій мнѣ это обѣщалъ.

Антрепренеру я ничего не отвѣтилъ, но сейчасъ же сталъ хлопотать о разрѣшеніи выѣхать заграницу, куда я рѣшилъ отправиться на собственный рискъ — такъ велико было мое желаніе вырваться изъ Россіи. Визу я получилъ довольно скоро. Но мнѣ сказали, что за билетъ до одной Риги надо заплатить нѣсколько милліоновъ совѣтскихъ рублей. Это было мнѣ не по средствамъ. Деньги то эти у меня были, но ихъ надо было оставить семьѣ на питаніе. Надо было кое что взять и съ собою. А до этого уши прожужжали тѣмъ, что совѣтскимъ гражданамъ, не въ примѣръ обывателямъ капиталистическихъ странъ, все полагается получать безплатно — по ордерамъ. И вотъ я набрался мужества и позвонилъ Луначарскому: какъ же, говорили — все безплатно, а у меня просятъ нѣсколько милліоновъ за билетъ. Луначарскій обѣщалъ что то такое устроить, и, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время онъ вызвалъ меня по телефону и сообщилъ, что я могу проѣхать въ Ригу безплатно. Туда ѣдетъ въ особомъ поѣздѣ Литвиновъ и другіе совѣтскіе люди — меня помѣстятъ въ ихъ поѣздъ.

Такъ и сделали. Когда я пріѣхалъ на вокзалъ, кто то меня весьма любезно встрѣтилъ, подвелъ къ вагону 1 класса и указалъ мнѣ отдѣльное купэ. Вагонъ былъ министерскій: салонъ, небольшая столовая, а сбоку, вѣроятно, была и кухня. Дипломаты держали себя въ отношеніи меня любезно и ненавязчиво, а я держалъ себя посредственностью, который вообще мало что смыслитъ и поэтому ни въ какіе разговоры не вдается. Пили кофе, завтракали. Во время остановокъ я охотно выходилъ на платформу и гулялъ. Была хорошая августовская погода.

Менѣе пріятно почувствовалъ себя я на платформѣ въ Ригѣ. Выходимъ изъ вагона — фотографы, кинооператоры, репортеры. Выходитъ Литвиновъ, выхожу и я… «Улыбайтесь»… Щелкъ… Мерси… Большевикъ Шаляпинъ!..

Останавливаюсь въ какой то очень скромной гостинницѣ третьяго разряда, въ маленькомъ номерочкѣ, потому что мало денегъ. Иду въ банкъ мѣнять — латвійскій чиновникъ улыбается.

— Извините, — говоритъ. — Этихъ денегъ мы не принимаемъ.

Весело!

Иду съ опущенной головой назадъ въ гостинницу. Что же дѣлать мнѣ?… И вдругъ кто то меня окликнулъ. Пріятель, теноръ изъ Маріинскаго театра, Виттингъ, оказавшійся латышемъ. Молодой, жизнерадостный, жметъ мнѣ руки. Радъ. Чего это я такой грустный? Да вотъ, говорю, не знаю, какъ быть. Въ гостинницѣ остановился, а платить то будетъ нечѣмъ.

— Концертъ! — восклицаетъ мой добрый приятель. —

Сейчасъ же, немедленно!

И, дѣйствительно, устроилъ. Успѣхъ, кое какія деньги и благодатный дождь самыхъ неожиданныхъ для меня предложеній. Сейчасъ же послѣ концерта въ Ригу пріѣхалъ ко мнѣ изъ Лондона видный дѣятель большого грамофоннаго общества Гайзбергъ и предложилъ возобновить довоенный контрактъ, выложивъ на бочку 200 фунтовъ стерлинговъ. Пришли телеграфныя приглашенія пѣть изъ Европы, Америки, Китая, Японіи, Австраліи…

Предоставляю читателямъ самимъ вообразить, какой я закатилъ ужинъ моимъ рижскимъ друзьямъ и пріятелямъ. Весь верхній залъ ресторана Шварца былъ закрытъ для публики, и мы усердно поработали. Надо же было мнѣ истратить четверть баснословной суммы, какъ съ неба ко мнѣ упавшей.

Въ этотъ мой выѣздъ изъ Россіи я побывалъ въ Америкѣ и пѣлъ концерты въ Лондонѣ. Половину моего заработка въ Англіи, а именно 1400 фунтовъ, я имѣлъ честь вручить совѣтскому послу въ Англіи, покойному Красину. Это было въ добрыхъ традиціяхъ крѣпостного рабства, когда мужикъ, уходившій на отхожіе промыслы, отдавалъ помещику, собственнику живота его, часть заработковъ.

Я традиціи уважаю.

76

Если изъ первой моей поездки заграницу я вернулся въ Петербургъ съ нѣкоторой надеждой какъ нибудь вырваться на волю, то изъ второй я вернулся домой съ твердымъ намѣреніемъ осуществить эту мечту. Я убѣдился, что заграницей я могу жить болѣе спокойно, болѣе независимо, не отдавая никому ни въ чѣмъ никакихъ отчетовъ, не спрашивая, какъ ученикъ приготовительнаго класса, можно ли выйти или нельзя…

Жить заграницей одному, безъ любимой семьи, мнѣ не мыслилось, а выѣздъ со всей семьей былъ, конечно, сложнѣе — разрѣшатъ ли? И вотъ тутъ — каюсь — я рѣшилъ покривить душою. Я сталъ развивать мысль, что мои выступленія заграницей приносятъ совѣтской власти пользу, дѣлаютъ ей большую рекламу. «Вотъ, дескать, какіе въ «совѣтахъ» живутъ и процвѣтаютъ артисты!» Я этого, конечно, не думалъ. Всѣмъ же понятно, что если я не плохо пою и не плохо играю, то въ этомъ председатель Совнаркома ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, что такимъ ужъ меня, задолго до большевизма, создалъ Господь Богъ. Я это просто бухнулъ въ мой профитъ.

Къ моей мысли отнеслись, однако, серьезно и весьма благосклонно. Скоро въ моемъ карманѣ лежало заветное разрѣшеніе мнѣ выехать заграницу съ моей семьей…

Однако, въ Москвѣ оставалась моя дочь, которая замужемъ, моя первая жена и мои сыновья. Я не хотѣлъ подвергать ихъ какимъ нибудь непріятностямъ въ Москвѣ и поэтому обратился къ Дзержинскому съ просьбой не дѣлать поспѣшныхъ заключеній изъ какихъ бы то ни было сообщеніи обо мнѣ иностранной печати. Можетъ, вѣдь, найтись предпріимчивый репортеръ, который напечатаетъ сенсаціонное со мною интервью, а оно мнѣ и не снилось.

Дзержинскѣ меня внимательно выслушалъ и сказалъ:

— Хорошо.

Спустя двѣ три недѣли послѣ этого, въ раннее летнее утро, на одной изъ набережныхъ Невы, по близости отъ Художественной Академіи, собрался небольшой кружокъ моихъ знакомыхъ и друзей. Я съ семьей стоялъ на палубѣ. Мы махали платками. А мои дражайшіе музыканты Маріинскаго оркестра, старые мои кровные сослуживцы, разыгрывали марши.

Когда же двинулся пароходъ, съ кормы котораго я, снявъ шляпу, махалъ ею и кланялся имъ — то въ этотъ грустный для меня моментъ, грустный потому, что я уже зналъ, что долго не вернусь на родину — музыканты заиграли «Интернаціоналъ»…

Такъ, на глазахъ у моихъ друзей, въ холодныхъ прозрачныхъ водахъ Царицы-Невы растаялъ навсегда мнимый большевикъ — Шаляпинъ.

III. «Любовь народная»

77

Съ жадной радостью вдыхалъ я воздухъ Европы. Послѣ нищенской и печальной жизни русскихъ столицъ все представлялось мнѣ богатымъ и прекраснымъ. По улицамъ ходили, какъ мнѣ казалось, счастливые люди — беззаботные и хорошо одѣтые. Меня изумляли обыкновенныя витрины магазиновъ, въ которыхъ можно было безъ усилій и ордеровъ центральной власти достать любой товаръ. О томъ, что я оставилъ позади себя, не хотѣлось думать. Малѣйшее напоминаніе о пережитомъ вызывало мучительное чувство. Я, конечно, далъ себѣ слово держаться заграницей вдали отъ всякой политики, заниматься своимъ дѣломъ и избегать открытаго выраженія какихъ нибудь моихъ опиніоновъ о совѣтской власти. Не мое это актерское дѣло, — думалъ я. Заявленіе Дзержинскому, что никакихъ политическихъ интервью я давать не буду, было совершенно искреннимъ. А между тѣмъ, уже черезъ нѣкоторое время послѣ выѣзда изъ Петербурга я невольно учинилъ весьма резкую демонстрацію противъ совѣтской власти, и только потому, что глупый одинъ человѣкъ грубо напомнилъ мнѣ заграницей то, отъ чего я убѣжалъ.

Было это въ Осло. Пришелъ ко мнѣ совѣтскій консулъ, не то приветствовать меня, не то облегчить мнѣ хлопоты по поездке. Хотя внимание консула мнѣ вовсе не было нужно, я его сердечно поблагодарилъ — оно меня тронуло. Оказалось, однако, что консулъ исправлялъ въ Осло еще одну оффиціальную обязанность — онъ былъ корреспондентомъ совѣтского телеграфнаго агентства. И вотъ, исполнивъ весьма мило консульскій долгъ гостепріимства, мой посетитель незаметно для меня перегримировался, принялъ домашне-русскій обликъ и вступилъ въ торжественное исправленіе второй его служебной обязанности.

— Какъ вы, Федоръ Ивановичъ, относитесь къ совѣтской власти?

Поставилъ вопросъ и раскрылъ корреспондентскій блокнотъ, собираясь записывать мой отвѣть.

Не знаю, гдѣ теперь этотъ знаменитый блокнотъ — успелъ ли хозяинъ его унести вмѣстѣ со своими ногами, или онъ по настоящее время валяется на полу гостинницы въ Осло.

Глупый вопросъ и наглое залезаніе въ мою душу, еще полную боли, меня взорвали, какъ бомбу. Забывъ Дзержинскаго и все на

свѣте, я до смерти испугалъ консула-корреспондента отвѣтнымъ вопросительнымъ знакомъ, который я четко изобразилъ въ воздухе, поднявъ тяжелый стулъ:

— А опрашивали они меня, когда власть брали? — закричалъ я громовымъ голосомъ. — Тогда, небось, обошлись безъ моего мнѣнія, а теперь — какъ я отношусь? — Вонъ немедленно отсюда!..

Не знаю, сделался ли известенъ этотъ инцидентъ Дзержинскому, и что онъ о немъ подумалъ. За то, мнѣ очень скоро пришлось, къ сожалешю, узнать, что думаютъ о моемъ отношеніи къ большевистской власти заграницей… Это само по себѣ не очень важное обстоятельство находится въ связи съ темой болѣе общаго порядка, которая меня часто занимала и даже, признаюсь, волновала: почему это люди склонны такъ охотно во всемъ видѣть плохое и такъ легко всему плохому вѣрить? Тутъ мнѣ необходимо сдѣлать отступленіе.

78

Въ теченіе моей долгой артистической карьеры я нерѣдко получалъ знаки вниманія къ моему таланту со стороны публики, а иногда и оффиціальныя «награды» отъ правительствъ и государей. Какъ артистъ, я нравился всѣмъ слоямъ населенія, имѣлъ успѣхъ и при дворѣ. Но честно говорю, что никогда я не добивался никакихъ наградъ, ибо отъ природы не страдаю честолюбіемъ, а еще меньше — тщеславіемъ. Награды же я получалъ потому, что разъ было принято награждать артистовъ, то не могли же не награждать и меня. Отличія, которыя я получалъ, являлись для меня въ известной степени сюрпризами — признаюсь, почти всегда пріятными.

Впрочемъ, съ первой наградой у меня въ царскія времена вышла курьезная непріятность, — вѣрнѣе, инцидентъ, въ которомъ я проявилъ нѣкоторую строптивость характера, и доставившей немного щекотливыхъ хлопотъ моимъ друзьямъ, а главное — Теляковскому.

Однажды мнѣ присылаютъ изъ Министерства Двора футляръ съ царскимъ подаркомъ — золотыми часами. Посмотрѣлъ я часы, и показалось мнѣ, что они недостаточно отражаютъ широту натуры Россійскаго Государя. Я бы сказалъ, что эти золотые съ розочками часы доставили бы очень большую радость заслуженному швейцару богатаго дома… Я подумалъ, что лично мнѣ такихъ часовъ вообще не надо — у меня были лучшіе, а держать ихъ для хвастовства передъ иностранцами — вотъ де,

какіе Царь Русскій часы подарить можетъ! — не имѣло никакого смысла — хвастаться ими какъ разъ и нельзя было. Я положилъ часы въ футляръ и отослалъ ихъ милому Теляковскому при письмѣ, въ которомъ вполнѣ точно объяснилъ резоны моего поступка. Получился «скандалъ». Въ старину отъ царскихъ подарковъ никто не смѣлъ отказываться, а я…

В.А.Теляковскій отправился въ Кабинетъ Его Величества и вмѣстѣ со своими тамъ друзьями безъ огласки инцидентъ уладилъ. Черезъ нѣкоторое время я получилъ другіе часы — на этотъ разъ приличные. Кстати сказать, они хранятся у меня до сихъ поръ.

Столь же неожиданно, какъ часы, получилъ я званіе Солиста Его Величества. Въ 1909 году, когда я пѣлъ въ Брюсселѣ въ La Monnaie, я вдругъ получаю отъ Теляковскаго телеграмму съ поздравленіемъ меня со званіемъ Солиста. Только позже я узналъ, что Теляковскій хлопоталъ объ этомъ званіи для меня, но безуспѣшно, уже долгіе годы. Препятствовалъ будто бы награжденію меня этимъ высокимъ званіемъ великій князь Сергей Александровичъ, дядя государя. Онъ зналъ, что я другъ «презрѣннаго босяка» Горькаго, и вообще считалъ меня кабацкой затычкой. Какъ удалось Теляковскому убѣдить Государя, что я этого званія не опозорю — не знаю. Меня интересовала другая сторона вопроса. Такъ какъ я крестьянинъ по происхожденію, то и дѣти мои продолжали считаться крестьянами, т. е., гражданами второго сорта. Они, напримѣръ, не могли быть приняты въ Пушкинскій Лицей, привлекавшій меня, конечно, тѣмъ, что онъ былъ Пушкинскій. Я подумалъ, можетъ быть, дѣти Солиста Его Величества получать эту возможность. Я отправился съ моимъ вопросомъ къ одному важному чиновнику Министерства Двора.

— Кто же я такой теперь? — спрашивалъ я.

Чиновникъ гнусаво объяснилъ мнѣ, что грѣхъ моего рожденія отъ русскаго крестьянина высокимъ званіемъ Солиста Его Величества еще не смытъ. Въ Пушкинскомъ лицеѣ мои дѣти учиться еще не могутъ. Но теперь — утѣшилъ онъ меня — я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣкоторое основаніе объ этомъ похлопотать…

Волею судьбы «Солистъ Его Величества» превратился въ «Перваго Народнаго Артиста» Совѣтской Республики. Произошло это — также совершенно для меня неожиданно — при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ первый періодъ революции, когда Луначарскій сталъ комиссаромъ народнаго просвѣщенія, онъ часто выступалъ передъ спектаклями въ оперныхъ и драматическихъ театрахъ въ качествѣ докладчика объ исполняемой пьесѣ. Особенно охотно онъ дѣлалъ

это въ тѣхъ случаяхъ, когда спектакль давался для спеціально приглашенной публики. Онъ объяснялъ ей достоинства и недостатки произведенія съ марксистской точки зрѣнія. Въ этихъ докладахъ иногда отдавалось должное буржуазной культурѣ, но тутъ же говорилось о хрупкости и недостаточности этой культуры. Въ заключеніе публикѣ давалось оффиціальное увѣреніе, что въ самомъ близкомъ времени мы на практикѣ покажемъ полноцѣнный вѣсъ будущаго пролетарскаго искусства и все ничтожество искусства прошлаго.

Какъ то въ Маріинскомъ театрѣ былъ данъ оперный спектакль съ моимъ участіемъ для прапорщиковъ, молодыхъ офицеровъ Красной арміи. Шелъ «Севильскій Цирюльникъ». Такъ какъ въ этой оперѣ я выхожу только во 2-мъ актѣ, то я въ театръ не торопился. Мнѣ можно было придти къ началу 1-го акта. Я засталъ на сценѣ еще говорящаго публикѣ Луначарскаго. Прошелъ въ уборную, и тутъ мнѣ пришли и сказали, что Луначарскій меня спрашивалъ, и дали при этомъ понять, что было неловко съ моей стороны опоздать къ его докладу. Я выразилъ сожалѣніе, но при этомъ замѣтилъ, что меня никто не предупреждалъ о митингѣ передъ спектаклемъ… Въ этотъ моментъ прибѣжалъ ко мнѣ, запыхавшись, помощникъ режиссера, и сказалъ:

— Тов. Луначарскій проситъ васъ сейчасъ же выйти на сцену.

— Въ чемъ дѣло?

Пошелъ на сцену и въ кулисахъ встрѣтилъ Луначарскаго, который, любезно поздоровавшись, сказалъ, что считаетъ справедливымъ и необходимымъ въ присутствіи молодой арміи наградить меня званіемъ Перваго Народнаго Артиста соціалистической Республики.

Я сконфузился, поблагодарилъ его, а онъ вывелъ меня на сцену, сталъ въ ораторскую позу и сказалъ въ мой профиль нѣсколько очень для меня лестныхъ словъ, закончивъ рѣчь тѣмъ, что представляетъ присутствующей въ театрѣ молодой арміи, а вмѣстѣ съ нею всей Совѣтской Россіи, Перваго Народная Артиста Республики.

Публика устроила мнѣ шумную овацію. Въ отвѣть на такой пріятный подарокъ, взволнованный, я сказалъ, что я много разъ въ моей артистической жизни получалъ подарки при разныхъ обстоятельствахъ отъ разныхъ правителей, но этотъ подарокъ — званіе народнаго артиста — мнѣ всѣхъ подарковъ дороже, потому что онъ гораздо ближе къ моему сердцу человѣка изъ народа. А такъ какъ — закончилъ я — здѣсь присутствуетъ молодежь россійскаго народа, то я, въ свою очередь, желаю имъ найти въ жизни успѣшныя дороги; желаю, чтобы каждый изъ нихъ

испыталъ когда нибудь то чувство удовлетворенія, которое я испытываю въ эту минуту.

Слова эти были искреннія. Я, дѣйствительно, отъ всей души желалъ этимъ русскимъ молодымъ людямъ успѣховъ въ жизни. Ни о какой политикѣ я, разумѣется, при этомъ не думалъ.

Оказалось, однако, что за эту мою рѣчь я немедленно былъ зачисленъ чуть ли не въ тайные агенты Г.П.У. Уже нѣкій піанистъ, бывшій когда то моимъ закадычнымъ другомъ, выбравшись заграницу изъ Россіи, разсказывалъ всѣмъ, какъ низко палъ Шаляпинъ. Если бы — заявлялъ онъ — къ нему въ руки когда нибудь попала власть, то онъ ни минуты не остановился бы передъ наказаніемъ Шаляпина, а формой наказания избралъ бы порку… А нѣкій зарубежный писатель, также до нѣкоторой степени мой бывшій пріятель, а еще больше шумный мой поклонникъ, въ гимназическіе годы проводившій ночи въ дежурствахъ у кассы, чтобы получить билетъ на мой спектакль — съ одобренія редакторовъ копеечныхъ газетъ и грошевыхъ мыслей — разсказывалъ въ печати публикѣ, что Шаляпинъ сделался до такой степени ярымъ коммунистомъ, что во время представленія въ Маріинскомъ театрѣ «Евгенія Онѣгина», играя роль генерала Гремина, срывалъ съ себя эполеты и для демонстраціи бросалъ ихъ въ партеръ, приводя этимъ въ восторгъ солдатскую публику…

Всѣ такіе слухи создали обо мнѣ среди живущихъ заграницей русскихъ мнѣніе, что я настоящій большевикъ, или, по крайней мѣрѣ, прислужникъ большевиковъ. Чего же — недоумевали люди — Шаляпинъ покинулъ столь любезную ему власть и уѣхалъ съ семьей заграницу? И вотъ, когда я пріѣхалъ въ Парижъ, одинъ небезызвѣстный русскій журналистъ, излагая свои точныя соображенія о причинахъ моего выѣзда изъ Россіи, объяснилъ ихъ русской читающей публикѣ весьма основательно:

— Появленіе Шаляпина въ Парижѣ очень симптоматично, а именно — крысы бѣгутъ съ тонущаго корабля…

79

Этотъ чрезвычайно замѣчательный комплиментъ воскресилъ въ моей памяти много въ разное время передуманныхъ мыслей о томъ странномъ восторгѣ, съ которымъ русскій человѣкъ «развѣнчиваетъ» своихъ «любимцевъ». Кажется, что ему доставляетъ сладострастное наслажденіе унизить сегодня того самаго человѣка, котораго онъ только вчера возносилъ. Унизить часто безъ основаній, какъ безъ повода иногда возносилъ. Точно тяжело русскому человѣку безъ внутренней досады признать

заслугу, поклониться таланту. При первомъ случаѣ онъ торопится за эту испытанную имъ досаду страстно отомстить. Не знаю, быть можетъ, эта черта свойственна людямъ вообще, но я ее видѣлъ преимущественно въ русской варіаціи и не мало ей удивлялся. Почему это въ нашемъ быту злое издевательство сходитъ за умъ, а великодушный энтузіазмъ за глупость. Почему, напримѣръ, В.В.Стасова, который первый возславилъ новую русскую музыку, за его благородный энтузіазмъ называли «Вавила Барабановъ», «Неуважай Корыто», «Тромбонъ» и т. п., а Буренина, который безпощадно шпынялъ и — скажу — грубо и низко издѣвался, напримѣръ, надъ сентиментальнымъ и больнымъ Надсономъ, признали умнымъ человѣкомъ? Неужели же умъ — это умѣше видѣть все въ плохомъ свѣтѣ, а глупость — видѣть хорошее? Вѣдь Стасовъ и Надсонъ жили на свѣтѣ только съ однимъ желаніемъ — куда ни взглянуть, замѣтить прекрасное. Какъ они благородны въ томъ, что съ энтузіазмомъ смотрѣли на самыя, казалось, маленькія вещи и дѣлали ихъ большими? Почему это русская любовь такъ тиранически нетерпима? Живи не такъ, какъ хочется, а какъ моя любовь къ тебѣ велитъ. Поступай такъ, какъ моей любви къ тебѣ это кажется благолѣпнымъ. Я полюбилъ тебя, значитъ — создавай себя въ каждую минуту твоей жизни по моему образу и подобію. Горе тебѣ, если ты въ чѣмъ нибудь уклонился отъ моего идеала.

Въ Суконной Слободѣ, бывало, ходитъ этакій кудрявый молодой человѣкъ съ голубыми глазами къ дѣвицѣ. Благородно, не возвышая голоса, вкрадчиво объясняетъ ей свою безкорыстную любовь. Дѣвица повѣрила, отдала ему свое сердечное вниманіе. А послѣ десятка поцѣлуевъ кудрявый человѣкъ съ голубыми глазами уже начинаетъ замѣчать, что она ведетъ себя не такъ строго, какъ должна вести себя девушка: любовь его оскорблена. Не дай Богъ, если она ему возразитъ, что самъ же онъ ее цѣловалъ — онъ придетъ въ неописуемую ярость и предъявитъ ей категорическое требованіе:

— Отдай мнѣ немедленно мои письма назадъ!..

Русская публика меня любила — я этого отрицать не могу. Но почему же не было низости, въ которую она бы не повѣрила, когда дѣло касалось меня? Почему, несмотря на преклоненіе передъ моимъ талантомъ, мнѣ приписывали самыя худшія качества?

Я еще могу понять басни и росказни о моемъ эпическомъ пьянствѣ хотя никогда ни въ какомъ смыслѣ не былъ я пьяницей. Въ представленіи русскаго человѣка герой не можетъ пить изъ стакана — онъ долженъ пить ушатами. Я пилъ рюмками, но, такъ какъ я былъ «герой», надо было сказать, что я пью бочками

сороковыми, — и ни въ одномъ глазу! Это, пожалуй, даже комплиментъ мнѣ — молодецъ. Сила русскаго человѣка часто измѣрялась количествомъ алкоголя, которое онъ можетъ безнаказанно поглотить. Если онъ могъ выпить дюжину шампанскаго и не падалъ на полъ, а, гордо шатаясь, шелъ къ выходу, — его благоговѣйно провожали словами:

— Вотъ это человѣкъ!

Такъ что «пьянство» мое я понимаю, — и даже польщенъ. Но не понимаю, напримѣръ, почему «герою» умѣстно приписывать черты мелкаго лавочника?

Вспоминается мнѣ такой замѣчательный случай.

Въ Московскомъ Большомъ театрѣ былъ объявленъ мой бенефисъ. Мои бенефисы всегда публику привлекали, заботиться о продажѣ билетовъ, разумѣется, мнѣ не было никакой надобности. Продавалось все до послѣдняго мѣста. Но вотъ мнѣ стало извѣстно, что на предыдущій мой бенефисъ барышники скупили огромное количество мѣстъ и продавали ихъ публики по бѣшенымъ цѣнамъ, — распродавъ, однако, всѣ билеты. Стало мнѣ досадно, что мой бенефисный спектакль оказывается, такимъ образомъ, недоступнымъ публикѣ со скромными средствами, главнымъ образомъ — московской интеллигенціи. И вотъ что я дѣлаю: помещаю въ газетахъ объявленіе, что билеты на бенефисъ можно получить у меня непосредственно въ моей квартирѣ. Хлопотно это было и утомительно, но я никогда не лѣнюсь, когда считаю какое нибудь дѣйствіе нужнымъ и справедливымъ. Мнѣ же очень хотелось доставить удовольсше небогатой интеллигенціи. Что же вы думаете объ этомъ написали въ газетахъ?

— Шаляпинъ открылъ лавочку!..

Богатую пищу всевозможнымъ сплетнямъ давали, и даютъ до сихъ поръ, мои отношенія съ дирижерами. Создалась легенда, что я постоянно устраиваю имъ неприятности, оскорбляю ихъ, вообще — ругаюсь. За сорокъ лѣтъ работы на сценѣ столкновенія съ различными дирижерами у меня, дѣйствительно, случались, и все же меня поражаетъ та легкость, съ которою мои «поклонники» дѣлаютъ изъ мухи слона, и та моральная беззаботность, съ какой на меня въ этихъ случаяхъ просто клевещутъ. Не было ни одного такого столкновенія, которое не раздули бы въ «скандалъ» — учиненный, конечно, мною. Виноватымъ всегда оказываюсь я. Не запомню случая, чтобы кто нибудь далъ себѣ трудъ подумать, съ чего я съ дирижерами «скандалю»? Выгоду, что ли, я извлекаю изъ этихъ столкновеній или они доставляютъ мнѣ безкорыстное удовольствіе?

Увѣренность въ оркестровомъ сопровожденіи для меня, какъ

для всякаго пѣвца, одно изъ главнѣйшихъ условій спокойной работы на сценѣ. Только тогда я въ состояніи цѣликомъ сосредоточиться на твореніи сценическаго образа, когда дирижеръ правильно ведетъ оркестръ. Только тогда могу я во время игры осуществлять тотъ контроль надъ собою, о которомъ я говорилъ въ первой части этой книги. Слово «правильно» я здѣсь понимаю не въ смыслѣ глубоко-художественнаго истолкованія произведѣнія, а лишь въ самомъ простомъ и обычномъ смыслѣ надлежащаго движенія и чередованія ударовъ. Къ великому моему сожалѣнію, у большинства дирижеровъ отсутствуетъ чувство (именно, чувство) ритма. Такъ что, первый ударъ сплошь и рядомъ оказывается или короче второго, или длиннѣе. И вотъ когда дирижеръ теряетъ тактъ, то забѣгаетъ впередъ, этимъ лишая меня времени дѣлать необходимыя сценическія движенія или мимическія паузы, то отстаетъ, заставляя меня замедлить дѣйствіе — правильная работа становится для меня совершенно невозможной. Ошибки дирижера выбиваютъ меня изъ колеи, я теряю спокойствіе, сосредоточенность, настроеніе. И такъ какъ я не обладаю завидной способностью быть равнодушнымъ къ тому, какъ я передъ публикой исполняю Моцарта, Мусоргскаго или Римскаго-Корсакова (лишь бы заплатили гонораръ!), то малѣйшая клякса отзывается въ моей душѣ каленымъ желѣзомъ. Маленькія ошибки, невольныя и мгновенныя, у человѣка всегда возможны. Мои мгновенныя-же на нихъ реакціи обыкновенно остаются незамѣтными для публики. Но когда невнимательный, а въ особенности бездарный дирижеръ, какихъ около театра несчетное количество, начинаетъ врать упорно и путать безнадежно, то я иногда теряю самообладаніе и начинаю отбивать со сцены такты, стараясь ввести дирижера въ надлежащій ритмъ… Говорятъ, что это непринято, что это невѣжливо, что это дирижера оскорбляетъ. Возможно, что это такъ, но скажу прямо: оскорблять я никого не хочу и очень жалѣю, если мною кто нибудь оскорбленъ; а, вотъ, быть «вѣжливымъ» за счетъ Моцарта, Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго, котораго невѣжественный дирижеръ извращаетъ и, подлинно, оскорбляетъ — я едва ли когда нибудь себя уговорю… Не способенъ я быть «вѣжливымъ» до такой степени, чтобы слѣпо и покорно слѣдовать за дирижеромъ, куда онъ меня безъ толка и смысла вздумаетъ тянуть, сохраняя при этомъ на гримѣ пріятную улыбку… Я никогда не отказываю въ уваженіи добросовѣстному труду, но имѣю-же я, наконецъ, право требовать отъ дирижера нѣкотораго уваженія и къ моимъ усиліямъ дать добросовѣстно сработанный спектакль. Съ дирижерами у меня бываютъ тщательныя репетиціи. Я имъ втолковываю нота въ ноту все, что должно и какъ должно быть сделано на спектаклѣ. На этихъ

репетиціяхъ я не издаю декретовъ: всѣ мои замѣчанія, всѣ указанія мои я подробно объясняю. Если бы дирижеръ, дѣйствительно, пожелалъ меня куда нибудь вести за собою, я бы, пожалуй, за нимъ пошелъ, если бы только онъ меня убѣдилъ въ своей правоте. Логике я внялъ бы, даже неудобной для меня. Но въ томъ то и дѣло, что я еще не видѣлъ ни одного дирижера, который логично возразилъ бы мнѣ на репетиціи. Если меня спроситъ музыкантъ, артистъ, хористъ, рабочій, почему я дѣлаю то или это, я немедленно дамъ ему объясненіе, простое и понятное, но если мнѣ случается на репетиціи спросить дирижера, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе, то онъ отвѣта не находитъ…

Эти дирижерскія ошибки, мѣшающія мнѣ пѣть и играть, почти всегда являются слѣдствіемъ неряшливости, невниманія къ работе или же претенціозной самоувѣренности при недостатке таланта. Пусть дирижеры, которые на меня жалуются публике и газетамъ, пеняютъ немного и на себя. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, справедливо. Ведь, съ Направникомъ, Рахманиновымъ, Тосканини у меня никогда никакихъ столкновеній не случалось.

Я охотно принимаю упрекъ въ несдержанности — онъ мною заслуженъ. Я сознаю, что у меня вспыльчивый характеръ, и что выраженіе недовольства у меня бываетъ резкое. Пусть меня критикуютъ, когда я неправъ. Но не постигаю, почему нужно сочинять про меня злостныя небылицы? Въ Парижѣ дирижеръ портитъ мнѣ во французскомъ театрѣ русскую новинку, за которую я несу главную отвѣтственность передъ авторомъ, передъ театромъ и передъ французской публикой. Во время действія я нахожу себя вынужденнымъ отбивать со сцены такты. Этотъ грехъ я за собою признаю. Но я не помню случая, чтобы я со сцены, во время дѣйствія, передъ публикой произносилъ какія нибудь слова по адресу дирижеровъ. А въ газетахъ пишутъ, что я такъ его со сцены ругалъ, что какія то изысканныя дамы встали съ мѣстъ и, оскорбленныя, покинули залъ!.. Очевидно, сознаніе, что я недостаточно оберегаю честь русскаго искусства, доставляетъ кому-то «нравственное удовлетвореніе»…

А какіе толки вызвало въ свое время награждение меня званіемъ Солиста Его Величества. Въ радикальныхъ кругахъ мнѣ ставили въ упрекъ и то, что награду эту мнѣ дали, и то, что я ее принялъ, какъ позже мнѣ вменяли въ преступленіе, что я не бросилъ назадъ въ лицо Луначарскому награды званіемъ Народнаго артиста. И такъ, въ сущности, водится до сихъ поръ. Если я сижу съ русскимъ генераломъ въ кафе de la Paix, то въ это время гдѣ нибудь въ русскомъ кварталѣ на rue de Banquiers обсуждается вопросъ, давно ли я сдѣлался монархистомъ или

всегда былъ имъ. Стоитъ же мнѣ на другой день въ томъ же кафе встрѣтить этакого, скрывающаяся неизѣстно отъ кого, знакомаго коммуниста Ш. и выпить съ нимъ стаканъ портвейну, такъ уже на всѣхъ улицахъ, гдѣ живутъ русскіе, происходитъ необыкновенный переполохъ. Въ концѣ концовъ, они понять не могутъ:

— Монархистъ Шаляпинъ или коммунистъ? Одни его видели съ генераломъ Д., а другіе — съ коммунистомъ Щ…

Замѣчу, что все сказанное служитъ только нѣкоторымъ предисловіемъ къ разсказу объ одномъ изъ самыхъ нелѣпыхъ и тяжелыхъ инцидентовъ всей моей карьеры. Безъ злобы я говорю о немъ теперь, но и до сихъ поръ въ душѣ моей пробуждается острая горѣчь обиды, когда я вспоминаю, сколько этотъ инцидентъ причинилъ мнѣ незаслуженнаго страданія, когда я вспоминаю о той жестокой травлѣ, которой я изъ-за него подвергался.

80

Государь Николай II, въ первый разъ послѣ Японской войны, собрался пріѣхать на спектакль въ Маріинскій театръ. Само собою разумѣется, что театральный залъ принялъ чрезвычайно торжественный видъ, наполнившись генералами отъ инфантеріи, отъ каваллеріи и отъ артиллеріи, министрами, сановниками, представителями большого свѣта. Залъ блестѣлъ сплошными лентами и декольте. Однимъ словомъ, сюперъ-гала. Для меня же это былъ не только обыкновенный спектакль, но еще и такой, которымъ я въ душѣ былъ недоволенъ: шелъ «Борисъ Годуновъ» въ новой постановкѣ, казавшейся мнѣ убогой и неудачной.

Я зналъ, что въ это время между хористами и Дирекціей Маріинскаго театра происходили какія то недоразумѣнія матеріальнаго характера. Не то это былъ вопросъ о бенефисѣ для хора, не то о прибавкѣ жалованья. Хористы были недовольны. Они не очень скрывали своей рѣшимости объявить въ крайнемъ случай забастовку. Какъ будто, даже угрожали этимъ. Управляющей Конторой Императорскихъ Театровъ былъ человѣкъ твердаго характера и съ хористами разговаривалъ довольно громко. Когда онъ услышалъ, что можетъ возникнуть забастовка, онъ, кажется, вывѣсилъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ забастовки онъ не задумается закрыть театръ на недѣлю, на двѣ недели, на мѣсяцъ, т. е. на все то время, которое окажется необходимымъ для набора совершенно новаго комплекта хористовъ. Объявленіе произвело на хоръ впечатлѣніе, и онъ внѣшне притихъ, но обиды своей хористы не заглушили. И вотъ,

когда они узнали, что въ театръ пріѣхалъ Государь, то они тайно между собою сговорились со сцены подать Царю не то жалобу, не то петицію по поводу обидъ дирекціи.

Объ этомъ намѣреніи хора я, разумѣется, ничего не зналъ.

По ходу дѣйствія въ «БорисѢ ГодуновѢ» хору это всего удобнѣе было сдѣлать сейчасъ же послѣ пролога. Но наша фешенебельная публика, знающая толкъ въ «Мадамъ Батерфляй», осталась равнодушной къ прекрасной музыкѣ Мусоргскаго въ прологѣ, и вызововъ не послѣдовало. Слѣдующая сцена въ келіи также имѣетъ хоръ, но хоръ поетъ за кулисами. Публикѣ «сюперъгала» превосходная сцена въ кельѣ кажется скучной, и послѣ этого акта опять не было никакихъ вызововъ. У хора, значитъ, остается надежда на сцену коронаціи: выходитъ Шаляпинъ, будутъ вызовы. Но, увы, и послѣ сцены коронаціи шумъ въ зрительномъ залѣ не имѣлъ никакого отношенія къ оперѣ: здоровались, болтали, сплетничали… Въ сценѣ корчмы нѣтъ хора. Нѣть также хора и въ моей сценѣ въ теремѣ. Хору какъ будто выйти нельзя. Истомленные хористы рѣшили: если и послѣ моей сцены не подымется занавѣсъ, значитъ — и опера ничего не стоитъ, и Шаляпинъ плохой актеръ; если же занавѣсъ подымется — выйти. Занавѣсъ наверное подымется — надѣялись они. И не ошиблись. Послѣ сцены галлюцинацій, послѣ словъ: «Господи, помилуй душу преступнаго Царя Бориса» — занавѣсъ опустился подъ невообразимый шумъ рукоплесканій и вызововъ. Я вышелъ на сцену раскланяться. И въ этотъ самый моментъ произошло нѣчто невѣроятное и въ тотъ моментъ для меня непостижимое. Изъ задней двери декорацій — съ боковъ выхода не было — высыпала, предводительствуемая одной актрисой, густая толпа хористовъ съ пѣніемъ «Боже царя храни!», направилась на аванъсцену и бухнулась на колѣни. Когда я услышалъ, что поютъ гимнъ, увидѣлъ, что весь залъ поднялся, что хористы на колѣняхъ, я никакъ не могъ сообразить, что собственно случилось — не могъ сообразить, особенно послѣ этой физически утомительной сцены, когда пульсъ у меня 200. Мнѣ пришло въ голову, что, должно быть, случилось какое нибудь страшное террористическое покушеніе, или — смѣшно! — какая нибудь высокая дама въ ложѣ родила…

Полунощная царица
Даруетъ сына въ Царскій Домъ…

Мелькнула мысль уйти за сцену, но съ боку, какъ я уже сказалъ, выхода не было, а сзади сцена запружена народомъ. Я пробовалъ было сдѣлать два шага назадъ, — слышу шопотъ

хористовъ, съ которыми въ то время у меня были отличныя отношенія; «Дорогой Федоръ Ивановичъ, не покидайте насъ!»… Что за притча? Все это — соображения, мысли, исканія выхода — длилось, конечно, не болѣе нѣсколькихъ мгновеній. Однако, я ясно почувствовалъ что съ моей высокой фигурой торчать такъ нелѣпо, какъ чучело, впереди хора, стоящаго на колѣняхъ, я ни секунды больше не могу. А тутъ какъ разъ стояло кресло Бориса; я быстро присѣлъ къ ручкѣ кресла на одно колѣно.

Сцена кончилась. Занавѣсъ опустился. Все еще недоумѣвая, выхожу въ кулисы; немедленно подбѣжали ко мнѣ хористы и на мой вопросъ, что это было? — отвѣтили: «пойдемте, Федоръ Ивановичъ, къ намъ наверхъ. Мы все Вамъ объяснимъ».

Я за ними пошелъ наверхъ, и они, дѣйствительно, мнѣ объяснили свой поступокъ. При этомъ они чрезвычайно экспансивно меня благодарили за то, что я ихъ не покинулъ, оглушительно спѣли въ мою честь «Многая лѣта» и меня качали.

Возвратившись въ мою уборную, я нашелъ тамъ блѣднаго и взволнованнаго Теляковскаго.

— Что же это такое, Федоръ Ивановичъ? Отчего вы мнѣ не сказали, что въ театрѣ готовится такая демонстрація?

— А я удивляюсь, что Вы, Владиміръ Аркадьевичъ объ этомъ мнѣ ничего не сказали. Дѣло Дирекціи знать.

— Ничего объ этомъ я не зналъ, — съ сокрушеніемъ замѣтилъ Теляковскій. — Совсѣмъ не знаю, что и какъ буду говорить объ этомъ Государю.

Демонстрація, волненіе Теляковскаго и вообще весь этотъ вечеръ оставили въ душѣ непріятный осадокъ. Я вообще никогда не любилъ странной русской манеры по всякому поводу играть или пѣть національный гимнъ. Я замѣтилъ, что чѣмъ чаще гимнъ исполняется, тѣмъ меньше къ нему люди питаютъ почтенія. Гимнъ вѣщь высокая и драгоцѣнная. Это представительный звукъ націи, и пѣть гимнъ можно только тогда, когда высокимъ волненіемъ напряжена душа, когда онъ звучитъ въ крови и нервахъ, когда онъ льется изъ полнаго сердца. Святынями не кидаются, точно гнилыми яблоками. У насъ же вошло въ отвратительную привычку требовать гимна чуть ли не при всякой пьяной дракѣ — для оказательства «національно-патрютическихъ» чувствъ. Это было мнѣ непріятно. Но рѣшительно заявляю, что никакого чувства стыда или сознанія униженія, что я стоялъ или не стоялъ на колѣняхъ передъ царемъ, у меня не было и въ зародышѣ. Всему инциденту я не придалъ никакого значенія. Въ самыхъ глубокихъ клѣточкахъ мозга не шевелилась у меня мысль, что я что то такое сдѣлалъ неблаговидное, предалъ что то, какъ нибудь измѣнилъ моему

достоинству и моему инстинкту свободы. Долженъ прямо сказать, что при всѣхъ моихъ недостаткахъ, рабомъ или холопомъ я никогда не былъ и неспособенъ имъ быть. Я понимаю, конечно, что нѣтъ никакого унижения въ колѣнопреклоненномъ исполненіи какого нибудь ритуала, освященнаго національной или религіозной традиціей. Поцеловать туфлю Намѣстника Петра въ Римѣ можно, сохраняя полное свое достоинство. Я самымъ спокойнѣйшимъ образомъ сталъ бы на колѣни передъ Царемъ или передъ Патріархомъ, если бы такое движеніе входило въ мизансценъ какого нибудь ритуала или обряда. Но такъ вотъ, здорово живешь, броситься на всѣ четыре копыта передъ человѣкомъ, будь онъ трижды Царь, — на такое низкопоклонство я никогда не былъ способенъ. Это не въ моей натурѣ, которая гораздо болѣе склонна къ оказательствамъ «дерзости», чѣмъ угодничества. На колѣни передъ царемъ я не становился. Я вообще чувствовалъ себя вполнѣ непричастнымъ къ случаю. Проходилъ мимо дома, съ котораго упала вывѣска, не задѣвъ, слава Богу, меня… А на другой день я уѣзжалъ въ Монте-Карло. Въ петербургскій январь очень пріятно чувствовать, что черезъ два-три дня увидишь яркое солнце и цвѣтущія розы. Беззаботно и весело уѣхалъ я на Ривьеру.

81

Каково же было мое горестное и негодующее изумленіе, когда черезъ короткое время я въ Монте-Карло получилъ отъ моего друга, художника Сѣрова, кучу газетныхъ вырѣзокъ о моей «монархической демонстраціи!» Въ «Русскомъ Словѣ», редактируемомъ моимъ пріятелемъ Дорошевичемъ, я увидѣлъ чудесно сделанный рисунокъ, на которомъ я былъ изображенъ у суфлерской будки съ высоко воздѣтыми руками и съ широко раскрытымъ ртомъ. Подъ рисункомъ была надпись: «Монархическая демонстрація въ Маріинскомъ театрѣ во главе съ Шаляпинымъ». Если это писали въ газетахъ, то что же, думалъ я, передается изъ устъ въ уста! Я, поэтому, нисколько не удивился грустной приписке Сѣрова: «Что это за горе, что даже и ты кончаешь карачками. Постыдился бы».

Я Сѣрову написалъ, что напрасно онъ повѣрилъ вздорнымъ сплетнямъ, и пожурилъ его за записку. Но вѣсть о моей «измѣнѣ народу» достигла, между тѣмъ, и департамента Морскихъ Альпъ. Возвращаясь какъ-то изъ Ниццы въ Монте-Карло, я сидѣлъ въ купэ и бесѣдовалъ съ пріятелемъ. Какъ вдругъ какіе то молодые люди, курсистки, студенты, а можетъ быть и приказчики, вошедшіе въ

вагонъ, стали наносить мнѣ всевозможныя оскорбленія:

— Лакей!

— Мерзавецъ!

— Предатель!

Я захлопнулъ дверь купэ. Тогда молодые люди наклеили на окно бумажку, на которой крупными буквами было написано:

— Холопъ!

Когда я, разсказывая объ этомъ моимъ русскимъ пріятелямъ, спрашиваю ихъ, зачѣмъ эти люди меня оскорбляли, они до сихъ поръ отвѣчаютъ:

— Потому, что они гордились Вами и любили Васъ.

Странная, слюнявая какая то любовь!

Конечно, это были молодые люди. Они позволили себѣ свой дикій поступокъ по крайнему невежеству и по сомнительному воспитанію. Но какъ было мнѣ объяснить поведеніе другихъ, дѣйствительно, культурныхъ людей, которыхъ тысячи людей уважаютъ и цѣнятъ, какъ учителей жизни?

За годъ до этого случая я пѣлъ въ томъ же Монте-Карло. Взволнованный человѣкъ прибѣжалъ ко мнѣ въ уборную и съ неподдельной искренностью сказалъ мнѣ, что онъ потрясенъ моимъ пеніемъ и моей игрой, что жизнь его наполнена однимъ этимъ вечеромъ. Я, пожалуй, не обратилъ бы вниманія на восторженныя слова и похвалы моего посетителя, если бы онъ не назвалъ своего имени:

— Плехановъ.

Объ этомъ человѣкѣ я слышалъ, конечно; это былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и образованныхъ вождей русскихъ соціалъ-демократовъ, даровитый публицистъ при этомъ. И когда онъ сказалъ мне:

— Какъ хотелъ бы я посидѣть съ Вами, выпить чашку чаю, — я съ искреннимъ удовольствіемъ отвѣтилъ;

— Ради Бога! Приходите ко мнѣ въ отель де Пари. Буду очень счастливъ.

— Вы мнѣ позволите съ моей супругой?

— Конечно, конечно, съ супругой. Я буду очень радъ.

Пришли ко мнѣ Плехановы. Мы пили чай, разговаривали. Плехановъ мнѣ говорилъ, подобно Гоголю:

— Побольше бы такого народа, Винница славно бы пошла…

Уходя, онъ попросилъ у меня мою фотографію. Мнѣ радостно было слушать его и было пріятно знать, что его интересуетъ моя фотографія.

Я написалъ ему:

— «Съ сердечными чувствами».

И вотъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ молодые

люди плевали мнѣ въ лицо оскорбленія, я, придя домой, нашелъ адресованный мнѣ изъ Ментона плотный конвертъ и въ немъ нашелъ фотографію, на которой я прочналъ двѣ надписи: одну мою старую — «съ сердечными чувствами», и другую, свѣжую — Плеханова — «Возвращается за ненадобностью»…

А въ это время въ Петербургѣ извѣстный русскій литераторъ написалъ мнѣ письмо, полное упрековъ и укоризны. Унизилъ де я званіе русскаго культурнаго человѣка. Позже я узналъ, что этимъ своимъ интимнымъ чувствамъ скорби негодующій литераторъ далъ гектографическое выраженіе: копіи своего письма ко мнѣ онъ разослалъ по редакціямъ всѣхъ столичныхъ газетъ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ, какъ благородно онъ чувствовалъ…

Долженъ откровенно признаться, что эта травля легла тяжелымъ булыжникомъ на мою душу. Стараясь понять странность этого невероятнаго ко мнѣ отношения, я сталъ себя спрашивать, не совершилъ ли я, дѣйствительно, какого нибудь страшнаго преступленія? Не есть ли, наконецъ, самое мое пребываніе въ Императорскомъ театрѣ измѣна народу? Меня очень занималъ вопросъ, какъ смотритъ на этотъ инцидентъ Горькій.

Горькій былъ въ это время на Капри и молчалъ. Стороной я слышалъ, что многіе, пргѣзжавшіе къ нему на Капри, не преминули многозначительно мигнуть заостреннымъ глазомъ въ мою сторону. Кончивъ сезонъ, я написалъ Горькому, что хотѣлъ бы приѣхать къ нему, но прежде, чѣмъ это сдѣать, желалъ бы знать, не заразился ли и онъ общимъ психозомъ. Горькій мнѣ отвѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, взволнованъ слухами, которыми ему прожужжали уши. Онъ меня, поэтому, просить написать ему, что же произошло на самомъ дѣлѣ. Я написалъ. Горькій отвѣтилъ просьбой немедленно къ нему пріѣхать.

Противъ своего обыкновенія ждать гостей дома или на пристани, Горькій на этотъ разъ выѣхалъ на лодкѣ къ пароходу мнѣ навстрѣчу. Этотъ чуткій другъ понялъ и почувствовалъ, какую муку я въ то время переживал!.. Я былъ такъ растроганъ этимъ благороднымъ его жестомъ, что отъ радостнаго волненія заплакалъ. Алексей Максимовичъ меня успокоилъ, лишній разъ давъ мнѣ понять, что онъ знаетъ цѣну мелкой пакости людской…

82

Мелкія это были раны, но онѣ долго въ моей душѣ не заживали. Подъ дѣйствіемъ неутихавшей боли отъ нихъ я

совершилъ поступокъ, противорѣчившій, въ сущности, моему внутреннему чувству: я отказался участвовать въ празднествахъ по случаю трехсотлѣтняго юбилея Дома Романовыхъ. Думаю, что я по совести не имѣлъ никакихъ основаній это сдѣлать. Правда, я былъ враждебенъ существовавшему политическому режиму и желалъ его паденія. Но всякаго рода индивидуальныя политическія демонстраціи вообще чужды моей натурѣ и моему взгляду на вещи. Мнѣ всегда казалось это кукишемъ въ карманѣ. Домъ Романовыхъ существовалъ триста лѣтъ. Онъ далъ Россіи правителей плохихъ, посредственныхъ и замѣчательныхъ. Они сделали много плохихъ и хорошихъ вещей. Это — русская исторія. И вотъ, когда входитъ царь, и когда играютъ сотни лѣтъ игранный гимнъ, среди всѣхъ вставшихъ — одинъ человѣкъ твердо сидитъ въ своемъ креслѣ… Такого рода протестъ кажется мнѣ мелкопомѣстнымъ. Какъ ни желалъ бы я искренне запротестовать — отъ такого протеста никому ни тепло, ни холодно. Такъ что мое чувство вполнѣ позволяло мнѣ пѣть въ торжественномъ юбилейномъ спектаклѣ. Я, однако, уклонился. И поступилъ я такъ только потому, что воспомннаніе о пережитой травлѣ лишило меня спокойствія. Мысль о томъ, что она можетъ въ какой нибудь формѣ возобновиться, сделала меня малодушнымъ. Я былъ тогда въ Германіи и оттуда конфиденціально написалъ В.А.Теляковскому, что не могу принять участіе въ юбилейномъ спектаклѣ, чувствуя себя нездоровымъ. Я полагаю, что Владиміръ Аркадьевичъ понялъ несерьезность предлога. Было такъ легко признать мое уклоненіе «саботажемъ», сдѣлать изъ этого «организаціонные выводы» и лишить меня званія Солиста Его Величества. Но В.А.Теляковскій былъ истинный джентельменъ и представитель «буржуазной» культуры: о моемъ отказѣ онъ никому не молвилъ ни слова. Званія Солиста меня никто и не думалъ лишать. О томъ, что у человѣка можно отнять сделанный ему подарокъ, додумались только представители пролетарской культуры. Вотъ они, дѣйствительно, «лишили» меня званія Народнаго Артиста. Объ обстоятельствахъ, при которыхъ это произошло, стоитъ разсказать. Это относится къ моей темѣ о «любви народной»…

Перебегая въ качествѣ крысы изъ одного государства въ другое, чтобы погрызть зернышко то тутъ, то тамъ, я пріѣхалъ какъ то въ Лондонъ. Однажды, когда я возвращался съ ночной прогулки, швейцаръ отеля нѣсколько загадочно и даже испуганно сообщилъ мнѣ, что въ пріемной комнатѣ меня ждутъ два какихъ то индивидуума. Въ часъ ночи! Кто бы это могъ быть? Просители приходятъ, обыкновенно, по утрамъ.

— Русскіе?

— Нѣтъ. Кажется, англичане.

Интервьюеры — такъ поздно! Я былъ заинтригованъ.

— Зови.

Дѣйствительно, это оказались англійскіе репортеры. Они сразу мнѣ бухнули:

— Правда ли, г. Шаляпинъ, что вы денаціонализованы Совѣтской властью за то, что вы оказали помощь Бѣлой Гвардіи? Вамъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, абсолютно воспрещенъ въѣздь въ Россію.

И они мнѣ показали только что полученную телеграмму. Точь-въ-точь, какъ теперь, на этихъ дняхъ, мнѣ показывали телеграмму изъ Москвы, что я Совками «помилованъ», что мнѣ возвращаютъ мое имущество, и что 13 февраля 1932 года я выступлю въ Московскомъ Большомъ Театрѣ…

Я, разумѣется, ничего не могъ сказать имъ по поводу ихъ сенсайіи: я просто ничего въ ней не понялъ — что за чушь! Какую помощь оказалъ я Бѣлой Гвардіи?

Репортеры были, вѣроятно, разочарованы, но, уходя, они задали мнѣ еще одинъ вопросъ:

— Какъ же я буду носить свое тѣло на земле? Т. е. будучи отверженъ родиной, въ которую мнѣ никогда никакъ ужъ не попасть, въ какое подданство, думаю я, будетъ мнѣ лучше устроиться?

Курьезный вопросъ меня успокоилъ, потому что весьма развеселилъ. Я отвѣтилъ, что срочно я имъ дать отвѣта не могу, что я прошу на размышленіе, по крайней мѣрѣ, хоть одну эту ночь. И долженъ подумать и сообразить, къ кому мнѣ лучше примазаться.

Ночь эту я, дѣствительно, спалъ плохо. Что это могло бы значить? — думалъ я.

Черезъ нѣсколько дней письма отъ семьи и друзей изъ Парижа просвѣтили меня, въ чѣмъ дѣло.

83

Къ этому времени, благодаря успѣху въ разныхъ странахъ Европы, а главнымъ образамъ, въ Америкѣ, мои матеріальныя дѣла оказались въ отличномъ состоянии. Выѣхавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Россіи нищимъ, я теперь могъ устроить себѣ хорошій домъ, обставленный по моему собственному вкусу. Недавно я въ этотъ свой новый очагъ переѣзжалъ. По старинному моему воспитанію, я пожелалъ отнестись къ этому пріятному событію религіозно и устроить въ моей квартирѣ молебенъ. Я не

настолько религіозный человѣкъ, чтобы вѣрить, что за отслуженный молебенъ Господь Богъ укрѣпитъ крышу моего дома и пошлетъ мнѣ въ новомъ жилищѣ благодатную жизнь. Но я, во всякомъ случаѣ, чувствовалъ потребность отблагодарить привычное нашему сознание Высшее Существо, которое мы называемъ Богомъ, а въ сущности даже не знаемъ, сущѣствуетъ ли оно или нѣтъ. Есть какое то наслажденіе въ чувствѣ благодарности. Съ этими мыслями пошелъ я за попомъ. Пошелъ со мною пріятель мой одинъ. Было это лѣтомъ. Прошли мы на церковный дворъ на rue Daru, зашли къ милѣйшему, образованнѣйшему и трогательнѣйшему священнику, о. Георгію Спасскому. Я пригласилъ его пожаловать ко мнѣ въ домъ на молебенъ… Когда я выходилъ отъ о. Спасскаго, у самаго крыльца его дома ко мнѣ подошли какія то женщины, оборванныя, обтрепанныя, съ такими же оборванными и растрепанными дѣтьми. Дѣти эти стояли на кривыхъ ногахъ и были покрыты коростой. Женщины просили дать имъ что нибудь на хлѣбъ. Но вышелъ такой несчастный случай, что ни у меня, ни у моего пріятеля не оказалось никакихъ денегъ. Такъ было неудобно сказать этимъ несчастнымъ, что у меня нѣтъ денегъ. Это нарушило то радостное настроеніе, съ которымъ я вышелъ отъ священника. Въ эту ночь я чувствовалъ себя отвратительно.

Послѣ молебна я устроилъ завтракъ. На моемъ столѣ была икра и хорошее вино. Не знаю, какъ это объяснить, но за завтракомъ мнѣ почему то вспомнилась пѣсня:

> А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
> Тревогу виномъ заливая…

На душе моей, дѣйствительно, было тревожно. Не приметъ Богъ благодарности моей, и нуженъ ли былъ вообще этотъ молебенъ, думалъ я.

Я думалъ о вчерашнемъ случаѣ на церковномъ дворе и невпопадъ отвѣчалъ на вопросы гостей. Помочь этимъ двумъ женщинамъ, конечно, возможно. Но двое, ли ихъ только или четверо? Должно быть, много.

И вотъ я всталъ и сказалъ:

— Батюшка, я вчера видѣлъ на церковномъ дворе несчастныхъ женщинъ и дѣтей. Ихъ, вѣроятно, много около церкви, и вы ихъ знаете. Позвольте мнѣ предложить Вамъ 5000 франковъ. Распредѣлите ихъ, пожалуйста, по Вашему усмотрѣнію…

О. Спасскій счелъ нужнымъ напечатать въ русской газетѣ Парижа нѣсколько словъ благодарности за пожертвованіе въ

пользу бѣдныхъ русскихъ дѣтей. И немедленно же объ этомъ за посольскимъ секретнымъ шифромъ съ улицы Гренель въ Кремль полетѣла служебная телеграмма…

Москва, нѣкогда сгоревшая отъ копѣечной свѣчки, снова зажглась и вспыхнула отъ этого моего, въ сущности, копѣечнаго пожертвованія. Въ газетахъ печатали статьи о томъ, что Шаляпинъ примкнулъ къ контръ-революціонерамъ. Актеры, циркачи и другіе служители искусства высказывали протесты, находя, что я не только плохой гражданинъ, но и актеръ, никуда негодный, а «народныя массы» на митингахъ отлучали меня отъ родины…

Изъ Кремля на улицу Гренель подъ секретнымъ дипломатическимъ шифромъ летѣли телеграммы, и однажды, — кажется, по телефону — я получилъ очень вѣжливое приглашеніе пожаловать въ совѣтское полпредство.

Я, конечно, могъ бы не пойти, но какое то щекотливое любопытство подсказывало мнѣ: ступай, ступай. Послушай, что тебѣ скажутъ.

Полпредъ Раковскій принялъ меня чрезвычайно любезно. Онъ прямо пригласилъ меня въ столовую, гдѣ я познакомился съ г-жей Раковской, очень милой дамой, говорившей по русски съ иностраннымъ акцентомъ. Мнѣ предложили чаю, русскія папиросы. Поболтали о томъ, о семъ. Наконецъ, посолъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ что-то такое мнѣ передать. Мы перешли въ кабинетъ. Усадивъ меня у стола рядомъ съ собою, Раковскій, нервно перебирая какія-то бумаги — ему, видно, было немного не по себѣ — сказалъ:

— Видите ли, тов. Шаляпинъ, я получилъ изъ Москвы предложеніе спросить Васъ, правда-ли, что вы пожертвовали деньги для бѣлогвардейскихъ организацій, и правда ли, что вы ихъ передали капитану Дмитріевскому (фамилію котораго я слышалъ въ первый разъ) и еп. Евлогію?

А потомъ, къ моему удивленш, онъ еще спросилъ:

— И правда ли, что вы въ Калифорніи, въ Лосъ-Анжелосѣ, выступали публично противъ совѣтской власти? Извините меня, что я васъ объ этомъ спрашиваю, но это предписаніе изъ Москвы, и я долженъ его исполнить.

Я отвѣтилъ Раковскому, что бѣлогвардейскимъ организаціямъ не помогалъ, что я въ политикѣ не участвую, стою въ сторонѣ и отъ бѣлыхъ и отъ красныхъ, что капитана Дмитріевскаго не знаю, что еп. Евлогію денегъ не давалъ. Что, если далъ 5.000 франковъ о. Спасскому на помощь изгнанникамъ россійскимъ, то это касалось дѣтей, а я думаю, что трудно установить съ точностью, какія дъти бѣлыя и какія красныя.

— Но они воспитываются по разному, — замѣтилъ Раковскій.

— А вотъ, что касается моего выступленія въ Калифорніи, то долженъ по совѣсти сказать, что если я выступалъ, то это въ роли Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ Цырюльникѣ», но никакихъ совѣтовъ при этомъ не имѣлъ въ виду…

По просьбѣ Раковскаго, я все это изложилъ ему въ письменномъ видѣ для Москвы. Письмомъ моимъ въ Кремлѣ остались очень недовольны. Не знаю, чего они отъ меня ожидали.

ВЦИК обсуждалъ мое дѣло. И вскорѣ было опубликовано оффиціально, что я, какъ бѣлогвардеецъ и контръ-революціонеръ, лишаюсь званія Перваго Народнаго Артиста Республики…

Я сказалъ, что у меня хранятся золотые часы, нѣкогда подаренные мнѣ Царемъ. Смотрю я иногда на эти часы и думаю:

— Вотъ на этомъ циферблатѣ когда то указывалось время, когда я былъ Солистомъ Его Величества. Потомъ на немъ же указывалось время, когда я былъ первымъ Народнымъ Артистомъ. Теперь стоять мои часы…

И когда затѣмъ я смотрю въ зеркально-лоснящееся золото этихъ часовъ, то вмѣсто Шаляпина, лишеннаго всѣхъ чиновъ, вижу, увы — только круглый нуль…

IV. Горькій

84

На протяженіи моей книги я много разъ говорилъ объ АлексѣѢ МаксимовичѣѢ ПѢшковѣѢ (Горькомъ), какъ о близкомъ друге. Дружбой этого замѣчательнаго писателя и столь же замѣчательнаго человѣка я всю жизнь гордился. Ныне эта дружба омрачена, и у меня такое чувство, что умолчаніе объ этомъ грустномъ для меня обстоятельствѣ было бы равносильно укрывательству истины. Непристойно носить въ петличке почетный орденъ, право на ношеніе котораго сделалось сомнительнымъ. Вотъ почему я въ этой книге итоговъ считаю необходимымъ посвятить нѣсколько страницъ моимъ отношеніямъ съ Горькимъ.

Я уже разсказывалъ о томъ, какъ просто, быстро и крѣпко завязалась наша дружба съ нимъ въ Нижнемъ-НовгородѣѢ въ начала этого вѣка. Хотя мы познакомились съ нимъ сравнительно поздно — мы уже оба въ это время достигли известности — мнѣѢ Горькій всегда казался другомъ дѣтства. Такъ молодо и непосредственно было наше взаимоощущеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ: наши ранніе юношеские годы мы, дѣйствительно, прожили какъ бы вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ, хотя и не подозревали о существованіи другъ друга. Оба мы изъ бѣдной и темной жизни пригородовъ, онъ — нижегородскаго, я — казанскаго, одинаковыми путями потянулись къ борьбѣ и славѣ. И былъ день, когда мы одновременно въ одинъ и тотъ же часъ постучались въ двери Казанскаго опернаго театра, и одновременно держали пробу на хориста: Горькій былъ принятъ, я — отвергнутъ. Не разъ мы съ нимъ по поводу этого впослъдствіи смѣялись. Потомъ мы еще часто оказывались сосѣдями въ жизни, одинаково для насъ горестной и трудной. Я стоялъ въ «цѣпи» на волжской пристани и изъ руки въ руку перебрасывалъ арбузы, а онъ, въ качествѣ крючника, тащилъ тутъ же, вѣроятно, какіе нибудь мѣшки съ парохода на берегъ. Я у сапожника, а Горькій по близости у какого нибудь булочника…

Любовь къ человѣку не нуждается, собственно говоря, въ оправданіи: любишь потому, что любишь. Но моя сердечная любовь къ Горькому въ теченіе всей моей жизни была не только инстинктивной. Этотъ человѣкъ обладалъ всѣми тѣми качествами, которыя меня всегда привлекали въ людяхъ. Насколько я презираю бездарную претенціозность, настолько же

преклоняюсь искренне передъ талантомъ, серьезнымъ и искреннимъ. Горькій восхищалъ меня своимъ выдающимся литературнымъ талантомъ. Все, что онъ написалъ о русской жизни, такъ мнѣ знакомо, близко и дорого, какъ будто при всякомъ разсказанномъ имъ фактѣ я присутствовалъ лично самъ.

Я уважаю въ людяхъ знаніе. Горькій такъ много зналъ! Я видалъ его въ обществѣ ученыхъ, философовъ, историковъ, художниковъ, инженеровъ, зоологовъ и не знаю еще кого. И всякій разъ, разговаривая съ Горькимъ о своемъ спеціальномъ предметѣ, эти компетентные люди находили въ немъ какъ бы одноклассника. Горькій зналъ большія и малыя вещи съ одинаковой полнотой и солидностью. Если бы я, напримѣръ, вздумалъ спросить Горькаго, какъ живетъ снѣгирь, то Алексѣй Максимовичъ могъ разсказать мнѣ о снѣтирѣ такія подробности, что, если бы собрать всѣхъ снегирей за тысячелѣтія, они этого о себѣ знать не могли бы…

Добро есть красота, и красота есть добро. Въ Горькомъ это было слито. Я не могъ безъ восторга смотрѣть на то, какъ въ глазахъ Горькаго блестѣли слезы, когда онъ слышалъ красивую пѣсню или любовался истинно-художественнымъ произведеніемъ живописца.

Помню, какъ Горькій высоко понималъ призваніе интеллигента. Какъ то въ одну изъ вечеринокъ у какого-то московскаго писателя, въ домикѣ во дворѣ на Арбатѣ въ перерывахъ между пѣніемъ Скитальца подъ аккомпаниментъ гуслей и чарочками водки съ закуской, завели писатели споръ о томъ, что такое, въ сущности, значитъ интеллигентъ? По разному отзывались присутствующіе писатели-интеллигенты. Одни говорили, что это человѣкъ съ особыми интеллектуальными качествами, другіе говорили, что это человѣкъ особеннаго душевнаго строя и проч. и проч. Горькій далъ свое опредѣленіе интеллигента, и оно мнѣ запомнилось:

— Это человѣкъ, который во всякую минуту жизни готовъ встать впереди всѣхъ съ открытой грудью на защиту правды, не щадя даже своей собственной жизни.

Не ручаюсь за точность словъ, но смыслъ передаю точно. Я вѣрилъ въ искренность Горькаго и чувствовалъ, что это не пустая фраза. Не разъ я видѣлъ Горькаго впереди всѣхъ съ открытой грудью…

Помню его больнымъ, блѣднымъ, сильно кашляющимъ подъ охраной жандармовъ въ поѣздѣ на московскомъ вокзалѣ. Это Горькаго ссылали куда то на сѣверъ. Мы, его друзья, провожали его до Серпухова. Въ Серпуховѣ больному дали возможность отдохнуть, переспать въ постели. Въ маленькой гостинницѣ, подъ

наблюденіемъ тѣхъ же жандармовъ, мы провели съ нимъ веселый прощальный вечеръ. Веселый потому, что физическія страданія мало Горькаго смущали, какъ мало смущали его жандармы и ссылка. Жила вѣра въ дѣло, за которое онъ страдалъ, и это давало всѣмъ намъ бодрость — въ насъ, а не въ Горькомъ, омраченную жалостью къ его болѣзни… Какъ беззаботно и весело смѣялся онъ надъ превратностями жизни, и какъ мало значенія придавали мы факту физическаго ареста нашего друга, зная, сколько въ немъ внутренней свободы…

Помню, какъ онъ былъ взволнованъ и блѣденъ въ день 9 января 1905 года, когда, ведомые Гапономъ, простые русскіе люди пошли къ Зимнему Дворцу на колѣняхъ просить Царя о свободѣ и въ отвѣтъ на простодушную мольбу получили отъ правительства свинцовыя пули въ грудь:

— Невинныхъ людей убиваютъ, негодяи!

И хотя въ этоть самый вечеръ я пѣлъ въ Дворянскомъ Собраніи, одна у меня была тогда съ Горькимъ правда.

Понятно, съ какой радостной гордостью я слушалъ отъ Горькаго ко мнѣ обращенный слова:

— Что бы мнѣ про тебя ни говорили плохого, Федоръ, я никогда не повѣрю. Не вѣрь и ты, если тебѣ скажутъ что нибудь плохое обо мнѣ.

И еще помню:

— Какъ бы дороги наши когда нибудь ни разошлись, я тебя буду дюбить. Даже твоего Сусанина любить не перестану.

И, дѣйствительно, любовь Горькаго, его преданносѣ мнѣ, его довѣріе я много разъ въ жизни испыталъ. Крѣпко держалъ свое слово Горькій.

Когда я во время большевистской реводюціи, совѣстясь покинуть родную страну и мучаясь сложившейся обстановкой жизни и работы, послѣ долгой внутренней борьбы рѣшилъ, въ концѣ концовъ, перебраться за рубежъ, я со стороны Горькаго враждебнаго отношенія къ моему решенію не замѣтилъ…

Я уже прожилъ порядочное время заграницей, какъ однажды получилъ письмо оть Горькаго съ предложеніемъ вернуться въ Совѣтскій союзъ. Вспоминая, какъ мнѣ было тамъ тяжело жить и работать, и не понимая, почему изменилось мненіе Алексѣя Максимовича, я ему отвѣтилъ, что ѣхать въ Россію мнѣ сейчасъ не хотѣлось бы. И выяснилъ откровенно причины. Писалъ я объ этомъ Горькому на Капри. Конечно, Алексѣй Максимовичъ въ это время уже съѣздилъ въ Россію и, вѣроятно, усмотрѣлъ для меня новую, опредѣленную возможность тамъ жить и работать. Но я въ эту возможность, каюсь, не повѣрилъ. Такъ временно вопросъ о моемъ отношеніи къ возвращенію въ Россію повисъ въ воздухѣ.

Горькій къ нему не возвращался. Однако, позже, когда мнѣ случилось быть въ Риме (я тамъ пѣлъ спектакли), я встретился съ Горькимъ лично. Все еще дружески, Алексѣй Максимовичъ мнѣ снова тогда сказалъ, что необходимо, чтобы я ѣхалъ на родину. Я снова и болѣе рѣшительно отказался, сказавъ, что ехать туда не хочу. Не хочу потому, что не имею вѣры въ возможность для меня тамъ жить и работать, какъ я понимаю жизнь и работу. И не то, что я боюсь кого нибудь изъ правителей или вождей въ отдѣльности, я боюсь, такъ сказать, всего уклада отношеній, боюсь «аппарата»… Самыя лучшія намѣренія въ отношеніи меня любого изъ вождей могутъ остаться праздными. Въ одинъ прекрасный день, какое нибудь собраніе, какая нибудь коллегія могутъ уничтожить все, что обещано. Я, напримѣръ, захочу поехать заграницу, а меня оставятъ, заставятъ, н нишкни — никуда не выпустятъ. А тамъ ищи виноватаго, кто подковалъ зайца. Одинъ скажетъ, что это отъ него не зависитъ, другой скажетъ: «вышелъ новый декретъ», а тотъ, кто обѣщалъ и кому повѣрилъ, разведетъ руками и скажетъ:

— Батюшка, это же революція, пожаръ? Какъ вы можете претендовать на меня?..

Алексей Максимовичу правда, ѣздитъ туда и обратно, но онъ же дѣйствующее лицо революціи. Онъ вождь. А я? Я не коммунистъ, не меньшевикъ, не соціалистъ-революціонеръ, не монархистъ и не кадетъ, и вотъ, когда такъ отвѣтишь на вопросы, кто ты? — тебѣ и скажутъ:

— А вотъ потому именно, что ты ни то, ни се, а чортъ знаетъ что, то и сиди, сукинъ сынъ, на Прѣснѣ… А по разбойному характеру моему я очень люблю быть свободнымъ, и никакихъ приказаній — ни царскихъ, ни комиссарскихъ — не переношу.

Я почувствовалъ, что Алексѣю Максимовичу мой отказъ не очень понравился. И когда я потомъ, вынужденный къ тому безцеремоннымъ отношеніемъ совѣтской власти къ моимъ законнымъ правамъ даже заграницей, сдѣлалъ изъ моего рѣшенія не возвращаться въ Россію всѣ логическіе выводы и «дерзнулъ» эти мои права защитить, то по нашей дружбѣ прошла глубокая трещина. Среди немногихъ потеръ и нѣсколькихъ разрывовъ послѣднихъ лѣтъ, не скрою, и съ волненіемъ это говорю — потеря Горькаго для меня одна изъ самыхъ тяжелыхъ и болѣзненныхъ.

Я думаю, что чуткій и умный Горькій могъ бы при желаніи мѣнѣе пристрастно понять мои побуждения въ этомъ вопросе. Я, съ своей стороны, никакъ не могу предположить, что этотъ человѣкъ могъ бы дѣйствовать подъ вліяніемъ низкихъ побужденій. И все, что въ послѣднее время случалось съ моимъ милымъ другомъ, я думаю, имѣетъ какое то неведомое ни мнѣ, ни

другимъ объясненіе, соотвѣтствующее его личности и его характеру.

Что же произошло? Произошло, оказывается, то, что мы вдругъ стали различно понимать ц оцѣнивать происходящее въ Россіи. Я думаю, что въ жизни, какъ въ искусствѣ, двухъ правдъ не бываетъ — есть только одна правда. Кто этой правдой обладаетъ, я не смею рѣшить. Можетъ быть, я, можетъ быть, Алексѣй Максимовичъ. Во всякомъ случае, на общей намъ правдѣ прежнихъ лѣтъ мы уже не сходимся.

Я помню, напримѣръ, съ какимъ пріятнымъ трепетомъ я однажды слушалъ, какъ Алексѣй Максимовичъ восхищался И.Д.Сытинымъ.

— Вотъ это человѣкъ! — говорилъ онъ съ сіяющими глазами. — Подумать только, простой мужикъ, а какая сметка, какой умъ, какая энергія и куда метнулъ!

Дѣйствительно, съ чего началъ и куда метнулъ. И ведь всѣ эти русскіе мужики, Алексѣевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Сабашниковы, Третьяковы, Морозовы, Щукины — какіе все это козыри въ игре націи. Ну, а теперь это — кулаки, вредный элементъ, подлежащій безпощадному искорененію!.. А я никакъ не могу отказаться отъ восхищенія передъ ихъ талантами и культурными заслугами. И какъ обидно мнѣ знать теперь, что они считаются врагами народа, которыхъ надо бить, и что эту мысль, оказывается, разделяетъ мой первый другъ Горькій…

Я продолжаю думать и чувствовать, что свобода человѣка въ его жизни и трудѣ — величайшее благо. Что не не надо людямъ навязывать насилу счастье. Не знаешь, кому какое счастье нужно. Я продолжаю любить свободу, которую мы когда то любили съ Алексѣемъ Максимовичем Горькимъ…

V. На чужбинѣ

85

Въ мрачные дни моей петербургской жизни подъ большевиками мнѣ часто снились сны о чужихъ краяхъ, куда тянулась моя душа. Я тосковалъ о свободной и независимой жизни.

Я получилъ ее. Но часто, часто мои мысли несутся назадъ, въ прошлое, къ моей милой родинѣ. Не жалѣю я ни денегъ, конфискованныхъ у меня въ національзированныхъ банкахъ, ни о домахъ въ столицахъ, ни о землѣ въ деревнѣ. Не тоскую я особенно о блестящихъ нашихъ столицахъ, ни даже о дорогихъ моему сердцу русскихъ театрахъ. Если, какъ русскій гражданинъ, я вмѣстѣ со всѣми печалюсь о временной разрухѣ нашей великой страны, то какъ человѣкъ, въ области личной и интимной, я грущу по временамъ о русскомъ пейзажѣ, о русской веснѣ, о русскомъ снѣгѣ, о русскомъ озерѣ и лѣсѣ русскомъ. Грущу я иногда о простомъ русскомъ мужикѣ, томъ самомъ, о которомъ наши утонченные люди говорятъ столько плохого, что онъ и жаденъ, и грубъ, и невоспитанъ, да еще и воръ. Грущу о неповторимомъ тонѣ часто нелѣпаго уклада нашихъ Суконныхъ Слободъ, о которыхъ я сказалъ не мало жестокой правды, но гдѣ все же между трущобъ растетъ сирень, цвѣтутъ яблони и мальчишки гоняютъ голубей…

Россія мнѣ снится рѣдко, но часто наяву я вспоминаю мою летнюю жизнь въ деревнѣ и пріѣздѣ въ гости московскихъ друзей. Тогда это все казалось такимъ простымъ и естественнымъ. Теперь это представляется мнѣ характернымъ сгусткомъ всего русскаго быта.

Да, признаюсь, была у меня во Владимірской губерніи хорошая дача. И при ней было триста десятинъ земли. Втроемъ строили мы этотъ деревенскій мой домъ. Валентинъ Сѣровъ, Константинъ Коровинъ и я. Рисовали, планировали, наблюдали, украшали. Былъ архитекторъ, нѣкій Мазыринъ, — по дружески мы звали его Анчуткой. А плотникомъ былъ всеобщій нашъ любимецъ крестьянинъ той же Владимірской губерніи — Чесноковъ. И домъ же быль выстроенъ! Смѣшной, по моему, несуразный какой то, но уютный, пріятный; а благодаря добросовѣстнымъ лѣсоторговцамъ, срубленъ былъ — точно скованъ изъ сосны, какъ изъ краснаго дерева.

И вотъ, глубокой осенью, получаешь, бывало, телеграмму отъ

московскихъ пріятелей: «ѣдемъ, встрѣчай». Встрѣчать надо рано утромъ, когда уходящая ночь еще плотно и таинственно обнимается съ большими соснами. Надо перебраться черезъ рѣчку — мостъ нечаянно сломанъ, и рѣчка еще совершенно чернильная. На томъ берегу рѣчки стоятъ уже и ждутъ наканунѣ заказанные два экипажа съ Емельяномъ и Герасимомъ. Лениво встаешь, неохотно одѣваешься, выходишь на крыльцо, спускаешься къ рѣкѣ, берешь плоскодонку и коломъ отталкиваешься отъ берега… Тарантасъ устланъ пахучимъ сѣномъ. Ѣдешь восемь верстъ на станцію. Въ сторонѣ отъ дороги стоитъ огромный Феклинъ боръ съ вѣковыми соснами, и такъ уютно, тепло сознавать, что ты сейчасъ не въ этомъ лѣсу, гдѣ холодно и жутко, а въ тарантасѣ, укутанный въ теплое драповое пальто. И ѣдешь ты на милой лошади, которую зовутъ Машкой. Какъ любезно понукаетъ ее Герасимъ.

— Ну, ну, Машка-а! Не подгаживай, не выявляй хромоты.

Машка старалась, и какъ будто легонько ржала въ отвѣть.

И вотъ станція. Рано. На вокзалѣ зажжены какія то лампы керосиновыя; за досчатой тонкой стѣной время отъ времени трещитъ, выстукивая, телеграфъ. Кругомъ еще сизо. На полу лежатъ, опершись на свои котомки, какіе то люди. Кто то бормочетъ что то во снѣ. Кто то потягивается. Время отъ времени кто то скрипитъ дверью, то выходя, то входя. Но вотъ вдругъ та самая дверь, что только что скрипела сонно, начинаетъ скрипѣть веселѣе. Входитъ какой то озабоченный человѣкъ на кривыхъ ногахъ, съ фонаремъ въ рукѣ, и черезъ спяшихъ людей пробирается въ телеграфную комнату, откуда слышится:

— Черезъ 6?

И человѣкъ съ фонаремъ, вбѣгая въ залъ, громко кричитъ:

— Эй, эй, вставай! Идетъ!

Люди начинаютъ шевелиться. Кто встаетъ, кто зѣваетъ, кто кашляетъ, кто шепчетъ: «Господи Іисусе!»… Залъ ожилъ.

Бѣлѣетъ окно. Дѣлаются блѣднѣе и блѣднѣе лица. Лохмотья пассажировъ выступаютъ замѣтнѣе и трезвѣе… Слышенъ глухой далекій свистокъ… Человѣкъ съ фонаремъ на кривыхъ ногахъ подбѣгаетъ къ колоколу.

— Трымъ, трымъ, трымъ!..

Люди совсѣмъ ожили. Кто то, откашлявшись, напѣвно пробурчалъ: «Яко да за царя всѣхъ подымемъ»…

А тамъ уже разрѣзанъ молочный туманъ расплывчатыми лучами еще не показавшагося солнца, и тускло, какъ всегда передъ солнцемъ, вдали мелькнули огни паровоза.

Ѣдутъ! И пріѣзжаютъ московскіе гости, и среди нихъ старшій — Савва Ивановичъ Мамонтовъ.

Нигдѣ въ мірѣ не встрѣчалъ я ни такого Герасима, ни такого бора, ни такого звонаря на станціи. И вокзала такого нигдѣ въ мірѣ не видѣлъ, изъ изношенно-занозистаго дерева срубленнаго… При входѣ въ буфетъ странный и нелепый виситъ рукомойникъ… А въ буфетѣ, подъ плетеной сѣткой — колбаса, яйцо въ черненькихъ точкахъ и безсмертныя мухи…

Милая моя, родная Россія!..

86

«На чужбинѣ» — написалъ я въ заголовкѣ этихъ заключительныхъ главъ моей книги. Написалъ и подумалъ: какая же это чужбина? Вѣдь все, чѣмъ духовно живетъ западный міръ, мнѣ, и какъ артисту, и какъ русскому, безконечно близко и дорого. Всѣ мы пили изъ этого великаго источника творчества и красоты. Я люблю русскую музыку, и мою горячую любовь на этихъ страницахъ высказывалъ. Но развѣ этимъ я хотѣлъ сказать, что западная музыка хуже русской? Вещи могутъ быть по различному прекрасны. Если въ западной музыкѣ, на мой взглядъ, отсутствуетъ русская сложность и крепкая интимная суковатость, то въ западной музыкѣ есть другія, не менѣе высокія достоинства. Вѣдь по различному прекрасны и творенія западной музыки. Есть міръ Моцарта и есть міръ Вагнера. Какимъ объективнымъ инструментомъ можно точно измѣрить сравнительное величіе каждаго изъ нихъ? А чувствомъ всякій можетъ предпочтительно тяготѣть къ Моцарту или Вагнеру. Интимные мотивы такога предпочтенія могутъ быть различные, но самый наивный изъ нихъ, однако, субъективно убѣдителенъ.

Лично я опредѣлилъ бы мое воспріятіе Вагнера и Моцарта въ такой, напримѣръ, нѣсколько парадоксальной формѣ. Я воображаю себя юнымъ энтузіастомъ музыки съ альбомомъ автографовъ любимыхъ музыкантовъ. Я готовъ душу отдать за автографъ Вагнера или Моцарта. Я набираюсь храбрости и рѣшаю пойти за автографомъ къ тому и другому.

Я разыскалъ домъ Вагнера. Это огромное зданіе изъ мощныхъ кубовъ желѣзнаго гранита. Монументальный входъ. Тяжелыя дубовыя двери съ суровой рѣзьбой. Я робко стучусь. Долгое молчаніе. Наконецъ, дверь медленно раскрывается, и на порогѣ показывается мажордомъ въ пышной ливреѣ, высокомерно окидывающдй меня холодными серыми глазами изъ-подъ густыхъ бровей:

— Was wollen Sie?

— Видѣть г. Вагнера.

Мажордомъ уходитъ. Я уже трепещу отъ страха. Прогонятъ. Но нѣтъ — меня просятъ войти. Въ сумрачномъ вестибюлѣ изъ сѣраго мрамора величественно и холодно. На пьедесталахъ, какъ скелеты, рыцарскіе доспехи. Входъ во внутреннюю дверь по обѣимъ сторонамъ стерегутъ два каменныхъ кентавра. Вхожу въ кабинетъ г. Вагнера. Я подавленъ его просторами и высотой. Статуи боговъ и рыцарей. Я кажусь себѣ такимъ маленькимъ. Я чувствую, что свершилъ великую дерзость, явившись сюда. Выходитъ Вагнеръ. Какіе глаза, какой лобъ! Жестомъ указываетъ мнѣ на кресло, похожее на тронъ.

— Was wollen Sie?

Я трепетно, почти со слезами на глазахъ, говорю:

— Вотъ у меня альбомчикъ… Автографы.

Вагнеръ улыбается, какъ лучъ черезъ тучу, беретъ альбомъ и ставитъ свое имя.

Онъ спрашиваетъ меня, кто я.

— Музыкантъ.

Онъ становится участливымъ, угощаетъ меня: важный слуга вноситъ кофе. Вагнеръ говоритъ мнѣ о музыкѣ вещи, которыхъ я никогда не забуду… Но когда за мною тяжко закрылась монументальная дубовая дверь, и я увидѣлъ небо и проходящихъ мимо простыхъ людей, мнѣ почему то стало радостно — точно съ души упала тяжесть, меня давившая…

Я разыскиваю домъ Моцарта. Домикъ. Палисадникъ. Дверь открываетъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Хочу видѣть г. Моцарта.

— Это я. Пойдемте… Садитесь! Вотъ стулъ. Вамъ удобно?… Автографъ?… Пожалуйста. Но что же стоитъ мой автографъ?… Подождите, я приготовлю кофе. Пойдемте же на кухню. Поболтаемъ, пока кофе вскипитъ. Моей старушки нѣтъ дома. Ушла въ церковь. Какой вы молодой!.. Влюблены? Я вамъ сыграю потомъ бездѣлицу — мою послѣднюю вещицу.

Текутъ часы. Надо уходить: не могу — очарованъ. Меня очаровала свирѣль Моцарта, поющая весеннему солнцу на опушкѣ лѣса… Грандіозенъ бой кентавровъ у Вагнера. Великая, почти сверхчеловѣческая въ немъ сила… Но не влекутъ меня копья, которыми надо пронзить сердце для того, чтобы изъ него добыть священную кровь,

Моему сердцу, любящему Римскаго-Корсакова, роднѣе свирель на опушкѣ лѣса…

Надо только помнить, что законное право личнаго пристрастія къ одному типу красоты и величія не исключаетъ преклоненія передъ другимъ.

Не можетъ быть, «чужбиной» для русскаго и европейскій театръ. Его славная исторія — достояніе всего культурнаго человѣчества и производитъ впечатлѣніе подавляющаго величія. Его Пантеонъ полонъ тѣней, священныхъ для всякаго актера на землѣ. Никогда не забуду вечера въ Москвѣ, хотя это было больше тридцати лѣтъ назадъ, когда на сценѣ нашего Малаго театра впервые увидѣлъ великаго европейскаго актера. Это былъ Томазо Сальвини. Мое волненіе было такъ сильно, что я вышелъ въ корридоръ и заплакалъ. Сколько съ того времени пережилъ я театральныхъ восторговъ, которыми я обязанъ европейскимъ актерамъ и актрисамъ. Дузэ, Сарра Бернаръ, Режанъ, Мунэ Сюлли, Поль Мунэ, Люсьенъ Гитри, Новелли и этотъ несравненный итальянскій комикъ Фаравелла, въ десяткахъ варіацій дающій восхитительный типъ наивнаго и глупаго молодого человѣка… Какъ то случилось, что мнѣ не суждено было лично видѣть на сценѣ знаменитыхъ нѣмецкихъ артистовъ, но Мейнингенцы, но труппа Лессингъ-театра, театровъ Рейнгардта, вѣнскаго Бургъ-театра вошли въ исторію европейской сцены en bloc, какъ стройныя созвѣздія. Кайнцъ и Барнай въ прошломъ, Бассерманъ и Палленбергъ въ настоящемъ резюмируютъ чрезвычайно высокую театральную культуру. Молодая Америка, только что, въ сущности, начавшая проявлять свою интересную индивидуальность, уже дала актеровъ высокаго ранга — достаточно упомянуть своеобразную семью Барриморовъ…

Изумительный Чарли Чаплинъ, принадлежащей обоимъ полушаріямъ, переноситъ мою мысль въ Англію — Ирвингъ, Элленъ Терри, Сорндикъ… Каждый разъ, когда въ Лондонѣ я съ благоговѣніемъ снимаю шляпу передъ памятникомъ Ирвинга, мнѣ кажется, что въ лицѣ этого великаго актера я кладу поклонъ всѣмъ актерамъ міра. Памятникъ актеру на площади!.. Это, вѣдь, такая великая рѣдкость. Въ большинства случаевъ, актерскіе памятники, въ особенности у насъ, приходится искать на забытыхъ кладбищахъ…

Будучи въ Лондонѣ, я однажды имѣлъ удовольствіе встретиться съ нѣсколькими выдающимися представительницами англійской сцены. Это было за завтракомъ у Бернарда Шоу, который вздумалъ собрать за своимъ столомъ въ этотъ день исключительно своихъ сверстницъ по возрасту…

Меня разспрашивали о знаменитыхъ русскихъ актерахъ и актрисахъ. Я разсказывалъ, называя имена, и, къ сожалѣнію, каждый разъ вынужденъ былъ добавлять:

— Умеръ.

или

— Умерла.

Невозможный Шоу самымъ серьезнѣйшимъ тономъ замѣтилъ:

— Какъ у васъ все это хорошо устроено. Жилъ, работалъ и умеръ, жила, играла и умерла… А у насъ!..

И онъ широкимъ движеніемъ руки указалъ на всю старую гвардію англійской сцены, сдающуюся, но не умирающую…

Съ полдюжины пальцевъ одновременно дружески пригрозили знаменитому острослову.

Всѣ эти волшебники европейской сцены обладали тѣми качествами, которыя я такъ возносилъ въ старомъ русскомъ актерствѣ: глубокой правдой выраженія человѣческихъ чувствъ и меткостью сценическихъ образовъ. Когда Люсьенъ Гитри, напримѣръ, игралъ огорченнаго отца, то онъ передавалъ самую сердцевину даннаго положенія. Онъ умѣлъ говорить безъ словъ. Нервно поправляя галстукъ, Гитри однимъ этимъ жестомъ, идущимъ отъ чувства независимо отъ слова, сообщалъ зрителю больше, чѣмъ другой сказалъ бы въ длинномъ монологѣ. Недавно я видѣлъ Виктора Буше въ роли метръ д-отеля. Не помню, чтобъ когда нибудь, въ жизни или на сценѣ, я видѣль болѣе типичнаго, болѣе лодлиннаго метръ д-отеля.

Мнѣ кажется, что западные актеры обладаютъ однимъ цѣннымъ качествомъ, которымъ не всегда надѣлены русскіе актеры, а именно — большимъ чувствомъ мѣры и большей пластической свободой. Они предстаютъ публикъ, я бы сказалъ, въ болѣе благородномъ одѣяніи. Но, какъ правильно говорятъ французы, всякое достоинство имѣетъ свои недостатки, и всякій недостатокъ имѣетъ свои достоинства. Русскіе актеры за то надѣлены гораздо большей непосредственностью и болѣе яркими темпераментами,

Долженъ признать съ сожалѣніемъ, что настоящихъ оперныхъ артистовъ я заграницей видѣлъ такъ же мало, какъ и въ Россіи. Есть хорошіе, и даже замѣчательные, пѣвцы, но вокальныхъ художниковъ, но оперныхъ артистовъ въ полномъ смыслѣ этого слова нѣтъ. Я не отрицаю, что западной музыкѣ болѣе, чѣмъ русской, сродни кантиленное пѣніе, при которомъ техническое мастерство вокальнаго инструмента имѣетъ очень большое значение. Но всякая музыка всегда такъ или иначе выражаетъ чувства, а тамъ, гдѣ есть чувство, механическая передача оставляетъ впечатлѣніе страшнаго однообразія. Холодно и протокольно звучитъ самая эффектная арія, если въ ней не разработана интонація фразы, если звукъ не окрашенъ необходимыми оттѣнками переживаній. Въ той интонации вздоха,

которую я признавалъ обязательной для передачи русской музыки, нуждается и музыка западная, хотя въ ней меньше, чѣм въ русской, психологической вибраціи. Этотъ недостатокъ — жесточайшій приговоръ всему оперному искусству.

88

Это срзнаніе у меня не ново. Оно мучило долгіе годы въ Россіи. Играю я Олоферна и стараюсь сдѣлать, что то похожее на ту эпоху. А окружающіе меня? А хоръ ассирійцев, вавилонянъ, іудеевъ, вообще всѣ Олоферна окружающіе люди? Накрашивали себѣ лица коричневой краской, привѣшивали себѣ черныя бороды и надѣвали тотъ или другой случайный костюмъ. Но, вѣдь, ничто это не заставляло забыть, что эти люди накушались русскихъ щей только что, передъ спектаклемъ. Вотъ и теперь, вспоминаю, сколько лѣтъ, сколько сезоновъ прошло въ моей жизни, сколько ролей сыгралъ, грустныхъ и смѣшныхъ, въ разныхъ театрахъ всего міра. Но это были мои роли, а вотъ театра моего не было никогда, нигдѣ. Настоящій театръ не только индивидуальное творчество, а и коллективное дѣйствіе, требующее полной гармоніи всѣхъ частей. Вѣдь, для того, чтобы въ оперѣ Римскаго-Корсакова былъ до совершенства хорошій Сальери, нуженъ до совершенства хорошій партнеръ — Моцартъ. Нельзя же считать хорошимъ спектаклемъ такой, въ которомъ, скажемъ, превосходный Санхо Панчо и убогій Донъ-Кихотъ. Каждый музыкантъ въ оркестрѣ участвуетъ въ твореніи спектакля, что ужъ говорить о дирижерѣ! И часто я искренне отчаивался въ своемъ искусствѣ и считалъ его безплоднымъ. Меня не угѣшала и слава. Я знаю, что такое слава, — я ее испыталъ. Но это какъ бы неразгрызанный орѣхъ, который чувствую на зубахъ, а вкуса его небомъ ощутить не могу… Какую реальную радость даетъ слава, кромѣ матеріальныхъ благъ и иногда пріятныхъ удовлетвореній житейскаго тщеславія? Я искренне думалъ и думаю, что мой талантъ, такъ великодушно признанный современниками, я наполовину зарылъ въ землю, что Богъ отпустилъ мнѣ многое, а сдѣлалъ я мало. Я хорошо пѣлъ. Но гдѣ мой театръ?

Какъ разъ въ то время, когда я былъ озабоченъ этими думами, я въ Парижѣ въ бюро г. Астрюка познакомился съ итальянскимъ поэтомъ Габріелемъ д-Аннунціо. На меня произвело большое впечатаеніе лицо этого человѣка съ острыми умными глазами, огромнымъ лбомъ и заостренной бородкой. Во внѣшнихъ чертахъ проступала внутренняя острота, мимо которой нельзя было пройти равнодушно. Въ Парижѣ онъ создавалъ тогда для Иды

Рубинштейнъ «Муки св. Себастьяна». Я пошелъ въ театръ Шателе посмотрѣть этотъ спектакль и на представленіи понялъ, какой это интересный и оригинальный творецъ. Отъ каждой сцены, отъ каждой реплики, отъ всего настроенія произведенія вѣяло свѣжестью и силой. При слѣдующей встрѣчѣ съ д-Аннунціо я рѣшился подѣлиться съ нимъ моими мечтами о театрѣ, откуда былъ бы безпощадно изгнанъ шаблонъ, и гдѣ всѣ искусства сочетались бы въ стройной гармоніи. Я былъ очень счастливъ, когда д-Аннунціо сказалъ мнѣ о своемъ горячемъ сочувствіи моей мысли. — «Въ будущемъ году — сказалъ онъ мнѣ, — мы встретимся и попробуемъ осуществить то, о чѣмъ вы мечтаете».

Разговоръ этотъ происходилъ въ маѣ 1914 года, а въ августѣ разразилась война. Мой великолепный летчикъ духа скоро на реальномъ аэропланѣ улетѣлъ въ Фіумэ, устремившись въ противоположную сторону отъ нашей мирной мечты.

Радостно было мнѣ встрѣтить на моемъ жизненномъ пути такого замѣчательнаго поэта, какъ д-Аннунціо, но тѣмъ болѣе было мнѣ жалко, что не осуществилось наше сотрудничество. И подъ влияніемъ этого разочарованія я самостоятельно задумалъ въ Россіи дѣло, которое я считалъ основнымъ дѣломъ моей жизни. Я согрѣлъ мечту, которая была мнѣ дороже всего. Я рѣшилъ посвятить и мои матеріальныя средства, и мои духовныя силы на созданіе въ Россіи интимнаго центра не только театральнаго, но и вообще — искусства. Мнѣ мечталась такая уединенная обитель, гдѣ, окруженный даровитыми и серьезными молодыми людьми, я бы могъ практически сообщить имъ весь мой художественный опытъ и жаръ мой къ благородному дѣлу театра. Я желалъ собрать въ одну группу молодыхъ пѣвцовъ, музыкантовъ, художниковъ и въ серьезной тишинѣ вмѣстѣ съ ними, между прочей работой, работать надъ созданіемъ идеальнаго театра. Я желалъ окружить этихъ людей также и красотой природы, и радостями обезпеченнаго уюта.

Есть въ Крыму, въ Суукъ-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я рѣшилъ построить замокъ искусства. Именно, замокъ. Я говорилъ себѣ: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистовъ? Съ амбразурами, но не для смертоносныхъ орудій.

Я пріобрѣлъ въ собственность Пушкинскую скалу, заказалъ архитектору проэктъ замка, купилъ гобелены для убранства стѣнъ.

Мечту мою я оставилъ въ Россіи разбитой… Недавно я съ грустью наткнулся на одинъ ея обломокъ. Въ одной лондонской газетѣ была напечатана фотография какого то замка, а подъ ней была подпись: подарокъ Совѣтскаго правительства

Ф.И.Шаляпину. Присмотрѣлся: проэктъ замка, выработанный архитекторомъ по моему заказу. Вѣроятно, онъ гдѣ нибудь его выставилъ и вотъ — «подарокъ Совѣтскаго правительства»!..

Иногда люди говорить мнѣ: еще найдется какой нибудь благородный любитель искусства, который создастъ вамъ вашъ театръ. Я ихъ въ шутку спрашиваю:

— А гдѣ онъ возьметъ Пушкинскую скалу?

Но это, конечно, не шутка. Моя мечта неразрывно связана съ Россіей, съ русской талантливой и чуткой молодежью. Въ какомъ нибудь Охайо или на Рейнѣ этотъ замокъ искусства меня не такъ прельщаетъ. Что же касается «благородныхъ любителей искусства» — не могу надивиться одному парадоксальному явленію. Я знаю людей, которые тратятъ на оперу сотни тысячъ долларовъ въ годъ — значить, они должны искренне и глубоко любить театръ. А искусство ихъ — ersatz самый убогій. Сезонъ за сезономъ, годъ за годомъ, въ прошлый, какъ и въ послѣдующій, — все въ ихъ театрахъ трафарѣтно и безжизненно. И такъ будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Травіата и Травіата. Фальшивые актеры, фальшивыя реномэ, фальшивыя декораціи, фальшивыя ноты — дешевка бездарнаго пошиба. А между тѣмъ, эти же люди тратятъ огромныя деньги на то, чтобы пріобрѣсти подлиннаго Рембрандта, и съ брезгливой миной отворачиваются отъ того, что не подлинно и не первоклассно. До сихъ поръ не могу рѣшить задачи — почему въ картинной галлереѣ долженъ быть подлинникъ и непременно шедевръ, а въ дорого же стоющемъ театрѣ — поддѣлка и третій сортъ? Неужели потому, что живопись, въ отличіе отъ театра, представляеть собою не только искусство, но и незыблемую валютную цѣнность?..

И вспоминается мнѣ Мамонтовъ. Онъ тоже тратилъ деньги на театръ и умеръ въ бедности, а какое благородство линіи, какой просвещенный, благородный фанатизмъ въ искусствѣ! А вѣдь онъ жилъ въ «варварской» стране и самъ былъ татарскаго рода.

Мнѣ не хочется закончить мою книгу итоговъ нотой грусти и огорченности. Мамонтовъ напомнилъ мнѣ о свѣтломъ и творческомъ въ жизни. Я не создалъ своего театра. Придутъ другіе — создадутъ.

Искусство можетъ переживать времена упадка, но оно вѣчно, какъ сама жизнь.

Конецъ.

8 марта 1932 г. Парижъ.

notes

1

Объ этомъ моемъ проэктѣ разскажу особо въ концѣ книги.